

Яков Гордин

КАВКАЗ: ЗЕМЛЯ И КРОВЬ

РОССИЯ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ
XIX ВЕКА

Яков Гордин

КАВКАЗ: ЗЕМЛЯ И КРОВЬ

РОССИЯ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ
XIX ВЕКА

Журнал «Звезда»
Санкт-Петербург • 2000

Книга «Кавказ: земля и кровь» — только подступ к подробной и концептуальной истории самой длинной и самой малоизвестной среди войн России. Каждая глава книги анализирует некую существенную проблему трагического конфликта России и Кавказа, очерчивает принципиально важный период или ключевой эпизод войны, рассказывает о тех, кто заложил основы стратегии и тактики русской армии при осаде этой «огромной крепости», как называл Кавказ генерал Ермолов.

Цель книги — объяснить грамматику положения и России, и горских народов, чрезвычайную сложность исторической ситуации, в которой оказались противоборствующие стороны, выявить роковые просчеты имперского правительства, за которые расплачивались кровью солдаты и офицеры Кавказского корпуса, равно как и показать трагедию горцев.

В основе большинства глав лежат архивные материалы.

Автор и издательство благодарят за содействие сотрудников Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота.

Сбор материала для книги проходил в рамках проекта, поддержанного международным благотворительным фондом Макартуров.

В приложении публикуются воспоминания участника кровавой Даргинской экспедиции 1845 года, найденные и подготовленные Г. Лисицыной, и дневник офицера Кавказского корпуса, подготовленный И. Грозовой.

На переплете:

Сражение между русскими войсками и черкесами при Ахатке 8 мая 1841 года. Акварель Г. Г. Гагарина.

ЧТО УВЛЕКЛО РОССИЮ НА КАВКАЗ?

Заметки об идеологии Кавказской войны

Император Николай <...> неизменно соблюдает правило вести одновременно лишь одну войну, не считая войны Кавказской, завещанной ему и которую он не может ни прервать, ни прекратить...

Лунин

В конце шестидесятых годов XIX века, когда Кавказская война была завершена, а грядущие мятежи горцев еще не начались, когда обществом и государством владела иллюзия полной решенности проблемы, автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский писал: «Возьмите для примера хоть поселения русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленный собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности»*. Данилевский, безусловно, был в этом вопросе лицом компетентным. Чиновник департамента сельского хозяйства, он изъездил вдоль и поперек всю Россию.

Ту же мысль, но уже на собственно исторической основе, сформулировал и уточнил первый историк-исследователь в точном смысле слова — в отличие от историков-летописцев Кавказской войны Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто, А. Зиссермана — М. Н. Покровский. В начале XX века он писал в работе «Завоевание Кавказа»: «Война с горцами — Кавказская война в тесном смысле — непосредственно вытекала из этих персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колонизационное. Свободные горские племена всегда угро-

* Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1895, с. 52.

Базар в Тифлисе

жали русской армии, оперировавшей на берегах Аракса, отрезать ее от базы»*.

Данилевский, пожалуй, в силу своего жизненного опыта и знания крестьянской России, глубже взглянул на проблему. Колонизационные мечты у правительства российского были, но вот насколько естественна была эта колонизация — в отличие от совершенно естественной колонизации Сибири — вопрос другой.

В феврале 1792 года в ответ на предложение командующего Кавказской линией генерала Гудовича переселить на земли близ Терека десять тысяч государственных крестьян Екатерина отвечала. «Касательно переселения государственных крестьян малоземельных из внутри России рассуждаем, что когда строением крепостей по линии земли сии закрыты будут и хлебопашцам доставится безопасность и спокойствие, тогда сами собою, без убытков казне, и помещики, и государственные крестьяне мало-помалу станут переносить жительства свои в сию привольную страну и вскоре, выходя из малоземельных наместничеств, засе-

* М Н Покровский Дипломатия и войны царской России в XIX столетии Сб статей Лондон, 1991, с 179

Сражение при Валерике Рис М Ю Лермонтова

лят оную к пользе и выгодам собственным и государственным»^{*} Никто не думал в 1792 году, что мир и спокойствие в этих местах — и то относительные — установятся через столетие ..

Надо отдать должное М. Н. Покровскому — он отметил чрезвычайно важную черту кавказской драмы. Неколониционный смысл завоевания Кавказа, принципиально отличающий эту акцию от всех других экспансий Московской Руси и России, делает анализ ситуации особенно сложным.

Завоевание Казанского, Астраханского и Крымского ханств с прилегающими территориями имело многообразное значение. Во-первых, происходило устранение военно-стратегической опасности, ликвидация плацдармов, с которых совершались или могли в любой момент совершаться вторжения на собственно российскую территорию. Во-вторых, эти войны имели ясный оттенок реванша за причиненные некогда Ордой страдания и унижения, что создавало благоприятный психологический климат в русских войсках. И, в-третьих, в состав государства включались весьма соблазнительные для колонизации земли

Основная территория Северо-Восточного Кавказа, где и раз-

^{*} Кавказский сборник Тифлис, 1897, т XVIII, с 468

ворачивались решающие события российско-кавказской драмы, особенно Дагестан, — вовсе не прельщала переселенцев из России. Даже если бы она вдруг оказалась свободна от коренного населения. Это — не Крым и не Поволжье.

К Кавказу XVIII — начала XIX века неприменим знаменитый тезис Ключевского о колонизации как одном из главных факторов русской истории. Описывая колонизационный процесс, Ключевский в первом томе своего «Курса русской истории» упоминает и Кавказ, но, в отличие от других названных им районов — Туркестана, Сибири, не приводит никаких конкретных цифр. И не случайно. Дилетант Данилевский был прав, когда оговорился относительно переселения по «своей собственной воле». Основная масса переселенцев в Предкавказье — в том числе и казаков — была помещена туда директивным путем — для закрепления и охранения территории.

Ответы на вопросы — в чем истинный смысл завоевания Кавказа? чем оправданы колоссальные жертвы, приносимые страной ради этого завоевания? есть ли иные пути решения кровавого кризиса? — были столь туманны и противоречивы, что длительное время официальные публицисты и государственные мужи не рисковали даже их ставить.

Как всегда бывает в подобных случаях, проблемой занялись аутсайдеры. Причем, главным образом, это были люди, по тем или иным причинам не имеющие возможности прямо влиять на события.

Пожалуй, впервые ясно и недвусмысленно наиболее радикальное решение очертил Пестель в подпольной «Русской правде».

В первой главе своей конституции — «О земельном пространстве государства» — радикальный революционер-государственник, говоря о землях, которые необходимо присоединить к России «для твердого установления Государственной безопасности», утверждал: «Касательно Кавказских земель потому что все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседи, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают ни малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить; покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать ни тишины, ни безопасности, и будет в тех странах вечная существовать война. Насчет же приморской части, Турции принадлежащей, надлежит в особенности заметить, что никакой нет возможности усмирить хищные горские народы кавказские, пока будут они иметь средство через Анапу и всю вооб-

ще приморскую часть, Порте принадлежащую, получать от турок военные припасы и все средства к беспрестанной войне»*.

Во второй главе — «О племенах Россию населяющих» — Пестель решительно развил свои соображения: «Кавказские народы весьма большое количество отдельных владений составляют. Они разные веры исповедуют, на разных языках говорят, многоразличные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются. Беспрестанные междуусобия еще больше ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усиленного на русских нападения. Образ их жизни, проводимой в ежевременных военных действиях, одарил сии народы примечательной отважностью и отличной предприимчивостью; но самый сей образ жизни есть причиной, что сии народы столь же бедны, сколь и мало просвещенны. (Обратим внимание на этот момент! — Я. Г.) Земля, в которой они обитают издревле, известна за край благословенный, где все произведения природы с избытком труды человеческие награждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал, ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит, оттого что народы полудикие владеют сей прекрасной страной. Положение сего края сопредельного Персии и Малой Азии могло бы доставить России самые замечательнейшие способы к установлению деятельнейших и выгоднейших торговых сношений с Южной Азией и следовательно к обогащению государства. Все же сие теряется совершенно оттого, что кавказские народы суть столь же опасные и беспокойные соседы, сколь ненадежные и бесполезные союзники. Принимая к тому в соображение, что все опыты доказали уже неоспоримым образом невозможность склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными, разрешается Временное Верховное Правление:

1) Решительно покорить все народы живущие и все земли лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутой между Россией и Персией, а равно и Турцией; в том числе и приморскую часть, ныне Турции принадлежащую.

2) Разделить все сии Кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям, и

* Павел Пестель. «Русская правда». М., 1993, с. 115.

3) Завести в Кавказской земле русские селения и сим русским перераздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую»^{*}.

Жестокий радикализм Пестеля, поражающий при чтении этих страниц, вовсе не уникален. Достаточно вспомнить взаимоотношения Англии и Ирландии сразу после Английской революции и беспредельную жестокость Кромвеля, буквально утопившего Ирландию в крови. Причем и государственный пафос, и основная аргументация Кромвеля и вообще идеологов колонизации Ирландии чрезвычайно близки к пафосу и аргументации Пестеля.

Нужно помнить, что Пестель писал это в 1824 году, когда активный период Кавказской войны длился около четверти века и действительно были испробованы различные способы замирения горских обществ. В 1824 году ситуация на Северо-Восточном Кавказе была сравнительно спокойной, но пронзительный ум Пестеля точно оценил это спокойствие. В 1825 году восстала вся Чечня и была подавлена Ермоловым. Но Кавказ уже стоял на пороге мюридизма.

«Русская правда» — документ, дающий обширное поле для размышлений. Пестелевская железная конституция продолжает суровую традицию утопических проектов, восходящих к «Государству» Платона, проектов, оперирующих логическими императивами и абсолютно игнорирующих как человеческую природу, так и права отдельной личности.

Но в подходе Пестеля к кавказской проблеме есть одно печальное достоинство — он совершенно трезв. Холодный логик Пестель выбирал наиболее прямой, не отягощенный никакими побочными, — прежде всего нравственными, — соображениями путь к цели. Так было с идеей поголовного уничтожения императорской фамилии. Так было с идеей «окончательного решения» кавказской проблемы.

Пестель представил без обиняков чисто имперскую государственно-императорскую точку зрения. И обосновал ее системой аргументов: 1. Необходимость защититься от набегов. 2. Необходимость нейтрализовать постоянный очаг нестабильности на южной границе. 3. Необходимость обеспечить безопасность азиатской торговли России (здесь явно маячит тень Петра I с его каспийско-

^{*} Павел Пестель. «Русская правда», с. 167.

индийским проектом). 4. Необходимость рационально использовать природные условия, которыми не умеют пользоваться «полудикие народы» Кавказа.

Последний пункт очень характерен: оправдание безжалостного отношения к горцам — уверенность в их хозяйственной и гражданской неполноценности (точка зрения, вполне совпадающая с ермоловской). И с этой точки зрения они совершенно незаконно занимали земли, которые могли быть использованы с пользой для государства.

Это вовсе не противоречит тезису Покровского о неколонизационном смысле завоевания Кавказа. Собственно кавказские земли не были столь обширны, чтобы приобретение их стоило таких колоссальных жертв и затрат. Главный смысл — ликвидация горских племен как военно-политического фактора. (Ермолов за несколько лет до Пестеля писал о развращающем примере горской свободы на Россию.) Для Пестеля в его расчисленном и жестко организованном государстве принципиально недопустимо само существование фактически в пределах империи — после присоединения Грузии — вечно кипящего кавказского котла, где население живет по собственным нерациональным правилам, чуждым пестелевской утопии.

Думаю, что Пестеля безумно раздражала романтизация Кавказской войны, игравшая не последнюю роль в психологической атмосфере завоевания.

Такова была «оправдательная доктрина» Пестеля. Для него над тактической прагматикой высоко возвышалась генеральная идея ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ. И здесь непримиримый враг самодержавия оказался самым последовательным учеником Петра. Но даже современное ему самодержавное государство не могло позволить себе ни подобных действий, ни подобных деклараций. Пестель же бестрепетно записывает план уничтожения — тем или иным способом — целых народов в документ, который он собирался предъявить всему миру.

Хотя политика николаевского правительства на Кавказе большую часть царствования и была в основных чертах попыткой реализовать идеи Пестеля, но попыткой компромиссной, непоследовательной, половинчатой. Отсюда следовали и вполне плачевные результаты.

С екатерининских времен, когда резко возросла российская активность на южных рубежах, индальгенцией для жестких действий против горцев, идеологической мотивацией была защита единой Грузии.

В известном манифесте Александра I от 12 сентября 1801 года, которым было узаконено вхождение Грузии в состав империи, согласие императора на этот акт обосновывалось исключительно необходимостью спасти христианский народ от истребления «хищными соседями», что имело под собой вполне реальную основу*. Отсюда естественным путем вытекала и логика действий против этих соседей. Но у Пестеля этот гуманистический мотив даже не упоминается. Он в нем не нуждался. Пестель, фигура сколь замечательная, столь и опасная, честно сформулировал позицию группы дворянства, наиболее последовательной в своем героически-имперском устремлении. В предвкушении государственного переворота, ориентированного на революционную диктатуру, дающую победителям неограниченные права, он вслух произнес то, что другие, существующие в традиционно-официальном контексте, сказать просто не решались.

Но Пестель и его радикально-имперские единомышленники (главным образом, вне Тайного общества) были явным меньшинством. Большинство — и практики-завоеватели, и публицисты-государственники — жаждало осознания нравственной цели Кавказской войны — крупной, ясной, исторически обоснованной, которая оправдала бы огромные жертвы, и уже понесенные, и те, что предстояло понести в будущем. В противном случае в русском общественном сознании рано или поздно образовалась бы болезненная сфера, порождаемая непониманием и ощущением неоправданности жертв и усилий.

Есть редкие, но явные свидетельства, что люди, особенно чуткие к этой стороне исторического процесса, внимательно следили за происходящим. В 1852 году Чаадаев запрашивал московского почтмейстера А. Я. Булгакова: «Не можете ли вы прислать мне ненадолго письмо главного наместника (М. С. Воронцов. — Я. Г.), в котором он вам сообщает о бегстве Хаджи-Мурата и его смерти. Эта новость, не могущая появиться в газетах, очень важна и подробности ее чрезвычайно любопытны**».

* Историки, исследовавшие эту проблематику, писали о широкомасштабной охоте за людьми, которая была важным фактором в экономике горских обществ. Особенно страдала Кахетия от набегов джаро-белоканских лезгин, которые ежегодно уводили для продажи в рабство через турецких, а иногда гегуэзских посредников тысячи людей. Еще более опустошительными были вторжения в Грузию персидских войск.

** П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранных писем. М., 1991, т. 11, с. 264.

В правомочности и неизбежности завоевания Кавказа сомнений не возникало, но потребность в стройной и убедительной оправдательной доктрине безусловно была.

Автор первого обзорного сочинения, вышедшего в Петербурге в 1835 году, в котором сделана была попытка дать общую картину военных действий на Кавказе и в Закавказье первой трети XIX века, Платон Зубов (не путать с фаворитом Екатерины II) в прологе пытался сформулировать такую идею: «Исполнители великих намерений российского Монарха, они (русские генералы. — Я. Г.) извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного анархического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью; дали способ России предвидеть важные выгоды от ее Закавказских владений и заставили Персию и Азиатскую Турцию трепетать Российского оружия»*.

«Важные выгоды» здесь вполне гипотетичны — недаром их можно только «предвидеть». Тем более, что манифестом от 12 сентября 1801 года Александр пообещал грузинам: «Все подати с земли вашей повелели мы обращать в пользу вашу», то есть все налоги, собранные на новых землях, на этих землях и остаются. «Трепетать» Персию и Турцию можно было заставить — и заставляли! — и не присоединяя Грузию. Этот «трепет» отнюдь не был самоцелью.

Центральная идея здесь — чисто благотворительная: спасение, благоустройство и просвещение единоверного народа. Исполнение христианского долга. Действия в Закавказье и — неизбежно — на Кавказе оказывались новым крестовым походом...

Через шестьдесят с лишним лет, после окончания войны, этот религиозно-благотворительный аспект ретроспективно сформулировал Данилевский: «Мелкие христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи и предлагали признать русское подданство. Но только император Александр I, в начале своего царствования, после долгих колебаний, согласился наконец исполнить это желание, убедившись предварительно, что грузинские царства, донельзя истомленные вековой борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести долее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единоверной Рос-

* П. Зубов. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. I, ч. 1. СПб., 1835.

сии. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела, — что она будет стоять ей непрерывной шестидесятилетней борьбы. Как бы то ни было, ни по сущности дела, ни по его форме, тут не было завоевания, а было подаяние помощи изнемогавшему и погибавшему»*.

Но все это формулировалось постфактум. А в разгар изнурительной войны идея крестового похода, сопряженного с такими жертвами и усилиями, была уже недостаточна. В первое десятилетие XIX века мощная инерция имперского строительства, рывка России на юг в Причерноморье, подвиги в этом направлении Румянцева, Суворова и Потемкина, воспитанниками которых были генералы-завоеватели этого периода, заменяли идеологию войны. Позже энтузиазм, рожденный подавлением Польши, во время которого и прославился первый покоритель Кавказа князь Павел Дмитриевич Цицианов, играл ту же роль. Но после 1812 года и заграничных походов требовалось нечто иное, дополняющее и облагораживающее идею государственной пользы как таковой.

Требовалось нечто схожее с идеей, одушевлявшей русское общество в его постоянном противостоянии Турции: во-первых, освобождение единоверных и единокровных братьев-славян и братьев по вере и культуре греков — как аспект гуманистический и религиозный; во-вторых, контроль над Босфором и Дарданеллами, обеспечивающий беспрепятственный выход в Средиземноморье, — как аспект прагматический. Противостояние Турции воспринималось как грандиозная историческая задача европейского масштаба, как благородная миссия, восходящая к миссии Руси, заслонившей Европу от монголов. Эти представления уже трансформировались в XIX веке в чистый миф, но миф психологически комфортный и духовно мобилизующий.

Ермоловский период — приход на Кавказ людей 1812 года, участников заграничных походов с их антидеспотическими настроениями — принес наметки новой доктрины — цивилизаторской и гуманизаторской, на основе которой Ермолов повел непримиримую борьбу с местными деспотиями — ханствами, борьбу, победные результаты которой обернулись против России. Подорвав и почти уничтожив власть ханов, нарушив тем самым и без того неустойчивую структуру политического и

* Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, с. 36.

военного равновесия в Дагестане, Ермолов поставил Россию лицом к лицу с куда более опасным противником — вольными горскими обществами. Но это — проблема другого ряда.

Сейчас вернемся к идеологии, предлагаемой аутсайдерами — декабристами, которые не были связаны официальным контекстом, дисциплинирующим мысль до ее омертвления.

Как это ни парадоксально, самым внимательным и пристально анализирующим наблюдателем кавказских дел в наиболее тяжелый период войны был загнанный в глубь Сибири Михаил Сергеевич Лунин, один из наиболее сильных мыслителей декабризма.

О Кавказской войне — как характернейшем факторе русской политической и экономической жизни — напряженно думали именно те, кому ясна была катастрофичность генерального пути, выбранного самодержавием.

Историософски мыслящий человек, Лунин включает Кавказскую войну и все, что связано с кавказскими делами, в общий контекст российской жизни. Он перечисляет бездарные акции правительства, в том числе и тяжелейшую, с огромными жертвами выигранную Турецкую войну, неумелую борьбу с холерной эпидемией, приведшую к кровавым бунтам. Лунин с поразительным чутьем обозначает фон, на котором началась убийственная для русских властей пробуксовка военных действий на Кавказе. «Годы 1833, 34 и 40 будут отмечены трауром в наших летописях из-за почти повсеместного голода, поразившего страну и обличающего некий коренной порок в общественном хозяйстве. В длительных мучениях голода в своих лачугах погибли и гибнут ежедневно тысячи кормильцев и защитников государства, на которых бедствия народные падают всею своею тяжестью. Во всяком бедствии есть предел, который приводит народ в движение. В нескольких внутренних губерниях крестьяне при виде полей, выжженных во время жатвы, павшего скота и гибнущих семейств убили помещиков, подожгли собственные жилища и покинули землю, которую напрасно поливали своим потом...»*

Знаменательно, что эти пассажи о тяжком внутреннем положении России вклиниваются в рассуждения Лунина о подавлении Польши и завоевании Кавказа. Выстраивается некая единая система взаимоотношений глубоко неблагополучной империи со своими составляющими. Но отношение к Польше и Кавказу у Лунина принципиально различное. И дело, разумеется, не про-

* М. С. Лунин. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988, с. 168.

П И Пестель Рис Е И Пестель 1813 г

сто в известном полонофильстве Лунина, а в его подходе к двум этим наиболее актуальным тогда имперским проблемам

О Польской войне он пишет «Потери нашей заново набранной армии еще раз были громадны. Но не одну лишь смерть соотечественников надлежит нам оплакивать в несчастной этой войне. Меч был поднят против родственного народа, введенного в заблуждение обманчивыми обещаниями в предшествующее царствование, и братья истребляли друг друга на полях сражений»*

Война с Польшей — трагическое недоразумение, которого можно и нужно было избежать. Не то с Кавказом. Лунин безусловно приветствует включение в состав империи новых территорий — «областей Эриванской, Нахичеванской и Ахалцыхской». Кавказская война вызывает его резкое неприятие не сутью своей, но самим характером действий и последствиями их для России.

Лапидарно, безжалостно и конкретно очертив внутренние неурядицы империи, из этих принципиальных неурядиц, из неверного общего движения дел в стране, из пагубного выбора модели государственной системы, из отстранения от активной

* Там же.

М С Лунин Акварель М А Бестужева

легальной деятельности людей Тайного общества с их спасительными идеями Лунин непосредственно выводит роковые пороки Кавказской войны « Разорительная, убийственная война, заполнившая три предыдущих царствования, оправдать которую можно лишь политическими соображениями, все еще длится на Кавказе Несмотря на значительные силы, брошенные в эту войну с начала нынешнего царствования, никакого положительного результата нет Внутренняя часть обширной территории, вдающейся в пределы империи, по-прежнему находится во власти нескольких полудиких народцев, которых не смогли ни победить силой оружия, ни покорить **более действенными средствами цивилизации.** Эти орды нападают на наши одинокие посты, истребляют наши войска по частям, затрудняют сообщение и совершают набеги в глубь наших пограничных провинций Медленность военных операций в этих краях приписывают обычно трудностям местности, изрезанной горными цепями и сетью бурных потоков, нездоровому климату и воинственному нраву туземцев Однако современная военная наука не считает более препятствиями неровности почвы, климат, в котором произрастает виноград, хлопок, шелковица, марена, кошениль шафран и сахарный тростник, не может быть вреден для человека, и нако-

нец, бедные туземцы, которых стараются изобразить в столь мрачных красках, это всего лишь слабые разрозненные орды, лишенные союзников, невежественные в военном искусстве, не обладающие ни крепостями, ни армией, ни пушками. Не естественнее ли приписать вялый ход войны причине, которая повсюду в той или иной мере тормозит успехи правительства? Ему пришлось сменить подряд нескольких главнокомандующих за их небрежность или явную неспособность. Один из них был лишен командования и переведен в Сенат за кражи и взятки, которые имел слабость допускать, если не пользовался ими лично. Никто из них, исключая победителя Эривани, не заслужил общественного доверия своими военными или административными талантами. Правительству недостает людей, потому что ему самому недостает принципов»*.

И тут же Лунин переходит к явлениям, которые для него связаны с многолетней безуспешной «разорительной войной». «Рекрутчина поглотила за эти пятнадцать лет более миллиона человек. Косвенные налоги возросли вследствие обложения табака и выпуска новых бумажных денег. <...> Государственный долг превышает миллиард рублей, вынуждает нас передать его будущим поколениям как печальное наследие и наследственный недуг»**.

При этом Лунин полагает, что Николай «не может ни превратить, ни прекратить» Кавказскую войну «по причинам, указанным нами выше».

Однако причины эти не совсем ясны из предыдущего текста.

В отличие от поляков — «родственного народа», кавказские горцы, как видим, не вызывают у Лунина ни уважения, ни сочувствия. Первое, очевидно, объясняется отсутствием личных впечатлений. Горцы даже на непримиримых конкистадоров производили сильнейшее впечатление, которое проявлялось в самых неожиданных формах. Это подлежит подробному исследованию как один из важнейших психологических аспектов Кавказской войны для России. Второе — принципиальное. Движение России на юго-восток, в Азию Лунин считал неизбежным и оправданным. Более того, из двух направлений имперской экспансии: западного и юго-восточного — вечная дилемма российской геополитики — важнейшим он считал второе. И был в этом не одинок.

В 1838 году в очередном письме сестре, — а Лунин, как известно, использовал форму писем к сестре, как Чаадаев пись-

* М. С. Лунин. Сочинения..., с. 170.

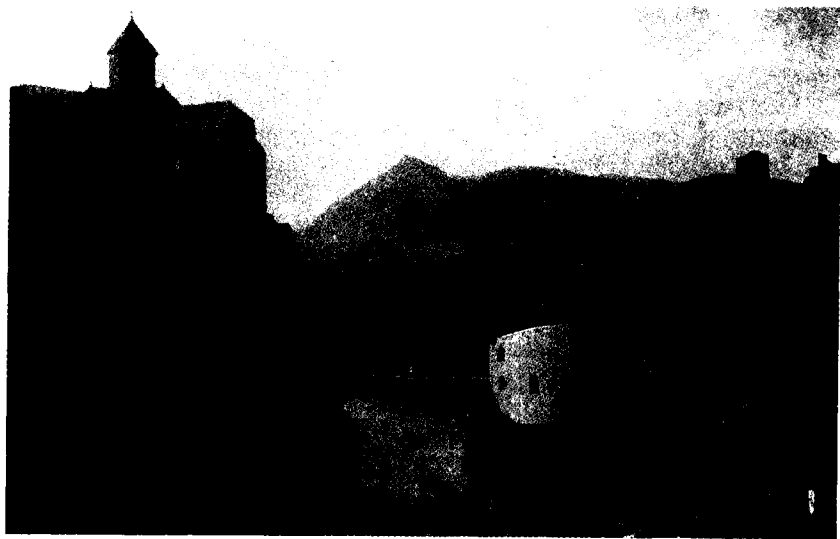
** Там же, с. 171.

ма к некоей даме, для изложения своих политических и историко-софских идей, — он все расставил по местам.

Чтобы придать своему тексту вид частного письма, Лунин воспользовался в качестве повода обсуждением возможной карьеры племянника. Он писал: «...Ты опровергаешь идею действительной службы на Кавказе для твоего старшего сына. Объяснимся. Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос настоящей политики. В стужах сибирских, из глубины заточения мысль моя часто переносится на берега Черного моря и обтекает три военных линии, проведенных русскими штыками, в краю, иззубренном мечами римлян. Предназначенные также значительно действовать в истории, русские в 1557 году имели два направления для развития своей материальной силы: одно на север, другое на юг. Правительство избрало первое. Постоянными усилиями и жертвованиями оно достигло своей цели. Главная выгода этого направления состоит в приобретении прибрежья двух второстепенных морей и океана неудобоходного. Второе направление представляло важнейшие результаты. Это была мысль Адашева и Сильвестра. Сохраняясь силою сокровенною, свойственною идеям органическим, она с полвека тому начала развиваться в постепенных завоеваниях наших на южной границе. Каждый шаг на севере принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юге вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалциха важнее взятия Парижа. Если дела Кавказа немощны, несмотря на огромные средства, употребляемые правительством, это происходит от неспособности людей, последовательно назначаемых вождями войск и правителями края. Один покоритель Эривани по своим военным талантам отделен от группы этой старой школы. Но он явился мгновенно во главе армии, а в этой земле надо не только покорять, но и организовывать. Система же, принятая для достижения последней цели, кажется недостаточна: ибо не удалась на равнинах запада, как и в горах юга. Пределы письма не позволяют развить все мои мысли. *Verbum — sapienti**. Из этих общих усмотрений следует: служба на Кавказе представляет твоему сыну случай изучить военное искусство во многих его отраслях и принять действительное участие в вопросе важного достоинства для будущей судьбы его отечества**».

* Слово — разумному (лат.).

** М. С. Лунин. Сочинения..., с. 96.

Тифлис. Картина Н. Г. Чернецова. 1839 г.

После фразы о «недостаточности системы» шла фраза, затем вычеркнутая: «Не имея под собой разумной основы, она годится лишь для того, чтобы скрепить присоединенные части». Очевидно, Лунин, стремившийся к максимальной лапидарности и выразительности, считал, что и так все понятно. Но вычеркнутая фраза крайне важна — речь идет о механическом, силовом скреплении частей империи при отсутствии органично объединяющей идеи. Речь идет об отсутствии убедительной идеологии, которая облегчила бы процесс завоевания Кавказа, который в чисто военном отношении не представлял, по мнению Лунина, ничего невозможного. Что вполне соответствовало действительности. Русские батальоны, эскадроны и казачьи сотни за четыре десятилетия исходили Кавказ вдоль и поперек. Задача заключалась не в том, чтобы достигнуть того или иного пункта, а в том, чтобы удержать, освоить пройденное пространство. Вот это-то и не удавалось. Тут требовалась та самая организация, которая была невозможна без идеи, которую — в идеале — могли органично воспринять и усвоить обе противоборствующие стороны. Или, хотя бы, только русская сторона.

По Лунину, успехи в борьбе с Турцией объяснялись сокровенной силой органичной идеи, которая лежала в основе южной

Эпизод русско-турецкой войны. Штурм крепости Байбурт. Июнь 1829 г.

стратегии в противовес западной. Лунин не воспринимал западные державы как естественного противника. Странное, на первый взгляд, утверждение: «Каждый шаг на севере принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юге вынуждает входить в сношения с нами», — имеет вполне определенный смысл. Продвигаясь на запад, то есть север по отношению к южному направлению, Россия, так сказать, навязывала себя Европе, силой втискивалась в «концерт» европейских держав, отбирала земли, принадлежащие западным странам, что создавало постоянно конфликтную и напряженную ситуацию. Расширяясь на юг, усиливаясь таким образом территориально, морально и в отношении военном, ослабляя Турцию, не одно столетие угрожавшую юго-восточному флангу Европы, Россия делается для Запада желанным и неременным партнером. Она не теснит западные державы, но становится в один ряд с ними.

Вот почему Лунин особо выделяет взятие Ахалциха — мощного турецкого форпоста в Грузии — в 1828 году войсками Паскевича, что принципиально меняло военно-стратегическую обстановку в направлении собственно турецкой границы. Выигранную Турецкую войну Лунин считает важнее победы над Наполеоном в Европе — «взятие Ахалциха важнее взятия Пари-

жа», ибо здесь одержана победа над главным, естественным противником на главном, естественном направлении.

Таким образом, идеологическое оправдание для расширения российских территорий в южном направлении — в том числе и на Кавказе — для Лунина ясно. Но Кавказ — особая сфера, особая ситуация, нуждавшаяся в специальной доктрине. Этой-то доктрины ни правительство, ни кто иной при засилии консерваторов предложить не может.

Для Кавказской войны — в отличие от Персидской и Турецкой — у России нет локальной органичной идеи, поскольку консервативный контекст не дает ей родиться. А талантливых исполнителей нет постольку, поскольку они вырастают только на дрожжах органичных идей. Закодированный круг.

(Если мы вспомним, что двадцатилетняя Северная война не выдвинула ни одного сколько-нибудь выдающегося полководца, кроме самого Петра, равно как и участие России в Семилетней войне, а турецкие войны екатерининского времени немедленно породили блестящую плеяду военачальников во главе с Румянцевым и Суворовым, то стоит задуматься над лунинским парадоксом.)

На одну лунинскую мысль надо обратить особое внимание: система, принятая Петербургом для того, чтобы организовать новоприобретенные части империи, «не удалась на равнинах запада, как и в горах юга».

Лунин напрямую сравнивает Польшу и Кавказ, подтверждая отсутствие у империи в этот период общей органической идеи, общего объединяющего принципа, кроме механического «скрепления присоединенных частей».

Он видит в этом глубокий порок и угрозу будущему. И, как мы знаем, он не ошибся. Однако, считая покорение Кавказа «вопросом важного достоинства для будущей судьбы <...> отечества» — не больше, не меньше! — напрямую никак не формулирует эту столь необходимую органическую идею.

Но некоторое представление о том, что имел в виду Лунин, составить все же можно. На следующий год он снова возвращается к кавказской проблеме — ясно, что она не уходила из его мыслей: «Я указал, что медленность успехов на Кавказе происходит от людей старого толка: люди с новыми понятиями явились в рядах войска и совершили важный шаг».

Лунин говорит здесь о тех членах Тайного общества или близких к ним людях, которые сыграли незаурядную роль в кавказских событиях, — Николае Николаевиче Раевском-младшем, возглавлявшем русские войска на Черноморском театре, Иване

Бурцове, герое Ахалциха, генерале Вольховском, обер-квартирмейстере Кавказского корпуса во время Турецкой войны, а затем начальнике штаба корпуса. Но дело не в их личных талантах и достоинствах, а в той идеологии, которую они, по мнению Лунина, представляли.

Не подразделяя различные группировки Тайного общества по оттенкам — иногда весьма существенным — политических представлений, Лунин считал их всех носителями конституционной либеральной идеи.

Лунин явно не был сторонником компромиссного решения конфликта России с Кавказом. Он был убежденным сторонником военного давления на «слабые разрозненные орды» «бедных туземцев» с одновременной разумной «организацией» края. Но, как ни парадоксально это звучит, он убежден, что эффективно воевать и удерживать завоеванное способна отнюдь не военная империя Николая, а либеральное конституционное государство Тайного общества. И, стало быть, органичную идею для Кавказа следовало искать в этом направлении. Это особый вопрос, требующий отдельного исследования. А здесь скажем только, что стремительное окончание войны после 1856 года, когда появились явные тенденции либерализации политического режима, подтверждает эту странную на первый взгляд мысль Лунина.

У декабристов, близких к Лунину и разделявших убеждение в неизбежности и необходимости завоевания Кавказа, когда сами они оказывались лицом к лицу с кавказской реальностью, появлялись соображения, отличные от лунинских в деталях, но принципиально развивающие и конкретизирующие их.

Глубоко почитавший Лунина и многому от него в моральном и историософском плане научившийся Андрей Розен в воспоминаниях оставил удивительное свидетельство этого движения взглядов. Вспоминая свой отъезд с Кавказа после разрешения выйти в отставку, он писал: «Прощай, Кавказ! С лишним уже 140 лет гремит оружие русское в твоих ущельях, чтобы завоевать тебя окончательно, чтобы покорить разноплеменных обитателей твоих, незначительных числом, диких, но сильных в бою, неодолимых за твердынями неприступных гор твоих; иначе русский штык-богатырь давно довершил бы завоевание»*.

Здесь две вещи важны. Розен писал кавказские главы «Записок», судя по всему, в конце 1850-х годов — но до пленения Шамиля, иначе он обязательно упомянул бы об этом роковом

* А. Е. Розен. Записки декабриста Иркутск, 1984, с. 388

момента войны. Он считает завоевание далеко еще не законченным, что свидетельствует о настроениях в обществе, о том, как представлялась в самой России ситуация на Кавказе. То, что пленение Шамиля и фактическое окончание войны в 1859 году было полной неожиданностью, подтверждается и другими источниками. Р. Фадеев, участник, идеолог, историограф Кавказской войны, так начал свою книгу о ней: «В прошлом сентябре Россия прочитала с удивлением, едва веря своим глазам, телеграфические донесения князя Барятинского Государю Императору, извещавшие „что восточный Кавказ покорен от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги“, что „Шамиль взят и отправлен в Петербург“; русское общество знало, хотя и смутно, что в последнее время дела пошли на Кавказе хорошо, но далеко еще не ждало такого быстрого конца»*.

Это еще одно подтверждение, что Великая Кавказская война была terra incognita для русского общества. В конце пятидесятых — уже есть телеграф, масса газет, существует институт корреспондентов, газеты соревнуются по части свежих новостей, цензура не свирепствует, — а общество «смутно» представляет себе, что же происходит на самом многолетнем театре военных действий в отечественной истории.

Далее — Розен абсолютно не сомневается в необходимости покорения Кавказа и в конечной достижимости этой цели. Как и Лунин, он сетует на длительность войны, но объясняет это совершенно по-иному. Лунин считал первопричиной устаревшую порочную идеологию, выдвигавшую принципиально неспособных людей, не умеющих «организовать» завоеванное пространство. Розен объясняет неуспехи русского оружия чисто географически: горцы «неодолимы за твердынями неприступных гор» Кавказа.

Наконец — хронология. Розен, наверняка участник многих разговоров о Кавказской войне, определяет ее длительность около 1859 года в 140 лет. То есть возводит ее начало к персидскому походу Петра I.

Но главное для нас — дальше.

«Мы давно уже владеем равнинами по сию сторону Кавказа; владения наши по ту сторону гор, в Закавказье, простираются далее прежней границы Персии, а все еще Кавказ не наш; ни путешественник, ни купец, ни промышленник не посмеют ехать за линию без воинского прикрытия, без опасения за жизнь свою и за имущество». То есть Розен стоит на позиции ограниченно

* Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860, с 1.

прагматической. Необходимость победоносного завершения Кавказской войны диктуется невозможностью терпеть внутри империи неподконтрольный опасный анклав, угрожающий безопасности российских граждан и успехам торговли. Таким образом, речь идет о коммуникациях с Закавказьем.

«Имена Зубова, Лазарева, князя Цицианова, Котляревского, Ермолова, Паскевича, Розена напоминают нам ряд блестящих и героических подвигов, коих было бы достаточно для покорения многих государств, но оказались бесполезными до сих пор против горцев»*.

Разумеется, Розен как человек ясного ума догадывался, что безуспешность колоссальных и самоотверженных воинских усилий объясняется не только сильно пересеченной местностью на театре военных действий. И в процессе рассуждения он приходит к весьма определенным выводам.

«До Ермолова военная сила наша была незначительна в тех местах; она увеличивалась при особенных, важных экспедициях только временно. Ермолов имел постоянно не более 40 000 войска, но мастерски владел этой силою, умел быстро направить ее куда нужно было, держал врагов в непрестанном страхе — одно его имя стоило целой армии. Ныне с линейными казаками у нас больше 110 000 воинов на Кавказе постоянно; хотя мы и подвигаемся в завоеваниях, но медленно, ненадежно и дорого. **Кажется, что самое начало было неправильное** (выделено мной. — Я. Г.); мы подражали прежнему старинному образу действий: как Пизарро и Кортес, принесли мы на Кавказ только оружие и страх, сделали врагов еще более дикими и воинственными, вместо того, чтобы приманить их в завоеванные равнины и к берегам рек различными выгодами, цветущими поселениями»**.

Сравнение русских войск с испанскими конкистадорами не было изобретением Розена. Очевидно, оно было достаточно распространено. Во всяком случае, Н. Н. Раевский-младший, командовавший Черноморской линией и самоотверженно воевавший, но не разделявший фундаментальных принципов завоевания, писал: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами»***.

Именно это и имел в виду Лунин — консервативный конкистадорский подход к кавказской проблеме. У Розена названы име-

* А. Е. Розен. Записки..., с. 389.

** Там же, с. 390.

*** Акты Кавказской археографической комиссии. Т. IX, ч. 2. Тифлис, 1884, с. 505.

на-символы. Кавказский корпус поставлен на одну доску с отрядами испанских завоевателей, руководствовавшихся чистой прагматикой, абсолютно не учитывавших интересы туземцев, знавших два принципа — подавляй силой оружия и разделяй и властвуй. Именно эти два принципа и были определяющими до второй половины 1840-х годов. С той только разницей, что Испания, равно как и сами конкистадоры, стремительно обогащалась, а Россия не менее стремительно растрачивала свой капитал. Недаром и Лунин, и Розен постоянно говорят о дороговизне войны.

Из розеновского текста надо выделить фразу: «Кажется, что самое начало было неправильное». Если учесть, что Розен отсчитывает начало Кавказской войны от персидского похода Петра, то его сомнения отнюдь не беспочвенны. Петр и его генералы совершенно неправильно оценили обстановку на Кавказе. Горские общества воспринимались ими даже не как противник, но как досадная злая помеха великому делу. Это был принцип. Совершенно так же Петр отнесся к стрельцам, взбунтовавшимся в 1698 году, даже не попытавшись понять, что же заставило их пойти на этот самоубийственный шаг. Хотя причины были вполне конкретны и устранить их ничего не стоило. Но поведение стрельцов идеально укладывалось в схему, которую Петр для себя построил, — косные, темные люди, желающие сорвать великие начинания. Между тем стрельцы и рады были бы вжиться в эту строящуюся систему отношений, но им не давали такой возможности, их полуосознанно провоцировали. И Петр решил проблему отсечением тысяч голов.

Ситуация с горскими племенами была, конечно же, сложнее. Но путем кропотливой дипломатической работы, не исключавшей отдельные военные акции, налаживанием торговых связей, умным сопоставлением ценностей можно было начать процесс существования.

Горцы действительно пытались не пропустить через свою территорию драгунские полки, идущие неизвестно куда и зачем. Но карательные экспедиции генерала Матюшкина стали камертоном отношений России и Кавказа на столетия вперед... Именно эта, Петром заложенная, традиция взаимоотношений подготовила движение шейха Мансура, ставшее подлинным прологом классического периода Кавказской войны.

То развитие событий, плоды которого Россия пожинает ныне, не было безусловно детерминировано. Существовали — гипотетически! — иные варианты. И в середине XIX века Розен предлагает вернуться к тому, что было упущено в первой трети

XVIII века. Он в общих чертах рисует всю систему воздействия на умонастроения горцев. «Англичане тоже стреляют ядрами и пулями в индийцев и китайцев, но привозят к ним, кроме огнестрельного оружия, всякие орудия для выгодного труда, торговлю, образование, веру и, по доказанному опыту, верную надежду на будущее благосостояние. Россия также старалась действовать мирными средствами: она по обеим сторонам Кавказа поселила иностранных колонистов, но в малом объеме; она последнее время стала селить женатых солдат и отставных по военной дороге в Кабарде; но эти поселения служат не приманкою, а угрозой и страшилищем. Кто исчислит все жертвы, которые государство ежегодно приносит людьми и деньгами? Эти значительные пожертвования уже не позволяют отстать от начатого дела; кроме того, Кавказ нам нужен в будущем для сообщений торговых. Много уже сделано, остается довершить, но только не исключительно одним оружием»^{*}.

Из всего вышесказанного можно заключить, что Розен, разделяя тезис Пестеля об экономической несостоятельности горцев, делает существенно иные выводы и выдвигает в качестве оправдательной доктрины доктрину цивилизаторскую — Россия призвана принести горцам благосостояние и мирное гражданское существование. И добиваться этого нужно не только навязывая Кавказу свою волю силой оружия, но прежде всего демонстрируя в замиренных районах плоды экономического преуспевания.

Проект Розена, основанный на английском опыте, конечно же, утопичен. Столетиями, если не тысячелетиями, привыкшие к повиновению своим властителям индийцы и китайцы, жившие в строго иерархической системе, никак не сопоставимы с гордыми и свободолюбивыми воинами из независимых горских обществ, для которых право жить по своим традициям и миропредставлениям равнозначно было праву жить вообще. Не говоря уже об одушевлявшей и объединявшей их в тридцатые и сороковые годы фанатичной идее мюридизма.

(Да и с английским опытом все было далеко не так благополучно. В те самые годы, когда Розен писал вышецитированные строки, в Индии полыхало ужасающее по жестокости восстание сипаев, подавленное, как теперь бы сказали, адекватными мерами, то есть с неограниченной жестокостью.)

Вполне утопичны были и надежды Розена на мудрое поведение российской администрации на замиренных территориях.

^{*} А. Е. Розен. Записки..., с. 390.

«Много горцев уже поступили добровольно в подданство России, они известны под общим названием **мирных черкесов**; этим людям следовало дать всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им наших судей-исправников. Благосостояние покоренных или добровольно покорившихся горцев доставило бы нам в несколько лет больше верных завоеваний и прочных, чем сто тысяч воинов и сто миллионов рублей могли бы это совершить. Пока не покорившиеся горцы видят, что покорные нам братья их ведут жизнь не лучше непокорных, до тех пор будут противиться они до последней крайности... Хорошее управление не меньше русской храбрости может ускорить окончательное покорение и сделать его прочным. <...> Потомство не забудет главных сподвижников в этом деле; потомство соберет плоды с земли, орошенной кровью храбрых, и с лихвою возвратит себе несметные суммы, издержанные предками на это завоевание»*.

Благосостояние, разумеется, значило немало, но отнюдь не все. Для горца, как уже говорилось, не менее важно было сохранить традиционный миропорядок, который казался ему единственно достойным, сохранить тот стиль жизни, который позволял сохранить самоуважение. Трагичность и неразрешимость ситуации заключалась в том, что этот стиль органически включал в себя и элементы, совершенно неприемлемые для российской стороны — как, например, набеги, составлявшие чрезвычайно важную — экономически и психологически — часть горского быта.

Но главное не в этом. Розен ждал от николаевского государства того, что тому было категорически несвойственно. Элементы розеновского проекта были использованы князем Барятинским — но уже в другой России. И зерно здесь, конечно, — «оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им наших судей-исправников».

Вопрос о суде и расправе был едва ли не ключевым в замиренных областях. Ростислав Фадеев, бывший в первый период после окончания войны сторонником введения судопроизводства, приближенного к европейскому, в семидесятые годы на основании горчайшего опыта радикально изменил свое мнение: «Подчинение христианским гражданским законам, — писал он в „Записке об управлении азиатскими окраинами“, — равняется для туземца насилчанию на каждом шагу его веры, связанной с самыми мелочными обычаями жизни»**.

* А. Е. Розен. Записки..., с. 390.

** Р. А. Фадеев. Собрание сочинений. Т. 1, ч. 2. СПб., 1890, с. 138.

Об этом же говорил и Грибоедов: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилью»*. Правда, говорил он это неофициально.

Время для реализации подобной методы было безнадежно упущено, о чем прямо и просто написал еще один русский мыслитель, побывавший на Кавказе в конце 1820-х годов. Это был Пушкин. В «Путешествии в Арзрум» есть полторы страницы, поразительные по безнадежности тона: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набег. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. (У Розена: „В ермоловское время офицеры на Кавказе терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...“) Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщениа крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение... Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?»

Любопытно, что у каждого из цитированных мною авторов есть нечто только ему присущее, только им наблюденное и угаданное. Пушкин единственный, кто выводит безнадежность кавказской ситуации из неискоренимых особенностей национальной психологии горцев, то есть фактора, для устранения которого требуются столетия. И этим объясняется тон последующего текста: «Должно однако ж надеяться, что приобретение Восточного

* А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945, с. 510.

Генерал князь В. Г. Мадатов, ближайший сподвижник Ермолова.
Портрет работы Д. Доу.

края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением».

Гениально лапидарные тексты Пушкина — родственные в этом отношении лунинским — замечательны тем, что иногда одно слово, один стилистический оборот является смысловым ключом к наиболее существенным пассажам.

Трудно отделаться от впечатления, что вышеприведенные фразы не есть пародия на известный в то время проект адмирала Мордвинова, предложенный Ермолову при его назначении на Кавказ. В проекте, в частности, предлагалось «умягчить суровую нравственность» горцев «нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари». Повторив мало уместное слово «роскошь», Пушкин тут же убил смысл мордвиновского предложения словом «самовар». Укрощать смертельно обиженных, ограбленных черкесов введением в их быт самовара — это могло быть только издевательством над самой идеей бытовой адаптации горцев.

Но далее у Пушкина идет крайне серьезный абзац: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с

Магомет-Амин. Один из вождей черкесских народов.

просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров». Но далее, как и в случае с мордвинской идеей, Пушкин одним словом фактически перечеркивает смысл сказанного: «Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мёртвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты»*.

Здесь, разумеется, знаковое слово — «леность», которое приводит нас к знаменитой фразе — «мы ленивы и нелюбопытны». Наблюдая бессмысленную попытку распространения Священного писания на русском языке среди горцев, Пушкин явно не верит в реальность миссионерской деятельности.

Над поисками выхода из российско-кавказской драмы размышляли, разумеется, не только военные профессионалы. Вско-

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. АН СССР, М.—Л., т. VI, 1949, с. 647—649.

ре после пленения Шамиля — осенью 1859 года — Добролюбов, поборник гражданских прав и свобод, опубликовал статью «О значении наших последних подвигов на Кавказе». Слово «подвиги» здесь употреблено в самом точном и серьезном значении.

На всем обширном пространстве статьи Добролюбов ни разу не усомнился в самой необходимости и целесообразности завоевания. Но, подробно очертив основные этапы войны, он трезво проанализировал главные по его мнению причины ожесточенного сопротивления горцев — грубость, некомпетентность и невежество русской администрации, совершенно не учитывавшей особенности миропредставления, обычаев и верований кавказских племен.

Оценил он и суть конфликта между великим имамом и охладевшими к нему в середине 1850-х годов горцами: «Управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к неповиновению, а выгод от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и стабильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор — не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждой на мир и удобство быта. Само собою разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склоняться на последнее»*.

И делает логичный вывод: «Отсюда ясно, что нужно для того, чтобы удержать и прочно связать с Россией новое завоевание: нужно, чтобы всем горским племенам было гораздо лучше при русском управлении, нежели было при Шамиле. Из фактов, которые мы припомним из истории Кавказа, очевидно, что не случайное появление личностей, подобных Шамилю, и даже не строгое учение мюридизма было причиной восстаний горцев против русских. Коренною причиною была ненависть к русскому господству».

Однако последняя фраза в смысловом отношении недостаточна. Приятие горцами русского владычества означало бы крушение того миропорядка, который горцы считали единственно возможным. (И несмотря на без малого полтора столетия существования в контексте российской государственности адаптации к этой государственности и системе ценностей так и не произошло. Кавказ оказался уникально консервативным психологически.)

* Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. Т. 5. М.—Л., 1962, с. 449.

Рационалист Добролюбов, конечно же, упрощает ситуацию, возлагая все надежды на умное администрирование: «Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательной перемена его на какое-нибудь другое, — тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены».

Добролюбов игнорировал как родовые особенности русской администрации, которая за все полтора века и не выработала форм, приемлемых для городского сознания, так и вышеупомянутую консервативность этого сознания.

Но в данном случае важны два момента. Во-первых, если такой непримиримый оппозиционер по отношению к самодержавному государству, как Добролюбов, признавал законность и неизбежность завоевания Кавказа, это значит, что в общественном сознании сам по себе факт завоевания сомнений не вызывал. И во-вторых, его вера в принципиальную возможность окончательного и тотального замирения горских племен.

И Пестель, и Лунин, и Розен, — не говорю уже о Зубове, — и штатский Добролюбов понимают все технологические трудности покорения Кавказа, но в принципе они оптимисты. Они — в отличие от Пушкина — верят, что тем или иным способом на Кавказе можно достичь желаемого результата. Пестель верит в реальность фактического геноцида горских племен, Лунин — в военную победу и разумную организацию управления замиренными территориями на основе либеральных идей, Розен не сомневается в действенности экономико-психологических методов, Зубов уверен в непобедимости российского оружия. Добролюбов, безусловно выразивший мнение демократического круга «Современника», уповает на просвещенную администрацию и на возможность «внушить диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта».

Каждый из них подписался бы под конечным выводом Розена: «Потомство соберет плоды с земли, орошенной кровью храбрых, и с лихвою возвратит себе несметные суммы, издержанные предками на это завоевание»*.

Недостаточность, психологическая неубедительность цивилизаторской и экономической оправдательных доктрин стали очевидно ясны в период фатальных неудач русской армии на Кавказе.

* А. Е. Розен. Записки..., с. 391.

В середине сороковых годов, скорее всего после катастрофической Даргинской экспедиции 1845 года, ветеран Кавказской войны адмирал Серебряков писал: «Силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ; мы покоряем Дербент, Баку, Ганжу и спасаем Грузию, поработленную игу изуверов, а с этим вместе последнее, слабое христианство в Азии, доблестно борющееся несколько веков с могуществом мусульманским»^{*}.

«Сила обстоятельств» здесь — это именно необходимость защитить Грузию, ставшую частью империи. И мотив спасения христианства далеко не случайно снова всплывает как определяющий. За четыре десятилетия выработать действенную идеологию этой изнурительной войны, кроме той, с которой все начиналось, — не удалось.

Следующая после Лунина подлинно историософская попытка осмыслить суть и значение Кавказской войны как проблемы, имеющей прямое касательство к будущей судьбе России, как роковой вопрос, а не просто кровавую попытку прирастить к огромному пространству империи еще один небольшой кусок территории, сделана была только по фактическом окончании войны.

В 1860 году Ростислав Фадеев, чье участие в Кавказской войне имело целью получить из первых рук материал для теоретических построений, выпустил книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны». Мы уже к ней обращались. Во вступлении Фадеев писал: «Наше общество в массе не признавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими жертвованиями добивалось покорения гор»^{**}. Это очень значимый пассаж. Через шестьдесят лет после официального начала войны — а на самом деле этот срок куда длиннее! — впервые публично ставится вопрос об истинной, а не формально-официальной цели этого колоссального государственного усилия. И далее Фадеев излагает соображения, восходящие в известной степени к лунинскому тезису об «органической идее» продвижения на юг, а кроме того, предвосхищающие известную нам мысль Покровского о неколонизационном смысле завоевания Кавказа.

«Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природою, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладания ими жертв.

^{*} См. «Звезда», 1996, № 12, с. 91

^{**} Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны, с. 2.

На Кавказе решался вопрос не экономический, или, даже если отчасти экономический, то не заключенный в пределах этой страны. Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой дела, оставался темным»*.

Когда Фадеев утверждал, что «на Кавказе решался вопрос не экономический», то есть дохода Россия ожидать не могла, то он понимал, что говорил, ибо прекрасно знал финансовую сторону войны и управления покоренными территориями и позже составлял официальные записки для наместника с подробной росписью расходов.

Уже в наше время в самой фундаментальной работе на интересующую нас тему сказано совершенно категорически: «В отличие от Закавказья и Предкавказья, Большой Кавказ не представлял для России особого экономического интереса»**.

Этот мотив экономической ущербности, убыточности приобретенных территорий имел долгую традицию. Еще в 1791 году упоминавшийся генерал Гудович, командовавший Кавказской линией, писал императрице Екатерине о землях по Тереку: «А дабы край сей стоящий уже больших сумм казне Вашего Императорского Величества приготавлился впредь к пользе государственной и к поданию доходов, а стража границ около оного не оберегала пустых земель и лесов, дерзаю представить всеподданнейшее мое мнение, чтобы перевести в удобные и выгодные места в сей край по меньшей мере десять тысяч душ государственных крестьян малоземельных из внутри России»***. Это, кстати, к вопросу об органичности колонизации... Земли Предкавказья заселялись, но с доходами дело было плохо.

В одной из записок, касающейся способов сокращения расходов на управление Грузией и Кавказом, Фадеев, в частности, писал: «Грузия не может расширяться, а потому нечего опасаться новых растрат с этой стороны. Совсем другое дело — мусульманские области. Они могут раздвинуться еще очень далеко, но уже в настоящем виде поглощают на свое искусственное управление много государственных средств совершенно бесплодно»****.

Ключевые же слова в ранее цитированном тексте: «необъяснимый прямой перспективой дела». Уже в тридцатые годы,

* Там же.

** М. Блиев, М. Дегоев. Кавказская война. М., 1993, с. 149.

*** Кавказский сборник. Т. XVIII, с. 460.

**** Р. А. Фадеев. Собрание сочинений. Т. 1, ч. 2, с. 147.

когда турецкая и персидская угрозы были сняты двумя победоносными войнами, когда ограниченную задачу обеспечения коммуникаций с Закавказьем можно было решить, не завоевывая всю Чечню и весь Дагестан, когда у Кавказского корпуса хватало сил и средств, чтобы обеспечить относительную безопасность русских поселений на линиях от набегов, гигантские жертвы людьми и деньгами для полной победы над Шамилем, с точки зрения прагматической, казались отнюдь не оправданными. Была некая психологическая данность — Кавказ должен быть покорен и войти как обычная административная единица в состав империи. Но почему?

26 сентября 1846 года у Николая I состоялся знаменательный разговор с доверенным человеком нового кавказского наместника М. С. Воронцова. Год назад русские войска были фактически разгромлены Шамилем во время кровавой Даргинской экспедиции. Ситуация на Кавказе была кризисной. Но император заявил: «Слушай меня и помни хорошо то, что я буду говорить. Не судите о Кавказском крае, как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое»*. Это был ответ Воронцову, пытавшемуся дополнить военные усилия новой экономической политикой, предоставлявшей Кавказу и Закавказью право свободной торговли. Но идея, четко сформулированная императором, имела значение куда более широкое. Речь шла о полной интеграции Кавказа в состав империи — без оговорок и послаблений. Без всякого учета его резких особенностей. Эта идея могла быть полностью реализована только методами полковника Пестеля, предложенными в «Русской правде». А коль скоро империя не решалась прибегнуть к этим методам в полном объеме, а мысль об автономности существования Кавказа, даже в случае его лояльности, была для Николая крамолой, то благополучного решения проблемы не было вообще. Это был один из страшных исторических тупиков, подобный, например, курдской трагедии...

Фадеев попытался показать многослойную основу этого явления.

«Покорение восточных гор обрадовало Россию в ее патриотизме, как победа над упорным врагом, независимо от громадного значения этого события, гораздо яснее понимаемого до сих пор за границей, чем у нас. Утверждение бесспорного русского владычества на Кавказском перешейке включает в себе столько

* Архив князя Воронцова. Т. 38. М., 1892, с. 387.

последствий необходимых или возможных, прямых и косвенных, что покуда невозможно объять их разом; они будут еще выказываться одно за другим, такою длиною цепью, что разве следующее поколение будет знать весь объем событий 1859 года»*.

Фактическую сторону войны — «объем событий» — следующее поколение, люди восьмидесятых-девяностых годов, действительно узнали достаточно подробно. Но Фадеева главным образом волнует не это. Он тут же наспех пытается выстроить историческую логику процесса, приведшего к войне до победного конца, пытается поймать ведущую идею.

«Начало Кавказской войны совпадает с первым годом текущего столетия, когда Россия приняла под свою власть Грузинское царство. Это событие определило новые отношения государства к полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам они сделались внутренними, и Россия необходимо должна была подчинить их своей власти»**. То есть выдвигаются знакомые нам тезисы — по Зубову: спасение Грузии, по Пестелю: невозможность иметь внутри государства территорию, живущую по собственным «полудиким» законам. Но Фадеев идет дальше и смотрит глубже.

«Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться, потому что занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой»***.

Это «само собой» — как аналог «силы вещей» у Пушкина, — утверждение исторической неизбежности и органичности происшедшего.

Тут вспоминается тезис Лунина о важном значении завоевания Кавказа для будущих судеб России и глубокая фраза адмирала Серебрякова, «коренного» кавказца: «Силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ». Фадеев, естественно, не читал ни того, ни другого, и эти смысловые совпадения знаменательны.

«Еще в шестнадцатом столетии, когда русский народ уединенно выростал на берегах Оки и Волхова, отделенный от Кавказа дикою пустыней, священные обязанности и великие надежды приковали к этому краю внимание первых Царей».

* Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет..., с. 2.

** Там же, с. 3.

*** Там же, с. 4.

Далее эти тезисы расшифровываются: священные обязанности — это опять-таки помощь единоверцам-грузинам, великие надежды — «доступ к золотым странам востока». Но если бы Фадеев ограничился повторением в более выразительной, быть может, форме того, что уже неоднократно говорилось до него, то не стоило бы к нему обращаться. Однако генеральная идея Фадеева иная. Речь идет о том, что при явном ослаблении Турции и Персии спор за их наследство «станет спором европейским и будет обращен против нас, потому что все вопросы о западном влиянии или господстве в Азии не терпят раздела; соперник там смертелен для европейского могущества. Чье бы влияние или господство ни простиралось на эти страны (между которыми были земли без хозяина, как, например, весь Кавказский перешеек), оно стало бы во враждебные отношения к нам... Если бы горизонт России замыкался к югу снежными вершинами Кавказского хребта, весь западный материк Азии находился бы совершенно вне нашего влияния и при нынешнем бессилии Турции и Персии не долго дожидался бы хозяина и хозяев. Южные русские области упирались бы не в свободные воды, но в бассейны и земли, подчиненные враждебному влиянию. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на Кавказском перешейке, может охватить южные берега этих морей, протянувши руки в обе стороны»*.

Это, как видим, сложно модифицированная лунинская идея о прямой взаимосвязи успехов России на юге с отношением к России западных держав. Но идеологический вектор принципиально иной — вместо нейтрального лунинского Запада, культурно родственного, и только не желающего, чтобы Россия расширялась за его счет, здесь мы имеем дело с геополитической установкой, трактующей Запад как неизбежного противника, который стремится окружить Россию и который и есть главный противник на юге. И это новый поворот сюжета: зашедшая с тыла Европа. Хотя и не единственный.

Фадеев считает, что продвижение к Кавказу началось тогда, когда «домашняя борьба с мусульманством, давившим Россию со всех сторон, была решена». Но в середине XIX века Кавказ, по Фадееву, оказывается форпостом, передовым рубежом возможного столкновения с воинствующим исламом.

«Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает внове, чему примером служит Кавказ... Для России

* Там же, с. 8—9.

Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью. Но покуда Русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах. Выбитый из европейской России, исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира — Кавказский хребет, — и достиг цели... Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет длился штурм этой гигантской крепости: вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, жертвоприношения страшные. Россия не отставала и преодолела, зная, что великим народам, на пути к назначенной им цели, полагаются и препятствия в меру их силы»*.

Кавказ, таким образом, оказывается плацдармом, на котором Россия превентивно ограждает себя от экспансии Запада и в то же время ликвидирует опаснейший очаг воинствующего исламизма, чреватого пожарами внутри империи. А кроме того, что весьма существенно, доказывает превосходство христианского духа над мусульманским фанатизмом. И еще — как во времена монгольского нашествия — Россия сковала энергию нового исламизма.

В том или ином виде эти идеи встречались не только у Фадеева, — он их сконцентрировал и ясно оформил, но только он обратил внимание на одно из важнейших следствий Кавказской войны: «Когда-нибудь Россия прочтет полную историю кавказской войны, составляющей один из великих и занимательнейших эпизодов нашей истории, не только по важности вопросов, решенных русским оружием в этом отдаленном углу империи, но по чрезвычайному напряжению человеческого духа, которым борьба ознаменовалась с обеих сторон...; по особой нравственной физиономии, если можно сказать, запечатлевшей сотни тысяч русских, передвинутых на Кавказ».

Последняя фраза важна необычайно. Фадеев первый громко заявил, что такое событие, как Кавказская война, не может пройти бесследно для самого духа народа и государства, что оно должно войти не только в процесс государственного строительства,

* Там же, с. 12—15.

но и в процесс формирования мировоззрения общества — всех его слоев. То есть он поставил вопрос о той роли, которую кавказская драма сыграла в общественном сознании России и фундаментальном психологическом устройстве русского человека. В первую очередь — прикосновенного к этой драме.

Дело в том, что деяния такого масштаба не совершаются без мощной психологической потребности той части общества, которая ответственна за решения. У русского дворянства, с одной стороны, и русского самодержавия — с другой, должна была быть неодолимая потребность в подобной войне для того, чтобы она началась и столько лет длилась. И дворянство, и правительство, а быть может, и солдаты в этой войне решали некие психологические, а возможно, и духовные задачи. Вот это прежде всего и подлежит изучению.

Увы, глубинная проблематика целого пласта русской жизни, обозначенного словосочетанием «Россия в Кавказской войне», не была с должным тщанием изучена лучшими умами прошлого века, великими аналитиками русского бытия, современниками, а иногда и активными участниками роковых событий. Достоевский вообще игнорировал Кавказскую войну в своей публицистике. Толстой, получивший офицерский чин «за отличие в делах против горцев», мало интересовался общим смыслом происходящего и рассматривал поведение людей в предлагаемых обстоятельствах. Гениальный «Хаджи-Мурат» — философская притча, приложимая к человеческой жизни вообще. Общегуманистическая рефлексия Лермонтова не мешала ему ревностно выполнять свои обязанности боевого офицера, и, быть может, слишком близкое знакомство с кровавой фактурой событий заслонило от него общий смысл происходящего. Точный и горький анализ Пушкина не получил развития и остался эпизодом в его историософской работе.

Свидетельство тому, что проблема эта необыкновенно сложна и запутанна, что ответить на вопросы — какова же была органичная ведущая идея, лежавшая в основе действий России в течение тяжелой шестидесятилетней — в минимальном исчислении! — войны, и была ли эта идея вообще, как повлияла эта война на самосознание русского человека, насколько определило торжество бульдожьего имперского упрямства дальнейшее движение государства, — свидетельство тому, что ответить на эти вопросы невозможно без углубленного изучения и неимперского подхода — полуторастилетнее отсутствие ответов.

Такой незаурядный мыслитель, как уже цитированный Данилевский, подводя итоги своим кавказским размышлениям, пи-

сал: «После раздела Польши (принципиальная параллель! — Я. Г.) едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и, особливо, недавно совершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческой цивилизацией, — ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело. Ну, на Сыр-Дарье, в Коканде, в Самарканде, у дико-каменных киргизов — еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизаторство, — все же вроде испанской мушки оттягивает, хотя, к сожалению, и в недостаточном количестве, силы России; а то у нас под боком, на Кавказе; мы бы и сами здесь поцивилизовали. Что кавказские горцы и по своей фанатической религии, и по образу жизни, и по привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны, — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое, все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, паладины свободы да и только! В Шотландских горах, с небольшим лет сто тому назад, жило несколько десятков, а может, и сотен тысяч таких рыцарей свободы; хотя те были христиане, и пообразованнее, и посмирнее, — да и горы, в которых они жили, не Кавказским чета, — но однако же Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек и при удобном случае разогнала их на все четыре стороны. А Россия под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы терпи с лишком миллион таких рыцарей, засевших в неисследимых тущобах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и, в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее с этой стороны, — держи, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы из этих разбойничьих вертепов»*.

Здесь, как видим, Данилевский собрал все ранее существовавшие основные резоны покорения Кавказа, не прибавив ничего, кроме обличения коварства Запада. Хотя об этом в несколько ином аспекте говорил уже Фадеев.

После Данилевского, в семидесятых-восьмидесятых годах началась энергичная фактологическая разработка истории Кавказской войны, публикация бесчисленных и драгоценных для историков свидетельств и документов, но концептуальное осмысление дела было отодвинуто в неопределенное будущее...

* Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, с. 37.

ПРОЛОГ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Кажется, что самое начало было неправильное.

*Декабрист А. Розен,
свидетель Кавказской
войны. 1850-е гг.*

I

Первые походы регулярных русских войск в Дагестан — казачьи набеги учитывать невозможно, да и это явление иного порядка, — относятся еще к XVI — XVII векам. В 1594 году состоялся поход воеводы Хворостинина. Поход этот — поразительная модель многих экспедиций в глубь Кавказа уже в XIX веке. Это прямая параллель знаменитому Даргинскому походу Воронцова в 1845 году. Успешное наступление, прорыв к заданной цели — у Хворостинина это столица одного из крупнейших дагестанских владетелей — шамхала Тарковского — Тарки, у Воронцова это — резиденция Шамиля Дарго. Затем, после удачного штурма и овладения крепостью — полный тупик. Невозможность сколько-нибудь долго удерживать захваченное при катастрофически растянутых и необеспеченных коммуникациях, нехватка продовольствия, болезни, блокада со стороны противника. Затем — как единственный выход — отступление. И тут-то приходит настоящая беда. Хворостинин потерял при отступлении три четверти своего отряда, Воронцов около половины. Все, завоеванное с такими жертвами, — утрачено.

Повод похода Хворостинина — союз с Грузией. Царь Федор Иоаннович титуловал себя «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей». Это была, разумеется, чисто символическая формула, но тенденцию она обозначала.

Характер государственного сознания того времени — и не только в России — подразумевал расширение территории как безусловное благо.

Следующий поход в Дагестан — на Тарки — состоялся в 1604 году, при Годунове. Сценарий был трагически схож. Московских воевод — Бутурлина и Плещеева — удивительным образом ничему не научил опыт Хворостинина, прекрасно им известный. Они взяли штурмом Тарки, отстроили крепостные сооружения, затем ввиду бескормицы часть войска ушла в Астрахань, а часть оказалась осажденной многократно превосходящим противником. Переговоры, отступление на почетных условиях, нарушение шамхалом договора и героическая гибель всего отряда вместе с воеводами... Схожая модель реализовалась во время Прутского похода Петра. И неоднократно во время Кавказской войны XIX века.

Совершенно непонятно, как московские воеводы собирались закрепиться в глубине враждебной территории, где против них было все — население, климат, отсутствие надежных коммуникаций для снабжения. Это был набег, разыгранный не по правилам набега.

Набег — вполне осмысленная и целесообразная форма ведения боевых действий — предполагал стремительный прорыв к цели, решение конкретной задачи — захват добычи, уничтожение укреплений и живой силы противника, деморализация противника, — и столь же стремительное отступление. С самого начала русские войска на Кавказе не сумели выработать рациональной тактики, соответствующей характеру театра военных действий.

Старому опытнейшему воеводе Ивану Михайловичу Бутурлину, воевавшему — и успешно — с крымскими татарами, литовцами, шведами, можно было бы задать вопросы, которые через два с половиной века были заданы одним из участников катастрофического Даргинского похода другому старому и опытному генералу графу Михаилу Семеновичу Воронцову: «Зачем было стоять целую неделю в Дарго? Имелась ли тут в виду какая-либо цель, или это была простая и бесцельная медлительность, стратегическая ошибка, ничем не исправимая и неизгладимая? Вот вопросы, на которые трудно ответить. — При вступлении нашем в Дарго, у нас раненых было немного в сравнении с тем прикрытием, которое мы могли им доставить, кроме того, войска наши были воинственного духа...»

И в том, и в другом случае дело было именно в неясности стратегической задачи. И эта неясность, неопределенность

катастрофически сопутствовала действиям русской армии на протяжении десятилетий, являясь главной причиной тяжких неудач.

О Даргинской экспедиции надо говорить специально. Это событие огромного значения для Кавказской войны, концентрат роковых проблем. Здесь же важно было показать истоки порочной традиции.

Следующим этапом — через сто восемнадцать лет — был Персидский поход Петра, и это уже была составляющая обширной и последовательной, хотя и вполне утопичной, завоевательной программы.

Для Петра Кавказ отнюдь не был самоцелью. Его цель — Восток: Бухара, Индия, восточная торговля, возможные результаты которой он сильно идеализировал. При всей прагматичности в замыслах Петра превалировали ИДЕИ. Прежде всего, идея строительства империи, не соотнесенная с реальными возможностями страны. Идея каспийского похода развивалась в голове Петра, очевидно, с начала десятых годов — после Полтавы. Прутский провал надолго исключил рывок к Черному морю. Петр переключился на левый восточный фланг — на Каспий. Волинский был послан в Персию как посол — по видимости, как разведчик — по существу. Волинский вернулся в Россию в начале 1719 года, отчитался перед императором и получил от него инструкцию, которая свидетельствовала о скором начале новой войны. В сентябре 1720 года Петр отправил к Волинскому капитана Алексея Баскакова — с тем, чтобы тот из Астрахани двинулся в Персию:

«1) Ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осматривания пути: удобен ли для прохода войска водами, кормами конскими и прочим? 2) От Шемахи до Алшперона и оттуда до Гиляни смотреть того же, осведомиться также и о реке Куре. 3) О состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться и все это делать в высшем секрете».

И устье Куры, впадающей в Каспий, и Гилян находятся значительно южнее Баку. Петр готовил дальний поход в сердце персидских земель и надеялся основать там плацдарм для дальнейшего продвижения.

Оценка этих планов, их реалистичности с точки зрения военной и экономической, осмысленности их для России в тот момент и вообще — вне поставленной здесь задачи. Я говорю об этом потому только, что грандиозный план прорыва в Индию через Каспий неизбежно увязывал в один узел взаимоотношения России с Грузией и Кавказом.

То, что раньше было вполне периферийной военно-дипломатической, проблемой, стало актуальной задачей, без решения которой невозможно было закрепить будущие завоевания.

Петр рассчитывал вести армию вдоль Каспия, частично транспортируя ее водой, частично — кавалерию — пустив сушей. Но в этом случае над правым флангом русских войск нависал Кавказ с его воинственными и не соблюдающими никаких договоров народами. И без того чрезвычайно растянутые и ненадежные коммуникации с собственно российской территорией оказывались под постоянной угрозой, а сохранение коммуникаций было для экспедиционного корпуса вопросом жизни и смерти. Это в полной мере подтвердил несчастный Прутский поход.

Опасения не замедлили подтвердиться — русский отряд бригадира Ветерани подвергся нападению в узком ущелье и понес значительные потери. Ответом была карательная экспедиция, уничтожившая крупное поселение Ендери, названное русскими Андреевской деревней. То есть мгновенно была построена модель будущих взаимоотношений: вторжение — ответный набег — карательная акция — озлобление и месть, провоцирующие новую карательную акцию, вынужденное смирение — новый набег и так далее.

Петр тогда уже понимал значение союза с Грузией для контроля над Кавказом. Волынский вел переговоры с царевичем Вахтангом о введении в Грузию русских воинских частей.

Персидский поход Петра в силу сложной международной комбинации не получил задуманного развития, но для горцев Прикаспия дело этим не кончилось. Петр поручил походному донскому атаману Краснощекову с тысячей казаков и сорока тысячами калмыков наказать тех, кто участвовал в нападениях на русские войска. Приказ был выполнен донцами и калмыками со свирепым энтузиазмом. В таких случаях не трудились отличать правых от виноватых. На следующий год экзекуцию повторил генерал Матюшкин с регулярными частями.

Таков был пролог Кавказской войны.

Драматизм и безвыходность ситуации заключались в том, что Кавказ — особенно его горная часть, непригодная для колонизации — на всех этапах взаимоотношений с Россией не был ей нужен сам по себе.

Кавказ был привходящим обстоятельством, тяжелой помехой в движении, направленном мимо него. С петровских времен Кавказ представлялся плацдармом, с которого в любую минуту мог быть нанесен удар во фланг или тыл русской армии — сража-

лась ли она с турками или с персами. Позже Кавказ стал помехой для необходимой связи России с присоединенной Грузией.

России — в принципе — нужен был союзный, лояльный, мирный Кавказ, не обязательно жестко включенный в имперскую структуру, но таковым Кавказ быть не мог в силу психологической природы своего населения, традиций, обычаев, религиозных представлений, наконец, экономических потребностей.

Мало вероятно, но все же возможно, что в петровские времена Россия и вольные горские общества — именно они, а не ханства, были основными противниками русских — могли бы договориться. Но только в том случае, если бы Россия удовлетворилась простой лояльностью. С петровского времени и до конца XVIII века в России складывалась имперская государственная доктрина, основанная на сугубо иерархическом миропредставлении, доктрина, не допускавшая партнерства с низшими, предполагавшая абсолютное включение новых народов и территорий в цельную систему.

Это не было капризом или самодурством. Это было непреодолимой психологической потребностью. В кавказском конфликте при сложении противопоказаний к компромиссу с обеих сторон он становился принципиально невозможен.

Это не получилось даже с родственной и европейски цивилизованной Польшей. Когда Александр I попытался построить отношения с Польшей на началах, напоминавших федеративные, — мы знаем, чем это кончилось.

Лунин, размышлявший в Сибири над проблемами Кавказа и Польши, утверждал, что попытка органично включить новые территории в состав империи равно не удалась как на равнинах Запада, так и в горах Востока. Происходило это от неумения и нежелания учитывать национально-психологические традиции тех, на кого направлена была экспансия.

И присоединение Грузии, и вся кавказская ситуация, которая сложилась вслед за этим присоединением, все это носило резкие черты перелома эпох — на этих территориях русский XVIII век столкнулся с веком XIX.

II

XVIII век не знал благотворительности. Екатерина, Орловы, Потемкин были достаточно безответственные политические утописты, совершенно не рассчитывающие реальных возможностей государства. Завоевание новых территорий на юге эти воз-

можности в экономическом плане явно превысило. Отсюда пошло печатание необеспеченных ассигнаций для покрытия военных расходов, соответственно, инфляция, государственные долги и так далее. Но даже они не собирались делать Грузию составной частью империи и тем самым брать на себя ответственность за весь регион. И это при том, что расширение империи на восток, мечта о прорыве в Индию была одной из навязчивых идей Екатерины. Грузия была чрезвычайно выгодным плацдармом в этом движении. Князь Авалов, грузин, писал в предисловии к своему исследованию «Присоединение Грузии к России» (второе издание, 1906 г.): «Присоединение Грузии к России было политическим событием первостепенной важности. Именно со времени этого присоединения Россия становится на путь, который, может быть, приведет ее к берегам Персидского залива»^{*}. Прекрасный знаток данного сюжета, он считал, что тенденция именно такова.

Вкратце дело обстояло следующим образом. Грузия в критические моменты неоднократно обращалась к России с просьбой о заступничестве и военной помощи. И никогда ее не получала. Наконец, в 1783 году между Грузией и Россией был заключен трактат, который объявлял Грузию вассалом российской короны, но отнюдь не частью империи. По этому трактату, что особенно важно, Грузия обязывалась порвать вассальные же отношения с Персией и Турцией. Наиболее актуальна была Персия.

Заключение трактата было несомненной провокацией как для Персии, так и для турецких владетелей на границах Грузии, а особенно для дагестанских ханов, на Персию ориентированных.

Россия прислала в Тифлис два батальона пехоты, что было жестом скорее символическим. Во всяком случае, когда через некоторое время Грузия подверглась жесточайшему набегу аварского хана Омара, русские батальоны защитить ее не смогли. Вообще положение сложилось крайне странное. Очевидно, в Петербурге поняли, что оказать Грузии реальную помощь не смогут. В 1787 году сразу после начала второй Турецкой войны полковник Бурнашев, командовавший русским отрядом, получил предписание вывести войска за пределы Грузии на Кавказскую линию. В приказе было фактическое признание нерациональности заключенного договора. Вывод русских войск мотивировался тем, что царь Ираклий II сможет лучше «обезопасить себя через возобновление прежних своих разрушившихся союзов единственно пребыванием в стране его российских войск». То есть Ирак-

^{*} З. Авалов. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906, с. III.

лию предлагалось вернуться под протекторат Персии. Объяснялось это, очевидно, тем, что Потемкин в это время вел свою особую игру с претендентами на шахский престол, а обстановка в Дагестане сложилась для России неблагоприятно.

Попытка Грузии в 1783 году отдаться под военное покровительство России обошлась ей дорого. Несчастный Ираклий неоднократно просил Екатерину выполнить условия трактата и прислать обратно хотя бы те же два батальона, но тщетно. Решение помочь Ираклию было принято только 4 сентября 1795 года, пришло оно к генералу Гудовичу, командовавшему войсками Кавказской линии, 1 октября, а 12 сентября захвативший шахский престол Али-Магомет-хан взял, разграбил и разрушил Тифлис...

Надо сказать, что в Петербурге прекрасно понимали, какую злую шутку сыграли с Грузией. Уже в 1801 году, когда Государственный совет рассматривал по поручению Александра в очередной раз вопрос о Грузии, то в протокол заседания было записано, что «протекция, какую в 1783 году давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение».

Царь Ираклий, однако, твердо держался условий трактата 1783 года и отказывался от всех мирных предложений Персии.

Игра с Грузией была для Екатерины связана с ее грандиозными восточными и средиземноморскими планами. В томе двадцать восьмом «Истории» Соловьева приведены замечательные материалы о заседании Совета, созданного императрицей для обсуждения стратегических вопросов. Там было решено возмутить против турок всех православных — как славян, так и грузин. Будущая война с Турцией, таким образом, принимала форму крестового похода против мусульман и должна была разрушить Османскую империю, отдав Восток в руки России. Присоединение Грузии оказалось рудиментом этой утопии, породившим Кавказскую войну.

Печальная особенность ситуации была в том, что второстепенная, служебная задача по причине невыполнимости задачи главной, становилась самоцелью.

Реальные очертания взаимоотношения России и Грузии приняла уже при Павле. Но там тоже были свои драматические особенности. Наследовавший Ираклию Георгий XII, сам уже смертельно больной, предписывал своим послам, отправленным в Петербург в сентябре 1799 года: «Царство и владение мое отдайте непреложно и по христианской правде и поставьте его не под покровительство Императорского Всероссийского престола, но отдайте в полную его власть и на полное его попечение, так

чтобы царство Грузинское было бы в Империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России».

Единственно, о чем просит Георгий, так это чтобы Павел «обнадежил меня Всемиловитейшим письменным обещанием, что достоинство царское не будет отнято у дома моего, но что оно будет передаваться из рода в род, как при предках моих». То есть грузинский царь становился наследственным наместником российского императора.

Это стремление полностью включить Грузию в состав России вполне объяснимо конкретными обстоятельствами.

Вообще внутригрузинский сюжет является для нас второстепенным. На нем можно было бы так подробно не останавливаться, если бы с Грузии не начался классический период Кавказской войны и действия князя Цицианова, плацдармом которого была именно Грузия, а не Кавказская линия, не определили логику войны на несколько десятилетий. Кроме того, метод, который Петербург использовал для отношений с Грузией, стал моделью отношений с Кавказом в XIX веке.

Последнюю четверть XVIII века Грузия интересовала Россию исключительно как база для продвижения в Персию и далее. Можно очень явственно наблюдать эти приливы и отливы интересов Петербурга к Тифлису в зависимости от восточных планов. Собственно, то же самое было и с Кавказом. То, что Кавказ стал самостоятельным объектом завоевания, есть некое историческое недоразумение. Именно поэтому так сложно было выстроить убедительную идеологию этого завоевания.

Пытаясь понять причины, по которым Россия совершенно для себя неожиданно оказалась втянута в шестидесятилетнюю тяжелую войну, имеет смысл сопоставить метод политического освоения грузинских и кавказских территорий Петербургом с методом, который применял Лондон в Индии. Казалось бы — завоевание и завоевание. Но было одно в высшей степени принципиальное различие. На подвластных территориях Англия оставляла значительную часть власти в руках местных владетелей. Разумеется, они были под контролем английских эmissаров, в княжествах стояли английские войска или формирования сипаев под командой английских офицеров. Но система местной власти не была ликвидирована и трансформировалась очень медленно. Равно как и не посягала Англия на местные культы. Как мы знаем, это не избавило метрополию от многих неприятностей, в том числе кровавых мятежей, но именно эта метода дала

горсти англичан возможность в короткое время поставить под контроль огромный субконтинент с населением, во много раз превышающим население метрополии.

Завоевательное сознание России было принципиально иным. Оно основывалось на стремлении жестко включить приобретенные территории в единообразную регулярную систему. Этот принцип, заданный Петром, стал фундаментальным принципом на полтора столетия вперед. При этом полностью игнорировалась органика процесса. Разумеется, проводить этот принцип идеально последовательно не решался даже самодержавный Петербург, некоторое маневрирование было. Оно, как правило, вынуждалось волнениями, восстаниями. Апофеозом этой методы были реформы сенатора Гана в конце 1830-х — начале 1840-х годов, одним махом отменившего все существовавшие до того грузинские законы — «Уложение царя Вахтанга» — и в несколько месяцев сочинившего новые, основанные на российском законодательстве. Столкновение традиционного правового мировосприятия с чисто формальной юридической системой привело к правовому параличу. В результате Николай вынужден был отменить все нововведения Гана. Но это была во всех отношениях крайняя ситуация. Начало, однако, было положено именно в период присоединения Грузии. Конечно, эта тенденция просматривалась уже в петровские времена, но тогда она не реализовалась в силу обстоятельств.

Павел манифестом, подписанным 18 октября 1800 года, объявил о согласии на просьбу Георгия. В манифесте содержался следующий пассаж: «И сим объявляем императорским нашим словом, что по присоединении царства Грузинского на вечные времена под державу нашу не только предоставлены и в целости соблюдены будут нам любезноверным новым подданным нашим царства Грузинского и всех оному подвластных областей все права, преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая, но что от сего времени каждое состояние народное вышеозначенных областей имеет пользоваться теми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древние подданные Российские по милости наших предков и нашей наслаждаются под покровом нашим».

Павел утвердил царевича Давида наследником умирающего царя Георгия.

Между тем, Павлом и графом Ростопчиным, ведавшим иностранной политикой, уже было принято негласное решение сделать наследника грузинского престола генерал-губернатором Грузии, оставив ему лишь формально титул царя. Грузия должна

была называться Царство Грузинское, но обладать статусом обыкновенной российской губернии. Одновременно российское правительство, чтобы предотвратить неизбежные распри между членами грузинского царствующего дома, решило депортировать всех царевичей и цариц в Россию. Было это, конечно же, грубое нарушение первоначальных договоренностей. Грузинский царский дом и аристократия совершенно не желали полного поглощения Грузии Россией. Речь шла для большинства из них о *действительном протекторате*. Новый поворот событий сулил грузинским князьям и дворянам весьма неопределенное будущее. Ощущение опасности усугублялось тем, что русские чиновники и офицеры, прибывшие в Грузию, вели себя как в завоеванной стране.

III

Умер царь Георгий. Убит император Павел. И окончательное решение вопроса унаследовал Александр. И тут сложилась довольно любопытная ситуация. Уже 11 апреля 1801 года грузинскую проблему бурно обсуждал Государственный совет.

В этот момент в России было два консультативных органа, к мнению которых прислушивался император, — Государственный совет и неофициальный комитет — молодые друзья Александра: Кочубей, Строганов, Чарторийский и Новосильцев. Кочубей был членом Государственного совета, и там он выступил с общим мнением «молодых друзей», категорически возражавших против включения Грузии в состав империи. Он остался в меньшинстве. Возобладало мнение Платона Зубова. Это было понятно. Государственный совет состоял в основном из «екатерининских орлов», для которых расширение империи по мере возможности было процессом самым естественным и которые еще жили в мире грандиозных проектов блестящего царствования. «Молодые друзья» были людьми новой формации, и ими двигали другие соображения. Они предпочитали сосредоточиться на внутренних реформах, а не на внешней экспансии. Тут явственно столкнулись два века, две эпохи.

Совет рекомендовал Александру принять Грузию по следующим мотивам: «1) Несогласие членов царской фамилии, тотчас по кончине царя Георгия Ираклиевича обнаружившееся, грозит слабому царству сему пагубным междоусобием; 2) открытое покровительство, которое с давнего времени Россия дарует сей земле, требует, чтобы для собственного достоинства империи,

царство грузинское сохранено было в целостности; 3) спокойствие границ российских тем обеспечится по вящей удобности обуздать своевольство горских народов». При чем Государственный совет считал необходимым учредить в Грузии временное правление из лиц, назначенных Петербургом.

Последний пункт для нас особенно важен. Вельможи Государственного совета видели в Грузии плацдарм для наступления на горские племена, что с военной точки зрения было совершенно справедливо.

Александр отверг предложение членов совета и приказал еще раз к этому вопросу вернуться. Генерал-прокурор Беклешев передал вельможам, что император питает «крайнее отвращение на принятие царства того в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой собственности». Это, конечно, была игра. Дело было не в этических моментах, хотя такая постановка вопроса характерна для либерала Александра первых лет царствования, — а в вещах более прозаических. Александр и «молодые друзья», свободные от екатерининских утопий, сознавали, хотя далеко не в полной мере, какую лавину проблем может вызвать поглощение Грузии. Не говоря уже о том, что из Грузии шли потоки жалоб на российских эmissаров, и надо было налаживать там сносную систему управления. Ясно было и то, что придется наращивать свое военное присутствие в Закавказье, что сопряжено с внушительными расходами.

13 августа 1801 года состоялось заседание неофициального комитета, посвященное Грузии. «Молодые друзья» снова решительно высказались против присоединения Грузии.

Государственный совет еще раз настоятельно рекомендовал императору Грузию принять. Колебания Александра продолжались пять месяцев. Кроме возможности втянуться в военный конфликт молодого императора, заботившегося о своей репутации, все же смущала необходимость смещения законной царской фамилии. Государственный совет постарался облегчить ему это решение, объяснив, что, по исследованию, выяснилась нелюбовь грузин ко всем возможным претендентам на престол. В Грузии сложилась ситуация, близкая к ситуации междуцарствия 1825 года. Ни один из двух царевичей-претендентов не имел полного юридического права занять престол. Как и в России двадцать пятого года все упиралось в противоречивые завещания двух царей — Ираклия и Георгия.

В решении Государственного совета говорилось: «Все сии вновь открывшиеся обстоятельства не представляют совету в присоединении Грузии ни малейшей несправедливости, а видит

он в том спасение того края, для России же существенную пользу в надежном ограждении границ ее ныне от хищных горских народов, коих обуздать можно будет, а на будущее время от самих даже турок, не говоря уже о персиянах...»

Таким образом, совет выдвигал три главных аргумента — спасение единой Грузии, которую, кроме персов и турок, губительно терзали набеги горцев, — особенно джаро-белоканских лезгин, для которых торговля грузинскими пленниками была важной экономической составляющей; приобретение плацдарма для борьбы против горских народов; безопасность тыла и флангов в случае конфликтов России с турками и персами.

После вторичной рекомендации совета, несмотря на сопротивление «молодых друзей», не без оснований опасавшихся последствий такого решения и того, что неизбежная война на Кавказе может переключить энергию общества с внутренних реформ на имперскую экспансию, Александр издал известный манифест 12 сентября 1801 года, реализация которого и стала непосредственным спусковым механизмом Кавказской войны.

Следующим шагом, определившим ход событий, было назначение на пост главноуправляющего Грузией и главнокомандующего кавказскими войсками весьма замечательного и своеобразного человека — князя Павла Дмитриевича Цицианова, что произошло 11 сентября 1802 года.

Однако прежде, чем характеризовать Цицианова, нужно представить себе, в какой ситуации в Грузии и на Кавказе должен был действовать главнокомандующий.

То решение, которое было принято относительно статуса Грузии при Павле и в секретном документе зафиксировано руководителем его внешней политики графом Ростопчиным, теперь стало явным и официальным. Грузия превращалась в российскую губернию, а монархия в ней упразднялась. Это принципиально меняло всю властную систему страны с тысячелетней историей и очень прочными традициями и, естественно, затрагивало массу интересов — как царской семьи, так и князей. Было очевидно, что царская семья неизбежно будет источником смут, и потому решили, как уже говорилось, выслать ее всю в Россию.

Приближающаяся смена системы власти — хотя никто в Грузии не предвидел, какой резкой она будет, — уже при Павле породила источник беспокойства для российских властей на многие годы. Он персонифицировался в царевиче Александре Ираклиевиче, брате царя Георгия. Александр сам претендовал на престол, а потому Георгий попытался схватить его, чтобы, скорее всего, ликвидировать. Александр бежал в горы, к лезгинам, всту-

пил в союз с персами и три десятилетия был одной из самых заметных фигур нашего сюжета, периодически объединяя вокруг себя горцев, ориентированных на Персию, и разного рода недовольных внутри Грузии.

Стоит привести только один эпизод, характеризующий остроту ситуации и силу страстей, с которой столкнулись российские власти.

Генерал Сергей Тучков, служивший в то время в Грузии и принимавший участие в депортации царской семьи, в «Записках» подробно рассказал о кровавых обстоятельствах, сопутствовавших высылке вдовствующей царицы Марии.

«Сия особа, вторая супруга царя *Георгия XII*, имея с небольшим тридцать лет от роду, была весьма чувствительна и притом слабого здоровья. За несколько времени перед сим происшествием кн. Цицианов посылал неоднократно ген. Лазарева, чтобы уговорить ее ехать в Россию. Она никак на то не соглашалась, отговариваясь слабостью здоровья, тем более, что приходится ехать верхом до самой границы, что почти необходимо. Ген. Лазарев показал ей один раз небольшие русские дрожки, на которых можно было проехать по сей дороге. Но она отвечала, что никогда не ездила на таком экипаже и что никак не согласится сесть на оный. Тогда велел он сделать довольно спокойные и хорошо убранные носилки, или портшез, по-грузински трахтереван называемые, — экипаж, употребляемый в Грузии пожилыми женщинами. Лазарев сам встал в оные и велел себя носить мимо ее окон, останавливаясь перед оными и хваля перед ней спокойность сего экипажа. Все предложения ген. Лазарева делаемы были царице с некоторого рода насмешкой и недовольным уважением. Она жаловалась на то кн. Цицианову и не получала никакого удовлетворения; отговорка же ее ехать заставила их принудить ее к тому силою. И так ген. Лазарев, окружив ночью дом ее батальоном егерей, сказал ей, что до рассвета должна она будет непременно выехать, что он объявляет ей сие именем кн. Цицианова, действующего по повелению императора Александра. На сие отвечала она ему: «Князь Цицианов был некогда мой подданный; а император российский не знаю, какое имеет право со мною так поступать: я не пленница и не преступница, притом слабость здоровья моего, как вы сами видите, не позволяет мне предпринять столь далекий путь». Ген. Лазарев говорил ей много против того; но она сказала ему: «Дайте мне отдохнуть, завтра увидим, что должно будет делать». — С сими словами вышел он от нее.

С рассветом вместе со многими офицерами вошел он в ее комнату и нашел ее сидящею на прешироком диване или софе, каковые употребительны в Азии. С ней сидела старшая ее дочь и еще две женщины, и все накрыты были большим одеялом. Ген. Лазарев начал принуждать ее к отъезду, а она представляла ему прежние отговорки. Тогда ген. Лазарев, выйдя на галерею, окружающую дом, сказал своим офицерам: «Берите ее и с тюфяками, на котором она сидит». Едва они коснулись дивана, как у царицы, ее дочери и у всех бывших тут женщин появились в руках кинжалы. Офицеры отступили, а двое из них выбежали на галерею; один кричал ген. Лазареву: «Дерутся кинжалами», а другой солдатам: «Егери, сюда!» Генерал, услышав сие, сказал последнему: «На что егерей?..» С сим словом вошел он в комнату, в которой по причине раннего утра не довольно было еще светло, да и занавесы у окна были опущены. Однако же увидел он царицу, стоявшую на полу подле дивана; а дочь ее, девица довольно высокого росту, стояла позади ее на диване, возвышенном от пола меньше фута. Царица, увидя ген. Лазарева, сказала: «Как вы немилосердно со мною поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?» И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он ее за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего своей промысел, как действовать сим оружием. Она пробила его насквозь, а дочь хотела дать ему еще удар по голове большим грузинским кинжалом. Но так как он от великой боли согнулся, то она промахнулась, и удар сей попал матери ее по руке несколько пониже плеча. И она рассекла ей руку до самой кости. *Генерал-майор Лазарев* едва мог дойти до дверей, упал и кончил жизнь.

При сем смятении тотчас дали знать *кн. Цицианову*, ген. *кн. Орбелианову*, коменданту и полицмейстеру. Все, кроме *кн. Цицианова*, поспешили прибыть и нашли царицу и прочих стоящими на прежних местах с кинжалами в руках. *Кн. Орбелианов* начал говорить царице, чтоб бросила кинжал, но она ничего ему не отвечала и ничего не делала. Тогда полицмейстер армянин, бывший еще при последнем царе в сей должности, носивший грузинское платье, взяв в руку теплую свою шапку, ухватил ею кинжал царицы, и выдернув из руки, причинил ей тем еще несколько ран на ладони. После этого она упала без чувств; а вступившие егери обезоружили прочих женщин, с осторожностью

оборотив ружья прикладами и прижимая их оными к стенам покоя. Тот же час начали их отправлять в путь, причем приказали осмотреть, не имеют ли они спрятанного под одеждою оружия. *Молодая царевна*, сидя уже на дрожках и увидя сие, вынула из кармана маленький перочинный ножичек, бросила егерям и сказала с усмешкой: «Возьмите, может быть, и это для вас опасно»*.

За тем, что происходило в Грузии, внимательнейшим образом наблюдали в горах — и владетели: ханы, шамхал Тарковский, уцмий Каракайдакский, и вольные горские общества. Уничтожение монархии в Грузии, естественно, было воспринято как вероломство и прообраз судьбы горцев. Это было прекрасным материалом для агитации, которой активно занимался, в частности, царевич Александр.

Трагическая перспектива взаимоотношений России и Кавказа определялась не столько существом процесса, сколько технологией, применяемой всеми его участниками. У Грузии не было более благополучного — при всех издержках — выхода, чем пойти под протекторат России. Но грубость и резкость применяемых военными властями методов, разнузданность чиновников заставили все сословия усомниться в правильности выбора и привели к столкновениям, перерастающим в мятежи.

После включения Грузии в состав империи лояльность Кавказа, обеспечивающая надежность коммуникаций между Россией и новым краем, стала абсолютным императивом. Если бы горцы оказались в состоянии это осознать, можно было бы искать компромиссные варианты отношений. Но чеченский общинник и дагестанский уздень, не имея сколько-нибудь ясного представления о возможностях северного исполина и логике его поведения, уверены были, что, истребив несколько экспедиционных отрядов русских, они навсегда отобьют у них охоту проникать в горы. Отказ же от набеговой практики, которая была для них — в свою очередь — экономическим, религиозным и военно-поведенческим императивом, был для них равнозначен самоуничтожению — прежде всего духовному.

Русские генералы, реагируя на вызов, не считали нужным различать правых и виноватых, не способны были выработать в этот первый ключевой период гибкую и рациональную тактику, а мощная инерция имперской экспансии, рожденной в петровский период и бурно возродившейся в екатерининский, толкала их к испытанной методе тотального подавления.

* С. А. Тучков. Записки. СПб., 1908, с. 202.

Кавказская война до победного конца была predetermined. Молодой Пушкин в эпилоге «Кавказского пленника» с романтическим восторгом очертил эту безвыходную ситуацию:

Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...

И тут неприложимы этико-оценочные категории. Обвинять в чем-то горских «хищников», русских генералов, воспевшего их Пушкина столь же бесплодно, как проклинать Цезаря, Александра Македонского, Чингисхана, Тамерлана и других потрясателей мира и создателей империй. Это столь же бесплодно, как и сетовать на изначальное несовершенство человеческой природы.

Только в XX веке европейская цивилизация, пройдя чудовищный опыт двух великих войн, пришла к представлению о принципиальной недопустимости и практической нерациональности межгосударственного насилия.

И только теперь мы имеем критерии, с помощью которых — при наличии доброй воли сторон — можно находить реальные компромиссы, отвечающие юридической и этической справедливости.

ЦИЦИАНОВ

И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом
Явился пылкий Цицианов.

Пушкин

I

Князь Павел Дмитриевич Цицианов — персонаж малоизвестный или вовсе неизвестный даже любителям русской истории. Между тем именно он заложил фундамент того многообразного, жестокого, трагического явления, которое мы называем Кавказской войной. Именно он определил основные черты взаимоотношений России и горских народов на десятилетия вперед, именно он наметил основы и силовой, и мирной политики.

Ермолов, с именем которого прежде всего ассоциируется Кавказская война, прекрасно понимал значение Цицианова, считал его своим учителем в кавказских делах и вспоминал о нем постоянно.

Здесь стоит привести выборку из ермоловских писем.

Как только назначение Ермолова на Кавказ было решено, Цицианов стал постоянным героем его писем двум друзьям и товарищам по оружию*.

* Письма А. П. Ермолова здесь и далее цитируются: М. С. Воронцову — Архив кн. Воронцова. М., 1890, т. 36; А. А. Закревскому — Сб. Императорского Русского исторического общества. СПб., 1890, т. 73 и Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. Махачкала. 1926, вып. 45.

Ермолов — Михаилу Семеновичу Воронцову, командовавшему русским экспедиционным корпусом во Франции:

«1 июня 1816 г. Петербург.

Грузия, о которой ты любишь всегда говорить, много представляет мне занятий. Со времени кончины славного князя Цицианова, который всем может быть образцом и которому там не было не только равных, ниже подобных, предместники мои оставили мне много труда».

«29 дек. 1816. Тифлис.

Наши собственные чиновники, отдохнув от страха, который всеяла в них строгость славного князя Цицианова...»

«Январь 10, 1817, Тифлис.

...Слабость и неспособность начальствовавших здесь после князя Цицианова, человека единственного!»

«Здесь надобно другого князя Цицианова, которому я дивлюсь и которого после смерти почувствовали здесь цену».

«9 июля 1818. Лагерь на Сунже.

Таким образом исчезли все предприятия славного и необыкновенного Цицианова. Злоба и невежество Гудовича изгладили до самых признаков».

«20 окт. 1818, Сунжа.

Мне приятно было прочесть и другие книжки, в которых справедливо говорится о славном Цицианове. Поистине после смерти его не было ему подобного. Не знаю, долго ли еще не найдем такового, но за теперешнее время, то есть за себя, скажу перед алтарем чести, что я далеко с ним не сравняюсь. Каждое действие его в здешней земле удивительно; а если взглянуть на малые средства, которыми он распоряжал, многое казаться должно непонятным. Ты лучше других судить можешь, бывши свидетелем дел его. От старика Дельпоццо знаю я, как он любил тебя, и ты все право имеешь хвастать, что служил под начальством сего необыкновенного человека. Меня бесит, что я никого при себе не имею, кто бы мог описать время его здесь начальствования, но думаю, что и материалов для того достаточных не найдется. Я нашел здесь архив в бесчестном беспорядке, многие бумаги растеряны, сгнили, стравлены мышами. Трудолюбивый мой Наумов собрал, что осталось; теперь он в совершеннейшем устройстве, разобран по содержанию бумаг, по годам и все в переплете. Одного недостает, чтобы в сем виде был он тотчас после смерти Цицианова».

Ермолов — Арсению Андреевичу Закревскому, дежурному генералу Главного штаба:

«18 ноября 1816 года, Тифлис.

Не уподоблюсь слабостию моим предместникам, но если хотя бы немного похож буду на князя Цицианова, то ни здешний край, ни верные подданные Государя нашего ничего не потеряют».

«26 янв. 1817, Тифлис.

По несчастью, после славного Цицианова был глупый Гудович, а что еще хуже, непримиримый Цицианова неприятель».

«Все исчадие здешних царей и владетельных князей одной бешеной собаки не стоит! Много у меня дела, а то бы принялся я за них и припомнил им времена князя Цицианова, которого одна память в трепет приводит».

В чем же дело? Явно мало для столь высокого мнения, для демонстративного превознесения личности и деятельности Цицианова только военных успехов.

Ермолов был человек недобрый, тщеславный, склонный к унижению паче гордости, можно сказать — завистливый, и такое возвеличивание предшественника должно иметь какие-то из ряда вон выходящие причины. Должно быть какое-то редкое совпадение мировосприятий, каких-то существенных черт личности, представлений о том, как именно нужно замирать Грузию и Кавказ.

Тут, очевидно, не только некое совпадение представлений, но и образ действий Цицианова драгоценен для Ермолова как спасительный опыт.

В чем же заключался этот опыт? Что это был за стиль поведения? Какая метода представлялась князю Павлу Дмитриевичу идеальной для приведения к порядку и послушанию Грузии и Кавказа? Действительно ли Цицианов совершил за три года нечто такое, что заложило фундамент русского владычества на Кавказе?

Прежде всего — что представлял из себя князь Цицианов в чисто биографическом плане? Основной биографический источник — сочинение Платона Зубова (не путать с екатерининским фаворитом). Он выпустил в двадцать третьем году небольшую книжечку под названием «Жизнь князя Цицианова», где собрал по еще довольно свежим следам — прошло менее двадцати лет со дня гибели князя — сведения о его семье, воспитании, отрочестве, формировании личности. Есть, кроме того, очень многочисленные свидетельства мемуаристов-современников.

Павел Дмитриевич Цицианов родился 8 сентября 1754 года в Москве. Отец его происходил из очень хорошего грузинского княжеского рода, который уже во времена князя Павла Дмитриевича породнился с последним грузинским царем Георгием XII,

женившимся на княжне Цициановой. Но еще при Петре дед князя Павла Дмитриевича выехал в Россию и служил в гусарах при Анне Иоанновне. Отец нашего Цицианова был человеком вполне просвещенным и не менее обрусевшим. Он обучал сына европейским языкам и вообще воспитывал его как русского дворянина. Через пятьдесят лет, в 1804 году, командующий войсками в Закавказье генерал Цицианов писал в одном из своих гневных посланий непокорным горцам: «Неверные мерзавцы!.. Вы верно думаете, что я грузинец и вы смеете так писать? Я родился в России, там вырос и душу русскую имею».

В тринадцать лет он перевел французскую книгу по военному инженерному делу, читал и переводил европейских военных теоретиков. В частности — известного французского военного писателя Фолара, сподвижника Карла XII, выдвинувшего идею атакующей колонны в противовес существовавшей тактике развернутого строя батальонов. Этой идеей впоследствии широко пользовался Наполеон.

Писал молодой Цицианов и стихи. Впрочем, в XVIII веке их писали многие. В том числе и Суворов.

Выбор Фолара в качестве материала для перевода сам по себе значим. Развернутый батальонный строй давал возможность поражать противника залповым ружейным огнем, но плотно построенная колонна выигрывала в стремительности движения и в способности таранным ударом взламывать боевые порядки противника. То, что молодой Цицианов, готовясь к военной карьере во времена, когда господствовала линейная тактика Фридриха II, обратил внимание на Фолара, свидетельствовало о его характере и военных пристрастиях.

Семнадцати лет он начал реальную службу прапорщиком в лейб-гвардии Преображенском полку, затем по собственному желанию перевелся в армию и в тридцать лет получил под командование С.-Петербургский гренадерский полк, с которым принял участие во Второй турецкой войне. В 39 лет он был произведен в генерал-майоры — пока довольно заурядная, хотя и вполне успешная военная карьера. Польское восстание 1794 года стало поворотным моментом в его судьбе.

Военная мемуаристика конца XVIII века скупа. Но Цицианов в ней встречается. Участник польской войны Л.Н. Энгельгардт писал: «Артиллерии капитан Сергей Алексеевич Тучков, к счастью, по первому удару в набат, вскоре ушел к своим двум ротам артиллерии, стоявшим на Погулянке, и нашел всю свою команду готовую у орудий. К нему мало-помалу стали прибегать от сказанных полков некоторые офицеры и нижние чины, и собралось

их до 700 человек. Он подступил к городу и стал оный канонировать; поляки хотели было атаковать его, но видя устройство его войск, опасались. Поляки потребовали от Арсеньева (взятый в плен генерал. — Я. Г.), чтобы он приказал Тучкову остановить канонаду, но тот отказался, а принудили полковника Языкова, чтоб он от имени генерала послал такое приказание. Тучков, получа сие предписание, отвечал, что пока генерала лично не увидит, то приказа не послушает, и требовал, чтоб ему его выдали. Но как начало рассветать, и он увидел, что польские полки собрались и вывезли из своего арсенала артиллерию, то, по малому числу своих войск, ретировался он к Гродне и прибыл туда благополучно, без малейшей потери, хотя при начале жарко был преследуем.

В Гродне командовал генерал-майор князь Павел Дмитриевич Цицианов. Как человек разумный и с воинскими особливими дарованиями, он был осторожен и содержал войска в должном порядке, и потому тотчас по дошедшей молве принял свои меры: дождавшись Тучкова, взял с Гродны контрибуцию, занял крепкую позицию и оставался там до времени*.

На польской войне Цицианов впервые показал свои «особливые воинские дарования», проявив необыкновенную решительность, умение психологически воздействовать на противника, используя угрозу действием вместо самого действия — как это было под Гродно.

В одном из приказов Суворов, руководивший штурмом Варшавы, поставил генерала Цицианова в пример всем остальным именно за его решительность.

Ермолов тоже воевал в Польше, тоже отличился при штурме Варшавы, но в чине капитана. Здесь он, скорее всего, услышал о Цицианове.

В 1796 году, когда Валериан Зубов был отправлен Екатериной завоевывать Восток, Цицианова приставили к нему как опытного полководца.

Как известно, Павел, вступив на престол, немедленно отозвал корпус Зубова с Каспия. Но месяцы, проведенные Цициановым на Кавказе и в Закавказье, были для него драгоценным опытом.

Что за личность был князь Цицианов? Воевавший вместе с ним в Польше, а затем уже генерал-майором служивший под его началом в Грузии Тучков писал следующее: «Он был одарен от природы острым разумом, довольно образован воспитанием, по-

* Л. Н. Энгельгардт. Записки. М., 1867, с. 163.

знанием и долговременною опытностью в военной службе, был честным и хотел быть справедливым; но в сем последнем нередко ошибался. При этом был он вспыльчив, горд, дерзок, самолюбив и упрям до той степени, что наконец через то лишился жизни... Считая себя умнее и опытнее всех, весьма редко принимал он чьи-либо советы. Мало было среди его подчиненных таких людей, о которых он имел хорошее мнение. Ежели кому не могли не хотел делать неприятности по службе, то не оставлял всякими язвительными насмешками, в чем он был весьма остр. Но за подобные ответы ему, даже в шутках, он краснел, сердился, а иногда мстил. Таковой его характер был причиною в молодости его многих для него неприятностей.

И, наконец, когда он командовал в Польше гренадерским полком, то до того дошел, что почти никто из офицеров не хотел служить под его начальством. Один из них, не снеся сделанных ему обид, до такой степени лишился терпения, что, в присутствии многих знатных чиновников, решился дать ему пощечину. Сей несчастный был тогда же арестован. Но дабы пресечь такой неприятный для него самый суд, дал он сам способ сему офицеру уйти за границу. Хотя дело этим и кончилось, но он оставался на худом замечании до кончины императрицы Екатерины II. Он имел более шестидесяти лет, когда прибыл в Грузию, но был довольно бодр и видом величав»*.

Тучков, человек в своем роде замечательный, участник культурной и политической жизни екатерининской эпохи, претерпел в своей судьбе немало несправедливостей. В том числе и от Цицианова. И потому полностью доверять его характеристике не стоит. Тем более, что он сообщает заведомо недостоверные сведения относительно «худого замечания», на котором якобы Цицианов был у Екатерины. Это неверно. Екатерина ценила и отличала Цицианова. Он вынужден был выйти в отставку сразу по воцарении Павла и вернулся в службу только при Александре.

Но значительная доля истины в тучковской характеристике есть. Князь Павел Дмитриевич был человеком могучего темперамента, что способствовало формированию полководческого стиля, но и имело, соответственно, свои немалые человеческие издержки. В генеральской среде екатерининского времени, времени больших возможностей и больших карьер, значительную роль в человеческих отношениях играли факторы служебные, карьерные. Вспомним отношение Суворова к своему продвижению, к

* С. А. Тучков. Записки. СПб., 1908, с. 196.

продвижению своих коллег. Дележ лавров и заслуг был ревнивый и яростный — благо и того, и другого было немало, а честолюбие поощрялось государыней, и сознание того, что история творится их руками, их руками и дарованиями строится империя, придавало простому служебному соперничеству особую значимость.

II

Мы помним о постоянном противопоставлении Ермоловым Цицианова и Гудовича, его слова о вражде Гудовича к Цицианову, что, по мнению Ермолова, отмахнуться от которого мы не можем, сыграло свою печальную роль в управлении Кавказом и Грузией после смерти Цицианова. Гудович не только сменил Цицианова. Он был и его предшественником на Кавказе с 1791 по 1800 год. И можно догадаться, что именно события 1796 года и определили их отношения. В девяносто шестом году, как мы знаем, Екатерина отправила Валериана Зубова, человека энергичного и храброго, но вполне неопытного в полководческом деле, завоевывать Восток. По логике вещей его наставником должен был стать уже служивший на Кавказе Гудович, но в качестве «дядьки» выбран был Цицианов. Есть основания полагать, что Гудович смертельно оскорбился.

Ситуация вообще была довольно двусмысленной — двадцатипятилетний генерал-поручик, получивший генеральский чин исключительно потому, что брат его Платон был фаворитом Екатерины, фактически отбирал Кавказский корпус у пятидесятилетнего генерал-аншефа, прошедшего долгий боевой путь. Это, однако, Гудович, воспитанный в нравах екатерининского царствования, скорее всего перенес бы. Но реальным военным руководителем грандиозного похода был назначен уступавший ему в чине и в возрасте Цицианов — и это было невыносимо.

Эта история имела свои истоки — Иван Гудович был младшим братом Андрея Гудовича, любимца Петра III, и вместе с ним оказался под арестом после переворота 1762 года. Оба брата учились в Германии — в Кенингсбергском и Лейпцигском университетах, были способными офицерами. Но близость к свергнутому императору стоила старшему карьеры, а младший, очевидно, никогда не вошел в число особо доверенных деятелей екатерининского царствования.

Иван Гудович оставил в своей автобиографической «Записке» описание этой щекотливой ситуации: «В начале 1796 года получил я повеление изготовить войска, на Кавказской линии стоявшие, и послать в Персию, поруча оные в команду присланному из Петербурга генерал-поручику графу Валериану Зубову, снабдив его как наставлением, так и всем нужным для похода. Посему изготовленные войска прибыли в лагерь недалеко от Кизляра, в удобном месте назначенный, 2-го апреля, и сделан был мост на реке Тереке, а по прибытии оного генерал-поручика в Кизляр, где и я тогда находился, назначенные к походу войска с линии перешли через реку Терек во всей исправности. Заготовлено в Астрахани сто тысяч четвертей провианта для доставления оного морем, куда надобность потребует в Персию, и заготовлена эскадра Астраханская под командою одного контр-адмирала, который должен был впредь зависеть от генерал-поручика графа Зубова. Затем отправил я генерал-поручика графа Зубова в апреле месяце с войсками к Дербенту, который еще не был взят, дав ему мое наставление, 1000 верблюдов и 1000 волов, для доставления за ним провианта. По отправлению сей экспедиции, будучи в Кизляре, получил я жестокую болезнь, и коль скоро мог везен быть, отъехал я в квартиру мою в город Георгиевск, а между тем прибавлены были еще войска извнутри России к генерал-поручику графу Зубову, как регулярной конницы, так и казаков под командою тогда бригадира, а ныне донского атамана графа Платова. Прибыв в Георгиевск по представлению генерал-поручика графа Зубова доставлял я ему еще верблюдов и волов большое число. Генерал-поручик граф Зубов по покорении Дербента пожалован был не по старшинству генерал-аншефом и уже от меня не зависел. (В 25 лет! — Я. Г.) Бака по приближении эскадры сама сдалась без сопротивления, а генерал-аншеф граф Зубов терпел нужду в провианте, которого хотя довольно привезено было в Баку, но по отдалении взятого им лагеря от Баки, доставлением оного оттуда безводною и бесфуражною степью на верблюдах и волах понес великий урон в доставлявших оный верблюдах и волах. Также стоявши долговременно в одном лагере близ гор, он понес знатный урон в лошадях конницы».

Тут ничего не сказано прямо, но все нюансы настроений и отношений ясны. *И ни слова о Цицианове.*

Мне удалось найти у Гудовича только два упоминания Цицианова, и оба содержат негативную оценку его военных дарований. Особенно выразительна вторая. Подступив в 1808 году к Эривани, которую в свое время не смог взять Цицианов, Гудович

в прокламации жителям крепости писал: «Не берите в пример прежней неудачной блокады Эриванской крепости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками князь Цицианов, из молодых генералов, не столь еще опытный в военном искусстве, а теперь командую я, привыкший уже водить более тридцати лет сильнее российские армии».

Вряд ли можно было считать пятидесятилетнего Цицианова «молодым генералом». Но неприязнь Гудовича искала выхода.

Болезнь Гудовича была дипломатического свойства. Оскорбленный всем происшедшим, он попросил отставки и получил ее. Но как только в этом же году умерла Екатерина и воцарился Павел — все перевернулось: Гудович был немедленно — из-под Воронежа — возвращен на Кавказ (и он сразу выздоровел!), а Зубов и Цицианов оказались в отставке. Армию с Каспия вернули на линию.

Схожей ситуации суждено было повториться еще раз. Гудович в 1800 году вышел в отставку. В Грузию послан был генерал Кнорринг. В 1802 году его сменил Цицианов — это был тот «славный период» до 1806 года, о котором поминает непрерывно Ермолов. Затем убитого Цицианова снова сменил Гудович и, по утверждению Ермолова, испортил все, что удалось построить Цицианову. Сюжет этот довольно запутанный и туманный, но мы только попытаемся в нем разобраться.

Но сперва нужно осознать разницу военного, политического и психологического контекста, в котором сформировались кавказские доктрины двух генералов.

Гудович — девяностые годы XVIII века. Грузия только формально под российским протекторатом. Противостояние с горцами идет только со стороны Северного Кавказа. У горцев прочный тыл, свободное сообщение с Турцией через Черное море даже после взятия Гудовичем в 1791 году Анапы, — это глубокий правый фланг Кавказского театра. О том, что делается в глубинах Кавказа — в Дагестане, Чечне, — представление самое отдаленное. В Петербурге — особенно. Гудович вынужден заниматься ликбезом, достаточно поверхностно объясняя Екатерине, кто есть кто.

7 ноября 1791 года он отправляет в Петербург обширное донесение, в котором, в частности, пишет: «Ближайший из ханов к границам российским — Шемхал Тарковский, которого владение начинается против Кизляра за Терекком, позади народа, называемого кумыки, подданных Вашего Императорского величе-

ства за Терекон против Кизляра обитающих. Сей хан, живущий в городе Тарках и владеющий Дагестаном по берегу Каспийского моря, оказывая всякое усердие свое к Высочайшему Престолу Вашего Императорского Величества, находится со мною в сношении и в последнем ко мне письме, недавно полученном, делает многие уверения о верности и преданности своей к Вашему Императорскому Величеству... Сей хан в большом уважении у многих малых персидских владельцев, его окружающих — хана шемахинского и других; держит их спокойными, давая перевес своим пособием, и, сколько я мог приметить, сам спокойного расположения. За ним дербентский Ших-Али-хан, находящийся также в сношении со мною...» Этот идиллический взгляд отнюдь не соответствовал сущности отношений. И дело было не в наивности Гудовича, а в установке, о которой мы ниже поговорим.

С той же степенью глубины Гудович обрисовывает и положение племен. «Соседние народы, в здешней стороне прилегающие к границам империи Вашего Императорского Величества, начиная от Черного моря: часть большой Абазы, горный народ, прозываемый натухажцы, больше числом всех прочих, которого земли начинаются в 20-ти верстах по Черному морю далее Суджук-Кале в горах и простираются вверх по Кубани до ста верст. Сей народ по взятии Анапы входил в подданство В. И. В. и давал аманатов. ...Подле сих, на вершине реки Урупа, вытекающей из гор и впадающей в Кубань, к горам, малый закубанский народ, прозываемый Бишильбай, не входящий в подданство. Все сии народы, по большей части, мало упражняясь в хлебопашестве и скотоводстве, имея и хорошие земли и разные другие выгоды, не знающие никакого другого торгу, кроме продажи краденых людей, ни ремесла другого, кроме делания употребляемого ими оружия, живущие в самых дурных хижинах и шалашах, называемых аулами, из которых некоторые переносятся с места на место, не имеют ни чиновачальства и никакого понятия о нравах, почитая и самое воровство людей, так и прочего за удалые поступки и добродетель, а оттого и все в бедном состояний... Подле карабулаков, вниз по Тереку и по реке Сунже, начиная от Моздока, против Наура и до станиц Гребенских казаков живут чеченцы, народ злой, дикий, к хищничеству и воровству более всех горских народов склонный; онго не много и не более как тысяч до пяти». Но дело не только и не столько в весьма приблизительном представлении генерала о кавказских народах, а в том, что ему не важны особенности этих народов. Очевидно, образование, полученное в Германии, в сочетании с

Чеченец.

несколько примитивными просветительскими принципами, бытовавшими в России, и имперским высокомерием — эта смесь заслонила от Гудовича кавказскую реальность и толкнула его к простой системе отношений с горскими владельцами, напоминающей «ордынский стиль», примененный монголами по отношению к русским княжествам, — не вдаваться в сложную жизнь подвластных образований, но ориентироваться на одну или две силы, которые, соблюдая вассальную верность, будут регулировать все пространство. Для Гудовича это шамхал Тарковский, возможности которого он преувеличивал.

Гудович явно не думал об интеграции — даже в будущем — кавказских территорий в состав империи. Его принцип — вассальные отношения.

Контакты Гудовича с представителями горских племен напоминают беседы адепта просветительской педагогики генерала Бецкого, который был уверен, что правильным воспитанием можно вывести идеальную породу людей, с воспитанниками его интернатов. — «Я старался приезжавшим ко мне вошедшим в подданство внушать о хозяйстве и о добронравии, могущем составить собственное их благосостояние, внушал им при отпуске их аманатов, сколько они чувствовать должны Высочайшую милость

Солдат Кавказского корпуса

В. И. В., не потерпевши в нынешний последний поход ни малейшего в жилищах своих разорения, заслуживая довольно наказание за сделанные ими прежде набеги, подтвердил им письменно и внушил словесно, чтобы они впредь от всякого хищничества и воровства воздержались, дабы не подвергнуть себя гневу В. И. В. и наказанию; со всем тем, по причине беспорядочной их жизни, ветрености и безначалия, нельзя положиться, чтобы они не продолжали хищничества и воровства на правую сторону Кубани в границы российские». Можно представить себе, какое впечатление производили эти душеспасительные беседы на поседельх в набегах и междоусобицах дагестанских узденей, о которых Гудович толкует в терминологии проповедника, наставляющего на путь истинный падших женщин, — «беспорядочной их жизни, ветрености...» Это, я полагаю, вполне соответствовало и представлениям императрицы Екатерины, и ее позиции «матери народов». Далее Гудович писал о закубанцах: «Образ жизни их до сих пор беспорядочный, и хотя по данной им в последний раз В. И. В. подданнической присяге, должны они во всем зависеть от начальника, здесь поставленного, но они привыкли к прежним своим обыкновениям, не имея между собой никакого суда, ни чиновачальника, почитают важные пороки и самое убийство за малые

поступки, делая за оное только междоусобное мщение и грабеж. Дерзая при сем В. И. В. донести верноподданнейшее мое мнение, что ежели в сем народе не учинить суда и порядка, то оный будет государству В. И. В. бесполезен и самому себе во вред и разорение».

Здесь две вещи очевидны. Во-первых, психоцентризм европейца, воспринимающего поведение горцев не как иную — пускай и враждебную, и порочную — но принципиально иную систему мировидения и соответственно систему регуляций человеческих отношений, а только как ветреность и распущенность, непонимание собственной пользы. Гудович смотрел на горцев как на порочных российских недорослей, которым недостает правильного понимания — что такое хорошо и что такое плохо. Во-вторых, в его послании вовсе не чувствуется воинственности, оно не агрессивно. Он верит, что есть способы «учинить в сем народе суд и порядок». И способы эти он явно связывает с местными владельцами.

III

Цицианов был человек абсолютно иных представлений. Может быть, тут сказалось его восточное происхождение, но, во всяком случае, он проявил биологическую чуткость к сути происходящего на Кавказе, к сути взаимоотношений этих людей, живущих отнюдь не по европейским законам века Просвещения.

В поведении Цицианова по отношению к горцам, да и грузинам нет и следа «просветительской педагогики» Гудовича. Этот стиль он отмел демонстративно и категорически.

Известный историк Кавказской войны Н.Ф. Дубровин точно и просто сформулировал принципы Цицианова: «В своих административных распоряжениях князь Павел Дмитриевич становился в положение азиатских владельцев. Каждый из ханов, принявших подданство России, был в глазах главнокомандующего лицом, ему подвластным. Относительно тех ханов, которые еще сохраняли свою независимость, князь Цицианов относился как сильный к слабому. Он поступал в этом случае точно так же, как поступали между собой ханы и даже мелкие владельцы». А перед этим Дубровин писал: «Вступая по своей обязанности в соприкосновение с различными ханами, хищными по наклонностям, коварными и вероломными по характеру, присущему всем азиатцам, князь Цицианов решился поступать с ними совершенно иначе, чем поступали его предместники. Вместо ласки и ус-

тупки в различного рода претензиях, по большей части неосновательных, новый главнокомандующий решился поступать твердо, быть верным в данном слове и исполнять непременно обещание или угрозу даже в том случае, если бы она была произнесена ошибочно»^{*}.

Эти утверждения Дубровина почти справедливы — с той лишь поправкой, что Цицианов все же не всегда приводил в исполнение свои угрозы. Каковы они были — мы сейчас увидим. Но принцип поведения нового главнокомандующего очерчен совершенно верно. Цицианов решил вести себя соответственно представлениям местных владетелей — то есть, как восточный деспот, представляющий при этом цивилизованную европейскую державу. Эта двойственность, очевидно, в известной мере соответствовала особенностям личности князя Павла Дмитриевича — с одной стороны, типичного московского барина, екатерининского вельможи (это явствует из писем к нему его близкого друга графа Ростопчина), русского генерала с соответствующими понятиями, с другой — человека, который легко вживался в образ могучего сатрапа, хана над ханами, не останавливающегося ни перед какими средствами для достижения полного повиновения — себе, а соответственно — России. Как увидим, очень схожую модель поведения выбрал и Ермолов, хотя для него это была в гораздо большей степени игра, чем для Цицианова.

Нам нужно все время помнить следующее обстоятельство: в этот первый период «классической» Кавказской войны — 1800-е — 1810-е годы — главным объектом внимания, главным противником или союзником считались ханства. Даже Ермолов уже во второй половине 1810-х годов ориентирован был на борьбу с ханствами прежде всего. Однако довольно скоро он понял свою ошибку, понял, что основная и непримиримая сила, противостоящая русской экспансии, — вольные горские общества. Надо иметь в виду и то, что психология деспотических образований — ханств существенно отличалась от психологии граждан вольных обществ. Одни привыкли к деспотизму и иерархии, для других подчинение чужей-то посторонней, чуждой власти означало катастрофическое крушение всего миропорядка, потерю органичного мироощущения и самовосприятия. Отсюда и уровень непримиримости.

Для Гудовича подлинным традиционным врагом были Турция и Персия, а ханства — второстепенным фактором. Для Цициа-

^{*} Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. т. IV, с. 28.

нова именно Кавказ и Закавказье были главным пространством деятельности и сферой приложения сил. А Персия виделась ему источником враждебных импульсов, посылаемых в родственные ей этнически и психологически ханства. Поэтому борьба с Персией и победа над ней были неперенным условием покорения и устройства Кавказа, а соответственно и устройства Грузии. И наоборот — устройство Грузии давало возможность успешного продвижения в глубь Кавказа.

Гудович смотрел на кавказские дела со стороны. Цицианов вторгся в самую глубину — и материально, военными средствами, и — главное для нас — психологически.

Мы помним весьма приблизительные характеристики кавказских владетелей, отправленные Гудовичем императрице. Сравним их с подобными же описаниями Цицианова: «Ших-Али-хан Дербентский и Кубинский высокомерен, надменен, предприимчив, властолюбив, интригант, довольно храбр, славолюбив и всем пожертвует для сего последнего свойства, устремляя все старания и направляя все пружины к большим приобретениям; при всем том роскошен и сластолюбив. Цель его — поставить в Ширвани ханом Касима, с тем, чтобы слабостию его воспользовавшись, иметь влияние на его владения, посредством его, так как бакинский всегда был данником ширванского, ныне владеющего Бакою хана сверзить и поставить ему угодного; также по слабости Касима отнять у него Сальян, яко владеемый перед сим Ших-Али-хановым отцом, Фетх-Али-ханом, а ныне от кубинского владения отделенный и присвоенный Мустафою-ханом ширванским. Связи его искренние с Шамхалом Тарковским, потому что сей прост, не может ни препятствовать его предприятиям, ни сильно помогать по местному его отдалению от тех мест, где Ших-Али-хан должен по плану своему вести войну... Связи его не искренние с Сурхай-ханом казикумухским, ныне восстановленным, потому что Сурхай-хан есть один из храбрейших и сильнейших владельцев лезгинских в Дагестане, и они, ревнуя один другого силе и могуществу, никогда не могут иметь между собой искренней связи.

По свойствам того же Ших-Али-хана, по деятельности его и интригам, полезнее для России унижать и ослабевать его, давая знаки покровительства имеющему претензии на Дербент аге Алибеку, или, буде возможно, под видом помощи ввести гарнизон в Дербент, а со временем и отдалить его Ших-Али-хана, восстанови слабейшего и не столь предприимчивого агу Алибека...

Мустафа-хан ширванский: храбр, хитер, умерен в расходах и оттого любим чиновниками. Любит охоту, довольно славолюбив,

предприимчив и не менее Ших-Али-хана осторожен, а в военном деле искуснее его... Мог бы полезен быть для России, если б в душе своей не носил ненависти к ней... Сурхай-хан казикумьхский: весьма храбр, почетен от всего Дагестана, непримиримый враг христиан, тверд и осторожен. Связи его теснейшие с аварским ханом, сколько по соседству, столько и по взаимному почтению, впечатленному храбростию и силою обоих».

Перед Цициановым вся многосложная картина связей и особенностей всего Дагестана, дающая ему возможность эффективно вмешиваться во внутрикавказские дела. Это уже совершенно иной уровень понимания ситуации, чем у Гудовича. И принципиально иная установка.

В декабре 1802 года, вскоре после приезда на Кавказ, Цицианов писал канцлеру Александру Романовичу Воронцову: «Ваше сиятельство изволите мне приказывать, чтобы я сказал свой образ мыслей о принятии горцев и персидских ханов в подданство. Во исполнение чего имею честь доложить со всею откровенностью и усердием к службе.

Подданство вообще ханов и горских владельцев есть мнимое; поелику оно не удерживает их от хищничества и притеснения торговли. ...Итак, чем менее подданства, тем менее оскорбления достоинству Империи».

В 1804 году главнокомандующий писал Ибрагим-хану Карабахскому: «Письмо ваше, ни малейшего существа дела в себе не заключающее, но коварной души персидской образ являющее во всей полноте, я получил... и вы за таковую персидскую политику кровью своей заплатите, как и Джевад-хан. Я вашей покорности и подданства не желаю и не желал, поелику я на вашу персидскую верность столько надеюсь, сколько можно надеяться на ветер».

Это вовсе не означало, что Цицианов отказался от расширения российских владений. Наоборот, он намеревался расширять их, постепенно ликвидируя ханскую власть как таковую — сам институт ханской власти на Кавказе. Цицианову нужно не условное подданство, а полное покорение. Для этого он намеревался стимулировать междоусобицы и одновременно занять русскими гарнизонами Баку и Дербент. Александр I был настроен скептически относительно планов бакинского похода, считая, что таким образом Россия восстановит против себя горских владетелей, не имея достаточно сил чтобы привести их к повиновению оружием. В присылке дополнительных войск он Цицианову отказал. Позиции Петербурга и Цицианова радикально рознились. В Петербурге считали, что нужно идти именно по пути вовлечения

ханов в русское подданство и всевозможными мирными способами закреплять их в этом положении, а Цицианов был уверен, что только демонстрация силы и ослабление системы ханств с последующим ее уничтожением может привести к спокойствию в Грузии, укреплению границ и овладению Кавказом. Александр в принципе не исключал продвижения на восток и расширения в этом направлении пространства Грузии и империи вообще. Он только считал это преждевременным. На что Цицианов отвечал очередным программным документом: «Приемлю смелость всеподданнейше представить мнение мое благоусмотрению В. И. В. по поводу изображенного сомнения, не откроются ли через сие прежде времени настоящие виды наши и не поколеблется ли тем доверенность, к нам прочих ханов».

«Настоящие виды» Цицианова не совсем совпадали с намерениями Петербурга и были гораздо радикальнее. В воспоминаниях Тучкова есть такой многозначительный эпизод: «Он (Цицианов. — Я. Г.) хотел решительным средством пресечь мятеж в Грузии и набеги лезгин. А через войну с Персией, которую непременно искал повода начать, хотел показать молодому императору Александру великие свои способности. Один раз, смотря со мною на карту Азии, указал он на персидский город Дербент и сказал мне:

— Я хотел бы, чтобы вы были там военным губернатором или, — указывая на Имеретию, — здесь были тем, чем я в Грузии.

Я поблагодарил его за добрые обо мне мысли и сказал, что оба сии места еще не у нас в руках».

Конечно, Цицианов был честолюбив, но приведенным Тучковым мотивом его стремление спровоцировать войну с Персией не исчерпывалось.

Персию и персиян он ненавидел и презирал. Возможно, это было генетическое чувство потомка грузинских аристократов, столь много потерпевших от персов. Возможно, эта ненависть базировалась на памяти о чудовищных бесчинствах, которые совершали персы и их союзники-горцы, особенно лезгины, по отношению к грузинскому населению. У Гудовича не было этих личных мотивов.

И, конечно же, у князя Павла Дмитриевича были обширные стратегические планы, соответствующие, по мнению Цицианова, фундаментальным целям России в этом регионе.

В цитированном выше донесении императору князь Павел Дмитриевич так отвечал на сомнения Александра: «Поелику ни один народ не превосходит персиян в хитрости и в свойствен-

ном им коварстве, то смею утвердительно сказать, что никакие предосторожности в поступках не могут удостоверить их в благовидности наших предприятий, когда заметить можно даже в нравах грузинского народа, почерпнувшего из Персии вкупе с владычеством неверных некоторую часть их обычаев, что самые благотворные учреждения правительства нередко приводят оный в сомнения и колеблют умы недоверчивостью... Страх и корысть суть две господствующие пружины, коими управляются дела в Персии, где права народные вкупе с правилами человечества и правосудия не восприняли еще своего начала, и потому я заключаю, что страх, наносимый ханам персидским победоносным оружием В. И. В., яко уже существующий, не может вредить нашим намерениям, поколику почитаю я оный необходимым. (Ясно, что Цицианов считает положение в России соответствующим «правилам человечества и правосудия», во всяком случае далеко превосходящим по этим параметрам положение в Персии, и потому здесь присутствует явный оттенок осознания цивилизаторской миссии России на Кавказе и в Закавказье, чего у Гудовича при всем его морализаторстве не было. — Я. Г.) Напротив того, причины доверенности к будущим подвигам нашим имеют уже твердое основание у соседственных народов, которые удостоверятся очевидно в благодати российского правления, несмотря на злоупотребления, при первом шаге в Грузии вкоренившиеся, по всеобщему разуму милосердных законов В. И. В., ограждающих личность и собственность каждого, единодушно воздыхают о событии того происшествия, когда они сделаются подданными сильной и правосудной державы и чадами единого милосердного отца». Последний пассаж относится только к христианским народам — армянам и грузинам. Те, кого Цицианов относил к азиатам, заслуживали отношения совершенно иного. Князь Павел Дмитриевич формулировал его так: «Азиатский народ требует, чтобы ему во всяком случае оказывать особое пренебрежение».

IV

Цицианов с самого начала выбрал позицию, сутью которой было моральное подавление реальных и потенциальных противников на Кавказе.

Унижение ханов в собственных глазах и в глазах их подданных должно было подготовить их окончательное вытеснение.

Вот образец послания Цицианова к одному из владельцев, султану элисуйскому: «Бесстыдный и с персидской душою сул-

тан! И ты еще ко мне смеешь писать. Дождешься ты меня к себе в гости, за то, что части дани своей шелком не платишь целые два года, что принимаешь беглых агаларов Российской империи и даешь им кровлю и что Баба-хану с джарцами посылал триста человек войска.

В тебе собачья душа и ослиный ум, так можешь ли ты своими коварными отговорками, в письме изъясненными, меня обмануть? Было бы тебе ведомо, что если еще человек твой придет ко мне без шелку, которого на тебя наложено сто литр в год, то быть ему в Сибири, а я, доколе ты не будешь верным данником великого моего Государя Императора, доколе буду желать кровию твоею сапоги вымыть».

Цивилизаторский оттенок деятельности с ориентацией на Россию как эталон подтверждается и отношением Цицианова к грузинам — а здесь никакой исторической и национальной вражды быть не могло: «Вникая в нрав грузинского народа, усматриваю я из частных опытов, что всякое образованное правление до времени остается в Грузии без действия. Природа, определившая азиатские народы к неограниченной единоначальной власти, оставила здесь неизгладимую печать свою. Против необузданности и упорства нужны способы сильные и решительные. Кротостью российского правления и разными пронырствами укрываясь от гонения законов, хвастают ненаказанностью порока. Колико препон в судопроизводстве гражданском! колико старинных распрей между князьями грузинскими и капитан-исправниками единственно оттого, что они привыкли измерять важность начальства по важности лица, ими повелевающего; что слово закон не имеет для них никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитан-исправнику, родом и чином незнатному».

Далее следует замечательная по емкости фраза: «Для них все ново, для нас все странно...»

Тут любопытно, что Цицианов, очевидно, учитывая либеральные взгляды Александра — а это текст донесения императору от 13 февраля 1804 года — обличает «неограниченную единоличную власть», как будто в России был другой тип правления. Понятно, что Цицианов имеет в виду восточный, ничем в моральной и юридической сфере не ограниченный деспотизм в противовес просвещенному абсолютизму европейского типа. «Кротость российского правления», которое кротостью выделялось только на фоне средневековой жестокости восточных владык, казалась и грузинам, и горцам не только слабостью, но и нелепостью, ибо они веками привыкли к судопроизводству неформальному и бы-

струму. Бюрократический гуманизм новых установлений казался им издевательством. Постепенно Цицианов это понял и подал императору записку, в которой, в частности, писал: «Сколь ни справедливо и то уважение, что нужно когда-либо сблизить нравы с российскими узаконениями, но дабы совершенно успеть в сем предприятии, я думаю, что законы должны избегаться по нравам, ибо сии последние едиными веками, а не насильственными способами преломляются». Но те выводы, к которым он постепенно пришел в отношении единоверцев грузин, не распространялись на ханства. Они были образцом азиатского деспотизма и потому не имели в глазах Цицианова, а затем и Ермолова, права на существование не только по причинам геополитическим, но и моральным...

Как уже говорилось, Гудович в большей степени, Цицианов в меньшей, недооценивали роль горских обществ в военно-политической жизни Кавказа и главное внимание обращали на ханов и ханства. Это понятно — генералы лучше воспринимали иерархическую систему, близкую российской. Военная демократия вольных обществ была им совершенно непонятна. Но с самого начала деятельности Цицианову, тем не менее, пришлось заняться проблемой джаро-белоканских лезгин, являвших собой именно вольное общество. Джары и Белоканы были центрами лезгинских областей, откуда совершались постоянные опустошительные набеги на Кахетию. Лезгины, жившие в Ахалцихском пашалыке, турецком владении, тревожили Картли. Но джаро-белоканские лезгины были подлинным бедствием. Ежегодно сотни семейств захватывались ими и продавались в рабство через турецких посредников.

В марте 1803 года отряд генерала Гулякова, посланный Цициановым, после тяжелого боя взял и сжег Белоканы, истребив до 500 лезгин. Но нас сейчас интересует не военная сторона дела, а стиль отношений Цицианова и полуусмиранных горцев, вполне соответствующий стилю его отношений с ханами. И здесь, в этом первом конфликте с вольным горским обществом князь Павел Дмитриевич сделал ставку на ту же методу — устрашение и моральное подавление оппонента. Главным было — показать противнику его ничтожность по сравнению с Российской властью, его жалкость и смехотворность его претензий на любое волеизъявление. Так он писал карабахскому хану Ибрагиму, не последнему на Кавказе владельцу: «Слыхано ли на свете, чтоб муха с орлом переговоры делала, сильному свойственно приказывать, а слабый родился, чтоб сильному повиноваться».

Разумеется, умный Цицианов знал, что делал — он сознательно и настойчиво провоцировал своих противников, предоставляя им выбор — или признать свое полное ничтожество и безропотное унижение и отдаться во власть «сильного», или попытаться встать и тем самым предоставить Цицианову возможность пустить в ход военную силу и подавить таким образом. Это было особенно эффективно по отношению к ханам, которые оказывались в безвыходном положении. Снести оскорбления и угрозы означало потерять достоинство и авторитет, вступить в конфликт с главнокомандующим — дать повод к занятию ханства русскими войсками.

По отношению к обществам этот метод был не столь рационален, но они пока не воспринимались Цициановым как некая самостоятельная проблема, и потому ничего иного он для них не придумывал.

В октябре 1803 года, уже после того, как джаро-белоканские лезгины были разгромлены и обложены данью, от которой они, естественно, пытались уклониться, Цицианов так отнесся к джарцам: «Я вижу из письма вашего, что один обман суть основанием всех ваших уверений; вижу и то, что кротость моя и милосердие не действуют над вами. Вы бедностью отзываетесь, не будучи бедны; буде ж шелка нет, пришлите за первый срок 11000 рублей русских серебряных или 4230 червонцев и 2 рубля серебром; приготовьте к 1 ноября такую же сумму — и тогда я вам отец буду, тогда покажу я, как кротко и милостиво российское правление. Но видно вы не чувствуете моей жалости к пролитию вашей крови реками и лишению вас домов ваших и имения; ждите времени, соберите всех дагестанцев и готовьтесь перемерзнуть в снегу между гор, буде стоять устраситесь. Не обманите вы меня другой раз, потреблю вас с лица земли и не увидите вы своих селений; пройду с пламенем по вашему обычаю, и хотя российские не привыкли жечь, попалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле. Увидим, помогут ли вам дагестанцы выгнать меня и будут ли в состоянии оное сделать. Знайте, что писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости, — не генерала я к вам пришлю с войсками, а сам приду, земли вашей области покрою кровью вашей, и она покраснеет; но вы, яко зайцы, уйдете в ущелья, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи поколеете. Дагестанцы же, коих вы оставили зимовать, будут свидетелями тому и тоже помрут; вы хлеб увезли в ущелья, но со смертью своею есть его будете... Великий мой государь велел мне вас на-

казать, буде дани не заплатите; он уже изволит ведать о том, что в августе месяце шелк не привезен».

Дело тут, конечно, не в шелке и не в серебряных рублях. Это символы покорности. Здесь надо обратить внимание на упорное возвращение Цицианова к дагестанцам. Цицианов видит намечающийся союз горских обществ против России, и это кажется ему самым опасным в ситуации. Послание явно рассчитано на то, что его содержание узнают и те дагестанские воины, что пришли на помощь лезгинам на случай еще одного столкновения с русскими. Причем, судя по тому, что здесь не упоминается хан, чьими подданными являются дагестанцы, они представляют именно какие-то вольные общества. Цицианов уже понимает, что России рано или поздно придется решать кавказскую проблему в полном объеме, и начинает превентивную психологическую войну с будущими противниками. Этот дагестанский мотив и в следующем послании явно перекрывает мотив невыплаченной подати.

Это послание джарцам от 31 марта 1804 года. — «Неверные мерзавцы! Я вас много раз уговаривал, а вы призвали дагестанцев и теперь хотите, чтоб я вам поверил и помиловал, да и дерзаете писать, что мне неприлично. Вы верно думаете, что я, грузинец, и вы смеете так писать? Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моего посещения, и тогда не дома я вам сожгу — вас сожгу, из детей ваших и жен утробы выну. Вы думаете до снятия хлеба быть покойными, но я вас Богом уверяю, что не будете есть вы джарского хлеба, доколе не заплатите требуемого. Вот вам, изменники, последнее мое слово».

Вот еще одно послание к джарским лезгинам, особенно важное по прямому противопоставлению джарцев и дагестанцев, союз которых, повторяю, более всего в этой ситуации тревожил Цицианова, ибо означал возможность для лезгин получать неиссякаемые подкрепления из труднодоступного еще Дагестана: «Вас Бог наградил землю богатою, дающею вам стократный плод. Дагестанцам же Бог судил жизнь свою погублять за кусок хлеба (имеется в виду «набеговая экономика». — *Я. Г.*) и не наслаждаться в будущей жизни блаженством (тут генерал совершенно не прав, — он подходит к вопросу с христианской точки зрения, считая разбой за преступление против Бога, в то время как гибель в набеге считалась у горцев почетной и богоугодной. — *Я. Г.*). Опомнитесь, говорю я вам, отстаньте от ветреных бунтовщиков, кои минутную корысть предпочитают спокойной жизни; вспомните, что может Россия? Сколько раз и дагестанцы, от россиян падая ниц, зубами своими стискивая землю, испускали дух

свой, в ад исходящий? Еще раз повторяю, чтоб опомнились, доколе я меча не вынул и тогда говорю, что вы не возвратитесь более в землю, где родились, где предки ваши погребены, где сродники ваши вас воспитывали; не увидите вы домов своих, которые были спокойной вашей жизни убежищем».

Надо иметь в виду, что Цицианов по природе своей вовсе не был патологически жесток, как может показаться при чтении этих текстов. В донесении Александру после первой карательной акции, которую ему пришлось предпринять, князь Павел Дмитриевич с неподдельным волнением писал, как тяжело ему было решиться зажечь селение, чего никогда в жизни делать не приходилось. Но это была рациональная установка. С этим парадоксом мы еще столкнемся, когда будем говорить о Ермолове, который также жег селения, вешал за ноги мулл, при том, что Грибоедов, отнюдь не исключавший горцев из числа созданий Божьих, писал о ермоловской доброте.

Что до лексики, то по мнению Цицианова, это был язык привычный для тех, к кому он обращался, единственно им внятный, которым сатрап должен был говорить с «неверными мерзавцами». Другая стилистика, считал он, будет неверно понята и принята за проявление слабости.

Бешеное послание Цицианова было ответом на письмо джарцев: «Милостивое письмо ваше мы получив, уразумели в нем все ваши приказания подробно и нашли в нем, что вы изволите прибыть сюда, сжечь дома наши и пленить наши семейства. Правда — вы все то можете исполнить, да и в том мы уверены, что вы все то, что захотите и прикажете, можете сделать. Ваша сила известна, коей мы никак сопротивляться не можем; но вашему начальству, вашей силе и вашему званию неприлично наказывать безвинно нас, усмиренных».

Казалось бы, кроме неудачного слова «неприлично», в письме не было ничего, что могло вызвать такую ярость. Но подоплека конфликта была, разумеется, куда глубже и массивнее, чем внешний сюжет. Шла борьба за будущее, борьба, в которой Цицианов занял максимально жесткую, бескомпромиссную позицию, не оставившую ни ему самому, ни его наследникам свободы маневра.

То, что эта позиция эффективна далеко не всегда и не везде, Цицианов понял сам и довольно скоро.

В начале 1804 года, через два года после вступления в должность и через месяц после одного из главных своих воинских достижений — взятия мощного укрепления Ганджа, князь Павел Дмитриевич стал проситься в отставку, хотя обширные планы

его отнюдь не были еще реализованы. Отставка не была принята. И Цицианов ответил императору рапортом, в котором прочитываются некоторые существенные вещи. — «Удостоившись счастья получить сего марта 2-го дня Высочайший рескрипт В. И. В. в 9-й день февраля на мое имя состоявшийся, лестными верховное мое блаженство составляющими и никогда мною незаслуживаемыми в нем высочайшими В. И. В. отзывами насчет моего служения, обновлен дух мой новою крепостию, и если б не во изнеможенном болезнями теле ощутил он сию силу, действующую паче всех на свете поощрений, то обратился бы на большую деятельность на службе В. И. В.; но человек, к концу своему сближающийся, не может иметь ни той пылкости, ни той деятельности, которую требует польза службы при совершении столь обширного плана, высочайше мне порученного. Сия мысль о недостатках моих, соединённых с телесными изнеможениями, удручающими осень дней моих, заставляя меня опасаться, чтобы не сделать какого-либо упущения, к пользе службы В. И. В. относящегося, заставила меня всеподданнейше просить об увольнении от оной, дорожа ею паче жизни моей, могущей бы обратиться для меня в действительную тягость, если б В. И. В. к совершенной моей гибели соизволили когда-либо помыслить, что иная какая причина производит во мне желание удалиться от службы, посредством коей, начав ея от 13-летнего моего возраста, достиг до высочайшей степени блаженства моего приобретением неограниченного благоволения В. И. В. и такового же блаженной и вечной памяти государыни императрицы Екатерины Великой».

Цицианов умел писать очень ясно, четко и лапидарно. Сама невнятность и запутанность стиля свидетельствует здесь о мучительной попытке подменить подспудную, тягостную для самого князя мотивацию элементарно-традиционной.

Цицианов, действительно, не мог уже похвастаться в эти годы отменным здоровьем, но, не получив отставки, он еще два года активнейшим образом — до момента гибели в Бакинском походе — выполнял самые разнообразные функции, в том числе и возглавлял физически изнурительные экспедиции. Дело было не в «изнеможенном теле», а в нараставшей неуверенности в возможности выполнить свою задачу теми способами, которые он избрал. И с этой точки зрения психологически понятна попытка уйти в момент триумфа — после взятия Ганджи, с одной стороны, а с другой — постепенное нащупывание иных методов.

Очевидно, князь начал осознавать, что в неизбежном тотальном столкновении с наиболее воинственными горскими народами вроде чеченцев и черкесов, обитающих в труднодоступных горах

и лесных районах, ни грозными инвективами, ни эпизодическими карательными ударами не достигнуть желаемого результата. Он видел, что жаро-белоканские лезгины, казалось бы, запуганные его ужасающими угрозами и разгромленные генералом Гуляковым, возвращаются в прежнее опасное состояние. И так будет раз за разом.

Образ Цицианова — железного безжалостного воителя, который одним своим присутствием на Кавказе держал его в повиновении, был в значительной степени созданием Ермолова, которому необходим был именно такой предшественник, и позднейших историков, на ермоловское мнение ориентированных...

В январе 1805 года, после трехлетнего пребывания на Кавказе, князь Павел Дмитриевич наставлял генерала Дель-Поццо, назначенного начальствовать над Большой и Малой Кабардами. «...Долг звания моего ставит мне в обязанность указать вам главные черты правил поведения, коего держаться надлежит при управлении сим беспокойным и к хищнической жизни приобывшим народом и тем еще необходимее, что по представлению моему, Высочайше утвержденному, перемениться должна от сего дня система оного управления.

Доныне система состояла в обуздании лютости их: 1) поддержанием узденей в неповиновении к их князьям. 2) пенсией, явно производимым. Рассматривая со вниманием сии два способа, нашел я их более ко вреду, нежели к пользе цели служащими; ибо первым, содержа узденей против их князей во вражде, нечувствительно Россия вселяла в них военный дух и заставляла их по необходимости сделаться год от года больше военными людьми, нежели спокойными обывателями. Следовательно, не обещающими оставить свои дикие и пагубные привычки. А второй способ, производя в не получающих к получающим пенсии зависть неминуемую, возрождал в первых к последним презрение и неуважение, считая предателями собратий.

И для того предположено, оставя сию систему, основать новую, на трех главнейших предметах, а именно: 1) на перемене их воспитания; 2) на введении в Кабарду роскоши и 3) на сближении оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российской.

По разуму сих трех номинальных предметов, по представлению моему Высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещаемы были бы из училищ в кадетские корпуса; 2) чтобы учредить беспошлинный впуск в те места, куда за нуж-

ное признано будет, кабардинских домашних произведений и изделий, особливо в торговые дни; 3) чтобы в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и иметь горцам муллу для отправления их богослужений, и наконец, 4) чтобы сформировать кабардинский гвардейский эскадрон.

Изложа все милосердия Е. И. В. о благосклонности сего народа, попечения и новые Высочайше дарованные милости оному, предписываю, первоначально вруча мое к ним письмо, здесь в списке прилагаемое, внушить им всю важность оногo, потом приступить к выполнению всех вышепрописанных статей, а именно:

1) Выбрать место в Георгиевске за крепостью для построения мечети, около которой желательно бы было, чтоб они особливо мастеровые, поселились под именем кабардинского форштадта. Начало сие можно сделать переводом тех, кои теперь в Георгиевске находятся, в Екатеринограде, тоже на местах выбранных, снесясь с господином генерал-майором Брюзгиным, меня уведомить.

2) Узнав о муллах и ахундах* или их духовных, кои больше против других имеют от народа доверенность и уважение, стараться их привлечь на нашу сторону, обещая ежегодно производить тайно пенсии, доколе верными пребудут, и из таковых двух выбрать для сих двух мечетей.

3) Защищать их всеми образами от притеснений, чинимых нашими воинскими чинами.

4) Когда построены будут мечети и при них школа, то склонять через мулл для пополнения их учениками. Буде же прежде и до построения школ набралось их до 12 или более охотников отдать своих детей, то меня уведомить, и я временные школы учредить поспешу.

5) Так как главнейшим неудовольствием их служит введение родовых судов, то стараться узнать и разведать мысли сего народа, будут ли они довольны тем, что на первую инстанцию разбирательств их, сверх и всякого рода дел, поручить их муллам, кадиям и ахундам, с тем, чтобы они представляли ежемесячно верховному пограничному суду о числе бывших дел и без спора их судом кончившихся. В важных же случаях решения предоставляли оному же верховному пограничному суду, предоставляя сему и апелляцию на суд ахундов, а через сие не развлекая власти, они могут быть довольны, ибо их цель в том состоит; впрочем главнейше нужно дознать, не будет ли с такою переме-

* Ахунд — высшая степень учености в исламе

ною сопряжено что-либо противное предполагаемым видам и не подает ли поводу к отклонению их от русских.

6) Внушить все те же пользы и выгоды, каковые могут приобрести молодые люди из князей и дворян, служа в гвардейском эскадроне, долженствующем быть сформированным, стараться склонить к тому столько, чтобы на первый раз можно было составить один таковой эскадрон.

7) Сверх того для яснейшего понятия о всех обязанностях ваших при вступлении в управление кабардинцами, прилагаю при сем список Высочайше утвержденного верноподданнейшего моего доклада относительно перемены системы правления сего народа.

8) Наконец, предлагаю вашему превосходительству как сей ордер, установления заключающий, так и копию с верноподданнейшего моего доклада хранить в непроницаемой тайне и не вверять их даже при вас находящемуся писцу. Генерал же лейтенанту Глазенапу можно все оное прочесть наедине, в подкрепление могущих случиться у вас требований в его пособии, но списков с оного не давать, дабы нескромностью иногда писца не открылась сия тайна системы и не разрушила бы тем благорасположения».

По сравнению с методой, принятой Цициановым с момента его прибытия, — это, конечно, революция. Надо иметь в виду, что жестокость и бескомпромиссность Цицианова распространялась отнюдь не только на ханов. Он был безжалостен к любым проявлениям недовольства среди рядового населения. Когда осетины, доведенные до отчаяния патологическими издевательствами назначенного к ним русского пристава, подняли мятеж, заявляя, что они верные подданные русского царя, но терпеть издевательства местной власти больше не могут, Цицианов, несмотря на сочувственное по отношению к мятежникам донесение генерала князя Волконского, приказал генералу князю Эристову в случае отказа мятежников безоговорочно подчиниться «жестокостью оружия колоть, рубить, жечь их селения, словом при вступлении в их жилища и с ними в дело должно истребить мысль о пощаде, как к злодеям и варварам».

Мысль о перемене системы управления Кабардой пришла Цицианову после долгих тяжелых боевых действий против вышедших из повиновения кабардинцев, причем результаты карательных экспедиций отнюдь не гарантировали сколько-нибудь длительного мира. Одной из причин недовольства, как мы видим, была попытка русских властей навязать кабардинцам чуждую им систему судопроизводства. Инициатива в этом деле принад-

лежала Гудовичу. Мы помним, что он писал о кабардинцах в рапорте Екатерине — «ежели в сем народе не учинить суда и порядка, то оный будет государству В. И. В. бесполезен и самому себе во вред и разорение». Непоследовательные и довольно вялые, хотя и настойчивые попытки ввести в Кабарде «суд и порядок» приводили к перманентному брожению, сопровождаемому регулярными набегами. Суд, организованный Гудовичем, состоявший из восьми родовитых узденей и возглавляемый двумя русскими штаб-офицерами, который мелкие проступки должен был судить по обычаям, а все крупные преступления по русским законам, ни к какому порядку не привел, будучи явлением вне общего контекста, явлением чужеродным и раздражающим. Не говоря уже о том, что кабардинцы испытывали немалые притеснения и несправедливости со стороны русской администрации.

Отчаявшись замирить Кабарду вооруженной рукой и наблюдая явное сближение с соседними племенами — в одной экспедиции русскому отряду пришлось столкнуться с объединенными силами кабардинцев, чеченцев, балкарцев, карачаевцев и осетин, — Цицианов решил провести свой эксперимент. Тем более, что психологическое давление, успешное на первом этапе, перестало давать результаты. Князь Павел Дмитриевич, обращаясь к мятежным кабардинцам, почти дословно повторял свои грозные послания лезгинам: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию преступников, я слово мое держать умею и не обещаю того, чего не могу поддержать кровию моею... Ждите, говорю я вам, по моему правилу, штыков, ядер и пролития крови вашей реками; не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная».

V

Доказав несколькими жестокими экзекуциями силу русского оружия и твердость своего слова, Цицианов решил испробовать иную методику.

Почему он выбрал именно Кабарду как поле для эксперимента?

Во-первых, Кабарда была давнее и теснее связана с Россией, чем, скажем, Дагестан. Во-вторых, играло роль ее центральное географическое расположение на Кавказе — Кабарда перекрывала кратчайшую дорогу в Грузию, примыкавшую к ней с юга, с

востока она граничила с Чечней. Замирить Кабарду — значило отсечь опасный район Чечни и Дагестана от западного Кавказа с его многочисленными и непокоренными племенами, получить оперативную базу для контроля за левым и правым флангами Кавказского хребта и ненадежными Имеретией и Мингрелией.

Определенную роль этот план сыграл, хотя кабардинская проблема была вполне актуальна, как мы увидим, и для Ермолова.

Разумеется, мы смогли поговорить лишь о небольшой части практической деятельности Цицианова. Он объединил Грузию в ее почти теперешнем пространстве. Он взял сильнейшую крепость Ганджу и нанес ряд серьезных поражений враждебным ханствам и племенам. Он чрезвычайно высоко поднял авторитет русского оружия. Он пытался проводить экономические реформы, стимулировать торговлю и сельское хозяйство — особенно хлебопашество, ибо продовольствование войск привозным хлебом обходилось очень дорого. Для стимулирования сельского хозяйства Цицианов предполагал переселить в Грузию крестьян из Малороссии. Он, что крайне существенно, фактически подготовил почву для ликвидации института ханства. Но при всех его усилиях край был к моменту его смерти в 1806 году так же далек от подлинного замирения, как и в момент его прибытия. В частности восстали жаро-белоканские лезгины и нанесли тяжелый урон посланному против них отряду генерала Гулякова. Генерал был убит. В этой экспедиции чудом уцелел молодой граф Михаил Воронцов, будущий наместник Кавказа.

Тут уместно вспомнить декабриста Розена, сказавшего о кавказской драме: «Кажется, что самое начало было неправильное». Тот же Розен писал: «Этим людям следовало... оставить пока их суд и расправу, не навязывать им наших судей-исправников».

Роковая неправильность заключалась в жестком наложении европейских представлений в их российском «регулярном» варианте на принципиально иную систему мировидения. И в этой ситуации методы и Гудовича, и Цицианова оказались в конечном счете равно неэффективны для решения главной, еще не осознанной ими задачи. Русские главнокомандующие строили свою тактику на обширном опыте конфликтов с Турцией и Персией, централизованными — в разной степени — и привычно структурированными государствами. В борьбе с ханствами этот опыт был полезен. Но настоящим противником русских на Кавказе была низовая горская стихия, существовавшая по совершенно иным психологическим законам, наблюдавшая печальную судьбу грузинской династии и большинства ханов. Для обуздания

этой стихии турецко-персидский опыт был бесполезен. Цицианов начал догадываться об этом только к концу своего правления. Чем и был вызван его секретный план.

Очевидно, вопрос о «суде и расправе» был для горцев одним из самых болезненных, нарушавших всю систему их внутренних регуляций. Но для российских властей он имел первостепенное значение. Именно разница представлений о том, что есть преступление, а что традиция и норма, лежала в основе непримиримых противоречий. Самый яркий пример тому — набеги, совершать которые горцы считали своим неотъемлемым правом и одной из основ своего благосостояния.

Историк И. П. Петрушевский, специально исследовавший этот вопрос и, надо сказать, чрезвычайно лояльно относившийся к горцам и столь же критически к Российской империи, тем не менее утверждал: «...Военные походы джарцев были с половины XVIII века прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа. Это были в сущности коммерческие предприятия, организуемые феодализованной родовой знатью, составлявшей для этой цели отряды из членов своих обществ и «гулхадаров» из Дагестана; захваченных невольников продавали на джарском рынке. Кавказ был издавна поставщиком живого товара не только для Ближнего Востока, но и для некоторых стран Западной Европы (Италия), при посредстве генуэзцев... Однако насколько значителен был вывоз невольников с Кавказа еще в XVIII веке, общеизвестно. Вплоть до начала XIX века Джар был одним из значительных невольничьих рынков на Кавказе... В набегах джарцы почти всегда участвовали вместе с другими дагестанскими союзниками. Во второй половине XVIII и в начале XIX века от этих набегов больше всего страдало крестьянство Северного Азербайджана и всей Грузии»*.

По другую сторону Кавказского хребта чеченцы, черкесы, кабардинцы совершали набеги на территории, уже освоенные русскими, равно как и на горские общества, лояльные России. Это явилось одной из основных причин, спровоцировавших в недалеком будущем военно-экономическую блокаду Дагестана и Чечни Ермоловым, что в свою очередь вызвало яростную реакцию горцев и окончательно завело ситуацию в кровавый тупик.

Современный исследователь данной проблематики М. М. Блиев утверждает, что Кавказская война «выросла из набеговой системы».

* И. Петрушевский. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934, с. 19.

Возвращаясь к началу, повторим вопрос — что же конкретно инкриминировал графу Гудовичу генерал Ермолов, обвиняя его в разрушении всего сделанного Цициановым?

Прежде всего — Ермолов несколько преувеличивает успехи Цицианова (ермоловское правление фактически повторило драму правления цициановского). Кроме того, как уже говорилось, в первые годы командования Кавказским корпусом, когда и были написаны цитированные письма, Ермолов первостепенное значение придавал взаимоотношениям с ханствами. Его позиция совпадала с цициановской — институт ханства подлежал уничтожению.

Гудович придерживался совершенно иной точки зрения. В своей «Записке», рассказывая о первых решениях после вторичного вступления в должность главнокомандующего на Кавказе сразу после Цицианова, он писал: «В ханство Шехинское, по верноподданническому моему представлению, определен был ханом усердный Джафар-Кулыхан-Хойский, а в ханство Карабахское сын убитого хана Карабахского Мехти-Кули-хан». Гудович не упоминает еще о том, что ханства Дербентское и Кубинское он отдал под власть шамхала Тарковского, который и посадил туда своих наместников. То есть повернул вспять процесс, столь активно начатый Цициановым, который, взяв столицу Ганджинского ханства, переименовал ее в Елисаветполь и ханство присоединил к России. Гудович же на пустующие престолы сажал новых ханов, сохраняя в неприкосновенности традиционную систему, которую Цицианов и вслед за ним Ермолов считали недопустимо пагубной.

10 января 1817 года, вскоре после прибытия в Грузию, Ермолов, как мы помним, писал графу М. Воронцову: «Граф Гудович, гордейший из всех скотов, по ненависти к князю Цицианову, вменил себе в долг делать все вопреки его предначертаниям, принял беглеца из Персии и сделал его ханом Шекинским. Хан Карабагский болезненный и бездетный человек, не оставлял по себе наследника. Ртищев, создание совершенством неспособности отличное, определил ему в наследники Джафар-Кули-агу, который бежал в Персию, нес против нас оружие и, подведя персидские войска, истребил наш один батальон. Ртищев послал к нему в Персию, согласил воротиться, простил его преступления и именем государя наименовал наследником ханства! Вот две прекраснейшие и богатейшие провинции, потерянные надолго для России».

Кроме того, Гудович восстановил отвергнутую Цициановым традицию XVIII века — традицию подкупа горских владетелей,

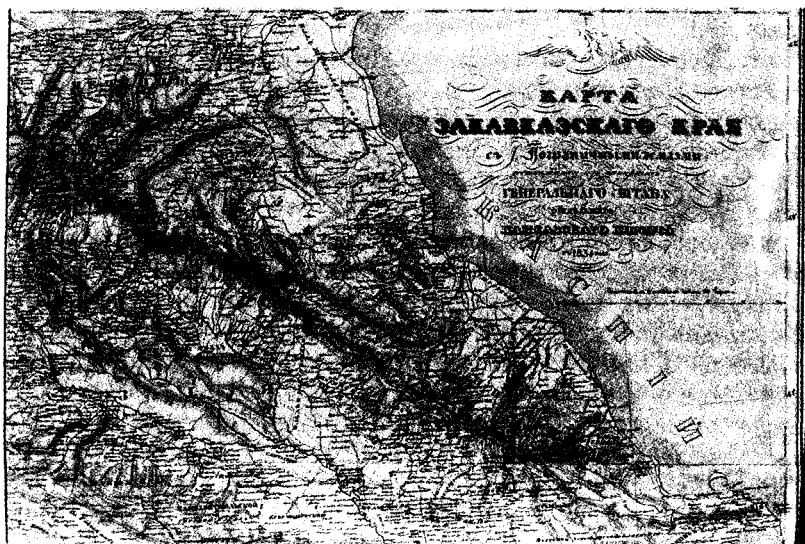
которые охотно брали из рук главнокомандующего ценные подарки и давали всяческие обещания, вовсе не собираясь их выполнять. Здесь была перечеркнута цициановская практика абсолютного диктата.

Воззрения Гудовича не изменились за годы, проведенные им вне Кавказа. В 1807 году он давал своим подчиненным такие указания относительно обращения с дагестанцами: «Приложите всемерную вашу попечительность на восстановление в народе сем доброго порядка и спокойствия, ласкайте их, елико можно, и по просьбам их делайте по возможности вашей удовлетворение; по таким же их делам, в которых вы сами удовлетворять их не можете, делайте куда следовать будет ваши представления и отношения... внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домо-строительствах, скотоводстве и хлебопашестве, как о таких вещах, от которых все их благосостояние зависит; вперите в мысль их, колько гнусно и постыдно воровство и разбой...»

Советский историк, цитируя этот текст, называет указания Гудовича «положительным примером», в то время как это было обычное непонимание реальности. То, что Гудович определял как «воровство и разбой», которого, по его представлениям, горцы должны были стыдиться — европейская точка зрения, — было для них «делом чести, доблести и геройства», многовековой традицией, которую вовсе не надо было оправдывать — она была освящена примером многих поколений. И смешно их за это порицать. Новгородские ушкуйники, творя бесчинства на севере, преступали христианские установления. Горцы действовали в рамках установившейся морали. Набеги — и на соседние племена, и на российские территории — были не только экономической необходимостью, но и нравственным императивом. Набег был главным испытанием личных достоинств горца.

Цицианов это понимал и старался пресечь угрозами и встречным насилием. Консервативное сознание выученика немецких университетов Гудовича терялось перед системой качественно иных представлений, и настойчивые попытки переместить представления горцев в собственную систему свидетельствуют не столько о гуманности, сколько о наивности и растерянности.

Трагизм ситуации заключался в том, что обе методы — и Цицианова, и Гудовича — не приводили к желаемому результату. Горцы не верили России, не понимали ее намерений — кроме явного стремления заставить их жить так, как они не должны были жить, и всеми средствами — от самоубийственной воинской доблести до изощренной хитрости — старались противостоять имперской экспансии.

Карта Северного Кавказа. XIX в.

Гуманистические маневры, которые Гудович практиковал медленно по вступлении в должность, проводились, конечно же, и в противовес цициановской политике. Ермолов считал это разрушением заложенного князем Павлом Дмитриевичем фундамента и тоже ставил в вину Гудовичу.

В последнем ермоловском тексте возникает, как видим, имя еще одного персонажа — генерал Ртищева, который был последним из трех основных предшественников Ермолова и безусловно значащей фигурой — маркиз Паулуччи и генерал Тормасов были персонажами проходными и сравнительно кратковременными. Недаром в письмах Ермолова с Кавказа, которые по сути являются изложением его собственной программы действий и его видением ситуации во всех аспектах, Паулуччи и Тормасов фактически отсутствуют. Он непрерывно сталкивает Цицианова, Гудовича и Ртищева, в которых воплотились для него противоположные принципы, сила и слабость, мудрость и невежество.

Но Ермолов, как сам признавал, не имел возможности точно восстановить картину управления Цициановым Кавказом и Закавказьем. Он в некотором роде создавал легенду о Цицианове, которую хотел использовать как оправдание собственной системы, только еще намечавшейся. С Цициановым в реальности все было куда сложнее. Жесткая и простая метода покорения и уп-

Черкесы, спускающиеся с гор для набега.

равления, как уже говорилось, чем дальше, тем больше вызвала у князя Павла Дмитриевича чувство безнадежности. Он в последние два года настойчиво искал компромиссный вариант.

В сентябре 1805 года, незадолго до своей гибели, Цицианов послал программное письмо — оно было опубликовано Н. Ф. Дубровиным — князю Чарторийскому, одному из «молодых друзей» императора, занимавшему пост вице-канцлера: «Сближение новопокоряющихся народов с нравами российскими не может совершаться от позволения ежегодно возить дань в С.-Петербург (Петербургский кабинет министров полагал необходимым для большего к себе расположения и сближения с ханами дозволить посланным их привозить дань в С.-Петербург. — Прим. Дубровина), потому что нравы и обычаи так легко не приобретаются и не переменяются, и шестимесячное пребывание персиянина в С.-Петербурге недостаточно переменить в нем склонность к неправильному стяжанию имения; не может поселить в него любви к ближнему и истребить в нем самолюбия, коему он приносит в жертву не только пользу общественную или пользу ближнего, но нередко и самую жизнь сего последнего, буде он слабее, ни о чем так не заботясь, как о собственной пользе и прибытке. Разность веры много препятствует магометанину и подражать нашему обычаю и нраву; будучи воспитан в правилах

своей веры, он приучен от мягких ногтей презирать все, что идет от христиан, почитая нас врагами своей религии, а у врага непросвещенный человек никогда перенимать не станет. Если же татары края сего влекомы больше собственными побуждениями к нам, нежели к персидским владельцам, то не от чего иного, как от того, что собственность их и личность обеспечена, глаза его, нос и уши могут оставаться до смерти его при нем.

К тому же и силу российских войск видели, и сие последнее есть та единственная пружина, которою можно как содержать их в должных границах благопристойности и благоустройства, так и быть уверену, что здешний житель ищет и искать будет сильного себе в покровители. Доказательством сему послужит следующее: когда предместник мой, приехав в город Сигнах, послал к белоканцам с предложением, чтобы они нам покорились, тогда они ответили: покажи нам свою силу, тогда и покоримся. Ответ известный по всей Грузии.

В азиатце ничто так не действует, как страх, яко естественное последствие силы. Итак, по мнению моему, ожидая при помощи Божией перемены нравов и обычаев азиатских с переменою целых и нескольких поколений, хоть на 30 лет, страх, строгость, справедливость и бескорыстие должны быть свойствами или правилами здешнего народоправления. В течение сего времени стараться вводить кротчайшие нравы и любовь к ближнему, а потому и к общему благу, но не иными какими способами, как щедрыми наградами тех, кои что-нибудь делают к общей пользе. Чиновники магометанской религии как ни жадны к деньгам, но и честолобивы, а потому их можно награждать серебряным или золотым пером на шапку с надписью по приличию; важные же их услуги награждать можно освобождением от телесного наказания, но первоначально надлежит обвестить с позволения хана и через него те статьи, кои правление желает ввести в большее употребление: например, кто сколько сделает шелку или снимет пшеницы, тому назначить оное награждение».

Это чрезвычайно красноречивый текст — свидетельство драмы цициановской политики. Отчаявшись достичь своих целей только «грозою» и демонстрацией воинской силы, князь Павел Дмитриевич ищет способы мирного «приручения» и нравственного просвещения «азиатцев». Но делать он это предлагает, ни на йоту не отступая от своего фундаментального тезиса — «азиатец» достоин только презрения, а эталоном для подражания должно выставлять российские нравы и христианские понятия.

Правомочность и значимость «туземных» представлений, ограниченность мусульманской — с поправкой на кавказские условия и историческую реальность — системы нравственных представлений даже не обсуждается. Речь идет только об адаптации горцев к российской системе ценностей. Вопрос стоит только о методах и — главное — темпе этой адаптации. Требовать от «азиатцев» признания и усвоения европейских понятий немедленно или растянуть процесс на несколько десятилетий, стимулируя его страхом и подкупом. Последнее средство совершенно соответствовало «концепции презрения», с коей Цицианов начал свои отношения с кавказскими оппонентами.

VI

Генерал Ртищев, занявший пост главноуправляющего Грузией и главнокомандующего кавказскими войсками в 1812 году, непосредственно и хаотично попытался реализовать именно систему «пряника». Но без всякого учета кавказской органики это привело к плачевным результатам.

После Цицианова, убитого в 1806 году бакинским ханом во время переговоров, — полагаясь на свою грозную репутацию, князь Павел Дмитриевич отправился под стены Баку без охраны, — и до Ермолова на Кавказе сменилось четверо главнокомандующих: Гудович, о котором говорено достаточно подробно; храбрый кавалерийский генерал Тормасов, отличившийся в боях с турками и особенно в подавлении польского восстания Костюшко, которого именно Тормасов взял в плен; маркиз Пауллуччи, перешедший в 1807 году из французской службы в русскую; генерал Ртищев, о котором скажем несколько подробнее.

Трое первых в силу обстоятельств заняты были войнами с турками и персами, подавлением внутригрузинских мятежей и мало занимались собственно Кавказом.

С Ртищевым дело обстояло иначе, хотя и он был существенно отвлечен от кавказских дел. Военная служба Николая Федоровича Ртищева связана была преимущественно с Балтикой, где он участвовал на суше и на море в войне со Швецией 1789 — 1790 годов. Не миновала его и Польша. Только с 1808 года он оказывается на юге и воюет с турками. Никакого особенного блеска в боевой карьере Ртищева не наблюдается. Он был добросовестный и умелый генерал — не более того. Но в начале 1812 года, когда было ясно, что войны с Наполеоном не избежать, Кавказ

стал глубоко второстепенным театром, а все выдающиеся военачальники стягивались в европейскую Россию.

Человек по природе мягкий, Ртищев слишком буквально понял гуманные декларации молодого императора, призывавшего своих кавказских наместников действовать по возможности мирными средствами. Воевать Ртищеву, разумеется, приходилось, но свои отношения с горскими народами, как с ханствами, так и с вольными обществами, он попытался построить по системе, отличной от цициановской.

Военные успехи Ртищева объяснялись в значительной степени наличием в его команде опытных и решительных генералов цициановской школы — прежде всего знаменитого Котляревского, о котором Пушкин, как мы помним, с молодым восторгом писал в «Кавказском пленнике» :

Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...

Котляревский, в лучших традициях Цицианова, был безжалостен и не одобрял медлительности и дипломатичности своего начальника. Но и Котляревский сражался, главным образом, с персами и турками. С горцами велась особая игра.

Ртищев не решался разрушать уже сложившуюся систему власти на Кавказе и ориентировался на ханов, за что его впоследствии жестоко поносил Ермолов как одного из разрушителей цициановского дела.

Помня, как обращался к нелояльным ханам Цицианов, сравним его тексты с посланием, характерным для стиля Ртищева.

23 мая 1816 года, на закате своего пребывания в должности командующего Кавказским корпусом, Ртищев писал свирепому шекинскому хану Измаилу: «С крайним сокрушением сердца вижу, что кротость, снисхождение и дружеские советы, многократно вам от меня преподанные, не могут на вас действовать, ибо грабительства, насилие и разорение, час от часу умножаясь под вашим управлением, выходят из всякой меры. Народ шекинский, которому вы должны быть отцом попечительным о его благе и защитником от несправедливости, страждет в неимоверном угнетении. Итак, если ваши собственные чувствования и понятия не могли привести вас к той цели, с каковою российское правительство вверило вам управление Шекинским ханством, то свя-

щеннейший долг звания коего и обязанности, высочайше на меня возложенные, заставляют меня в сем случае обратиться к другим мерам и принять посредство между народом и вами». Исследование, предпринятое Ртищевым и его «посредство» окончились ничем, и разбираться с садистом и людоедом пришлось уже Ермолову.

Особенность ситуации заключалась в том, что население Шекинского ханства с самого начала не желало видеть Измаила своим ханом и спокойно приняло бы — в качестве избавления — российское управление, о чем и заявляли. Дело в том, что в Шекинском ханстве жило много армян и горских евреев, а мусульмане принадлежали к течению суннитов, в то время как Измаил был шиитом и оказывался религиозно чуждым и тем, и другим, и третьим.

Ртищев однако не только не воспользовался столь удобным случаем, но и обрушил неоправданно жестокие репрессии на депутатов-шекинцев, просившихся под российское управление. И в короткий срок Измаил превратил в ад жизнь своих подданных, особенно евреев и армян. Чем и вызвано было запоздалое увещевание Ртищева.

Нам важна и сама разница эпистолярного стиля Цицианова, Ртищева, а затем и Ермолова, отражающая достаточно точно их восприятие политической реальности.

Разумеется, Ртищев отнюдь не чурался и репрессивных мер. Он вовсе не был безграничным гуманистом, но его действия, как и действия Гудовича, имели определенный вектор.

В соответствующей ситуации Ртищев прибегал и к угрозам, и к конкретным акциям.

«Народ пшавский! Теперь я вижу, что в вас нет ни страха Божия, ни совести, ни чести! Сколько раз вы были прощаемы за изменнические ваши поступки и сколько раз опять делались клятвopепреступниками и нарушителями верности к Государю Императору! Недавно еще старшины ваши были у меня, обязались честным словом за весь народ, чтобы с беглым царевичем Александром и другими неприятелями России не иметь никаких связей ни делом, ни помышлением; но едва только меч, висевший над преступными головами вашими для справедливого наказания за участие в прежних бунтах, был от вас удален, по неизреченному человеколюбию Его Величества, даровавшего вам прощение, и тучи, вам грозившие, несколько от вас отклонились, как вы опять, забыв Бога, забыв присягу и данное мне вами честное слово, обратились к прежним своим злодеяниям и мятежному духу... Следуя Божеским и человеческим законам, карающим всегда

клятвопреступников, я не мог бы не навлечь на самого себя праведного гнева Божия и моего всемилостивейшего Государя Императора, если бы остановил правосудие и не наказал злодейства».

Любопытна мотивировка, которой Ртищев оправдывает будущие карательные свои действия — опасение навлечь «на самого себя» Божий и государев гнев, а не собственное побуждение. Цицианов никогда не употребил бы подобного оборота.

Ртищев действительно блокировал пшавов, арестовал их стада, закрыл им доступ к грузинской торговле и добился некоторой лояльности.

Но Ртищев в принципе относился к подопечным народам по-иному, чем Цицианов и Ермолов. Так, докладывая императору о положении в Имеретии, разоренной нашествиями, набегами, внутренними мятежами и их усмирениями, генерал неожиданно обращается к весьма непривычной в таких документах теме: «Что же касается до нравственности, то взяв от первых классов людей всякого звания до народа, я заметил вообще отличнейшую их преимущественно простоту нравов, чистосердечие и отменную приветливость, со свойственным всем состояниям гостеприимством и многие добродетельные черты, могущие ручаться, что народ с подобными свойствами и искренне раскаявшийся в ослеплении, объявшем их умы, которое произошло от увлекаемой их привязанности к бывшему законному их царю, просившему их помощи... в скором времени может сделаться в верности и преданности к высочайшему российскому престолу ничем не различаемым с природными российскими подданными».

Ничего подобного ни Цицианов, ни Ермолов никогда не писали.

Тем не менее результаты маневров Ртищева в отношении горских народов были плачевны.

Ермолов, вступив в должность, предъявил ему длинный счет.

«Предместник мой, генерал Ртищев, был к нему (хану Измаилу. — Я. Г.) чрезвычайно снисходительным; никакая на него просьба не получала удовлетворения, жалующиеся обращались (то есть направлялись. — Я. Г.) к нему и оттого подвергались жесточайшим истязаниям, или избегали оных разорительною платою. Окружающие генерала Ртищева, пользующиеся его доверенностью, и, если верить молве, то самые даже ближайшие его получали от хана дорогие подарки и деньги».

Далее: «Вступивший в командование линиею генерал Ртищев, желая показать правительству, что ему покорствуют кабардинцы, согласил их на отправление в конце 1811 года де-

путации в С.-Петербург; розданные деньги и подарки (к чему они весьма лакомы) составили шайку, готовую отправиться. Мог бы генерал Ртищев заметить, что ни один из хорошей фамилии или хотя бы мало из порядочных людей не предложил себя, но надобно было похвастать у двора, и шайка, можно сказать, бродяг отправилась. Правительством они были приняты благосклонно, некоторым даны были штаб-офицерские чины, всем вообще награды и богатые подарки. В начале 1812 года они возвратились, но все сие не сделало кабардинцев ни вернейшими подданными, ни спокойнейшими соседями. Набеги, убийства, разбои не менее были частыми».

Ермолов, я полагаю, несправедлив к Ртищеву. Он не хотел никого обманывать. Он просто плохо разбирался в ситуации и был полон благих намерений, реализация которых давала, однако, обратный эффект.

Ермолов писал в мемуарах: «В 1812 году генерал Ртищев, переходя с Кавказской линии к командованию Грузией, возмечтал приобрести спокойствие и покорность чеченцев подарками и деньгами.

Вызваны были в Моздок главнейшие из старшин и многие другие, по мнению его, важные люди, им немало дано было денег, но сие же самое произвело зависть в других, ничего не получивших, и он лишь только отпустил от себя награжденных, сам же еще оставался в Моздоке, как в ночное время на обоз его, за Терек переправленный, под его глазами сделали они нападение. Мог бы генерал Ртищев, начальником будучи на линии, знать чеченцев лучше».

9 января 1817 года Алексей Петрович сетует в письме Закревскому: «По несчастью, во время последних возмущений в Грузии, слабый Ртищев, управляем будучи мошенниками, многих из явных бунтовщиков хороших фамилий оставил покойными без наказания и возвратил им имения. Они возмечтали, что прощение им даровано, боясь огорчить дворянство, и почитают себя нам опасными».

По мнению Ермолова, Ртищев «напортил», как он выражается, не только в отношении горцев и грузин, но и персов: «Ртищев низким уважением истолковал им, что они по крайней мере равные нам».

Ермолов, усвоивший только brutальную сторону цициановской концепции, не осознавший цициановского отчаяния последних лет его владычества, принялся со всей мощью своего честолюбия, военного дарования и жесткостью установок продолжать то, что он считал цициановской идеей.

И противоречивая по своей сути практика Цицианова, и неуклюжее маневрирование Ртищева, и железный натиск Ермолова, основанные на взгляде сверху вниз и принципиальном игнорировании — в плане стратегическом — глубинного мировидения горских народов, их самоощущения, перспективы их религиозно-исторического сознания, — все это вело к неизбежной катастрофе, наступившей в виде тридцатилетнего пожара мюридизма, угли которого тлели затем более столетия и вспыхнули в искаженно-трансформированном виде Чеченской войной 1990-х.

Однако виновницей кавказской трагедии не могла быть только одна сторона. Психологический и военно-политический тупик был предопределен не только нежеланием и невозможностью для русской стороны воспринять горский мир со всей его органикой, насильственное и интенсивное разрушение которой чревато духовной катастрофой и уродливой мутацией, но и нежеланием и невозможностью для горцев отказаться от тех составляющих этой органики, которые были категорически неприемлемы для России и исключали компромиссное решение — в первую очередь, от набеговой системы.

ЕРМОЛОВ

Но се — восток подьмет вой!..
Поникни снежною главою,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

Пушкин

I

Кавказская война довольно отчетливо делится на три периода. Первый — четвертьвековой — от Цицианова, 1802 год, до отставки Ермолова, 1827 год, затем смутный период с часто меняющимися командующими и бессистемными действиями — с 1829 года, после окончания Персидской и Турецкой войн, — до 1845 года, когда назначен был наместником граф Михаил Семенович Воронцов, и с этого момента до окончания войны — еще 20 лет.

В первом периоде тоже было свое «смутное время» — после гибели Цицианова и до Ермолова за десять лет сменилось четыре командующих: Гудович, Паулуччи, Торماسов и Ртищев. Все — генералы с боевым опытом и несомненными заслугами, но — кроме Гудовича — люди на Кавказе вполне случайные. Для них Кавказ ничем принципиально не отличался от любого другого театра военных действий. Для них назначение в Грузию и на Кавказскую линию было почетным и тяжким, но вполне будничным назначением.

Для Цицианова и Ермолова этот пост означал возможность реализации самых смелых проектов.

Вряд ли пятидесятилетний генерал-лейтенант князь Цицианов, явно считавший, что он подошел к финалу своей карьеры, перед назначением в Грузию лелеял какие-либо грандиозные планы. Не то с тридцатидевятилетним генерал-лейтенантом Ермоловым.

Алексей Петрович Ермолов был человеком неограниченного честолюбия и высочайшей самооценки. Этот уровень самооценки

при неблагоприятных внешних обстоятельствах приводил к тому же высокомерию, неуживчивости и саркастичности, что и у Цицианова. Князя Павла Дмитриевича Ермолов наблюдал в походе Зубова 1796 года, в котором он, Ермолов, участвовал девятнадцатилетним капитаном. Так что позднейшие его суждения основывались не только на результатах деятельности Цицианова в качестве главнокомандующего на Кавказе — как они представлялись Ермолову, — но на личных юношеских наблюдениях. Бесстрашный, решительный, стремительный Цицианов должен был произвести на юного Ермолова сильное впечатление именно потому, что во многом совпадали ведущие черты их характеров.

Но если князь Павел Дмитриевич осознал открывшиеся перед ним возможности, уже попав на Кавказ, то Ермолов уверен был в своем праве на великое предназначение куда ранее. Очень любопытно сравнивать два слоя его существования во время заграничного похода 1813-1815 годов. С одной стороны — популярность в армии, несколько громких побед — хотя на первые роли Ермолов не выходил, — благосклонность императора, командование гвардией, награды. С другой — частные письма Ермолова 1815 года — непрерывный вопль уязвленного самолюбия и неудовлетворенного честолюбия: его преследуют «немцы», против него плетутся интриги, он постоянно на грани выхода в отставку. При этом он не только мечтает получить назначение на Кавказ, но и явно ведет на этот счет собственную интригу. В «Записках» он излагает дело так: «В самом начале 1816 года был я в Орле у престарелых родных моих, среди малого моего семейства, вел жизнь самую спокойную, не хотел разлучаться с нею, намерение имея не возвращаться к корпусу, а потому и просил продолжения отпуска, дабы ехать к минеральным водам на Кавказ». Ермолов, действительно, болен был ревматизмом и хронической простудой, полученной в конце войны, но лечение в Европе было бы куда эффективнее кавказского. Стремление же именно на Кавказ было символичным и значимым. Слово «Кавказ» должно было постоянно сочетаться с именем Ермолова.

Что до нежелания расстаться со спокойной жизнью, то подобными утверждениями рефлексировавший Ермолов готовил себя — на всякий случай! — к неудаче.

8 января 1816 года он написал из Орла одному из своих близких приятелей-генералов, Арсению Андреевичу Закревскому, назначенному дежурным генералом Главного штаба Его Императорского Величества — должность, дающая большое бюрократическое влияние и прямой доступ к государю: «Я заслепил

глаза здесь алмазами (имеется в виду недавно полученный Ермоловым орден Св. Александра Невского с алмазами. — Я. Г.); что за прекраснейший народ живет в провинциях! Я как приехавши налепил три свои звезды, так и думаю, что я Бог знает, что за человек. Насилу в 10 дней мог уверить, что ничего не значу, и то божиться надобно было и святых подымать...»

Уничуждение паче гордости вообще свойственно частной переписке Ермолова и составляет резкий контраст с его официальными документами. Очевидно, по сравнению с наиболее частыми адресатами — приближенным государя Закревским и, тем более, богачом и аристократом Михаилом Воронцовым, командовавшим экспедиционным корпусом во Франции, Алексей Петрович, остановившийся в тот момент в своей карьере и живший исключительно на жалование, чувствовал себя неудачником. И это тягостное для его гордыни ощущение заставляло его строить особенно грандиозные планы, связанные с Кавказом — сферой деятельности с наиболее высокой перспективой самостоятельности и — по представлениям Ермолова — огромной исторической перспективой. А Ермолов в это уже время отнюдь не чувствовал себя верноподданным-исполнителем и вовсе не смотрел — внутренне — на самых высоких лиц снизу вверх. Это прорывалось в его письмах редко, но выразительно. В октябре 1815 года он писал из Франкфурта Воронцову: «К неудовольствию начальствовать теперешним моим корпусом присоединяется и то, что главная квартира идет за мной вослед, и я на вечном параде. Кроме того, по дороге моей шатаются все цари». Последняя фраза, попадись она на глаза кому не следует, могла перечеркнуть навсегда карьеру Ермолова. И все-таки он не удержался. Очевидно, столь велико было желание высказать вслух истинное свое отношение...

При таком уровне самовосприятия генерал-лейтенант с александровской звездой в мучительных сомнениях ждал в провинции решения своей судьбы, делая вид, что не слишком рассчитывает на успех своего замысла: «Я живу теперь покойно, — писал он Закревскому, — но уже в 10 дней праздность мне наскучила. Много впереди времени, не отчаиваюсь привыкнуть к новому роду моей жизни... В Петербург не поеду, боюсь дороговизны! Ожидаю терпеливо весны. Поеду на Кавказ. Болезнь гонит меня в дальний сей путь, но избавиться невозможно. Не забудь, любезнейший Арсений, о сем путешествии...» Последнее многоточие принадлежит Ермолову. Он не удержался от намека. Скорее всего, одно из направлений «кавказской интриги» шло через Закревского.

В «Записках» — через много лет — Ермолов писал об этих самых днях: «Из частных известий знал уже, что я назначаюсь начальником в Грузию. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желал я чрезвычайно сего назначения, и тогда даже, как по чину не мог иметь на то права».

Можно с достаточной уверенностью предположить, что это нескромное желание родилось в эпоху персидского похода. И, стало быть, у него было время обдумать свои планы.

Однако в письмах соответствующего периода такая уверенность отсутствует.

28 февраля 1816 года Ермолов писал Закревскому: «Письмо твое получил. Одну вещь приятную сказал ты мне, что Ртищев подал в отставку. Это весьма хорошо, но для меня ли судьба берегает сие счастье.

По истине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли. Не хочу скрыть от тебя, что гренадерский корпус меня сокрушает и боюсь я его. Всякий другой вместо его не столько бы страшил меня. Не упускай, любезный Арсений, случая помочь мне и отправить на восток; впрочем, как ты обязан наблюдать пользу, то я ни мало роптать не буду, если определите туда человека способнейшего и полезнейшего, по словице *всякие люди Богу нагодны*, тогда останусь я там, куда судьба меня бросит. Так и быть! Уведомь, сделай дружбу, если что похожее будет на исполнение желания моего».

15 мая пишет он Воронцову в Париж: «Я уже две недели в Петербурге, готовлюсь ехать в Грузию, где сделан я командующим. Вот, друг любезнейший, исполнившееся давнее желание мое.

Боялся я остаться в гренадерском корпусе, где б наскучила мне единообразная и недейтельная служба моя. Теперь вступаю я в обширный круг деятельности. Были бы лишь способности, делать есть что!.. Вступаю в управление земли мне не знакомой; займусь рядом дел мне не известных, следовательно, без надежды угодить правительству. Мысль горестная! Одна надежда на труды!»

Ермолов наивно лицемерил. Если он предвкушал неудачу от неопытности, зачем было мечтать о Кавказе и добиваться назначения?

Нет, он рассчитывал на иную перспективу.

Тут необходимо небольшое отступление.

Решающий этап завоевания Кавказа — а ермоловское десятилетие сделало Кавказскую войну процессом необратимым — начался именно в тот момент, когда внутренняя энергия русского дворянства требовала немедленного и масштабного выхода.

Это надо иметь в виду. В драме Кавказской войны этот фактор играл ничуть не меньшую роль, чем все остальные — геополитические, экономические, локально-военные и так далее, — но не оформлялся декларативно. Этот период войны был отмечен духовным напряжением с российской стороны, превосходящим такое же напряжение со стороны горских народов. (Однако духовная энергия сопротивления горцев росла пропорционально давлению России и достигла своего апогея в мюридизме.)

Соответственно, и вождь российской конкисты должен был концентрировать в себе эту энергию. Назначение Ермолова в этом смысле оказалось удивительно точным. Именно Ермолов с его бедностью, неудачами молодости, арестом и ссылкой в павловское время, тяжким началом военной карьеры, грозившим превратить его в неудачника, при этом с необъятным честолюбием и мощным комплексом обиды, именно такая личность, наделенная незаурядными дарованиями, могла олицетворять собой попытку мятущегося русского дворянства удержаться на гребне исторического процесса.

Крушение Ермолова после крушения декабристской попытки, этого отчаянного рывка дворянского авангарда из исторического тупика, ознаменовало резкое ускорение деградации дворянства как политической силы.

Запоздалый бонапартизм Ермолова как отражение утопичных исторических претензий русского дворянства, вытесняемого бюрократической формацией, особенно ясен на фоне фигуры его истинного предшественника — Цицианова.

Князь Цицианов — прежде всего генерал, выполняющий важную для империи миссию. Ни о каком противопоставлении себя бюрократическому самодержавию нет и речи. Он старается выполнить свою задачу с размахом, он ощущает свою значимость как посланца империи, но он прежде всего инициативный исполнитель августейшей воли. Он — как впоследствии Ермолов — готов спровоцировать войну с Персией, но с целями исключительно государственными. Предел его карьерных мечтаний — фельдмаршальский жезл.

Ермолову мало обычных почестей и чинов. Он с отвращением и раздражением говорит о том, что его имя «могут обезобразить графским титулом». Он, конечно, печется о величии империи. Но внутренне он отнюдь не до конца с нею слит. Забота о собственном величии — далеко не последняя его забота. И этим, в частности, определяется презрение к тем, кто должен стать постаментом для этого величия. Цицианов презирал горцев с высоты имперских европейских представлений, потому что презрение,

как он считал, было именно тем, к чему они привыкли и чего ожидали. Ермолов смотрит на них с высоты собственных достоинств. Он еще и ощущает себя посланцем некоей формации недооцененных дворян. В переписке с Закревским — генералом-бюрократом, идеально встроившимся в систему, и с богачом-аристократом Воронцовым, отпрыском «сильных персон» прошлого века, он постоянно подчеркивает свою гонимость, недостаток внимания и доверия со стороны государя и особенно военно-бюрократической элиты. Декабристы рассчитывали на поддержку Ермоловым их планов не из-за его реформаторских, а тем паче революционных настроений — Ермолов не Киселев, с 1815 года бредивший освобождением крестьян, и не Михаил Орлов, готовый на самые радикальные методы борьбы с самодержавием. Декабристские лидеры, отлично понимавшие, что происходит с русским дворянством и к чему это может привести (яснее других формулировал это Пушкин, предрекавший революционизацию нищающего дворянства), не сомневались, что Ермолов — социально и психологически на стороне вытесняемого дворянства, а не новой бюрократической аристократии, ставшей опорой трона.

Упорство, с которым Ермолов добивался заполучить себе в ближайшие помощники двух генерал-майоров, ярких представителей левого и правого крыла дворянской оппозиции — Михаила Фонвизина, своего бывшего адъютанта, по выражению самого Ермолова, «великого карбонария», и знаменитого Дениса Давыдова, свидетельствует о несомненном осознании Алексеем Петровичем этого аспекта ситуации.

И как лидер, сконцентрировавший в себе — помимо всего прочего — энергию целого социального слоя, неудовлетворенного своей реальной ролью, Ермолов чувствовал себя не просто представителем могучего монарха. Он сам мог, как мы увидим, претендовать на трон великой азиатской державы...

Великий князь Константин Павлович недаром употребил в свое время термин «проконсул». Проконсулы республиканского Рима пользовались почти неограниченной властью в порученных им провинциях. Проконсулы времен империи в большей степени зависели от метрополии и лично от императора, но это были уже нюансы...

При этой степени самостоятельности — не столько де юре, сколько де факто, — которой обладал «проконсул Кавказа», от этого самоощущения, от характера личной идеологии в значительной степени зависел характер взаимоотношений империи и Кавказа.

Как и для многих русских военных того периода, для Ермолова центральной исторической фигурой эпохи был Наполеон. Один из первых биографов Ермолова, известный историк М. П. Погодин так описывал житье наместника Кавказа после вынужденной отставки: «... Читал книги о военном искусстве, и в особенности о любимом своем полководце Наполеоне... А между тем Паскевич прошел вперед, взял Эрзерум, Таврис, Ахалцых, проникнул далеко в Персию. А между тем Дибич вскоре перешел Балканы, занял Адрианополь. Что происходило в то время в душе Ермолова, то знает только он, то знал Суворов, в Кобрине читая итальянские газеты о победах молодого Бонапарте, то знал, разумеется, больше всех этот новый Прометей, прикованный к скале Святой Елены».

В этих трех фразах роковое имя возникает трижды — Наполеон, Бонапарте, Прометей со Святой Елены. Погодин проявил незаурядное чутье — Ермолов субъективно и был одним из немногих реальных кандидатов в российские Наполеоны — при соответствующем стечении обстоятельств. (Например, если бы в случае удачи мятежа 14 декабря Северное и Южное тайные общества призвали его в качестве третейского судьи.)

После шквала наполеоновских войн молодые русские генералы и офицеры, сохранившие мощную инерцию действия, ощущавшие себя спасителями Европы и освободителями народов, искали выхода своей энергии. Она реализовалась по-разному — в резко возросшем количестве дуэлей, в гвардейском лихачестве, в пьянстве и разгуле, но и в организации тайных союзов, создании проектов конституций. Фигура Бонапарта в этой ситуации приобрела новый колорит. Из ненавистного врага он превращался в предмет зависти, в образец того, как можно переломить судьбу.

Михаил Орлов — молодой генерал, натура и военная судьба, сходная с ермоловской, — не удовлетворен постом начальника штаба корпуса, добивается строевого командования, получает дивизию усиленного состава — по сути, небольшую армию, — но бушующая энергия и яростное честолюбие человека, недавно принимавшего капитуляцию Парижа, заставляют его строить дерзкие планы и готовиться к рывку на помощь восставшим грекам, который должен перейти в свержение российского самодержавия.

Ермолов с ужасом думает о командовании гренадерским корпусом — одним из ключевых постов в армии. Ему необходимо не просто самостоятельное поле деятельности, но деятельность с гигантской перспективой.

А П Ермолов Портрет работы Д Доу

Он ясно формулировал эту перспективу: «В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам».

Хорошо зная военную биографию Наполеона, Ермолов был, естественно, прекрасно осведомлен о драме Египетского похода. Вне зависимости от того, догадывался ли он о действительных планах молодого завоевателя или не догадывался, но стремление Ермолова на Кавказ, на Восток, принципиально рифмуется с мечтаниями Бонапарта. Афоризм относительно азиатских царств был произнесен Ермоловым уже в отставке — на его Святой Елене. На своей настоящей Святой Елене Наполеон так сформулировал истинную цель Египетского похода: «Если бы Сен-Жан д'Акр была взята французской армией, то это повлекло бы за собой великую революцию на Востоке, командуя армией создал бы там свое государство, и судьбы Франции сложились бы совсем иначе». Бонапарту не удалось взять крепость, Египетский поход закончился катастрофой, но нам важен замысел, а не результат.

Можно было бы усомниться в знании Ермоловым подробностей Египетского похода, если бы он сам это не подтвердил. В письме Закревскому от 12-17 апреля 1817 года он писал: «... Прилагаю копию с одного манифеста к кабардинскому народу. Я сам сме-

18 200

Наполеон

юсь, писавши такие вздоры, но раз сказал шутя истину, что здесь такие писать должно и что сим способом скорее успеешь. Ты в сем манифесте узнаешь слог *Бонапарте*, когда в Египте, будучи болен горячкою, говаривал он речи. Я брежу и без горячки!»

Шутливый тон призван скрыть серьезность сопоставления. Параллель между Египетским походом и персидско-кавказскими планами несомненно не покидала Ермолова. Во всяком случае — первые два-три года. Цитированное письмо Закревскому написано было еще до посольства в Персию, когда «азиатские иллюзии» Алексея Петровича — «В Азии целые царства к нашим услугам» — были в полном расцвете.

Удивительный по опасной откровенности намек, связывающий Ермолова с Наполеоном, находим в письме великого князя Константина Павловича, со зловещим изяществом поздравившего своего старого товарища по оружию с новым назначением 25 июня 1816 года: «Почтеннейший, любезнейший и храбрый товарищ, Алексей Петрович!... Поздравляю вас с новым вашим назначением и с доверенностью, которую оказывает в сем случае вам Всемиловнейший Государь Император к заслугам вашим. Признаюсь, что эта доверенность штука не из последних, и во время оно сам бы Талейран с товарищи задумался».

О какой такой особой доверенности толкует великий князь? Перед Ермоловым на Кавказе командовали три ничем из ряда вон выходящим не прославившихся генерала, включая вполне заурядного Ртищева.

Ключ к подтексту — «Талейран с товарищи». Именно Талейран был одним из главных действующих лиц переворота 18 брюмера, приведшего к власти Наполеона.

Константин и Ермолов хорошо знали болезненно подозрительную натуру императора Александра. И — по мнению великого князя — отдать обширный край и боевой корпус, находящийся фактически вне контроля Петербурга, в руки честолюбцу с неукротимым характером и явным наполеоновским комплексом было со стороны царя знаком величайшего доверия.

В другую эпоху — «во время оно» — эта ситуация выглядела бы слишком схожей с ситуацией Бонапарта в Египте и после Египта и могла навести на соответствующие мысли «Талейрана с товарищи». Но — в России.

Эти намеки можно было бы расшифровать так, как это и делает один из новейших биографов Ермолова, — активность России на Востоке могла бы беспокоить Францию. Не получается. Планы Ермолова, как их представляет себе Константин, должны были бы беспокоить в первую очередь Англию. — «Позже можно, не сворачивая ни мало, прогуляться в места расположения всех богатств Англии сухим путем». Старая петровская идея о захвате Индии, которую в ермоловские времена пытался реализовать Павел.

Причем Константин всерьез опасается, что Ермолов может намеренно спровоцировать войну с Персией, чтобы раскатать Восток и в возникшем хаосе реализовать свои цезарианские планы. — «Но, избави Боже, отрыжки *et comme les extremes se touchent*^{*}, чтоб по поводу путешествия Вашего не сделалось с нашей стороны всеобщей прогулки по землям чужим. Шпанская муха много перевела народу во Франции. Избави Бог, чтобы Персия тоже не перевела много православных. Впрочем, все зависит от миссионерства наследника общества Грубера».

Французская фраза напоминает нам знаменитое наполеоновское — «от великого до смешного...». А шпанская муха — это, похоже, Наполеон.

Константин не только подозревает Ермолова в намерении спровоцировать войну, но и утверждает, что война или мир за-

^{*} Крайности сходятся (фр.).

всят исключительно от получившего свободу действий генерала. «Патер Грубер» — было прозвище Ермолова. (Грубер был генералом ордена иезуитов и несколько лет жил в Петербурге.)

Сам Александр тоже не заблуждался относительно градуса честолюбия и властолюбия своего генерала. Один из современников Ермолова зафиксировал с его слов следующий красноречивый эпизод: «Он (Ермолов. — Я. Г.) рассказывал, что в 1821 году был назначен главнокомандующим стотысячной армией, долженствующей принять участие в усмирении смут в Италии, волнуемой карбонарами. В Неаполе произошел мятеж, король вынужден был подписать конституцию. Вскоре Ермолов был вызван в Лайбах, в котором находились союзные монархи, для совещаний. Алексей Петрович находился при императоре. Во время обеда государь подавал разные знаки кн. Волконскому, сидевшему против него, показывая на его соседа. Волконский не мог понять пантомим императора и потому на вопрос его по окончании обеда отвечал, что не догадывается, что государь хотел сказать ему, указывая на Ермолова.

— Неужели ты не понял того, что я желал объяснить тебе, что Алексей Петрович, кажется, воображает, что на нем мантия и что он занимает уже первые роли.

Ермолов, стоявший недалеко, не смущаясь, отвечал:

— Государь, вы несколько не ошибаетесь, и если бы я был подданным какого-нибудь немецкого принца, то, конечно, предположение ваше было бы совершенно справедливо; но служа такому великому монарху, как вы, с меня достаточно будет и второго места*.

Острота этого разговора в том, что Ермолов должен был отправиться с армией в Италию — как некогда молодой Бонапарт, стремительное восхождение которого с этого и началось...

Есть все основания предположить, что назначение Ермолова на край империи объяснялось не только высоким доверием к нему императора. Может быть, как раз наоборот. В годы, последовавшие за возвращением из Европы, Александр фактически не задержал при себе никого из молодых популярных в армии генералов «с идеями». Михаил Семенович Воронцов на три года был оставлен во Франции — командиром оккупационного корпуса, Михаил Федорович Орлов отправлен в Киев, а затем в Кишинев, Павел Дмитриевич Киселев в Бессарабию начальником штаба 2-й

* Р. И. Храповицкий. Знакомство с Ермоловым. «Русская старина», 1872, ноябрь, с. 539.

армии. В этом ряду назначение Ермолова на Кавказ свидетельствует об определенной логике происходящего. Все четыре генерала были полны честолюбивых мечтаний и с разной степенью радикализма склонялись к либеральным идеям. Первые трое были решительными противниками крепостного права, что являлось в тот момент ярким опознавательным знаком.

О существовании у Ермолова далеко идущих планов свидетельствуют некоторые им самим как бы в шутку рассказанные эпизоды его посольства в Персию в 1817 году. В записках о пребывании в Персии Ермолов рассказывает, как он сообщил персидским вельможам о своем происхождении от Чингисхана «Нередко рассуждая с ними о превратностях судьбы, я удивлялся их замечаниями, что в той стране, где владычествовали мои предки, где все потворствовало страшному их оружию, я нахожусь послом, утверждающим мир и дружбу. Один из вельможей спросил у меня, сохранил ли я свою родословную; решительный ответ, что она хранится у старшего из фамилии нашей, утвердил навсегда принадлежность мою Чингисхану. Я однажды сказал, что могу отыскивать персидский престол, но заметил, что персияне не любят забавляться подобными шутками. В народе же, столько легковерном и частыми переменами приобыкшем к непостоянству, шутка сия может иметь важные последствия. В случае войны потомок Чингисхана, сам начальствующий непобедимыми Российскими войсками, будет иметь великое на народ влияние».

Род дворян Ермоловых действительно происходил от некоего Мурзы-Аслан-Ермола, выехавшего в 1506 году из Золотой Орды в Москву и крестившегося. Но таких «потомков Чингисхана» в русском дворянстве было предостаточно. Никто, однако, кроме Ермолова не пытался использовать это в видах карьеры — сколь грандиозной, столь и утопической.

Последняя фраза цитированного текста свидетельствует о серьезных раздумьях Ермолова о возможных поворотах ситуации.

Очевидно, молва о том, что неукротимый генерал немедленно развяжет войну с Персией, преследуя свои честолюбивые цели, была столь распространена, что Ермолову приходилось специально оправдываться в письмах.

18 ноября 1817 года он писал из Тифлиса Закревскому. «Здесь нашел я войска, похожие на персидских *сарбазов*. (Имеется в виду неуставной внешний вид солдат Кавказского корпуса. — Я. Г.) Но люди прекрасные и молодцы. Народ храбрый, жаль, что мир необходимо нужен. Обманутся неприятели мои, думая, что я заведу драку. Неправда! Вижу, что надобно спокойствие для пользы нашей, и Бог свидетель, что на все сред-

Александр I

ства пушусь, чтобы выторговать несколько лет мира. Употреблю кротость, ласку, лесть и все способы. Но если успею, то ручаюсь, что после не по-прежнему будем оканчивать войну в здешнем краю».

Последняя фраза говорит как о далеко идущих планах, так и об ощущении Ермоловым своей независимости — он явно собирается начинать войну по собственному усмотрению.

Но и несколько лет мира Ермолов не склонен был посвящать только Кавказу. Вскоре по приезде в Персию «послом, утверждающим мир и дружбу», Алексей Петрович разработал и предложил императору несложную, но эффектную интригу — вмешаться во внутреннюю династическую борьбу среди сыновей шаха. Законным наследником, назначенным самим шахом, был энергичный Аббас-Мирза, тесно связанный с англичанами. Ермолов предлагал поддержать старшего брата Аббас-Мирзы, говоря сегодняшним языком — исламского фундаменталиста, о котором Ермолов писал: «Не терпит он европейских учреждений и к англичанам имеет ненависть». Началась бы гражданская война, в результате которой Персия, как считал Ермолов, «долгое время не придет и в теперешнее свое состояние спокойного беспорядка, а начинающее рождаться во многих частях устройство по крайней мере на целое столетие отдалено будет».

Ермолова недаром прозвали в честь генерала ордена иезуитов ..

Для Ермолова организация гражданской войны в Персии, разумеется, не была просто кровожадной забавой. В неизбежном при этом хаосе он рассчитывал на первых порах присоединить к России Эриванское ханство, а затем действовать по обстоятельствам.

Александр эту авантюру запретил.

II

Вернувшись из Персии с гарантией длительного мира, Ермолов немедленно принялся решать задачу, которая казалась ему первостепенной и которую уже пытался решить Цицианов — уничтожение института ханства и введение на Кавказе унифицированной системы управления по российскому образцу. Операцию эту он задумал еще до своего персидского посольства. 24 февраля 1817 года он писал Воронцову из Тифлиса в Париж: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования об-

Командующий Кавказским корпусом в 1811 — 1812 гг
генерал-лейтенант Ф О Паулуччи

ществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, унижающих человечество».

Здесь впервые появляется очень важный мотив, который лежал в основе оправдательной доктрины ермоловского периода, ведущий мотив идеологии ермоловского завоевания. Мотив этот был намечен в цициановскую эпоху, а Ермолов, считавший себя учеником и продолжателем дела Цицианова, провозгласил его в полный голос.

Ермолов и его сподвижники — Вельяминов, Мадатов — пришли на Кавказ не после подавления Польши, как Гудович и Цицианов, а из освободительного с их точки зрения похода против деспотии Наполеона. Они и Россию ощущали как страну-освободительницу — «И нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир».

Проблему Кавказа можно и должно рассматривать только в контексте проблематики: Россия — Польша, Россия — Греция, Россия — балканские славяне.

С конца десятых годов русское общественное сознание готовилось к освободительному походу ради единоверных греков — наследников элинской свободы. Байрон, погибший за свободу Греции, был кумиром и символом. Пушкин мечтал сражаться в Греции. Падение популярности Александра I не в последнюю очередь было вызвано его нежеланием направить армию на помощь восставшим грекам. Михаил Орлов готовил свою дивизию к броску на Балканы.

Новейший исследователь так характеризует обстановку в начале двадцатых годов: «Общественное мнение единодушно хотело назначения Ермолова главнокомандующим русской армией в будущей войне с Турцией. Об этом же мечтал и сам Ермолов. Парадокс: чтобы вести активную политику на Востоке и помочь Греции в ее борьбе за независимость, надо было обеспечить себе спокойный тыл — покорить народы Кавказа, лишить их независимости. Целые народы должны были утратить право на свою историческую судьбу и превратиться в средство продвижения империи на Восток»*.

Парадокс это кажущийся. Еще недавно Османская империя, ставшая лидером мусульманского мира, была неукротимый агрессором, захватывала все новые и новые территории, жестоко расправлялась с народами, пытавшимися отстоять независимость, грозно нависала над европейскими державами — турецкие войска доходили до Вены. Россия в XVIII веке была на передовой линии

* С. А. Экштут. В поиске исторической альтернативы. М. 1994. с. 116.

противостояния с Блистательной Портой, постоянно расширяя буферные территории между собой и историческим противником. И это было совершенно естественно. Потому выбор в дилемме — поработенная турками единоверная Греция или мусульманский Кавказ, союзник Турции, — выбор был тоже естествен.

Большинство русского офицерства, прошедшего Европу, было настроено принципиально антидеспотически — при политической лояльности по отношению к своему государю, поборнику либеральных идей, от которого ждали соответствующих реформ. И Турция, и Персия, покровительствующие Кавказу, были классическими образцами необузданного деспотизма, и в самом деле намного превосходившего своим произволом российское самодержавие.

И на Кавказе победители Наполеона, освободители Европы чувствовали себя прежде всего носителями гражданской цивилизации, просвещения и правосудия. А воплощением дикости, политической отсталости, свирепости, не подобающей XIX веку, были кавказские ханства.

Если для Цицианова ханы были прежде всего помехой полному включению кавказских областей в состав России и соответствующему устройству управления, то для Ермолова они были и неким идеологическим символом — само их бытие под боком у просвещенной России было позором.

Хуан Ван-Гален, испанский офицер-вольнодумец, зачисленный в Нижегородский драгунский полк и воевавший в 1820 году на Кавказе, оставил любопытные в этом отношении свидетельства. «... Ермолов принялся за создание второй линии укреплений на дорогах и на подходах к склонам Кавказских гор, обращенных к упомянутой реке, дабы тем самым принудить горцев, которым оставлялась полная свобода внутреннего управления (тут Ван-Гален сильно преувеличивает. — Я. Г.), отступить от своих разбойничьих привычек и в иных принципах воспитывать своих детей под неусыпным надзором и покровительством русских гарнизонов, размещенных в этих крепостях, и дабы сами эти горцы начали пользоваться благами более цивилизованного состояния»^{*}.

Эти цели — воспитание горцев в духе цивилизованных представлений и воспитание их потомства в том же духе — Ермолов громкогласно декларировал. Тот же Ван-Гален воспроизводит речь проконсула перед персидскими эмиссарами:

«Царствованию варварства приходит конец по всему азиатскому горизонту, который проясняется, начиная от Кавказа, и

^{*} Хуан Ван-Гален. Два года в России. «Звезда», 1997, №3, с. 143.

провидение предназначило России принести всем народам вплоть до самых границ Армении мир, процветание и просвещение».

Не сомневаюсь, что Ермолов и его близкие соратники и в самом деле ощущали себя паладинами «мира, процветания и просвещения», которые они несли в царство варварства и жестокости.

Вскоре после приезда на Кавказ Ермолов писал шекинскому хану: «Едва я приехал сюда, как уже закидан просьбами на вас. Не хочу я верить им без исследования, ибо в каждой из них описаны действия, одному злонравному и жестокому человеку приличные. Я поручил удостовериться о всем том чиновнику, заслуживающему веры. Если точно откроет он жестокости, которые деланы по вашей воле, что могут доказать оторванные щипцами носы и уши, то я приказал всех таковых несчастных поместить в доме вашем, до тех пор пока вы их не удовлетворите. Чиновника вашего, который бил одного жителя палкой до того, что он умер, и тело его было брошено в ров, я приказал взять и, по учинению над ним суда, будет лишен жизни. Советую вам, г. генерал-майор хан шекинский, быть осмотрительнее в выборе чиновников, назначаемых для приведения в исполнение вашей воли; паче советую вам, чтобы воля ваша не была противна милосердию и великодушию государя, который управление ханством вверил вам совсем не в том намерении, чтобы народ, его населяющий, страдал в дни славного его царствования, и ручаюсь вам, что если найду жалобы основательными, я научу вас лучше исполнять намерения всемилостивейшего вашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своих приказаний не люблю».

Шекинский хан выбран был для первого урока еще и потому, что считался фаворитом «предместника» Ермолова — генерала Ртищева, доказать бездарность и вредность деятельности коего было для Алексея Петровича делом не личного, но идеологического принципа. В «Записках» он так объяснял ситуацию: «Предместник мой, генерал Ртищев, был к нему (шекинскому хану. — Я. Г.) чрезвычайно снисходительным; никакая на него просьба не получала удовлетворения, жалующиеся обращались (то есть направлялись. — Я. Г.) к нему, и оттого подвергались жесточайшим истязаниям, или избегали оных разорительною платою. Окружающие генерала Ртищева, пользующиеся его доверенностью, и, если верить молве, то самые даже ближайшие его получали от хана дорогие подарки и деньги.

С негодованием я должен упомянуть об одном постыдном начальства поступке: жители шекинские, в числе более двухсот

человек, пришли в Тифлис, не в состоянии будучи сносить злодейской жестокости и угнетений хана. Жалобы их, слезы и отчаяние не тронули начальство, их назвали бунтующими против власти, многих наказали телесно, более двадцати человек, как заговорщиков, сослали в Сибирь».

Ермолов, разумеется, не думал в это время о широко распространенной в России традиции гонять людей сквозь строй, что было изощренной пыткой. Это для него укладывалось в общую цивилизованную систему поддержания порядка. Жестокости ханов порядку не служили.

Ермолов и сам мог быть предельно жесток. Но он был жесток во имя просвещения и процветания, он расстреливал и вешал — случалось, за ноги — во имя прогресса этого края, его населения. Хань же просто удовлетворяли свои порочные страсти, противопоставляя их цивилизации и просвещению.

Ермолова, подозреваю, мало волновали судьбы жертв Измаил-хана Шекинского. Но это был удобный и весьма благовидный повод лишить его власти.

Когда в 1820 году проконсул задумал поход против сильного владельца Казикумухского ханства, то мотивация была соответствующая. Ее бесхитростно передает Ван-Гален, участвовавший в походе: «Хан провинции Казикумук, расположенной на южном склоне восточной оконечности Кавказских гор рядом с Дагестаном, привычный тиранствовать своих подданных, принялся чинить великие зверства над мирными жителями соседних земель, каковые он подчинил своей власти, пользуясь родственными связями с ханом Ширвана и другими бывшими вассалами Персии; тайно подстрекаемый этой державой, он вознамерился нарушить спокойствие в Дагестане...»

Характерно, что первая причина, вызвавшая поход на Казикумук и изгнание хана, по Ван-Галену — «тиранство» над подданными, а уже потом замысел мятежа...

Оправдательная доктрина, которая должна была, по мнению Ермолова, вдохновить его соратников и убедить их в правоте свершаемого, была привезена им с собой, а не родилась в действии. Это было свойственно для деятелей века Просвещения. Доктрина должна была оправдать и прикрыть собственный бонапартизм проконсула и методы, которые он считал неизбежными.

Только-только прибыв в Тифлис — 18 ноября 1816 года — Ермолов писал Закревскому: «Здесь мои предместники слабостью своею избаловали всех ханов и подобную им каналью до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких, и жестокости, которые и турки уже стыдятся делать, они думают

по праву им позволительными». Как видим — мотивация исключительно в пределах морали, а не практической политики. — «Предместники мои вели с ними переписку как с любовницами, такие нежности, сладости и точно как будто мы у них во власти. Я начал вразумлять их, что беспорядков я терпеть не умею, а порядок требует обязанности послушания, и что таковое советую я им иметь к воле моего и их Государя и что берусь научить их сообразоваться с тою волею. Всю прочую мелкую каналью, делающую нам пакости и мелкие измены, начинаю прибирать к рукам. Первоначально стравливаю их между собою, чтобы не вздумалось им быть вместе против нас, и некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов. Надобно по необходимости некоторых удостоить отличного возвышения, то есть виселицы. Не уподоблюсь слабостию моим предместникам, но если хотя немного похож буду на князя Цицианова, то ни здешний край, ни верные подданные Государя ничего не потеряют».

Несколько позже, в уже цитированном письме Воронцову от 24 февраля 1817 года Ермолов разворачивает целую теоретическую программу своих действий по первостепенному приведению края к европейским стандартам: «Я в стране дикой, непросвещенной, которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. (Обратим внимание на постоянную тезу-антитезу — «порядок — беспорядок» — петровская жажда регулярности, мечта о европейской четкой системе, вводимой железной рукой. — *Я. Г.*) Образование народов принадлежит векам, не жизни человека. Если на месте моем был гений, и тот ничего не мог бы успеть, разве начертать путь и дать законы движению его наследников; и тогда между здешним народом, закоренелым в грубом невежестве, имеющим все гнуснейшие свойства, разве бы поздние потомки увидали плоды. Но где гении и где наследники, объемлющие виды и намерения своих предместников? Редки подобные примеры и между царей, которые дают отчет народам в своих деяниях. И так людям обыкновенным, каков между прочим и я, предстоит один труд — быть немного лучше предместника или так поступать, чтобы не быть чрезвычайно хуже наследника; но если сей последний не гений, то всеконечно немного превосходнее быть может. Итак, все подвиги мои состоят в том, что какому-нибудь князю грузинской крови помешать делать злодейства, которые в понятии его о чести, о правах человека (! — *Я. Г.*), суть действия, ознаменовывающие высокое его происхождение; воспретить какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши, которые в образе мыслей своих не допускают существование власти, если она не

сопровождается истреблением и кровопролитием. Вот в чем состоят мои главнейшие теперь занятия, и я начинаю думать, что надобен великий героизм, чтобы трудиться о пользах народа, которого отличительное свойство есть неблагодарность, который не знает счастья принадлежать России и изменял ей многократно, и еще изменить готов».

Здесь два момента особо надо отметить. Во-первых, уже через четыре месяца после отбытия Ермолова на Кавказ он отчаянно рефлексирует относительно рутинной работы, ему предстоящей. Не для нее он рвался на Кавказ. Во-вторых, в качестве основного принципа взаимоотношений с доверенным ему населением он — вслед за Цициановым — выбирает презрение. В этом же письме, вскоре после цитированного отрывка, идет замечательный в своем роде текст. Читая его, надо помнить, что речь идет в нем об армянах, грузинах и горской аристократии: «Помню князя Цицианова название *Армяшки*. Вот род людей, буде людьми назвать пристойно, самый презрительный, у которого Бог — свои выгоды и никаких в отношении к другим обязанностей. Европа не должна гнушаться *Жидами*: они удобно покоряются порядку и при строгом наблюдении не более могут делать вред как *Армяшки*, во всем с худой стороны им подобные».

О том, что подобный взгляд не был следствием минутного раздражения, вызванного конкретной ситуацией, а фундаментальной установкой, свидетельствует неоднократное повторение этих тезисов. Причем проблема рассматривается с разной степенью подробности и в разных аспектах.

9 января 1817 года, в письме к Закревскому, выразив в очередной раз презрение к азиатам и только что не по-матерному отчитав своих «предместников» за попустительство ханам и разрушение цициановской системы, Ермолов подробно анализирует качества новых подданных России всех сословий: «Теперь обратимся к единоверцам нашим — к народу, Грузию населяющему. Начнем с знатнейших: князья не что иное есть, как в уменьшенном размере копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными. То же «благоразумие», одних в законодательстве, других в совершенном убеждении, что нет законов совершеннейших. Гордость ужасная от древности происхождения. Доказательства о том почти нет, и требование оно приемлют за оскорбление. Духовенство необразованное..., те же меры жестокости, употребляемые в изучении истин закона; житием своим подающее пример разврата и вскоре обещающее надежду, что магометанская вера распространится. Многие из горских народов и земель, принадлежащих

Порте Оттоманской, бывшие христиане, перестали быть ими и сделались магометанами, без всякой почти о том заботы. Если наши не так скоро ими сделаются, то разве потому, что по мнению их весьма покойно быть без всякой религии. Народ простой, кроме состояния ремесленников, более глуп, нежели одарен способностью рассудка; свойств более кротких, но чувствует тягость зависимости от своих владельцев. Ленив и празден, а потому чрезвычайно беден. Легковерен, а потому и удобопреклонен ко всякого рода внушениям. Если бы князья менее были невежды, народ был бы предан нашему правительству; но не понимают первые, еще менее могут разуместь последние, что они счастливы принадлежать России; а те и другие чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словом, народ не заслуживает того попечения, тех забот, которые имеет о них правительство, и дарованные им преимущества есть *бисер, брошенный перед свиньями*».

Кроме общей оценки подвластного проконсулу населения, тут надо особо обратить внимание на один пассаж, касающийся роли князей: «Если бы князья были менее невежды, народ был бы предан нашему правительству...» Здесь очевидна единая формула отношений к закавказским и кавказским владельцам — князьям и ханам. Как и ханы, грузинские князья — невежественные, жестокие, не понимающие, что такое европейского типа законность, — являются препятствием для органичного и прочного включения простого народа в имперскую семью. Отсюда вывод — как и ханы, грузинские князья подлежат замене в качестве управляющего и контролирующего слоя русским военным и статским чиновничеством.

Ермолов таким образом психологически готовит Петербург, — а дежурный генерал при государе Закревский представлялся Ермолову прямым информационным каналом к Александру и его окружению, — к восприятию своей, ермоловско-цициановской, модели переустройства края. Разумеется, Ермолов не мог примириться с тем, что ему предстоит «трудиться о пользах» столь ничтожных людей — и только. Не затем он стремился в этот дикий край. Он посылает в Хиву и Бухару разведчика — офицера Генерального штаба Николая Николаевича Муравьева, будущего знаменитого Муравьева-Карского. Он, по дороге в Тегеран, приказывает квартирмейстерским офицерам незаметно производить топографическую съемку местности. Короче говоря, он подготавливает возможность прорыва в сторону Индии по разным направлениям.

А перед самым отъездом в Персию Алексей Петрович направляет императору рапорт, смысл коего может быть сформулирован так — «О необходимости уничтожения ханской власти». (Так и назвал его первый публикатор.)

«Вникая в способы введения в здешнем краю устройства, хотя вижу я большие затруднения, надеюсь, однако же, со временем и терпением, в свойствах грузин ослабить закоренелую склонность к беспорядкам; но области, ханами управляемые, долго противостанут всякому устройству; ибо данные им трактаты предоставляют им прежнюю власть без малейшего ограничения, кроме казны, на которую они права не имеют. Управление ханствами даровано им наследственно. Благодетельные российские законы не иначе могут распространиться на богатые и обильные области сии, как в случае прекращения наследственной линии или измены ханов. Покойный генерал князь Цицианов при недостатке средств со стороны нашей, имея внешних и внутри земли сильных неприятелей, присоединил ханства к России. Необходимость вырвала у него в пользу ханов трактаты снисходительные. Впоследствии весьма ощутительно было, сколько они противны пользам нашим, отяготительны для народов, и сколько потому с намерениями Вашего Императорского Величества не согласуются. Никто, однако же, не воспользовался возможностью переменить их. Измена хана Шекинского вручила нам богатое его владение. Главный город взят был нашими войсками, хан бежал в Персию, и введено было российское управление. Генерал-фельдмаршал граф Гудович без всякой нужды вызвал на ханство одного из бежавших ханов из Персии, и ныне сын его, генерал-майор Измаил-Хан, им управляет. Таким же образом изменил и хан Карабагский, но был убит. После него остались дети верные и приверженные, и фельдмаршал граф Гудович должен был возвести сына на ханство, которым доселе владеет, но он бездетен и здоровья весьма слабого. По нем наследник — племянник его, полковник Джафар-Кули-Ага, который в 1812 году изменил нам, бежал в Персию, вводил персидские войска в свое отечество неоднократно, с ними вместе на один батальон наш, слабый числом, напал и истребил его. Предместник мой, генерал Ртищев, призвал его из Персии, Высочайшим манифестом 1814 года простил его преступление, признал его прежним полковником и ввел в прежние права наследника ханства. Оба сии ханства, положением своим важные, произведениями богатейшие, должны временно быть управляемы Российскими законами на том основании, как Елисаветпольский округ, некогда бывший ханство Ганджинское.

Доволя о сем до сведения Вашего Императорского Величества, всеподданнейше прошу полковника Джафар-Кули-Агу не утверждать наследником Карабагского ханства, и хотя генерал Ртищев именем Вашего Величества признал его в сем достоинстве, я найду благовидные причины не допустить его управлять ханством.

Хана Шекинского, озлобившего управлением народ, его ненавидящий, жестокого свойствами и преступающего дарованные ему трактатом права, я начал уже усмирять весьма строгими мерами и даю направление общему мнению, что он ханом быть не достоин».

И дальше идет пассаж, поразительный по откровенности. «Я не спрашиваю Вашего Императорского Величества на сей предмет повеления: обязанности мои истолкуют попечения Вашего Величества о благе народов, покорствующих высокой Державе Вашей. Правила мои: не призывать власти Государя моего там, где она благотворить не может. Необходимость наказания предоставляю я законам. По возвращении из Персии, согласуясь с обстоятельствами, приступлю я к некоторым необходимым преобразованиям».

То есть командир Кавказского корпуса объявляет, что он будет действовать самостоятельно, сообразуясь только с общим духом августейшей политики. Царская воля остается для благодеяний. Все меры переустройства края, включая карательные, Ермолов собирается осуществлять исключительно по собственному разумению. И Александр молчаливо согласился с этим, а затем стал постепенно под давлением Ермолова расширять его полномочия. И скоро великий князь Константин Павлович в своей двусмысленной манере назовет Ермолова проконсулом Кавказа, а Ермолов охотно примет этот римский титул...

Мысль, что проблема ханств есть ключевая проблема, что ее решение немедленно откроет возможность введения порядка и стройного управления краем, ни на минуту не оставляла Ермолова в эти первые месяцы.

Одновременно с рапортом императору он писал Воронцову: «Когда ворочусь из Персии, введу перемену в образе их (ханств. — Я. Г.) управления. Хан Карабагский, как добрый, хотя и слабый человек, по счастью, болезненный и бездетный, не будет уже иметь наследника, и, конечно, после него не бывать там ханству. Шекинского владения хан, ужасная и злая тварь, еще молод и недавно женился на прекрасной и молодой женщине. Каналья заведет кучу детей, и множества наследников не переждешь

Я намерен не терять времени в ожиданиях. Богатое и изобильное владение его будет Российским округом, и вскоре по моем из Персии возвращении. Я сделаю опыт, который без сомнения и правительству понравится».

Ханы, как правило, действительно были жестокими деспотами, правившими в соответствии с традициями, на европейский взгляд вполне варварскими. Но, как Цицианов, считавший, что с варварством надо бороться варварскими методами, что на Востоке надо говорить языком Тамерлана — иначе тебя не поймут, так и Ермолов, просвещенный европеец, считает, что не следует ограничивать себя европейскими представлениями XIX века, что цивилизацию надо вколачивать железным кулаком.

«Образование народов принадлежит векам, не жизни человека», — идея осталась благим теоретизированием. Практика иная. Ее суть прекрасно сформулировал Грибоедов перед одной из карательных экспедиций, в которую он собирался вместе с Ермоловым: «Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгрэвов^{*}; будем вешать и прощать и плюем на историю».

Навязывая горцам «барабанное просвещение», решая насущную стратегическую задачу, приходится «плевать на историю» — органичный процесс совершенствования духа народа, естественное развитие нравственных представлений.

Шекинский хан Измаил, столь раздражавший Ермолова, вскоре скоропостижно скончался. Персы утверждали, что он был отравлен русским чиновником, при нем состоявшим, по приказу генерала Мадатова. Этот же слух ходил и среди русских офицеров.

Очень успешно применялся и прием, Ермоловым самим декларированный, — «стравливаю их между собою». Стравив Карабахского хана с его племянником, удалось заставить хана бежать в Персию. В ханстве был назначен управляющим русский полковник.

III

Письма Ермолова — неисчерпаемый источник сведений о его взглядах и планах. Однако каждая группа писем, ориентированная на соответствующего адресата, имела свое назначение. Ермолов ничего не делал просто так. Письма Закревскому

* Конгрэв — боевая ракета, изобретенная английским инженером Уильямом Конгривом

были способом довести, создать нужное представление о намерениях проконсула Кавказа в окружении императора. Письма Воронцову рассчитаны на либеральные генеральские и офицерские круги, Письма к Петру Алексеевичу Кикину, статс-секретарю, человеку штатскому, покровителю искусств, по тону и содержанию своему предназначались образованному столичному обществу. В этом «эпистолярном протезизме» Ермолов близок к Пушкину, который точно выбирал тон и стилистику письма в зависимости от типа адресата. Он точно знал — с кем он может быть откровенен.

Таково, в частности, замечательное письмо Алексея Петровича от 15 декабря 1818 года своему бывшему начальнику, отставному уже инспектору артиллерии генералу Петру Ивановичу Меллеру-Закомельскому, военному министру на покое.

«Достойный и всеми почитаемый начальник!

Мне кажется, все внимание ваше обращено было на Ахен, и вы страну Кавказа не удостаиваете минутою воспоминаний. Теперь отдохнули вы, ибо судить по-видимому возможно, что судьба позволила царям наслаждаться миром; даже самые немецкие редакторы, все обыкновенно предузнающие, не грозят нам бурю несогласия и вражды. Спокойно стакан пива наливается мирным гражданином, к роскошному дыму кнастера не примешивается дым пороха, и картофель растет не для реквизиций. Один я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказ звуками оружия. С чеченцами употреблял я кротость ангельскую шесть месяцев, пленял их простотой и невинностью лагерной жизни, но никак не мог внушить равнодушия к охранению их жилищ, когда приходил превращать их в бивуак, столь удобно уравнивающий все состояния. Только успел приучить их к некоторой умеренности, отняв лучшую половину хлебородной земли, которую они уже не будут иметь труда возделывать».

Здесь стоит прервать ермоловский текст, поскольку свирепая шутка, содержащаяся в последней фразе, имеет очень серьезный смысл.

Во-первых, в поле зрения главнокомандующего, завершающего первый год активной деятельности на Кавказе — предшествующий, 1817-й, был в основном посвящен подготовке к посольству в Персию, а затем и самому посольству, — попали, наконец, вытесняя ханов и ханства, вольные горские общества — прежде всего Чечня.

Во-вторых, здесь уже в конце первого года Ермолов ясно формулирует один из главных методов давления на вольные об-

щества, метод, который лег в основу его стратегии, — военно-экономическая блокада.

Несколько позже он писал Закревскому: «Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать земли и спасать стада свои. Досель доберусь для того, чтобы иметь пути сии, потом будут являться войска, когда того совсем не ожидают, тогда придут войска, когда занят каждый работой и собратся многим трудно. Для драки не будет у них довольно сил, следственно и случаи к драке будут редки, а голоду все подвержены, и он поведет к повиновению».

Высокая степень откровенности Ермолова в письмах Закревскому и Воронцову, отношения с которыми были давние и дружеские, но не без подводных камней, подтверждается тем не менее письмами к человеку, которому Алексей Петрович полностью доверял — его кузену Денису Давыдову.

10 февраля 1819 года: «Ты не удивишься, когда скажу тебе об употребляемых средствах. В местах, где я был, в первый раз слышен был звук пушек. Такое убедительное доказательство прав наших не могло не оставить выгод на моей стороне. Весьма любопытно видеть первое действие сего невинного средства над сердцем человека, и я уразумел, сколько полезно владеть первым, если не вдруг можно приобрести последнее».

Шутливый тон дружеского письма не скрывает жесткого смысла — лояльность достигается грубым насилием. Сердечное расположение горцев стимулируется картечью.

6 января 1820 года он в письме Давыдову буквально повторяет любимую мысль Цицианова. Он пишет: «Я многих по необходимости придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердечием».

Небезосновательное представление о насилии как главном регуляторе взаимоотношений вольных обществ и ханств на Кавказе привело Цицианова на первом этапе его командования, а затем и Ермолова к выбору в пользу насилия как единственного результативного метода достижения цели. Компромиссные методы представлялись исключительно вынужденными.

Завоеватели не учитывали разницы между внутренними взаимоотношениями горских народов между собой и ситуацией, когда в этот сложный и многообразный мир с широким спектром регуляторов вторгается внешняя и чуждая сила...

Джарский лезгин

Ермолов не был садистом и людоедом. Но его логика категорически не совпадала с логикой горцев. Идея же поисков взаимоприемлемого варианта отношений была чужда обеим сторонам, да и нереалистична в то время психологически.

То, что Ермолов далее пишет Меллеру-Закомельскому о горцах, буквально воспроизводит пассажи Цицианова.

Ермолов в 1820 году: «Они даже не постигают самого удобопонятного права — права сильного! Они противятся».

Цицианов в 1803 году: «Сильному свойственно приказывать, а слабый родится, чтоб сильному повиноваться».

Установка на право сильного у просвещенного европейца Ермолова, равно как и у достаточно просвещенного Цицианова, следствие принципиального отрицания миропредставлений горцев. Из этого фундаментального конфликта не было благополучного мирного выхода. Ибо для горцев — покориться означало крушение мира. Для Ермолова же введение «барабанной цивилизации» — порядка! — на Кавказе мыслилось благодеянием для горцев и для соседних российских земель. Не говоря уже о престиже империи.

Ермолов пишет: «С ними (чеченцами. — Я. Г.) определил я систему медления, и, как римский император Август, могу ска-

Унтер-офицер Кавказского саперного батальона

зять: «Я медленно спешу». Здесь мало истребил я порошу, почтеннейший начальник; но один из верноподданнейших слуг нашего государя вырвал меня из этого бездействия; он мучился совестью, что без всяких заслуг возведен был в достоинство хана, получил чин генерал-майора и 5000 руб. в год жалования. Собрав войска, он напал на один из наших отрядов, успеха не имел, был отражен, но отряд наш не был довольно силен, чтоб его наказать. Я выступил, и когда нельзя было ожидать, чтоб я в глубокую осень появился в горы, я прошел довольно далеко прямо к владениям изменника, разбил, рассеял лезгин и землю *важно обработал*. Вот что значит *отложиться*. Сделал честно, и роптать на меня нельзя; ведь я не шел *на загор*, и даже князь П. М. Волконский придраться не может: неужели потерпеть дерзость лезгин? Однако поговорите с ним, почему я слышу не совсем покойным человеком: по справедливости, надлежало бы спросить предместников моих, почему они со всею их патриаршею кротостию, не умели внушить горцам благочестия и миролюбия?»

Здесь Алексей Петрович, конечно же, лукаво подмигивает своему адресату. Судя по ироническому тону, он прекрасно понимает, что конфликт с аварским ханом Султан-Ахмедом — именно он имеется в виду — был спровоцирован. И спровоцирован са-

ним направлением ермоловской политики, которое он сформулировал в специальном программном рапорте императору от 20 мая 1818 года. Этот текст столь важен, что надо процитировать большую его часть.

«Высочайшее соизволение вашего императорского величества, испрошенное мною на занятие укреплениями р. Сунжи, было следствием соображения, коему дало повод известное мне прежнее мнение многих; ныне обозревая границы, наши против владений чеченских лежащие, вижу я не одну необходимость оградить себя от нападений и хищничеств, но усматриваю, что от самого Моздока и до Кизляра поселенные казачьи полки Моздокский, Гребенский и семейные, и кочующие карангайцы, богатым скотоводством полезные государству, и перевозкою на весь левый берег линии доставляемого из Астрахани морем провианта приносящие величайшую казне пользу, по худому свойству земли не только не имеют ее для скотоводства избыточно, ниже для хлебопашества достаточно, и что единственное средство доставить им выгоды и с ними совокупить спокойствие и безопасность есть занятие земли, лежащей по правому берегу Терека.

Приведение сего в действие беспрекословно гораздо удобнее было, когда во множестве бывшие на линии войска не развлечены были приобретением Грузии, и тогда до присоединения оной можно было стать твердою на новой черте ногою, но не мое дело рассуждать о том, что упущено, я обязан представить средства, как впредь поступать надлежит.

Против левого фланга живут народы именуемые: чеченцы, аксаевцы, андреевцы и костековцы.

Чеченцы сильнейший народ и опаснейший, сверх того вспомоществуемы соседями, которые всегда со стороны их не по связям с ними существующим, не по вражде против нас, но по боязни, чтоб они, подпав власти русских, не вовлекли их с собою.

Аксаевцы узами родства и не менее участием в злодеяниях связаны тесно с чеченцами и им как сильнейшим покорствуют.

Андреевцы, обращающиеся в торговле, ознакомясь со многими удобствами в жизни, удерживают с чеченцами связи для выгод торга, но будучи богаты и избыточествуя многих родов изделиями, воинственные свойства свои очевидно переменяют на свойства кроткие.

Костековцы менее сильный прочих народ, не столько склонный к торгу, но излишнее количество земли своей отдавая на пастбу скота чеченцам, получает от них большие выгоды и потому сохраняет с ними связи.

Все сии народы и часть самих чеченцев, живущие по левому берегу Сунжи и даже по правой стороне Терека против самих селений наших, именуются мирными, и последние из сих, прикрывая себя личиной доброго к нам расположения, суть наиболее опаснейшие для нас, ибо ближайшими будучи соседями и зная обстоятельно положение наше, пользуются благоприятным временем, приглашают неприязненных на разбой, укрывают у себя всеми средствами, вспомоществуют им и сами бывают участниками. Равнодушные многих из начальников на линии допустило их селиться на Тереке, где земли издавна принадлежали первым основавшимся здесь нашим казачьим войскам, и, ограничив Терек, удовольствовались тем, что вменило в ответственность им делаемые на нашей стороне похищения. Беспрестанно изобличаются они в воровствах, нападении и увлечении в плен людей наших, нет спокойствия и безопасности. Они посмеиваются легковерию нашему к речательствам их и к клятвам, и мы не перестаем верить тем, у кого нет ничего священного в мире. Десятая доля не удовлетворяет потери нашей, и еще ни одного преступника не выдали нам чеченцы.

В нынешнем 1818 году, если чеченцы, час от часу наглеющие, не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже в месте самом для нас опаснейшем, или если можно успеть будет учредить два укрепления, то в будущем 1819 году, приведя их к окончанию, тогда живущим между Тереком и Сунжею злодеям, мирными именующимся, предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные Вашего Императорского Величества, а не союзники, как они до сего времени о том мечтают. Если по надлежащему будут они повиноваться, назначу по числу их нужное земли количество, разделив остальную часть между стесненными казаками и караногайцами; если же нет, предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем, и в сем случае все земли останутся в распоряжении нашем. Я в таковых обстоятельствах прошу Вашего Императорского Величества соизволения, чтобы из полков Моздокского и Гребенского добровольно желающие могли переселиться вперед за Терек.

За сим распоряжением селения наши по Тереку от устья Сунжи и до Кизляра и самый сей город, единственный родом промышленности и знатный казне доход приносящий, останется тем же как и теперь подверженным опасностям, которые отвратить одно средство в том состоит, чтобы цепь укреплений, расположенных по Сунже, продолжить через Аксаевские, Андреев-

ские и Костековские селения до р. Сулака, где для учреждения оных несравненно менее предстоит затруднений, нежели против чеченцев.

Таким образом, со стороны Кавказской приблизимся к Дагестану, и учредится сообщение с богатейшею Кубинскою провинцией и оттуда в Грузию, к которой доселе лежит один путь, чрез горы, каждый год несколько времени, а иногда и весьма долго пресекаемый.

Мимоходом в Дагестан чрез владения шамхала Тарковского овладеем мы соляными богатыми озерами, довольствующими все вообще горские народы и чеченцев не исключая. До сего времени шамхал не помышлял отдать их в пользу нашу и уклонялся принять войска наши в свою землю, теперь предлагает взять соль, а войска расположу я у него как особенную милость Вашего Императорского Величества за его верность, которые нужны нам для обеспечения нашей в Дагестан дороги <...>

Обеспечив таким образом безопасность левого фланга линии, надобно обратить внимание на центр оной, лежащий против кабардинцев, народа некогда весьма сильного, храброго и вообще воинственного, нынче не требующего чрезвычайных мер к усмирению. Моровая язва народ сей истребила почти до четвертой оного части и среди его создала почти всегдашнее свое пребывание по связи его с закубанскими народами. Для прекращения или по крайней мере уменьшения сих бедствий, Кавказской линии грозящих, надобно, сближаясь к вершинам р. Кубани, при урочище, известном под именем Каменный Мост, сделать укрепление на один батальон пехоты и, вступая в сношение с некоторыми горскими народами, от кабардинцев утесненными, содержать сих последних в совершенной зависимости <...>

Если благоугоден будет Вашему Императорскому Величеству план сей, то нужен на имя мое высочайший указ в руководство и непремennую цель преемникам моим. В предложении моем нет собственной моей пользы; не могу я иметь в предмете составлять военную репутацию мою насчет разбойников... Не всякого однако же на моем месте могут быть одинаковые выгоды».

Здесь уже ясно видны и стратегические, и тактические принципы будущих действий Ермолова и его взгляд на противника.

«Мы не перестаем верить тем, у кого нет ничего священного в мире». Убежденность в том, что поскольку горцы не исповедуют мораль и этику европейского образца, то у них «нет ничего священного в мире», и была роковым препятствием к компромиссу со стороны России. При этом убежденность горцев в своем праве нарушать любую клятву, данную неверным — то есть

существом вне закона божеского и, соответственно, человеческого, являлась непреодолимым препятствием с их стороны.

Цельное сознание горца принимало компромисс лишь как тактический ход, как допустимую хитрость.

И с той, и с другой стороны мы видим отрицание противником права на оправданную идеологию и признание силы в качестве реального аргумента.

Понадобились катастрофические для Кавказского корпуса события 1840-х годов, а для горцев более чем двадцатилетняя жестокая диктатура Шамиля, чтобы те и другие пришли к осознанию возможности иного варианта. Который, однако, тоже оказался далеко не оптимальным. Но все это будет через десятилетия после того момента, в котором мы находимся сейчас.

В 1818 году командующий Кавказским корпусом, проконсул Кавказа, выдвинул более чем простой и определенный план — полное подчинение, безоговорочное включение в государственную структуру России или же вытеснение и истребление. За те полгода, что прошли между рапортом императору, принятым благосклонно, и письмом бывшему военному министру, Ермолов начал энергично свой план осуществлять — «отняв у них лучшую половину хлебородной земли» и приступив к устройству новой линии крепостей, оттеснявшей чеченцев к бесплодным горам. Естественной реакцией на эти действия было яростное вооруженное сопротивление.

Аварский хан, видя, что русские укрепления приближаются к его границам и по опыту цициановской эпохи прекрасно понимавший, что это означает, поддержал чеченцев, был разбит и изгнан. Что вполне соответствовало административному стратегическому замыслу командующего.

В цитированном письме Меллеру-Закомельскому есть откровенно программный пассаж, смысловые нити от которого тянутся и назад, и вперед. Это — продолжение предшествующей цитаты: «...Надежало бы спросить предместников моих, почему они, со всею их патриархальною кротостию, не умели внушить горцам благочестия и миролюбия? Меня, по крайней мере, упрекнуть нельзя, чтоб я метал бисер перед свиньями; я уже не берусь действовать на них силою Евангелия, да и самой Библии жаль для сих омраченных невежеством. ...Но должно ли спросить, чего добиваюсь я такими мучениями? Станешь в пень с ответом. Я думаю, что лучшая причина тому та, что я терпеть не могу беспорядков, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя. Здесь нет такого общества разбойников, которое не думало бы

быть союзником России. Я того и смотрю, что отправят депутации в Петербург с мирными трактатами! Никто не поверит, что многие подобные депутации были принимаемы».

Из этого откровенного текста можно сделать несколько фундаментальных выводов.

Во-первых, Ермолов категорически не верит в миссионерскую деятельность, в распространение христианства и сближение таким образом горских народов с Россией.

Пассаж о метании бисера перед свиньями — раздаче Библии и пропаганде Священного писания на Кавказе — не был абстрактным сарказмом.

Ван-Гален, описывая участие кюринского хана и его младшего брата Гассан-аги в экспедиции против хана казикумухского, рассказывает: «Несмотря на свои религиозные верования, каждый из них с гордостью носил на груди крест Святого Владимира, второй по значению русский военный орден, полученный за многочисленные услуги, оказанные в различных обстоятельствах Российской империи. Как неоднократно имел возможность убедиться Ван-Гален, оба не были излишне фанатическими приверженцами пророка, и когда генерал барон Вреде, управлявший всем Дагестаном, приглашал их к столу, ни пост, падающий на ту пору года, ни предписания Корана не препятствовали им отведать все яства и воздать должное разнообразным и изысканным винам».

На первый взгляд влиятельные горские аристократы были многообещающим объектом для обращения в христианство или, во всяком случае, для сближения религиозных представлений, что, соответственно, вело и к политической лояльности. Но, как ни странно, трудами этими занимались не православные проповедники.

Ван-Гален свидетельствует: «В то время специальные миссионеры, присылаемые в Черкесию и Дагестан Лондонским Библейским Обществом, подчиненным английской масонской ложе «Великий Восток», уже предпринимали усиленные попытки умерить фанатизм мусульман или их веру. Эти проповедники, равно как и члены их семейств, отличавшиеся примерной и праведной жизнью, пользовались особым покровительством русского правительства. Пусть даже их цели и намерения были чужды русскому кабинету, но они постепенно цивилизовали все эти племена. От того барон Вреде, следуя в этом смысле желаниям петербургского кабинета, со всей благожелательностью и рвением способствовал им в распространении Библии, переведенной с английского на все живые языки Азии и снабженной в Тифлисе роскошными литографиями.

Аслан-хан уже возил с собой роскошный экземпляр Библии, подаренный бароном Вреде; благодаря этому начальному шагу к обращению, то ли искреннему, то ли притворному, русские власти относились к нему с удвоенной благосклонностью*.

Ермолов был по-своему прав. Аслан-хан, сражавшийся на стороне русских против своего давнего недруга Сурхай-хана Казикумухского, в благодарность получивший после победы обширное Казикумухское ханство, — вопреки обычным ермоловским принципам, — со временем оказался отнюдь не таким лояльным, как хотелось думать русскому командованию. Демонстрация Библии была чистой игрой.

А тот факт, что проповедью христианства в Дагестане занимались англичане, заслуживает отдельного анализа. Можно предположить, исходя из британской политики на Востоке, что миссия адептов «Великого Востока» была не только религиозной...

Во-вторых, из приведенного ермоловского письма ясно, что Алексей Петрович вообще не верил в возможность мирного сосуществования с горцами и даже попытки такого рода считал ошибочными. Он категорически отрицал путь постепенного интегрирования горских обществ и ханств — через союзные отношения и соответствующие договоры — в состав империи. И хотя кавказская реальность заставляла его чем дальше, тем чаще отступать от своих принципов, сформированных еще в России, но по существу они оставались незыблемы.

Одним из главных тактических приемов в политической игре с горскими владетелями, а затем и вольными обществами он считал уже известное нам «стравливание». Его мечтой было заставить горцев воевать друг против друга, привязывая таким образом к себе хотя бы часть из них.

В апреле 1817 года, в самом начале своей кавказской эпопеи, еще полный наступательных иллюзий, Ермолов писал Закревскому: «Имею уже известие о чеченцах. Ожидают казни и гнева моего, и боязнь проложила путь к их сердцу. Они видят, что я ловко принимаюсь за них. Теперешнюю весною устраивается на Сунже редут новый, и выселяются из гор к нему народы злодеи чеченцев». То есть племена, ненавидевшие чеченцев. Командующий был уверен, что насильно согнанные со своих родовых мест и поселенные там, где выгодно русским, эти племена станут надежным орудием против чеченцев благодаря внутренней их вражде.

* Хуан Ван-Гален, с. 154.

А. П Ермолов. Портрет работы П. З. Захарова (Захаров-Чеченец).
1843 г

13 мая 1818 года — тому же Закревскому, изложив план вытеснения чеченцев в горы: «Удалиться в горы, значит на пищу св. Антония. Не надобно нам употреблять оружия, от стеснения они лучше нас друг друга истреблять станут».

В этот период мысль о раздоре между горцами Ермолов лелеет с упорством и энергией. 9 июля того же года, рассказывая Закревскому о планах вторжения в Дагестан, он рассчитывает, что «тотчас между ними родится ссора, явятся предатели, и ничего не будет сокровенного».

Причем ставка делается именно на активные действия одних владельцев и вольных обществ против других. Простой лояльности проконсулу категорически недостаточно. 1 августа 1819 года он предписывает генерал-майору князю Мадатову: «Уцмей Каракайдагский не упустит вступить с вами в сношение, ибо он всеми пользуется случаями оказать нам преданность, когда то не стоит ему ни труда, ни малейших жертвований, и иногда надеется он, ничего более в нашу пользу не делая, сохранить к себе доверенность неприятелей наших. Ему вы, как человек посторонний, откровенно будете говорить, что не таким, как его, поведением доказывается верность государю, и что того не довольно, чтоб явно не участвовать в намерениях неприятелей, но должно верноподданному быть явно против оных».

То есть кто не с нами, тот против нас.

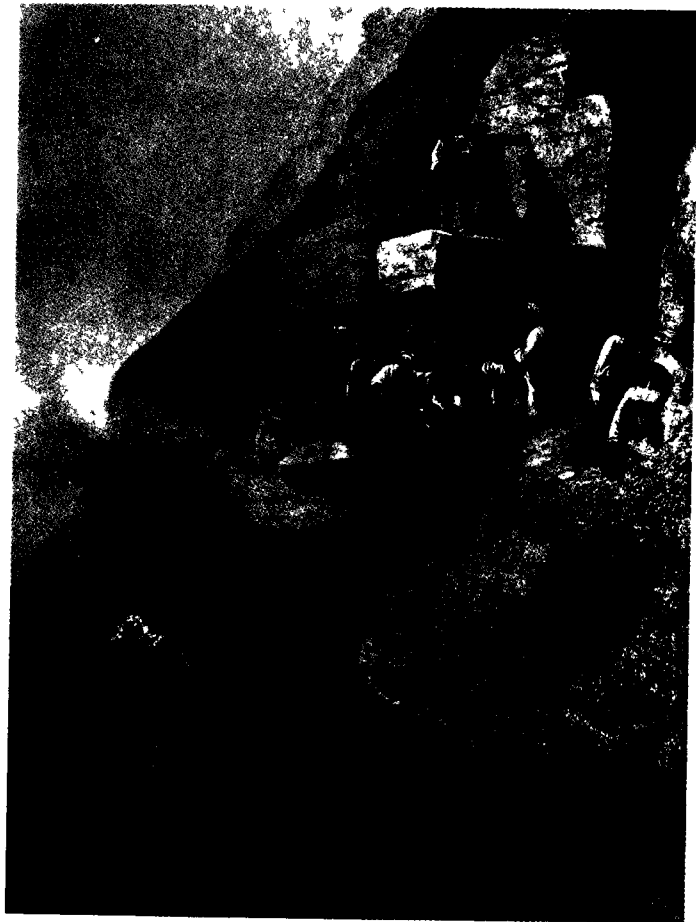
В этом был свой резон — уже через месяц уцмий Каракайдагский открыто перешел на сторону противников России.

К концу своего проконсульства Ермолов в значительной степени достиг одной из поставленных им перед собой целей — ханства как институт, мощно влиявший на расстановку сил в Дагестане, были фактически нейтрализованы.

В краткой истории наступления на Кавказ, предпосланной «Запискам» Ермолова, составленной скорее всего в его канцелярии, говорилось; «В 1819 году изгнан уцмей Каракайдацкий и заняты владения его... В 1820 году покорено ханство Казикумыцкое, и владельцем оно назначен полковник Аслан-Хан Кюринский... Взято в казенное управление Нухинское ханство в 1822 году... В 1823 году изгнан хан Ширванский в Персию без сопротивления, и ханство взято в казенное управление».

Если вспомнить судьбу ханов Шекинского и Карабахского, то картина ясна. Ермолов мог торжествовать...

Но оказалось, что эта победа чревата тяжелейшими последствиями — русские власти потеряли пускай ненадежную и «позорную», но все же единственную опору в Дагестане. Была

Русские солдаты строят дорогу в Дагестане Рис Т Горшельта

взорвана традиционная система баланса сил, и на первый план вышли вольные горские общества. Разрушив сеть покрывавших Дагестан самодержавных квазигосударств, по своей психологической сути родственных самодержавной России и потому в соответствующих обстоятельствах — военное поражение Персии, например, — готовых ориентироваться на северного исполина, Ермолов поставил Россию лицом к лицу с военной демократией (разного уровня) вольных обществ, представления которых категорически не совпадали с имперскими. Подавив властную волю ханов, убрав их с политической арены как ведущую силу, Ермолов — помимо всего прочего — расчистил поле для куда более грозной силы, бескомпромиссно враждебной России.

Известно, что первый имам, наставник Шамиля, Кази-мулла, возродивший через полвека после шейха Мансура сокрушительное движение мюридов, столь же энергично, как против русских, боролся и против ханов, пытаясь объединить Кавказ для противостояния экспансии с севера.

Разрозненные, неустойчиво сбалансированные действия ханов сменила централизующая, единоподчиненная воля имамов. Свирепые и корыстные ханы, несмотря на их тяготение к Персии, были естественными союзниками России в борьбе с имамами, ибо построение единого теократического государства на Кавказе означало их фактическую ликвидацию.

Цицианов и Ермолов проделали для Шамиля огромную подготовительную работу.

В борьбе против ханства парадоксально совпали — при противоположности конечных целей — устремления Цицианова, Ермолова и трех имамов: Кази-муллы, Гамзат-бека и — прежде всего — Шамиля.

Просветительская, цивилизаторская, гуманизаторская — с его точки зрения — доктрина Ермолова решительно сработала в этом случае против интересов России, создав идеальные предпосылки для объединения вольных обществ и освободившихся от локальной деспотии жителей ханств под властью теократического лидера.

Впереди был самый тяжкий период войны...

КАВКАЗ И ЦАРЬ

Петербургская утопия

Страны не знали в Петербурге. .

Пастернак

Горшком отравленного блюда
Внутри дымился Дагестан.

Пастернак

Известный историк Закавказья и Кавказа А. Берже писал в одной из своих работ: «В летописях русского владычества на Кавказе есть события, которые прошли будто не замеченными несмотря на несомненную историческую их важность и значение. К таким событиям относится, между прочим, поездка императора Николая на Кавказ, предпринятая ровно 115 лет спустя после похода Петра Великого в Дагестан»^{*}.

Однако показать историческую важность августейшего вояжа А. Берже не удалось. Свой очерк он закончил так: «Путевые издержки по переездам императора Николая Павловича в пределах Кавказского края составили сумму в 143 438 руб. 59 коп. серебром. Лошадей было загнано до 170.

Так завершилось путешествие государя по Кавказу, заранее известное в Европе, несколько ближе познакомившее его величество с этой отдаленной окраиной его империи и имевшее ближайшим последствием отозвание барона Розена и назначение на его место генерал-адъютанта Евгения Александровича Головина».

Истраченные весьма значительные суммы, несчастные загнанные лошади, которых хватило бы на два кавалерийских эс-

^{*} А. Берже. Император Николай на Кавказе в 1837 г. «Русская старина», т. XLIII, 1884, август.

кадрона, опытный генерал Розен, смещенный с поста командующего Кавказским корпусом за провинности своего зятя князя Дадиани, командира Эриванского карабинерного полка, и замененный не имевшим ни малейшего представления о Кавказе генералом Головиным, отнюдь не стяжавшим себе в этом качестве лавров, — все это были последствия, так сказать, негативные. Что до последствий позитивных, то осведомленному и кропотливому Берже обнаружить их не удалось.

Между тем путешествие на Кавказ затевалось отнюдь не для развлечения. Как и все путешествия российских самодержцев по своей империи, оно преследовало прежде всего крупные политические цели.

Берже недаром сопоставил поездку Николая с походом Петра в 1722 году. Так называемый Персидский поход, предпринятый сразу же после окончания двадцатилетней Северной войны, мыслился прологом грандиозного наступления на Восток — вплоть до Индии. Персидский поход — движение сильного экспедиционного корпуса вдоль Каспия с заходом в Дагестан — стал не только первым мощным рывком России в этом направлении (затем последовал поход Валериана Зубова в 1796 году, знаменитый рейд донских казаков в направлении Индии в 1801 году, завоевание Средней Азии в 1860 — 1870-х годах с сопутствующими стратегическими разработками прорыва через Афганистан к северным границам Индии), но и фактическим началом драматического процесса, который мы называем Кавказской войной...

По результату, который Николай ожидал от своего появления на Кавказе, эта акция была — в некотором роде — сопоставима с появлением на Каспийском побережье первого императора. Но для того, чтобы понять эти упования, нужно представить себе военно-политическую ситуацию на Кавказе весной 1837 года.

1836 год был годом крупных успехов Шамиля. К концу года ему удалось подчинить себе все горские общества в Дагестане, значительную часть Аварии. Не без успеха он вел агитацию в Чечне. Русское командование с сильным опозданием осознало, что перед ним вырастают очертания единой мощной системы сопротивления, системы, разрозненные части которой скреплены стройным религиозным учением.

С еще большим опозданием осознали это и в Петербурге. Но важности происходящего до конца не поняли.

Что, впрочем, немудрено. Приходится только изумляться фантастичности представлений императора и правительства относительно происходящего на Кавказе.

В 1835 году, когда мюридизм уверенно набирал силу, Николай отклонил одно из предложений генерала Вельяминова «потому, что это помешает окончательному покорению горцев в сем году». Неважно в данном случае, насколько были реалистичны идеи ермоловского сподвижника. Важно то, что император всерьез ожидал «окончательного покорения горцев» за три десятилетия до конца Кавказской войны.

Генерал Григорий Филипсон, большую часть своей боевой службы проведенный на Кавказе, умный человек и проницательный мемуарист, писал по этому поводу: «В 1835 же году Вельяминову сообщена высочайшая собственноручная резолюция на одном его рапорте: „дать горцам хороший урок, чтобы они на первых порах обожглись“. Этот урок, вероятно, предполагалось дать достройкой Николаевского укрепления, над которым горцы не могли не смеяться, Наконец, когда решено было построить ряд укреплений по восточному берегу Черного моря, Вельяминову высочайше повелено было послать из Геленджика один батальон по берегу навстречу другому батальону, который будет послан из Гагр. Эти батальоны должны были пройти по всему берегу и возвратиться к своим отрядам, „дабы получить ясное понятие о топографии этого края“. Вельяминов, конечно, этого не исполнил, потому что посланный им батальон был бы истреблен никак не далее следующего дня по выходе, Я уже не говорю о том, что Министерство финансов предлагало устроить по всему берегу таможенные посты для воспрепятствования ввоза контрабанды в наши пределы. В Петербурге и не подозревали, что мы имеем здесь дело с полумиллионным горным населением, никогда не знавшим над собою власти, храбрым, воинственным и которое в своих горных заросших лесом тущобах на каждом шагу имеет сильные природные крепости. Там еще думали, что черкесы не более как возмущившиеся русские подданные, уступленные России их законным повелителем султаном по Адрианопольскому трактату!»*

Это невежество распространялось на все государственные слои. Тот же Филипсон, обучавшийся в Военной академии, признается: «О Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие, хотя профессор Языков на лекциях по военной географии проповедовал нам о том и другом; но по его словам выходило как-то, что самое храброе и враждебное нам племя были кумыки. Зато оказывались на Кавказе стратегические линии и пути»**.

* Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 130.

** Г. И. Филипсон..., с. 90.

Кумыки были на самом деле вполне замиренным народом, жившим под управлением русской администрации...

В начале 1837 года из Петербурга был отдан очередной приказ об активизации военных действий и командующий Кавказским корпусом барон Розен начал энергичное давление на непокорные горские общества.

Генерал-майор Фези, швейцарец на русской службе (кто только не воевал в рядах Кавказского корпуса — немцы, испанцы, португальцы, французы), переведенный недавно на Кавказ из Литовского корпуса, где он служил под началом Розена, несколько раз пересек со своим отрядом Чечню, совершал рейды в Дагестан, ломая сопротивление аулов, лежавших на его маршрутах.

Это входило в стратегию русского командования, но с начала 1837 года военные действия приобрели особый оттенок — они стали подготовкой к реализации плана, задуманного императором.

Чтобы читатель понял, как это выглядело на практике, стоит привести свидетельства о карательных экспедициях 1836 года двух свидетелей — генерала-артиллериста Бриммера, бывшего в том году еще молодым офицером, и унтер-офицера пехотного Апшеронского полка Самойлы Рябова.

Бриммер вспоминал: «Сделав еще версты 3 — 4, мы подошли к аулу, который приказано сжечь... Весь аул пылал; отдельные сакли, разбросанные в ущелье между огромными деревьями, все занялись; дым из ущелья валил к нам. Подъехав ко мне на холмик, генерал Фезе сказал:

— Тут никого нет; я прошу вас, примите команду над арьергардом, и когда я пришлю вам сказать, то отведите роты отсюда. Я поеду к войскам.

— Очень хорошо, ваше превосходительство; прошу вас послать адъютанта, чтобы пехота слушалась моих приказаний. Вам кажется, что здесь нет никого, между тем как все овраги полны горцами, их тысячи, и только что мы тронемся — будут крепкие проводы.

Генерал Фезе недоверчиво улыбнулся и уехал.

Орудия были заряжены картечью. Желая, чтоб два орудия отступали к линии застрельщиков, я приказал взять от других двух орудий запасные сумы и все сумы наполнить картечными снарядами. Два орудия и четыре ящика (по одному на орудие) должны были следовать первыми через аул, Пехотным ротным командирам я сказал, чтобы отделив по 15-ти человек к каждому из двух орудий, которые будут в арьергардной цепи, остальных людей выслали бы вперед в цепь, связывая в боковые цепи, стоявшие на отлогостях горы, и чтобы застрельщики равнялись

Генерал-фельдмаршал граф И Ф Паскевич-Эриванский
Портрет работы Ф Крюгера

по орудиям или по моей белой фуражке — все равно. Получив приказание отходить, я послал фейерверкера посмотреть, как пожар около дороги? Он принес известие, что несколько домов еще горят, но почти вся деревня уже сгорела. Я приказал быстро отходить ящикам, и когда пехота стала, как приказано было, орудия спустили с холма; два другие стояли отдельно впереди пехоты шагов на 50. Только что начали спускать с холма орудия, вдруг из всех оврагов выскочили горцы, но увидя, что мы стоим, начали стрелять. Картечь с одного орудия... и, живо наложив назад на передок, отъехало. Тут горцы с диким криком и визгом бросились вперед, но были встречены сильною ружейною пальбою и картечью из двух других орудий. Толпы их рассеялись, как бы ошеломленные. Тут их много повалило, многих оттащивали, много валялось. Мы стали отходить. Толпы горцев, вбежав в горящий аул, из-за оград, из-за деревьев стреляли в наших, иногда с диким гиком, шашки обнажив, бросались на цепь; цепь отстреливалась, картечь гуляла, резервы подбегали с криком „ура!“ Горцы оттащивали своих раненых, прятались за деревья, мы тихо отходили к сзади стоявшему орудию и опять останавливались, покуда орудие не занимало позади места. К середине ущелья деревья были чаще; горцы подбегали на 5— 10 шагов к цепи

Генерал-лейтенант Э В Бриммер

и из-за толстых деревьев стреляли наверняка... Половина аула была уже пройдена. Только что выстрелившее орудие зарядили, и я приказал ему отходить, как артиллерист № 1, обернув баник, упал к моим ногам. Орудие уже двигалось назад. Я взял артиллериста за плечо, чтобы оттащить, но горец с кинжалом в руке бросился ко мне. Офицер ударил его пашкой, два штыка покончили с ним»*.

Бриммер был человек насквозь военный — недаром его любил и ценил Ермолов, — любая самая кровавая схватка воспринималась им как естественное профессиональное занятие. Он был романтик Кавказской войны. Унтер-офицер Рябов смотрел на дело проще, и в его глазах те же ситуации выглядели куда прозаичнее. «В 1836 году, под командою генерала Фези, полк наш направился в Чечню, где и занят был всю зиму усмирением взбунтовавшихся аулов. Я не буду распространяться о трудности этого похода, скажу только, что поход этот был зимою, по горам, где то снег по колено вверху, то дождь и слякоть в долинах, то двадцатиградусный мороз на высоте, то жар и духота

* Э В Бриммер Служба артиллерийского офицера Кавказский сб, т XVI Тифлис, 1895, с 225

в оврагах и ущельях по очереди менялись. Не столько погибло народу от сабель и пуль вражеских, сколько от холода и других невзгод. Выбьется человек из сил в походе, за ним ухаживать и заботиться некому: ружье, сумку и пуговицы долой — и оставайся как знаешь. Обозов с нами никаких не было: кое-что на вьюках, кое-что на себе — вот и все; <...> Многие отстававшие отдыхали и опять успевали нагонять свой отряд на ночевках и дневках, но большинство, конечно, совсем пропадало, погибая холодной и голодной смертью, или доставалось в руки неприятелю.

Едва успели мы отдохнуть от чеченского похода, как через два месяца полк наш направлен был в Аварию*.

Именно органичное сочетание в Кавказском корпусе психологического типа офицера — романтика, рыцаря долга и имперской идеи, с преобладающим типом солдатского сознания, который можно определить как тип служилого стоицизма, и делало кавказские полки в конечном счете непобедимыми.

Отряд генерала Фези в 1836—1837 годах производил кровавую и тяжелую боевую работу. Но непокорное пространство смыкалось за ним, как вода за судном. Сколько-нибудь существенного значения для конечного результата войны рейды Фези не имели. Напротив — они убеждали чеченцев в необходимости союза с Шамилем, объединителем и защитником.

Отсутствие общей системы в действиях завоевателей, неумение прочно закрепить завоеванное — мстило за себя.

Шамиль на активизацию русских войск ответил регулярными нападениями на лояльную в тот момент России Аварию, вынуждая ее отложиться от русских. Было очевидно, что Шамиль в очередной раз готовит тотальное наступление и что близится новое генеральное столкновение с весьма гадательным результатом.

Практика карательных экспедиций — кинжальных ударов в разных направлениях — настойчиво поощрялась Петербургом в противовес ермоловской стратегии постепенного освоения территорий, вырубки лесов, вытеснения непокорных и переселения на контролируемые территории покорных горских обществ, жесткой военно-экономической блокады, приводившей горцев к голоду и вымиранию. При несомненных прагматических достоинствах этой стратегии у нее, с точки зрения Петербурга, был один фундаментальный недостаток — ее растянутасть во времени.

* Рассказ бывшего унтер-офицера Апшеронского полка Самойлы Рябова. Кавказский сб., т. XVIII. Тифлис, 1897, с. 354.

Быстрого результата эта стратегия дать не могла — она была рассчитана на многие годы.

Солдат своих Петербург не жалел. Солдат в России было много. Мало было денег. Кавказская война поглощала огромное количество финансовых ресурсов при общем тяжелейшем бюджетном дефиците.

У Николая было двойственное отношение к войне на Кавказе. С одной стороны, Кавказ был полигоном, на котором проходило боевое обучение или совершенствовались свое искусство генералы и офицеры. Кроме «коренных кавказцев», для которых Кавказ был постоянным местом службы, через войну с горцами прошло множество русских военачальников. Это была своеобразная, но весьма полезная школа. И вообще, как глава военной империи Николай понимал психологическую значимость этого фактора — постоянного театра военных действий в пределах государства. Этот фактор мощно поддерживал моральный тонус офицерства, делая русскую армию непрерывно воюющей армией. Ведь в любой момент офицер — по собственному ли желанию, по разнарядке или в виде наказания — мог оказаться в боевой обстановке, лицом к лицу со смертельной опасностью, а вместе с тем это была надежда на быстрое продвижение в чинах, получение наград и в случае ранения — выход на приличный пенсион.

Оставаясь «неизвестной войной» для большей части российского общества, Кавказская война принципиально влияла на сознание русского офицерства. И для поддержания постоянного мобилизационного состояния военной империи это было чрезвычайно важно.

Но, с другой стороны, война ложилась губительным бременем на государственный бюджет. Александр I не внимал настоятельным просьбам Ермолова об увеличении численности Кавказского корпуса — Ермолов располагал менее чем 30 тысячами штыков и сабель, что при растянутости линий возможного соприкосновения с противником и чрезвычайно тяжелом рельефе было мало сказать недостаточно, — не потому, что не понимал резонности этих настояний, а потому, что наращивание численности корпуса требовало соответственного наращивания ассигнований на его содержание. Наполеоновские войны фактически разорили Россию, содержание гигантской армии и в пределах ближних к центру губерний было непосильно для страны, — отсюда идея военных поселений, самокупаемой армии, — а уж содержание войск за тысячи верст от столиц тем более.

Чтобы ясно представить себе соотношение чисто военной мощи с общим положением и реальными экономическими возможностями России, стоит обратиться к свидетельствам тонкого и расположенного к империи наблюдателя — сардинского посла при русском дворе Жозефа де Местра, обладавшего не только сильным государственным умом, но и широкими источниками информации. Его свидетельства — не просто сухие выкладки, воспроизводящие сомнительную статистику, но концентрация живым и страстным аналитиком русского общественного мнения, воспроизведение взгляда той части общества, чье критическое отношение к происходящему имело своим фундаментом трезвый патриотизм.

В 1816 году, когда русская армия уже полностью вернулась из заграничного похода (разумеется, за исключением оккупационного корпуса, стоявшего во Франции) и в государстве стала налаживаться послевоенная жизнь, когда стало ясно, что именно эта форма государственного существования мыслится Александру I нормой, де Местр отправил своему коллеге, сардинскому послу в Вене графу де Валезу серию писем, в которых проблема «армия и финансы» возникает с маниакальной настойчивостью. Совершенно очевидно, что де Местра открывшаяся ему ситуация приводила в ужас своими последствиями, — при том, что де Местр был кровно заинтересован в устойчивости России как гаранта равновесия в Европе и прав своего монарха.

31 декабря 1815 года де Местр писал: «Никогда еще не бывало ничего подобного теперешней русской армии. В ней под ружьем 560 000 человек; одни только резервные войска состоят из 180 000 пехоты и более 80 000 кавалерии; это лучшая молодежь в свете, которую ничуть не беспокоит миллион уже погубленных жизней. Вот наилучшее представительство на Конгрессе. (Имеется в виду Венский конгресс 1815 года. — Я. Г.) Если вспомнить, что у Петра I было только 30000 солдат во всей Империи (де Местр сильно преуменьшает численность петровской армии. — Я. Г.), а Император Август повелевал всем известным миром с 400 000, невольно задаешься вопросом, куда приведет нас сие непрерывное увеличение военной силы...»*

Через две с половиной недели — 18 января 1816 года, существенно уточнив свои данные, — де Местр писал: «По правде говоря, у Императора вообще нет ни одного настоящего министра, а сам он не занимается никакими другими делами, кроме воен-

* Жозеф де Местр. Петербургские письма. СПб., 1995, с. 282.

ных. Сейчас у него миллион и сто с чем-то солдат. Один человек представил ему о неизбежной необходимости уменьшить сие число, на что он ответил: „Не говорите мне этого, я, напротив, буду увеличивать их каждый год“. Все-таки, я думаю, Императору придется остановиться...

Весьма затруднительно описать положение сей страны: это огромная армия, крестьяне и коронованный генерал! Нет ни дворянства, ни гражданского сословия. Внутри полная анархия. Рассказывают о совершенно невообразимых делах. Как-то, оказавшись за столом рядом с одной важной особой, я сказал: „Весьма затруднительно понять, к чему приведет сия чрезмерная армия“, — на что он ответил мне: „Увы, милостивый государь, все очень просто: государственные доходы составляют 400 миллионов, столько же стоит армия“. Все крупные собственники разорены. У каждой страны свой Бог, но для русского Бога очень много дел»*.

Нужно помнить, что де Местр жил в России уже тринадцать лет, имел обширные знакомства в правительствующей среде, и осведомленность его вне сомнений.

10 февраля де Местр возвращается к той же теме: «Более чем миллионная армия обходится дороже 200 миллионов рублей в год, то есть на нее уходит почти две трети государственных доходов. Гражданская часть практически не существует. К чему все это приведет? Сие известно одному Богу, Что произошло в средние века, когда мы все были солдатами? Образовался феодальный строй, который перегрыз горло монархии. И теперь может случиться нечто подобное вследствие безмерного увеличения военного сословия...»**

3 июля де Местр писал: «Российский император стал спасителем всей Европы, а нас в особенности, благодаря тому, что он освободил Францию и тем самым восстановил всеобщее равновесие. Горе нам и многим другим, ежели Император не сможет удержать нынешнее свое положение! Воистину лук теперь туго натянут. У него 1 200 000 солдат, при этом он производит еще рекрутские наборы. Армия стоит ему более миллиона в день, а доходы не превысят 400 миллионов». И далее идет новый и чрезвычайно важный мотив: «Войско сильно ропщет; оно изнурено и голодает. Многие дворяне разорились и крайне раздражены законом об ипотеках...»***

* Жозеф де Местр, с. 282.

** Там же, с. 289.

*** Там же, с. 303.

(Закон об ипотеках давал возможность дворянству получать ссуды под залог имений, но при существовавшей системе хозяйствования вел к неоплатным долгам, чреватых потерей имений и деклассированием дворян.)

Де Местр писал все это в то самое время, когда Ермолов, назначенный командующим Кавказским корпусом, отправлялся к новому месту службы — на театр военных действий, который будет еще много десятилетий поглощать миллионы рублей, подрывая и без того катастрофически истощенные российские финансы... (В 1850-х годах на Кавказскую войну уходила 1/6 всего государственного бюджета России!)

К концу 1830-х годов положение в России, с горечью очерченное де Местром, отнюдь не улучшилось.

Финансовый фактор оказался весомее психологического. Николай стремился закончить покорение края как можно скорее.

И когда в начале 1829 года опьяненный успехами двух победоносных кампаний против персов и турок фельдмаршал Паскевич представил императору план завоевания, отменявший ермоловскую постепенность, Николай отреагировал на это повелением реализовать план в течение ближайшего лета.

Однако Паскевич, несколько осмотревшись, понял абсолютную фантастичность этого приказа.

8 мая 1830 года он отправил в Петербург верноподданнейшее донесение, в котором характеризовал обстановку на Кавказе, осторожно охлаждал пыл императора, который сам же легкомысленно разжег, и предлагал два варианта действий, сочетавших любезную ему еще недавно практику карательных экспедиций, призванных устрашить горцев и подавить в них волю к сопротивлению, с несколько видоизмененными ермоловскими методами.

Он писал: «К исполнению Высочайшей Вашего Императорского Величества воли я не упущу употребить все представленные мне способы. Но между тем, соображая известную воинственность горцев, местность, удобную к упорнейшей обороне, и прочие войны обстоятельства, я не могу не признать выполнение сего предположения весьма трудным в столь короткое время... Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их (горцев. — Я. Г.) в отчаяние; с другой стороны, пятидесятилетняя борьба без успеха проникнуть в горные их убежища дает им уверенность, что горы их для нас недоступны; обе сии причины достаточны побудить их к упорнейшему сопротивлению»*.

* Кавказский сб, т VII, Тифлис, 1883, с 14

Затем следовали два варианта действий: «Первый заключается в том, чтобы войдя стремительно в горы, пройти оные во всех направлениях. В сем случае неприятель, пользуясь ущельями, чащами леса, горными протоками и другими местными препятствиями, противопоставит на каждом шагу оборону, хотя недостаточную для удержания войск, но весьма способную утомить их. Горцы, не имея ни богатых селений, которые стоили бы того, чтобы защищать их, ни даже прочных жилищ, будут оставлять одно место за другим, угоня свой скот вместе с семействами в отдаленнейшие горные ущелья; а по мере приближения к ним войск наших, займут высоты или разбегутся во все стороны, предавая сами огню (как это неоднократно уже случилось) разбросанные свои хижины, которые по местной удобности не трудно для них вновь выстроить; сами же, выжидая удобного случая в местах закрытых, не перестанут наносить вред войскам... Могут войска утомиться, и не имея твердых пунктов соединения, ни коммуникаций верных, должны будут наконец возвратиться без успеха»*.

Паскевич, по сути дела, выносил приговор всей послеермоловской стратегии. И далее предлагал уже отвергнутый Николаем принцип постепенного освоения кавказских территорий: «Второй план. Войдя в горы, занять господствующие над окрестными странами пункты; сделать в оных укрепления для защиты гарнизона, и устроив безопасные коммуникации, приготовить для будущих кампаний сборные места войскам. Таким образом подаваясь вперед с осмотрительностью и покоряя одну область за другой, завоевание горцев будет хотя медленнее, но вернее и благонадежнее. При сем способе в нынешнюю кампанию также невозможно ожидать значительных успехов...»**

Император, скрепя сердце, согласился на это «смещение стилей». Паскевич вскоре был отозван для подавления польского мятежа, и выполнение его предначертаний досталось генералу Розену.

Стратегического благоразумия Паскевичу хватило, однако, не надолго. Боевой кавказский генерал Филипсон рассказывал: «В 1832 г. Паскевич составил в Варшаве целый план покорения горцев в западной части Кавказа. Он предлагал проложить путь от Кубани прямо на Геленджик, построить на этой дороге несколько укреплений и сделать их основаниями для действий от-

* Там же, с. 16.

** Там же, с. 17.

Хаджи-Мурат, наиб Шамиля

дельных отрядов; когда все это будет готово, то направить около десяти малых отрядов из разных пунктов этой линии, названной Геленджикскою кордонною, одновременно на Запад, с тем, чтобы гнать перед собою горцев к Анапе и морю, и там им угрожать истреблением, если не покорятся. После этого прорезать Кавказ другою линиею, параллельно первой, но более к Востоку, и так далее до верхней Кубани, очищая или покаяя пространство между линиями. Едва ли можно выдумать что-нибудь более нелепого и показывающего совершенное незнание края и неприятеля, не говоря уже о том, что едва ли кто в наше время отважится, вообще, предлагать кордонную систему войны в таком педантическом, безусловном виде. Однако же проект Паскевича был принят за чистое золото в Петербурге, где незнание Кавказа доходило до смешного»*

Однако события первой половины 1830-х годов пошли совсем не так, как предполагали русские генералы. Несмотря на поражение и гибель в 1832 году первого имама Кази-муллы, движение мюридизма, придавшее Кавказской войне особенно яростный характер, не только не угасло, но становилось все ин-

* Г И Филипсон, с 121

Офицеры и казаки Кубанского и Терского войска
Рис К. К. Пиратского

тенсивнее. Когда после смерти в 1834 году второго имама Гамзат-бека, убитого в результате внутриаварских распрей, во главе движения встал Шамиль, начался заключительный двадцатипятилетний период войны, особенно тяжкий для России.

После поражений 1836 года даже Петербургу, с его утопическими представлениями о кавказской ситуации, стало ясно, что нужно или резко наращивать военную мощь на Кавказе, или искать некие компромиссные пути — иначе война будет длиться вечно, поглощая все больше и больше средств.

Именно в это время и был, очевидно, задуман вояж императора. Но перед этим было решено провести некую акцию, которая и раскрывала стратегическую суть замысла. Без нее поездка становилась бессмысленной.

Первым документальным свидетельством этого замысла было письмо военного министра графа Чернышева барону Розену в Тифлис от 18 марта 1837 года, официально извещающее о будущем визите императора. Но практические действия начались 24 мая того же года, когда Максим Максимович Брискорн направил отношение дежурному генералу Главного штаба Его Императорского Величества Петру Андреевичу Клейнмихелю. «Директор канцелярии военного министерства, свидетельствуя со-

вершенное почтение Его Превосходительству Петру Андреевичу, по приказанию министра покорнейше просит доставить к нему сколь возможно в непродолжительном времени два бланка подорожных»^{*}.

Документ датирован 24 мая 1837 года.

25 мая Клейнмихель ответил: «Дежурный генерал Главного Штаба Его Императорского Величества, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Максиму Максимовичу, имеет честь препроводить при сем в следствие записки № 3287^н, два бланка подорожных за №№ 449 и 450, прося покорнейше о том, кому они будут выданы, почтить уведомлением».

Подорожные предназначались командиру Кавказского лейб-гвардии полуэскадрона гвардии полковнику и флигель-адъютанту Хан-Гирею и сопровождающему его офицеру его же полуэскадрона.

Именно полковнику Хан-Гирею была отведена главная роль в подготовке высочайшего визита на Кавказ. Почему был избран именно он — понятно: по крови и представлениям он был близок тем, к кому его направляли: он происходил из черкесского племени бжедухов.

Но было и еще одно обстоятельство. Есть основания предположить, что полковник и сам был заинтересован в этом назначении, несмотря на весь риск, с ним связанный.

20 мая 1837 года флигель-адъютант Хан-Гирей подал военному министру записку, в которой излагал весьма любопытные соображения.

Полный текст записки можно прочитать в приложении, а здесь стоит сформулировать осторожно высказанную, но явно основополагающую для Хан-Гирея идею. На примере различных черкесских племен гвардии полковник показывает, что русским властям гораздо проще иметь дело с теми племенами, где сохранилась феодальная структура — где во главе стоят князья, поддержанные местным дворянством. (Разумеется, дворянство здесь термин несколько условный.) В этих сообществах с подобием государственного управления существует хотя бы приблизительный порядок, а потому составляющие их горцы психологически готовы с большей легкостью воспринять требования России по введению у них регулярного правления европейского типа. Кроме того, князья и дворянство — ответственные группы — дают

^{*} Все приведенные ниже архивные документы, касающиеся подготовки визита Николая I на Кавказ, хранятся в Российском Государственном военно-историческом архиве, ф. 405, оп. 6, ед.хр. 2176.

гарантию выполнения соглашений. Племена же «имеющие правление, похожее на демократическое», находятся или в состоянии крайне неустойчивого спокойствия, которое может в любой момент взорваться, или же в них царит анархия, и заключать с ними какие-либо соглашения бессмысленно и бесполезно. Мягко, но внятно Хан-Гирей дает понять военному министру, а через него императору, что в интересах России способствовать укреплению горской аристократии и дворянства, что именно союз с горской аристократией есть путь к замирению Кавказа — во всяком случае его западной части, населенной черкесскими племенами.

Петербург и так придерживался схожей тактики — примером тому судьба самого Хан-Гирея, но полковник русской гвардии и черкесский аристократ знал, что влияние социальной элиты на Кавказе стремительно слабело, и он призвал Россию вмешаться в этот сугубо внутренний для черкесских племен процесс с тем, чтобы получить прочную опору, получить влиятельный горский слой, обязанный России своим положением.

Таким образом, Хан-Гирей пытался повлиять на русскую политику в интересах своего социального слоя.

Однако никаких следов этой идеи мы не находим в программной инструкции, данной полковнику военным министром графом Чернышевым...

Судя по стремительности и напору, с которыми готовилась в Петербурге миссия Хан-Гирея, надежды на нее возлагались большие.

В тот же день, что готова была подорожная — 25 мая, — Хан-Гирей получил от военного министра подробное предписание, из которого ясно — какой именно подвиг должен был совершить гвардии полковник с мусульманским именем.

«Государь Император, предположив обзреть в течение наступающей осени Кавказскую и Закавказскую области, между прочими видами, решившими Его Императорское Величество предприятие столь дальнего путешествия, изволил иметь целью присутствием Своим в тех местах положить прочное основание к успокоению Кавказских Горских племен и к устройству будущего их благосостояния наравне с прочими народами, под благотворным скипетром Его Величества благоденствующими».

Вот в чем была суть — Николай, абсолютно не представляя себе кавказской реальности, решил положить своим присутствием конец этой непосильной уже для империи войне.

«Со времени заключения Адрианопольского мирного договора, коим торжественно признаны права России над Кавказскими Горскими народами, Государь Император, объемля рав-

Солдаты и унтер-офицеры Кавказского корпуса
Рис К К Пиратского

ною отеческою любовью всех своих подданных, изволил усугубить попечения Свои и о них, повелев между тем местному начальству склонять их мерами кротости и убеждения к добровольному признанию над собою законной власти России. Некоторые только племена Кавказа исполнили это требование, многие другие напротив того, увлеченные влиянием людей неблагонамеренных или обольщаемые несбыточною надеждою противустоять оружию Российскому, или наконец предпочитающие дикую свободу свою выгодам благоустроенного управления, упорно отвергли мирные предложения, им сделанные, и вынудили Правительство действовать противу них силою оружия. К ним принадлежат преимущественно племена Черкесские, и из них более прочих общества Натухайцев, Шапсугов и Абадзехов. Другие общества сего племени, хотя и считаются мирными, но по внутреннему расстройству их обществ и по существующему в них безначалию, в прочном спокойствии их нет никакого ручательства.

Но если, с одной стороны, усилия Правительства, устремленные к положительному устройству племени Черкесского, как самого воинственного и многочисленного, досель имели столь мало успеха, то с другой, собственное положение сего племени, отчасти раздираемого междуусобиями и непрерывными внут-

Обер офицер Кавказского лейб гвардии полузэскадрона
Рис А И Зауэрвейда

ренными распрями, подает надежду, что оно охотно воспользуется пребыванием Государя Императора на Кавказе, дабы принести Его Императорскому Величеству изъявление своей покорности, как единственного, верного и надежного средства к прекращению всех его настоящих бедствий и страданий и к прочному основанию будущего его благоденствия. Для достижения этой благой цели, по мнению Государя Императора, надлежало бы убедить сии общества в необходимости этой меры, в прямой ее пользе для них и в благодетельных ее последствиях, как в частности для каждого племени, так вообще для всех народов Горских, которые таким образом уничтожили бы преграду, поставленную ими самими между собой и благодетельным Правительством, между их нуждами и потребностями и благотворительностью и милосердием Его Императорского Величества. Им следовало бы внушить положительные понятия о силе и могуществе России, о невозможности противустоять ей и о неизбежности раннего или позднего покорения всех противящихся воле Правительства Горских обществ, ясно показать разницу между последствиями насильственного покорения и добровольного признания над собою законной власти Государя Императора, и наконец убедить их в том, что повиновение и покорность их маловажны для могущественной России, но необходимы для соб-

ственной их пользы и выгод, и что они требуются единственно по милосердию к ним Государя Императора, радеющего о их благосостоянии, как о подданных, Проведением Божиим попечению Его вверенных».

Далее следовал пассаж, знаменующий степень понимания Петербургом истинного состояния умов и душ в горских обществах: «Нельзя предположить, чтобы сила сих убеждений, искусно представленных, не произвела над Горскими племенами ожидаемого действия и чтобы они в прибытии Его Императорского Величества в Кавказский край не увидели особенно счастливого для себя события, представляющего им возможность к самому благоприятному решению всех вопросов о будущем их устройстве». Конечно же, Чернышев не сам выстроил в воображении эту оптимистическую картину, суть которой в том, что буйным и диким горцам просто не объяснили с достаточной убедительностью их же собственной пользы и выгоды от покорения российской короне. Он наверняка повторял идеи Николая. И полковник Хан-Гирей был избран орудием этого великого замысла.

«Его Императорское Величество, избирая Ваше Высокоблагородие для сего поручения по известному Его Величеству отличному усердию вашему и благоразумию, изволит оставаться в совершенной уверенности, что оно Вами исполнено будет с полным успехом и удовлетворительностью, к чему близкое познание края и всех местных обстоятельств послужит Вам верным пособием, а любовь ваша и приверженность к вашим единоплеменникам новым благородным победением.

Из вышеизложенного достаточно явствует существо возлагаемого на Вас поручения. В подробностях исполнения оно заключается в следующем:

1) В объявлении Горским обществам Черкесского племени о предстоящем прибытии Государя Императора на Кавказ и в склонении сих обществ, начиная с преданных и менее враждебных Правительству, к избранию из среды своей депутатов для отправления Государю Императору. Объявление сие не ограничивается впрочем одними обществами Черкесского племени, но должно быть сделано Вами, смотря по обстоятельствам и возможности и другим соседним племенам, наблюдая в сем случае такую последовательность в порядке объявлений Ваших, которая для успеха дела окажется необходимейшею и полезнейшею.

2) В направлении суждений сих обществ к тому, чтобы депутаты их имели главнейшею целью испрошение у Государя Императора постоянного управления, которое бы, состоя под не-

посредственным ведением Российского Начальства, обеспечило внутреннее их благосостояние.

Для избежания всяких недоразумений и сбивчивости по сей важной статье, Вы озаботитесь предварительным составлением общей программы обязательств, которые Горские племена с изъявлением Его Императорскому Величеству покорности, необходимо принять на себя должны. Обязательства сии в главных чертах должны быть применены к условиям, которые доселе были предлагаемы местным Начальством мирным Горным обществам, и с которых для сведения Вашего прилагается список».

Список этот заключал следующий текст:

«Высочайше утвержденные условия для требования от горцев покорности.

1) Прекратить все враждебные противу нас действия.
2) Выдать аманатов по нашему назначению. Дозволяется через четыре месяца переменять их другими, но не иначе как по назначению Русского Начальника.

3) Выдать всех находящихся у них наших беглых и пленников.

4) Не принимать непокорных на жительство в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.

5) Лошадей, скота и баранов, принадлежащих непокорным жителям, в свои стада не принимать, и если таковые где-либо окажутся, то все стада будут взяты нашими войсками и сверх того покорные жители подвергнутся за то взысканию.

6) Ответствовать за пропуск чрез их земли хищников, учинивших злодеяния в наших границах, возвращением наших пленных и заплатою за угнанный скот и лошадей.

7) Повиноваться поставленному от нашего Правительства Начальнику; и

8) Ежегодно при наступлении нового года должны они переменять выданные им охранные листы. Не исполнившие сего будут почитаться непокорными и не будут пощажены нашими войсками».

Если три первых пункта этого ультимативного документа мирные горцы еще как-то могли выполнить, то остальные требования были вполне нереальны. Выполнив их, горцы оказывались в состоянии смертельной вражды со своими соседями, родственниками, друзьями. Не говоря уже о том, что по двум последним пунктам они добровольно отдавались во власть любого самодура, поставленного в качестве пристава. При том, что поведение приставов и других местных начальников достаточно часто становилось поводом для мятежей.

Правда, в инструкции Чернышева сказано было относительно вышеприведенного документа: «Вам предоставляется в сих условиях сделать такие отступления или дополнения, какие по местным обстоятельствам и по особому положению каждого племени, Вы признаете нужным и соответствующим пользе правительства и выгодам общества». Но смягчить пять последних пунктов было невозможно — они в этом случае теряли смысл.

Фактически Петербург требовал от горских обществ безоговорочной капитуляции, в то время как речь могла идти только лишь о тонко разработанном компромиссе. Как мы еще увидим, представления Петербурга и горцев о возможном характере взаимоотношений оказались взаимоисключающими.

Утопичность самого стратегического замысла соответственно диктовала и утопическую тактику. Исполнители проекта — полковник Хан-Гирей и те, кто должен был способствовать ему на Кавказе, — попали в ловушку. Перечить высочайшей воле было невозможно, выполнить ее — тем более.

Достаточно вспомнить уже цитированное нами и совершенно справедливое соображение Паскевича относительно фанатического вольнолюбия горцев: «Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние».

Это несомненное положение подтверждали все, кто знал и понимал суть происходящего на Кавказе. Так опытейший «кавказец» адмирал Серебряков писал в сороковые годы: «Совершеннейшее невежество кавказских горцев препятствует видеть несоразмерность сил их с могуществом России. Они думают, что могут иметь против нас успехи и что могут отстоять свою независимость... Как сии причины, так и вообще образ их понятия, происходящий от воспитания, обычаев и большого недостатка нравственности, заставляют их думать, что гостеприимство, щедрость, ласки, выгодные для них торговые сношения — суть дань бессилия. Они приносят тогда только пользу, если сопряжены с успехом оружия».

С одной стороны, Серебряков противоречит себе — то, что в первой фразе он определяет как «совершенное невежество», то в последующем он разумно возводит к воспитанию и обычаям, то есть традиции и особому психологическому складу, принципиально отличному от европейского. Но с другой, адмирал трезво смотрит на положение вещей — убедить горцев в бесполезности сопротивления и необходимости хотя бы частичного подчинения русским властям могла только сила оружия. А это было именно то, от чего императору в силу обстоятельств хотелось бы отказаться.

Обе стороны оказались в тупике.

Однако задание, данное Хан-Гирею, было еще обширнее. Заключалось оно и в следующем: «3) В начертании прозкта положения об управлении, которое в покоряющихся Горских обществах установлено быть может. Положение сие будет тем совершеннее, чем менее оно будет заключать отступлений от коренных обычаев Горцев (само собою разумеется не противных общественному порядку и благоустройству) и чем более оно представит ручательств в постепенном развитии образованности народа, в смягчении его нравов и в сближении его с российским населением края».

Последняя фраза — квинтэссенция противоречивости петербургских представлений о миссии Хан-Гирея. Ориентация на «коренные обычаи горцев» неизбежно подразумевала сохранение явлений, для русской власти абсолютно неприемлемых — таких, в частности, как кровная месть и тем более фундаментальная традиция набегов — набеговая система, набеговая экономика, — отказаться от которой горцам было чрезвычайно сложно не только экономически, но главным образом психологически, ибо героика набегов входила важнейшим компонентом в систему воспитания многих поколений. Признать набеги — хищничество, по русской терминологии, — преступной практикой означало для горцев сокрушить и опозорить память предков, оскорбить, перечеркнуть славные исторические предания, отказаться от самих основ своего мировидения.

Ответственность за реализацию петербургской утопии возложена была не только на гвардии полковника: «Ограничиваясь сим изложением основных начал подлежащих Вам действий и распоряжений, Его Императорское Величество соизволяет, дабы Ваше Высокоблагородие отправились немедленно в подлежащий Вам путь.

По прибытии Вашем на Кавказ, Вы имеете явиться к г. генерал-лейтенанту Вельяминову, как к главному местному начальнику, буде ко времени приезда Вашего он будет находиться в Екатеринограде или Тамани. Испросив от него подробного сообщения нужных Вам сведений о настоящем положении Черкесских и других горских племен, с которыми Вы должны будете войти в сношения, и представив ему составленную Вами программу обязательств для покоряющихся горских племен, Вы воспользуетесь его советами и наставлениями к успешному выполнению возложенного на Вас дела. О цели командировки Вашей на Кавказ я вместе с сим извещаю г. Вельяминова, во всей подробности предписав и поручая ему по Высочайшей воле облег-

читать всеми зависящими от него мерами сношения Ваши с горскими племенами, которые между прочим должны быть предвзяты со стороны его о прибытии Вашем к ним по особому Высочайшему Государя Императора благосозволению. Если Вы на пути Вашего следования не встретите г. Вельяминова, то само собой разумеется, Вы имеете следовать далее по Вашему назначению, известив его только для верности Ваших сношений и месте Вашего пребывания, куда именно должны быть доставляемы те сведения и известия, которые он найдет нужным сообщить Вам».

Все эти наставления о сношениях с «покоряющимися горскими племенами» ложились в Петербурге на бумагу в то самое время, когда на Кавказе нарастало напряжение — как на левом фланге, в Чечне и Дагестане, так и в местах проживания черкесских обществ. В том же мае 1837 года Серебряков доносил морскому министру князю А. С. Меншикову: «Несколько дней назад явились в наш отряд послами три черкеса от шапсухского и натухайского поколения сказать от имени народа, что они, видя построение укреплений в землях, им принадлежащих, приносили на это жалобу аглицкому королю и просили его покровительства, на что король будто бы сказал им, что так как горцы сами нападают на русские селения и купеческие суда и потому навлекают на себя месть русского правительства, и приказал им дать слово нашему начальству в будущее время быть смирными и нападений не делать и что они согласны дать такие слова.

Генерал (Вельяминов. — Я. Г.) сказал на это несколько приличных выражений, вручил им прокламацию, присланную от корпусного командира, по которой требуется от них безусловной покорности. Через два дня сии же посланники опять возвратились к нам с ответом от народа на татарском языке, кои не принимают таковые условия и делают некоторым образом укоризны на наше желание при всем пространстве нашего государства завладеть ихним собственным лоскутком и объявляют свое желание, чтобы войска наши были выведены, и что не страх заставляет их миролюбия просить, но выполняют приказание аглицкого короля»*.

Этот текст только кажется анекдотическим. Английское влияние в прибрежных горных районах было достаточно ощутимо. Мнение «аглицкого короля», на которое ссылались шапсуги и натухайцы, было, очевидно, мнением английских офицеров, обосновавшихся в труднодоступных селениях. Но главное другое —

* Вестник архивов Армении. Ереван, 1993, № 1(35), с. 26.

черкесы предлагают свои условия мира: нейтралитет, взаимное ненападение. Условия российской стороны, которые Серебряков характеризует как требование полного подчинения, известны нам из документа, полученного Хан-Гиреем от военного министра. На полное подчинение, на жесткое включение в административную систему империи со всеми последствиями, на отказ от многовекового мироустройства горцы были категорически не согласны. Отсутствовала сама основа компромисса, горцы вряд ли способны были выполнить свои обещания, а российская сторона не собиралась этими обещаниями довольствоваться.

Ужас ситуации заключался в том, что Кавказ — пространство, в котором пересекались стратегические интересы России, Турции и Англии, не мог быть пространством нейтральным. Причины геополитические заставляли Россию закреплять за собой Кавказ, обеспечивая коммуникации с Грузией, вошедшей в состав империи, и обеспечивая тыл и фланг в противостоянии с историческим противником — Турцией. Не менее фундаментальные психологические причины заставляли горцев яростно сопротивляться подчинению...

В этом же мае Серебряков описывал в донесении Меншикову вполне рядовой переход вдоль Черноморского побережья: «Апреля 16 дня отряд под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова со всеми тяжестями, обозом из 200 повозок конно-провиантского транспорта отправился из Геленджика... В продолжение сего похода во всякий день имели перестрелку с горцами, которые малыми партиями, выбирая заблаговременно позиции в лесу над обрывами, засады делали. С нашей стороны ранен обер-офицер, нижних чинов убито и ранено до 50 человек. Неприятель имел с своей стороны значительные потери, так как при всем их всегдашнем старании не оставлять тела в руках неприятеля, осталось таковых два».

И несколько позже: «Из слов присланных за телами убитых черкесов при занятии устья реки Тугапсе просителей и разным соображениям, горцы намерены защищать по-прежнему единодушно земли свои. Находящиеся между ними англичане продолжают возмущать их обещанием покровительства Англии. Черкесы, хотя видят двухлетний явный обман, но не менее того находят пользу пребывания сих беглецов в горах. Сии англичане через своих корреспондентов доставляют горцам непрерывно из Анатолии порох и прочие снаряды»*.

* Там же, с. 28.

Так виделась ситуация на Кавказе. Петербург смотрел иначе.

Но происходивший из племени бжедухов полковник Хан-Гирей был послан именно сюда, на Западный Кавказ, отнюдь не только по своим кровным связям с черкесами. При всей напряженности в этих местах они представлялись более доступными для мирных методов, чем неоднократно залитые кровью Чечня и Дагестан, где в это время начиналась очередная смертельная сшибка отрядов Шамиля и русских батальонов.

Через три года те же самые шапсуги и натухайцы, собрав многотысячное ополчение, штурмом возьмут большинство русских укреплений на Черноморском побережье, разрушат их и вырежут гарнизоны...

Однако в мае 1837 года тешивший себя иллюзиями Петербург считал, что ежели удастся замирить, нейтрализовать черкесские племена, занимавшие Западный Кавказ от Черного моря до Кубани, то тем самым будет обеспечен правый фланг русской армии, пресечено всякое сношение Шамиля с турками и англичанами и оказано решающее психологическое давление на дагестанские и чеченские общества.

Пока же военный министр наставлял полковника Хан-Гирея: «Приступая к предстоящим Вам действиям, вы об успехах их должны будете извещать генерал-лейтенанта Вельяминова сколь можно чаще, дабы он мог сообразовать и согласовать с ними действия Закубанского отряда. Столь же часто и подробно Вы должны доносить и мне для доклада Государю Императору. Начиная с августа месяца донесения Ваши должны быть посылаемы прямо на Высочайшее Имя через генерал-лейтенанта Вельяминова, который не оставит переслать их в место пребывания Его Величества.

Проект составленного Вами положения для управления горскими народами должен быть представлен Вами на Высочайшее Имя усмотрение через генерал-лейтенанта Вельяминова. Составлением сего проекта Вы не оставьте заняться благовременно, так чтобы оный к прибытию Государя Императора на Кавказ мог быть подробно рассмотрен г. Вельяминовым и представлен им на утверждение Его Величества тотчас после Высочайшего приезда в вверенный ему край».

Большая часть территории «вверенного» императору края могла быть пройдена русскими войсками только с боями и тяжелыми потерями, но Чернышев, явно под нажимом Николая, торопит Хан-Гирея с составлением положения по управлению этим краем...

Сама технология замирения края присутствием императора представлялась в Петербурге достаточно ясной: «Отправление депутатов, которые горскими племенами избраны будут, Государь Император полагать изволит распорядить таким образом, чтобы хотя часть их была выслана в Вознесенск для представления Его Величеству во время имеющего быть при сем городе смотра. Депутатов сих Вы не оставите выслать в Екатеринодар, откуда по распоряжению генерал-лейтенанта Вельяминова, предварительно сделанному, они получают дальнейшее отправление до Вознесенска. Депутаты, которые по расчету времени прибыть в Вознесенск не успеют, могут быть представлены Его Величеству, смотря по удобству, в Екатеринодаре, Анапе или Геленджике, на что Вы в свое время испросите разрешение генерал-лейтенанта Вельяминова. — Вместе с сими последними могут быть вторично представлены Его Величеству и депутаты в Вознесенске бывшие, если они к этому времени успеют возвратиться».

Чернышев столь уверенно планирует церемонии представления гипотетических депутатов — хотя совершенно неизвестно, насколько успешной окажется миссия Хан-Гирея, — потому что знал: какие-нибудь депутаты неизбежно будут представлены императору, вне зависимости от реальности их полномочий. Не выполнить высочайшую волю было невозможно. Декоративный вариант был подготовлен и финансово.

В деле о командировании гвардии полковника Хан-Гирея имеется весьма красноречивый документ от того же 25 мая:

«Для исполнения возложенного на флигель-адъютанта Его Императорского Величества полковника Хана Гирея поручения относительно собрания депутатов-горцев предвидятся неминуемые расходы, как-то:

1) На воспомоществование депутатам для приобретения приличной одежды к представлению их Государю Императору, ибо многие из них в столь короткий срок не будут в состоянии приготовиться из собственности, без чего они часто отзываются от общественных поручений.

2) На подарки лицам, которые будут употреблены для рассылок по горским обществам разведывать и склонять других к вступлению в переговоры.

3) На угощение и содержание депутатов и почтеннейших лиц до отправления их к сборному пункту, на содержание их в сем последнем.

Полагая, что число депутатов будет простираться до 50-ти человек, на воспомоществование которых потребуется по 300 р. на каждого, что составит — 15 000 р.

Расходы по второй статье по совершенной неизвестности лиц, которых по обстоятельствам употребить будет нужно, определить с некоторою точностию нет возможности, считая однакож достаточным иметь собственно на этот предмет до — 6 000 р.

Расходы на содержание 50-ти человек депутатов, считая кругом в продолжении 6-ти недель и полагая по примерам средним числом на каждого горца по 4 рубли в сутки, потребуется примерно до — 9 000 р.

Всего — 30 000 р.

Сумму сию желательно бы иметь ассигнациями по удобству транспортировки и обращению, где горцы приобретают все свои потребности.

Расходы сии определить в точности совершенно невозможно».

На документе резолюция: «Высочайше повелено исполнить, потребовав сию сумму на известное Его Величеству употребление».

Первый пункт этого документа наводит на размышления — либо в Петербурге не имели ни малейшего представления о быте и жизненном стиле черкесов, искренне считая их скопом «стадом нищих дикарей» (как раздраженно выразился в донесении Н. Н. Раевскому-младшему адмирал Серебряков), что мало вероятно, либо Чернышев, не надеясь на высокое представительство со стороны горцев, готовил откровенный спектакль.

Дело в том, что, в отличие от военной демократии вольных обществ Чечни и Дагестана, устройство черкесских племен носило четкий феодальный характер. Достаточно мощный слой «благородных» черкесов мог без всякого воспомоществования обеспечить своим представителям достойную одежду, оружие, коней — чтобы не стыдно было предстать пред очи северного царя. Приобретать за счет России «приличную одежду» нужно было в том случае, если бы депутатами оказались лица, к влиятельным группам не принадлежащие. Но тогда вся затея с депутатами получала бы «потемкинский» оттенок.

Однако, представляя себе ограниченное, но цельное и лишенное цинизма сознание Николая, его исполненное высочайшей серьезности отношение к каждому своему действию, можно уверенно сказать, что сам император отнюдь не рассчитывал на подобный вариант. Он искренне верил в свою миссию, совершенно не отдавая себе при этом отчета о кавказской реальности.

Окружение императора вынуждено было готовиться к любому повороту событий. Это косвенно подтверждается и тем, что Хан-Гирею отнюдь не давался карт-бланш. Кроме Вельяминова — что понятно — его действия должен был контролировать специаль-

ный представитель военного министерства: «В помощь Вашему Высокоблагородию по возлагаемому на Вас поручению Государю Императору благоугодно было назначить адъютанта моего гвардии ротмистра барона Вревского. Офицер сей, употребленный с большою пользою к действиям Закубанского отряда в 1835 и 1836 годах, хорошо ознакомился с местными обстоятельствами края и с его обитателями, и он в особенности будет Вам необходим для облегчения всех Ваших сношений с местными властями...

В заключение нужным считаю присовокупить, что о поручении на Вас возложенном по Высочайшей воле с сим вместе предварен от меня г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант барон Розен, с тем, чтобы он со своей стороны оказывал Вам всевозможное содействие к успешному и видам Его Величества вполне соответствующему исполнению оной».

При обеспеченном содействии командующего войсками Кавказской линии генерала Вельяминова, пользовавшегося безоговорочным авторитетом и влиянием, при покровительстве командующего Отдельным Кавказским корпусом, при высоких личных полномочиях Хан-Гирей вполне мог обойтись без помощи барона Вревского. Но Чернышеву, очевидно, нужен был доверенный человек, через которого можно было бы получать оперативную информацию и контролировать действия Хан-Гирея. Можно с уверенностью предположить, что кандидатура Вревского была предложена им.

Линия Вревского, однако, это особый сюжет.

Подготовка к вояжу Хан-Гирея велась сколь основательно, столь и стремительно. Того же 25 мая Чернышев пишет инструкцию генералу Вельяминову.

«Секретно.

Государь Император, предпринимая известное Вашему Превосходительству путешествие в Кавказский край, между прочим предположить соизволил воспользоваться пребыванием своим в сем крае для приглашения горских племен, в особенности многочисленного и воинственного племени Черкесского, к добровольному изъявлению покорности Его Императорскому Величеству, дабы посредством сего положить первое твердое основание к успокоению горских народов и водворить между ими желаемое устройство.

Соображая способы, удобнейшие к достижению сей цели, Его Величество за благо признать изволил отправить непосредственно от лица своего доверенного чиновника для извещения

горских племен о предстоящем Высочайшем прибытии в Кавказский край для приглашения их воспользоваться сим неожиданным и счастливейшим для них событием, которое не легко возобновиться сможет, дабы принести Его Величеству чрез особых депутатов изъявление покорности и для внушения им необходимости испросить себе при сем случае постоянного управления непосредственно от Российского начальства зависящего».

То есть горцам предлагалось просить как милость то, против чего они сражались с оружием в руках уже не одно десятилетие. Можно себе представить, что думал, читая эти строки, генерал Вельяминов, человек ледяной трезвости и рациональной жестокости, двадцать лет проливавший кровь своих солдат и горцев ради целей более ограниченных...

«Считая вполне способным к успешному исполнению сего поручения флигель-адъютанта лейб-гвардии Кавказского полукэскадрона полковника Хан-Гирея, Государь Император возложить оное на него соизволил, придав ему в помощь адъютанта моего, гвардии ротмистра барона Вревского...

По важнейшим последствиям, которые Его Императорское Величество изволит ожидать от успешного исполнения сего дела и по невозвратимости предоставляющегося ныне случая действовать на умы и расположение горцев личным присутствием Его Величества, непременная воля и желание Государя Императора в том состоят, чтобы все местные власти всеми зависящими от них способами и мерами содействовали флигель-адъютанту Хану Гирею в исполнении возложенного на него поручения. Лично от Вашего Превосходительства Его Величество изволит ожидать самого деятельного участия в усилиях Хана Гирея и самой полезной ему помощи, как советами и наставлениями, так сообщением ему всех необходимых сведений о настоящем положении горских племен, с коими он должен будет войти в сношения, указанием благонадежных между горцами лиц, которых он без опасения может употреблять для рассылок и разведываний или к которым по влиянию их в горах и по приверженности к правительству он преимущественно обратиться должен; соответственным предварением горских племен о его присылке к ним и, наконец, принятием возможных мер к сохранению личной его безопасности в продолжении пребывания его в сих обществах.

На сей конец Хану Гирею предписано явиться лично к Вашему Превосходительству, буде он найдет Вас в Екатеринодаре или в Тамани, в противном случае донести Вам отоль о местопребывании своем и способе для верного сношения с Вашим Превосходительством.

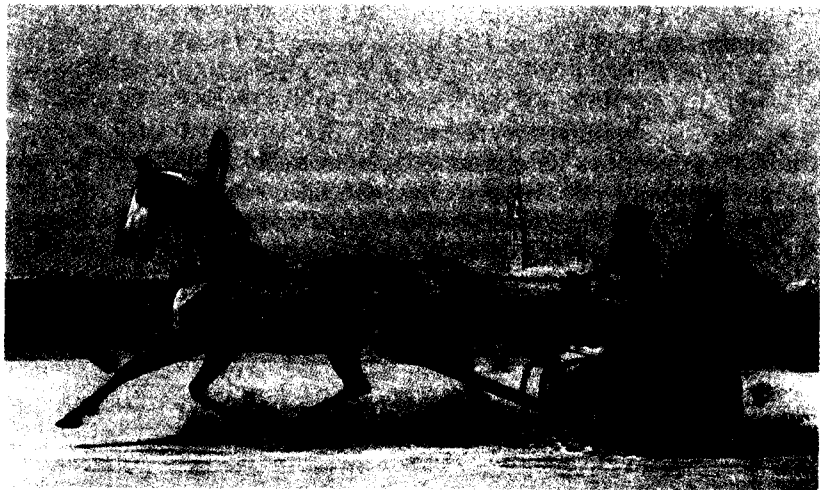
Предстоящие собственно Вашему Превосходительству распоряжения относительно отправления части горских депутатов в Вознесенск, представления потом как сих депутатов, так и прочих, которые впоследствии избраны будут, Его Величеству в Екатеринодаре, Анапе или Геленджике и пересылке донесений флигель-адъютанта Хана Гирея в место пребывания Его Величества во время высочайшего путешествия Вы, милостивый государь, изволите усмотреть из препровождаемой инструкции, а потому считаю излишним повторять оные здесь.

Мне остается упомянуть лишь о двух предметах, поручаемых Государем Императором особенному Вашему вниманию.

Сношения Хана Гирея с черкесскими племенами должны начаться с тех из них, которые более привержены к правительству или по крайней мере менее к нему враждебны. В этом порядке, указываемом самою необходимостью, с вероятностью заключить можно, что он гораздо позже успеет войти в сношения с враждебными нам племенами абадзехов, шапсугов и натухайцев и что вообще, судя по внутреннему общественному устройству сих поколений, между ними не везде достигнет ожидаемого успеха. При всем том случиться может, что пример других черкесских обществ подействует на сих последних, особенно на натухайцев, которые, как известно, более прочих привержены к мирной и оседлой жизни, к сельским и торговым занятиям. Если бы по ходу переговоров представились верные надежды к столь благоприятному изменению в образе мыслей и расположении этих обществ, в таком случае Государь Император считал бы полезным прекратить предположенные противу них во втором периоде Закубанской экспедиции военные действия, заняв однако ж земли их отрядами нашими, если эта мера по соображениям Вашим может иметь влияние на достижение цели переговоров или на ускорение собственной их решимости.

Что принадлежит до действий первого периода экспедиций, то они во всяком случае должны быть продолжаемы со всею настойчивостью и быстротою, так как занятие морского берега не только имеет целию будущее усмирение прибрежных горцев, но особенно важно для пресечения всех противных пользам нашим внешних сношений».

Здесь Чернышев, очевидно, хорошо знакомый с донесениями боевых кавказских генералов, предлагает Вельяминову мысль, прекрасно тому внятную, — любые миролюбивые жесты в сторону горцев могли иметь хоть какое-то значение, только будучи подкрепленными вооруженным давлением. Но то, что было дальше, вряд ли привело умного, опытного и чрезвычайно реалистичного

Николай I на прогулке.

Вельяминова в восторг: «Флигель-адъютанту Хану Гирею, как из данной ему инструкции явствует, поручено между прочим составить проэкт положения об управлении, которое может быть дано покоряющимся горским племенам, с тем, чтобы он проэкт сей представил к Высочайшему усмотрению чрез Ваше Превосходительство. Государь Император желать изволит рассмотреть проэкт сей тотчас по прибытии в край Вам вверенный, с тем, чтобы не отлагая времени объявить покорившимся горцам о будущем их устройстве и ввести между ними самое управление.

На сей конец Его Величеству благоугодно, дабы Ваше Превосходительство сообразили этот труд Хана Гирея с особенным вниманием и исправили и дополнили оный сообразно с прямою пользою правительства и с нуждами племен, управлению подчиняемых, так, чтобы в ведении оного не встретилось ни затруднения, ни неудобств».

Можно себе представить, что думал, когда он читал этот текст, генерал Вельяминов, соратник Ермолова, человек, который уже двадцать лет вел безжалостную войну — он платил солдатам и казакам по червонцу за отрубленную горскую голову, — для того, чтобы установить хотя бы относительный контроль над Кавказом.

Воспоминания о Кавказе. Картина М. Ю. Лермонтова.

Петербург же заботил проект управления черкесскими племенами, которые отнюдь не думали покоряться и предоставить русским властям возможность управлять собой. Территории «мирных горцев» были невелики и ненадежны. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», суммируя сведения, полученные от «коренных кавказцев», таких, например, как его лицейский друг генерал Вольховский, писал: «Дружба мирных черкесов ненадежна; они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам». А декабрист Розен, некоторое время служивший на Кавказе и собиравший сведения по истории войны, свидетельствовал: «В ермоловское время офицеры на Кавказе терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...»*

«Мирные» горцы — категория трагическая. Добровольно никто из них — за очень небольшим исключением — не подчинился русским властям. Будучи вынуждены к этому карательными акциями, голодом в результате блокады, страхом за аманатов, нахо-

* А. Е. Розен. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 391.

дящихся у русских, «мирные» горцы оказывались между двух смертельно враждующих сил. Если они не помогали своим немирным соплеменникам, то становились жертвами набегов. Поэтому — как по искреннему чувству, так и из страха перед местью, от которой русские штыки их защитить не могли, — они в критических ситуациях принимали сторону немирных.

Территорий, которыми можно было бы спокойно и рационально управлять, на Кавказе в тот момент не было вовсе. И уж Вельяминов это знал лучше, чем кто бы то ни было. И вот теперь ему в достаточно категоричной форме предлагалось отредактировать проект мало ему известного флигель-адъютанта таким образом, чтобы в проекте этом гармонично сочетались «польза правительства и нужды племен» — что было невозможно в принципе, — и создать на основе проекта модель управления незавоеванными или покоренными весьма условно территориями, при реализации которой «не встретилось ни затруднения, ни неудобств»...

Совершенно очевидно, что весь этот план принадлежал императору, возражать которому не приходилось.

Отношение военного министра, сидящего в Петербурге, к командиру войсками Кавказской линии, находящемуся в это время в боевой экспедиции, заканчивалось так: «Сообщая Вашему Превосходительству Высочайшее повеления сии, к зависящему от Вас неукоснительному исполнению оных, я буду ожидать уведомления Вашего, милостивый государь, о принятых Вами по всем сим предметам мерах для доклада Его Величеству».

Было ясно, что император решил сделать свой визит на Кавказ воистину историческим событием и ответственность за успех возложена на Чернышева. Отсюда и его столь жесткий тон по отношению к заслуженному генералу, не дававшему повода подозревать себя в нерадивости.

Гвардии полковник Хан-Гирей благополучно прибыл на Кавказ. Встретиться с Вельяминовым ему не удалось, но генерал переслал ему наставление, датированное 14 июня 1837 года.

«Г. военный министр, уведомляя меня о сделанном вам от Государя Императора поручении, предписывает мне содействовать вам всеми зависящими от меня способами; дать нужные вам советы и наставления; сообщить необходимые сведения о настоящем положении горских племен, с которыми вы должны будете войти в сношения; указать благонадежных между горцами людей, которых вы без опасения можете употребить для рассылок и разведований или к которым по влиянию их в горах и по приверженности к правительству должны вы преимущественно обратиться.

Для успеха в этом поручении некоторая ловкость в действиях ваших необходима. Если бы объявили вы прямо, что приехали от Государя Императора для внушения горцам изъявить покорность и просить о введении между ними управления под непосредственной зависимостью местного начальства, то вы наверное не имели бы ни малейшего успеха».

Проще говоря, Вельяминов объяснял Хан-Гирею и — косвенно — пославшим его, что сам замысел — вздорен и обречен на провал. В рапорте Чернышеву он, как увидим, скажет об этом прямо. Но при этом он как человек государственный и исполненный чувства долга пытается найти варианты действий, могущих принести хотя бы относительную пользу делу покорения и замирения Кавказа: «Поэтому за лучшее полагаю, чтобы вы объявили, что Государь Император, предполагая в нынешнюю осень быть на Кавказе и желая, чтобы посещение Его Величества принесло возможную пользу населяющим Кавказские горы народам, послал вас предупредить их о том заблаговременно для того, чтобы они имели время избрать доверенных от себя людей, которые представились бы Государю Императору во время поездки Его через разные места Кавказа и объяснили бы Его Величеству нужды и желания народов, от которых будут посланы».

В инструкции Чернышева, повторяющей идеи императора, горцам предлагалось «принести Его Величеству чрез особых депутатов изъявление покорности и... испросить себе при сем случае постоянного управления непосредственно от Российского начальства зависящего», то есть добровольно отдаться в полное и безоговорочное подчинение.

По версии Вельяминова, горцы должны будут вступить с императором в переговоры через доверенных лиц, у которых есть только одна задача — «объяснить» Николаю «нужды и желания народов». Слово «желания» здесь далеко не случайное. Вельяминов был выученик французских просветителей, он возил с собой в походы их сочинения и обладал полной определенностью в мыслях и в их выражении. Горские депутаты, по его мнению, должны были предъявить царю «желания» племен, то есть сформулировать условия, на которых возможен был мир на Кавказе. Вельяминов предлагал это вовсе не потому, что признавал горцев равной договаривающейся стороной, но, ясно представлявший себе неистовость сопротивления и кровавые тяготы предстоящего завоевания, он считал подобный вариант единственно приемлемым для черкесов началом гипотетического процесса замирения и постепенного подчинения. Скорее всего, он догадывался, что Николай на это не пойдет, — как представлял сам

император свои взаимоотношения с горцами, мы еще увидим, — но Вельяминов хотел оттянуть, смягчить неизбежный провал миссии Хан-Гирея, не допустить этого провала в самом начале, поскольку в этом случае гнев мог толкнуть императора на резкое вмешательство в кавказские дела, а это всегда вело к тяжелым последствиям.

Вельяминов продолжал: «Это естественным образом сблизит вас со многими лицами, имеющими наибольшее влияние между различными горскими племенами. Не трудно будет вам под разными предлогами проехать по многим за Кубанью местам, останавливаясь более или менее там, где по обстоятельствам найдете полезнейшим. В приятельских отношениях ваших вы встретите много случаев говорить о могуществе Российского Императора; о невозможности долго сопротивляться оружию Его; о необходимости покориться добровольно и выгодах, какие можно получить от того, равно как о бедствиях, которым неминуемо подвергнутся упорствующие в непокорности. Вы можете указать многие тому примеры. При подобных суждениях вы объясните самым приличным образом, что прибытие Государя Императора на Кавказ есть самый удобный случай к изъявлению покорности и что те, которые захотят воспользоваться этим случаем, без сомнения будут благодетельствованы могущественным Монархом. Внушения эти должны вы представлять как собственные свои суждения, не подавая ни малейшего виду, что имеете какие-нибудь по этому предмету поручения от правительства. Таким образом можете вы достигнуть желаемой цели».

Как видим, Вельяминов предлагает принципиально иной метод по сравнению с петербургским. Если по замыслу Николая полковник Хан-Гирей должен был выступить посланцем великого государя, от его имени призывающим мятежных, не понимающих своей пользы горцев покаяться и покориться, то многоопытный генерал, прекрасно представляющий себе психологию горцев, предлагает Хан-Гирею действовать в качестве частного лица, «под разными предлогами» навещающего горские аулы и в частных беседах, между прочим, подающего доброжелательные советы и предостерегающего от опасной опрометчивости.

Но, как мы увидим, и в этот вариант Вельяминов не верил.

«Действия ваши должны начаться с племен покорных или по крайней мере более склонных к покорности, Прежде всего вам нужно быть в Кабарде; но как народ этот находится в покорности и даже имеет управление под непосредственною зависимою местного начальства, то и нет никакой надобности ни в

новом изъявлении покорности, ни в том, чтобы кабардинцы просили введения между ними управления. Но народ этот подобно всем прочим может иметь свои нужды, и потому объявите им, что они могут чрез депутатов своих повергнуть их всемилостивейшему воззрению Государя Императора. В Кабарде могут вам способствовать князь Мисост Атахиухин и уздень Авахиуха Джамбеков; через них можете вы сделать и другие знакомства, равно как приобрести нужные для вас сведения.

Из Кабарды полезно вам переехать в Тахтамышский аул, находящийся на правой стороне Кубани верстах в семи от этой реки. Тут найдете вы полковника Султана Азамат-Гирея и майора князя Мусу Таганова. Оба они известны вам по службе их в Кавказском Горском полуэскадроне, и вы без сомнения знаете, что они пользуются большим между закубанскими народами уважением. Султан Азамат-Гирей по происхождению его от Крымских ханов известен между всеми племенами от верхней части Кубани до Анапы, имеет обширное родство и много приятельских связей. Он укажет вам людей, которые между закубанскими народами могут наиболее быть полезными для успеха возложенного на вас дела. Чрез него можете вы познакомиться с Султаном Казы-Гиреем, с ногайским Мурзою Кала-Гиреем Сатиевым и с Беслеканским узденем Адимеем Хазартоковым. Люди эти имеют большое уважение в народах, живущих между верхнею частию Кубани и нижнею частию Шагуаша. Чрез них делаете вы дальнейшее знакомство и легко найдете людей, которые будут вам полезны для рассылок и разведываний».

Подробность и конкретность этих практических указаний подтверждает характеристику, данную Вельяминову генералом Филипсоном: «Я думаю, не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А. А. Вельяминов; я говорю Кавказ, чтобы одним словом выразить и местность, и племена, и главные лица с их отношениями и, наконец, род войны, которая возможна в этом крае. Громадная память помогала Вельяминову удерживать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину»*.

«Прежде нежели переедете вы из Тахтамышского аула за Кубань, — наставлял кавказский ветеран петербургского черкеса, — вам нужно явиться к начальнику Кубанской линии генерал-майору Зассу или к командующему этою линиею подполковнику Васмунду, если первый не возвратился еще из от-

* Г. И. Филипсон, с. 113.

пуску. Вы доставите которому-то из них препровожаемое при сем предписание, в котором начальник Кубанской линии извещается мною о том, что Государь Император изволил возложить на вас предупредить горские народы о прибытии Его Императорского Величества в Кавказский край и о желании Его знать нужды этих народов, чтобы принять меры к прочному устройству благосостояния их».

Здесь опять-таки Вельяминов избегает слов о покорении, подчинении. Он предлагает куда более тонкий ход — желание императора не властвовать над горцами, но устроить их благосостояние.

«Такие же предписания, при сем препровожаемые, доставите вы начальникам линий Кабардинской и Черноморской. Не думаю, чтобы вам нужны были какие-нибудь особенные пособия со стороны начальника Кубанской линии. Но если бы это случилось, если бы например Султан Азамат-Гирей не возвратился еще из Петербурга, что впрочем не полагаю; если бы паче чаяния князь Муса Таганов не нашел возможности познакомить вас с Султаном Казы-Гиреем, с Кала-Гиреем Сатиевым, с Адимеем Хазартоковым, что также совсем невероятно, то начальник Кубанской линии может доставить вам знакомство как этих людей, так и других, хотя менее значительных, но могущих быть весьма полезными. От вас зависит объяснить начальнику Кубанской линии, какие пособия могут быть вам нужны. Устроивши таким образом все нужное для пребывания вашего между народами, живущими от верхней части Кубани до нижней части Шагуаша, вы переедете за Кубань сначала к ногайцам, абазинцам и башильбаевцам, а потом к босленеевцам и к другим народам, обитающим между Лабою и Шагуашем, исключая небольшого числа абадзехов, живущих на правой стороне Шагуаша.

Между народами, обитающими на означенном выше пространстве, с пособием указанных выше людей, вы не будете подвержены опасности, соображаясь впрочем во всеми известными вам обычаями горцев. Но сомневаюсь, чтобы без особенных мер осторожности могли бы вы быть безопасны между абадзехами, шапсугами и натухайцами. До сих пор эти народы упорствуют в непокорности и между ними не имеем мы еще людей, на которых в подобном случае положиться было можно. Вы имеете, однако же, возможность сблизиться более или менее с некоторыми людьми, пользующимися уважением между этими народами. Будучи родом из бжедух, вы имеете между ними приятелей и родных. Через них можете вы сделать знакомство с людьми, которых для успеха возложенного на вас дела признаете более по-

лезными. Между бжедухами найдете вы также князей Магомет-Гирея и Ендара Ханчухоровых и первостепенных дворян Хату-чуха и Беберду Батоновых. Люди эти склонны к миролюбию и усердны к правительству; они могут более или менее вам соответствовать.

Бжедухам как народу покорному можете вы также объявить, что присланы от Государя Императора предварить их о скором прибытии Его Императорского Величества на Кавказ и о желании его знать нужды народа. Но не думаю, чтобы прилично было объявить это абадзехам, шапсугам и натухайцам, как народам совершенно непокорным и непризнающим власти Государя Императора».

Вельяминов мягко указывал здесь на абсурдность самого замысла — проповедовать покорность уже покорившимся равнинным племенам было бессмысленно, а непокорные никакой проповеди слушать бы не стали, и генерал снова рекомендует полковнику выступать в качестве частного лица, путешественника-доброхота, ибо хорошо понимал, что может ждать русского офицера (даже если он родом черкес!), вздумавшего явиться к непокорным горцам с предложением отдаться под власть императорского начальства.

Через два года после описываемых событий генерал граф Анреп-Эльмгт, назначенный начальником Лезгинской кордонной линии и будучи чрезвычайно храбрым и романтическим человеком, произвел опыт, схожий с тем, на который император толкал полковника Хан-Гирея. По свидетельству «коренного кавказца» генерала Филипсона, граф решил произвести «покорение враждебных обществ» «силою своего красноречия»: «С ним были переводчик и человек десять мирных горцев, конвойных. Они проехали в неприятельском крае десятка два верст. Один пеший лезгин за плетнем выстрелил в Анрепа почти в упор. Пуля пробила сюртук, панталоны и белье, но не сделала даже контузии. Конвойные схватили лезгина, который, конечно, ожидал смерти; но Анреп, заставив его убедиться в том, что он невредим, приказал его отпустить. Весть об этом разнеслась по окрестности. Какой-то старик, вероятно важный между туземцами человек, подъехал к нему и вступил в разговор, чтобы узнать, чего он хочет? «Хочу сделать вас людьми, чтоб вы верили в Бога и не жили подобно волкам». — «Что же, ты хочешь сделать нас христианами?» — «Нет, оставайтесь магометанами, но только не по имени, а исполняйте учение вашей веры». После довольно продолжительной беседы горец встал с бурки и сказал очень спокойно: «Ну, генерал, ты сумасшедший; с тобою бесполезно говорить».

Я догадываюсь, что это-то убеждение и спасло Анрепа и всех его спутников от верной гибели; горцы, как все дикари, имеют религиозное уважение к сумасшедшим. Они возвратились благополучно, хотя конечно без всякого успеха»*.

Анреп действовал на свой страх и риск, и его провал принципиального значения не имел. Провал миссии Хан-Гирея, официально представлявшего императора, имел бы совершенно иной смысл — сам факт обращения императора к непокорным горцам делал их высокой договаривающейся стороной, русский император, таким образом, признавал их равными себе. Переговоры русского генерала с попавшим в ловушку Шамилем, о чем у нас пойдет речь, были истолкованы горцами диаметрально тому, как их воспринимали российские власти, и только подняли престиж имама. Потому умудренный кавказским опытом Вельяминов так настаивал, чтобы Хан-Гирей вел переговоры с племенами от собственного имени: «На них (непокорных горцев. — Я. Г.) должно действовать единственно внушениями от собственного лица вашего, как объяснил я выше. Сношение, в которое шапсуги и натухайцы недавно вступили со мной, представляет возможность достигнуть желаемой цели. Они решительно отвергли требования, объявленные им в посланной мною прокламации. Вы можете воспользоваться этим. В дружеских ваших сношениях с ними вы можете ловким образом заставить самих их пересказать вам, в чем состоят объявленные им требования, показывая вид, что они совершенно вам неизвестны. Вы без сомнения услышите от них, что народ никогда на них не согласится. Это будет вам поводом изъявить некоторое удивление относительно объявленных требований. Под видом откровенности можете показывать, что вы находите их слишком тяжкими. С этим вместе старайтесь внушить им, что в означенных требованиях есть какая-нибудь ошибка со стороны здешнего начальства, которое, вероятно, нехорошо поняло приказ Государя Императора. Вы можете уверять, что живучи несколько лет в Петербурге, вы неоднократно имели случай говорить с людьми, пользующимися милостями и доверенностью Государя Императора; что всегда слышали вы от них самые снисходительные требования относительно покорности горских народов. При этом можете самым естественным образом внушать им, что если бы они воспользовались предстоящим прибытием Государя Императора на Кавказ и послали к нему депутатов в Екатеринодар или в Анапу с изъявлениями

* Г. И. Филипсон, с. 246.

покорности, то без сомнения были бы приняты в подданство Его Императорского Величества на условиях гораздо более снисходительных. Весьма вероятно, что надежда на эту снисходительность побудит их избрать доверенных людей и послать их со своими предложениями».

Вышеприведенный текст поразителен по своему хитроумному цинизму, который, очевидно, вообще был свойствен вольтерьянцу в генеральских эпохегах. Злобный, но неглупый и осведомленный В. С. Толстой в заметках о кавказском генералитете писал: «С Петербургом, не имеющим понятия об особенностях края и всех затруднений Горной войны, он (Вельяминов.— Я. Г.) не лукавил, и правдиво выставлял всю нелепость его теоретических узких воззрений и тем внушал боязнь самому тогдашнему Военному Министру Чернышеву, в сущности наглому шарлатану»^{*}.

Вообще, для того, чтобы понять особенность обширного документа, который мы цитируем, нужно представить себе личность автора.

Тот же генерал Филипсон, который служил на Кавказе много лет и на глазах которого разворачивались описываемые события, выразительно и ясно охарактеризовал Вельяминова, близко ему знакомого: «Он принадлежал к кружку, из которого вышло несколько заметных деятелей, как Ермолов, князь Меншиков, граф Бенкендорф и другие, с которыми он сохранил дружеские отношения. На Кавказе он сделался известен как начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса во время командования А. П. Ермолова, которого он был верным другом и помощником. Они были на ты и называли друг друга Алешей... А. А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Воображение играло у него очень невидную роль; все его мысли и заключения носили на себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно, и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание, там, где он думал, что долг или польза службы требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма... Вельяминов хорошо, основательно учился и много читал; но это было в молодости. Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей конца XVIII века. За новей-

^{*} Российский архив, т. VII. М., 1996, с. 215.

шей литературой он мало следил, хотя у него была большая библиотека, которую он постоянно пополнял. Он считался православным, но, кажется, был деистом, по крайней мере никогда не бывал в церкви и не исполнял обрядов. Настольными его книгами были Жильбляз и Дон-Кихот на французском языке... Вельяминов был честный и верный слуга государя, но с властями держал себя самостоятельно»*.

Как видим, и Толстой, и Филипсон толкуют о независимости Вельяминова от петербургского невежества и доктринерства. Но в данном случае генерал занял вполне копромиссную позицию, официально поддерживая и одобряя проект императора, а на практике пытаюсь подменить его чем-то более удобным.

Третий мемуарист, генерал Эдуард Бриммер, служивший под началом Вельяминова и высоко его ценивший, описывая жанровую сцену, дает многозначительный штрих к внешности командующего Кавказской линией, штрих, имеющий отнюдь не только внешний смысл: «Холодный, молчаливый Вельяминов упрет свои стеклянные глаза вверх кибитки и молчит...»**

Именно в руках этого выученика энциклопедистов, героя наполеоновских войн — с Аустерлица начиная, — однокашника влиятельнейших генералов эпохи, до тонкости знавшего особенности Кавказа, холодного человека со стеклянными глазами и математическим складом ума, в соответствии с рационалистической философией не стеснявшего себя строгими нравственными нормами — на войне как на войне, — оказалась, по сути, судьба всей акции. Понимая, что противиться ясно выраженной воле императора и объяснять несбыточность и нелепость его замысла — бессмысленно и опасно, Вельяминов попытался подменить «рыцарскую прямоту» проекта, свойственную Николаю, изощренным обманом. Собственно, он предлагает Хан-Гирею обмануть не только горцев, но и императора. Он предлагает Хан-Гирею дезавуировать требование капитуляции, одобренное, как мы знаем, Николаем, уже предъявленное горцам и отвергнутое ими. Тот же Филипсон был свидетелем сцены переговоров, состоявшихся в середине мая 1837 года, когда в Петербурге уже готовились к отправке на Кавказ полковника Хан-Гирея: «На другой день по нашем приходе в Геленджик нам

* Г. И. Филипсон, с. 110.

** Э. В. Бриммер. Служба артиллерийского офицера. Кавказский сб., т. XVI, 1895, с. 157.

дали знать, что пятеро горских старшин приехали к аванпостам для переговоров с г. Вельяминовым. Это были пять стариков очень почтенной наружности, хорошо вооруженные и без всякой свиты. (Как видим, этим депутатам не понадобилась материальная помощь русского правительства, чтобы предстать пред противоположной стороной в виде вполне внушительном. — Я. Г.) Они назвались уполномоченными от натухайцев и шапсугов. Вельяминов принял их с некоторой торжественностью, окруженный всем своим штабом. В этот только раз я видел на нем кроме шашки кинжал: предосторожность далеко не лишняя после примеров фанатизма, жертвами которого сделались князь Цицианов, Греков, Лисаневич, князь Гагарин и многие другие.

Эта сцена была для меня новостью. Мне казалось, что тут решается судьба народа, который тысячи лет прожил в дикой и неограниченной свободе. В сущности, это была не более как пустая болтовня. Депутаты горцев начали с того, что отвергли право султана уступать их земли России, так как султан никогда их землю не владел; потом объявили, что весь народ единодушно положил драться с русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонит русских из своей земли; хвалились своим могуществом, искусством в горной войне, меткой стрельбой и кончили предложением возвратиться без боя за Кубань и жить в добром соседстве... Старик Вельяминов на длинную речь депутатов отвечал коротко и просто, что идет туда, куда велел Государь, что, если они будут сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бедствия войны, и что если наши солдаты стреляют вдесятеро хуже горцев, то зато мы на каждый их выстрел будем отвечать сотней выстрелов. Тем конференция и кончилась.

Ночью лазутчики дали знать, что вблизи находится огромное сборище, которого силу они вероятно увеличили, говоря, что в нем не менее 10 т. конных и пеших от всех народов племени Адехе, и что все приняли торжественную присягу драться с русскими до последней крайности и за тайные сношения с нами назначили смертную казнь»*.

Представление о настроениях черкесских племен дает их переписка этого времени с русскими генералами.

Генерал Симборский, командовавший одним из отрядов на Черноморской линии, послал известные нам условия, утвержденные императором, племени убыхов. Убыхи, немногочислен-

* Г. И. Филипсон, с. 132.

ный, но воинственный, сплоченный народ, были наряду со своими родичами абадзехами наиболее влиятельной и аристократичной группой среди черкесских племен.

Симборский писал: «Добровольное признание над собою власти Государя Императора сопрягается с неисчислимыми для вас выгодами и пользами, которые по милосердию и великодушию Его Императорского Величества польются на вас в той же степени, как на все благоденствующие под Его Державною народы. В жилищах ваших водворится мир и спокойствие, взаимные ссоры и распри ваши прекратятся и благосостояние каждого будет умножаться произведениями труда его. Свободная торговля с Россиею нужными для вас товарами учредится по всему протяжению земли вашей и в службе Государя Императора откроется обширное для вас поприще к приобретению богатства, почестей и славы.

Между тем в домах своих вы будете управляемы по собственным нравам и обычаям, а вера ваша останется неприкосновенною святыней для всех русских властей... Собранные по воле Государя Императора войска прибыли сюда для продолжения занятия берегов Черного моря; я назначен начальником этого отряда.

Но великодушный Монарх наш, считая вас заблудшими своими подданными, обманутыми злыми людьми (имеются в виду английские офицеры, базировавшиеся в горах. — Я. Г.), приказал еще раз испытать средства миролюбивые, для склонения вас к добровольной покорности. Если, вняв внушениям благоразумия, воспользуетесь вы милосердием Его Величества и признаете над собою законную и благотворную власть Его, то я буду поступать с вами не как враг, а как друг ваш. Жизнь и имущество останутся неприкосновенными, все преимущества, о которых уже говорено здесь, будут вам дарованы, свободная торговля с нами тотчас будет открыта и произведения ваши мы будем покупать по тем ценам, которые вы сами назначите. Наконец, владельцы той земли, на которой будет построено наше укрепление, щедро будут за нее вознаграждены».

И дальше шли те самые восемь пунктов условий добровольной покорности, среди которых было и требование безоговорочно «повиноваться поставленному от нашего правительства начальнику».

Обращение Симборского кончалось так: «Горцы! повторяю еще раз: внимайте предложениям, которые Могушественный Государь наш повелел вам сделать по беспримерному Своему милосердию, а не потому, чтобы это был единственный путь для приведения вас в покорность.

Жду вашего ответа»*.

Старейшины убыхов вернули Симборскому прокламацию со следующей надписью на ней: «О неверные русские, враги истинной религии! Если вы говорите, что наш падишах дал вам эти горы, то он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; и если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то не остались бы на них жить. Мы имеем посланных от султана Махмуда, Мегмет-Али-паши, королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и с нашей стороны для узнания истины; и если вы в том удостоверитесь, то должны оставить эти места и Гагры и перейти за реку Чорчу-Абазасу; тогда мы будем жить с вами и абхазцами в мире до тех пор, пока наш падишах не объявит вам войны... Мы поклялись нашею верою и уведомляем вас о том, что мы не исполним того, что в вашей бумаге написано. Бог будет за нас или за вас!»**

Через некоторое время Симборский получил от убыхов обширное послание, написанное наверняка с помощью англичан, поскольку в нем излагается взгляд на сложную картину международных отношений, о которых убыхи вряд ли были осведомлены.

Заканчивалось послание категорически: «Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться. Вы пишете, что подвластные вам мусульмане живут в благоденствии; но что они терпят — мы знаем, слышим и видим; видим и теперь, как вы собираете войска из областей с вами помирившихся и заставляете их воевать с нами. Если вы так сильны, то зачем берете их с собою? Ныне, пока нами не овладели, вы их еще не столь стесняете. О, хранитель наш! если достанемся мы в ваши руки, то знаем, что с нами и с единоверцами нашими будет. Упаси Боже, что терпят от вас и ваших дел правоверные; что мы терпим, это Бог знает. Мы знаем, сколь угнетены казанские, крымские татары и прочие в Империи вашей живущие. Из ваших крепостей бегут к нам те из них, которых вы берете в солдаты, и мы своими глазами видим, что бегущие от вас наслаждаются у нас только покоем.

Если желаете ответа, то вот он: оставьте крепости, находящиеся в черкесской земле, перейдите за Кубань, и мы туда ходить не станем, вы же сюда не ходите. Тогда, если захотим, то будем жить с вами в дружбе. В письме вашем вы просили вы-

* Кавказский сб., т. VIII, 1884, Приложение, с. 10

** Там же, с. 2.

дачи от нас аманатов и хотите поставить начальника над нами. Вы написали к нам довольно надменное и заносчивое письмо; кто над нами начальник и кто может давать нам приказания? Тем ли вы возгордились, что овладели на берегу моря клочком земли величиною в рогожу? Более мы к вам переговорщиков посылать не будем и вы не посылайте; не пишите к нам более писем; а если это сделаете, то посланного убьем, письмо же разорвем в клочки»^{*}.

Столь радикальные настроения одного из наиболее влиятельных черкесских племен Вельяминову были известны, а императору и военному министру — нет. И, как мы увидим, он не сообщил об этом ни Чернышеву, ни самому Хан-Гирею. Убыки вообще не упоминаются в его инструкциях Хан-Гирею и рапорте Чернышеву.

Очевидно, Вельяминов не счел возможным сообщать в Петербург о реальном положении вещей в том, что касалось немирных горцев. Это было бы равносильно обвинению петербургских стратегов в полном непонимании обстановки на Кавказе, — что было сущей правдой, — и могло чрезвычайно раздосадовать Николая, постоянно дававшего кавказским генералам различные указания.

Многочисленные племена натухайцев, абадзехов, шапсугов не склонны были к столь зловеющим формулировкам, но и принимать условия, которые русские власти пытались им продиктовать, они отнюдь не были склонны. На прокламацию Вельяминова, предлагавшую черкесам те же условия, что и прокламация Симборского, — оба генерала повторяли присланный из столицы текст, — натухайцы ответили: «Присланную вами прокламацию мы получили и содержание оной узнали. Воссылая хвалу Всевышнему Богу, мы мусульмане, довольны всегда Его предопределением. Более десяти лет уже находясь в непрерывной войне, с надеждою, по разным между народом носящимся слухам, быть ни от кого не зависимыми, мы теперь от высокого короля английского получили бумагу, относящуюся ко всем горским племенам от Чечни до самого Бугаза Кызыл-Таша, содержание которой известно и вам; в оной говорится, чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали никогда в российские пределы, россияне же удалились от черкес и более не вступали с войсками в наши земли; на сих условиях следует утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о

^{*} Кавказский сб., т.VIII, Приложение, с. 13.

сем и вам, мы уверены совершенно в том, что дружба и согласие между нами водворятся лишь тогда, когда все войска ваши и крепости будут переведены за Кубань; торговлю же со всеми племенами как водою, так и сухопутьем продолжали бы. Если изъявите на сие ваше согласие, то не оставьте почтить нас ответом, а что мы все единодушно согласны покориться, в том нет сомнения и подозрения. Силу могущества своего вы показали, ибо во власти вашей находятся земли более чем в семи королевствах; но не для вас одних Всемогущий Бог создал все земли; на объявленное же в прокламации предложение, одному Предвечному Творцу известно, что мы никогда не согласимся и теперь ведем переговоры не из боязни вас, но единственно вследствие наставления и совета, данных нам английским двором. То же, что вы, с гордостью заявляя о своем могуществе и храбрости, грозите уничтожить нас одним словом, присуще только Всемогущему Творцу, и хотя вы имеете силу, но мы тоже надеемся на милосердие Его. В случае же признания нас, подобно прочим правительствам и королевствам, без сомнения все черкесы, без изъятия, будут согласны относительно покорности. На подлинном подписались: абадзехского, шапсугского и натухайского обществ муллы, все духовенство и почтенные люди»^{*}.

Несмотря на дипломатическую мягкость тона, три наиболее многочисленных племени совершенно ясно выразили свою позицию — они остаются полностью независимыми, русские уходят с их земель, тогда они готовы соблюдать мир, и это состояние мира они называют покорностью.

В такой ситуации Вельяминов, сознававший невозможность договориться с горцами на условиях Петербурга, но и не имевший возможности отказаться от выполнения высочайшего поручения совместно с Хан-Гиреем, избрал третий путь — предложить трем непокорным черкесским племенам столь мягкие условия сотрудничества с Россией, чтобы они сочли выгодным прислать депутатов для встречи с императором. Вельяминов резонно рассудил, что уважающие этикет горские старейшины не станут ввязываться в полемику с северным властелином, но отвезут в племена его условия, которые приняты не будут. Это, однако, произойдет уже после отбытия августейшего гостя. А там будет видно... Умный и циничный Вельяминов понимал, что главное в этом случае — соблюсти церемонию.

^{*} Кавказский сб., т. VIII, с. 8.

Продолжая свои наставления Хан-Гирею, Вельяминов создал подробнейший документ, который демонстрировал его готовность всячески поддерживать усилия полковника, равно как и его скрупулезную осведомленность в кавказских делах. Этот документ при любом повороте событий должен был стать индульгенцией для него, как и его рапорт Чернышеву.

Он писал: «В этой части Кавказа прилично начать внушения ваши с натухайцев, как с народа более склонного к жизни покойной и потерпевшего уже довольно значительные опустошения. Шапсуги, живущие между Атакумом и Абином, также почти совсем разорены; прочие мало еще от войны потерпели, равно как и абадзехи. Между натухайцами наиболее имеют доверия в народе дворяне Супахо-Ендархо-Магмет, Супахо-Хау-тохо-Мамзырь и из простого народа Тлечась-зех-охо-Сехейх, Айхез-Хасдемор и Хушт-Хосейн; между шапсугами пользуются особенною доверенностью дворяне Шеретлук-Тугузохо-Казбек, Немиро-Хатлабехо-Шагангирий и из простого народа Шиблагохо-Незюс, Инохо-Ахебиохо-Кетагаш и Кoble-Хурай; у абадзехов более других имеют влияние на народ дворяне Едихе-Семигериохо-Магмет, Едихе-Инемухо-Кягемохо-Хатух, Нейгохо-Схашлохо-Шангерий и из простых Хоаз-Баймюрза и Ций-Битатохо-Нашго. Старайтесь сблизиться с этими людьми и распространяйте чрез них внушение ваше. Частые угощения и кстати сделанные подарки могут много тому способствовать и вам даны на то средства достаточные». Но Вельяминова все-таки беспокоило, чтобы Хан-Гирей не вздумал следовать петербургской инструкции: «Повторяю сказанное выше: никому не должны вы открывать настоящей цели, для которой вы посланы. Тем, кого найдете вы более заслуживающими доверенности, можете говорить, что кроме объявления покорным горцам о прибытии Государя Императора на Кавказ вам поручено еще разведать тайным образом, не имеют ли они основательных причин жаловаться на утеснения или на несправедливости местных начальников. Это единственное средство исполнить возложенное на вас поручение с успехом».

Миссия Хан-Гирея, по версии Вельяминова, как видим, принципиально трансформировалась.

«Мне остается дать вам некоторое понятие о настоящем положении горских племен, с которыми вы должны будете войти в сношения. Натухайцы, шапсуги и абадзехи до сих пор упорствуют в непокорности. Самая большая половина натухайцев и значительная часть шапсугов потерпели большие разорения в последние три года. Многие остались на прежних местах жительства, и как дома их сожжены, то живут в скудных шалашах.

Другие переселились к абадзехам, к шапсугам, обитающим между Абином и Афипсом, и к народам, живущим вдоль берега Черного моря между Геленджиком и Гагрою. Натухайцы, потерпев в прошедшую осень большую потерю в сене, как от того, что сами зажгли его, и от того, что весьма много взято было нашими войсками, продавали в течение зимы рогатый скот и баранов за бесценно. Бжедухи, темиргойцы, махошевцы, баговцы, бесленевцы, башильбаевцы, абазинцы, ногойцы и кабардинцы покорны правительству. В продолжении последних четырех лет абазинцы, бесленевцы, махоши, баговцы более или менее потерпели от набегов генерал-майора Засса. Несмотря на это означенные народы находятся в хорошем положении и не терпят бедности. У них бывают междоусобные ссоры, хотя скоро однако не прекращаются. Между кабардинцами, жившими в Большой и Малой Кабарде, хлебопашество приметно распространяется, чего нельзя до сих пор сказать о других горских народах.

Кроме предписаний начальникам линий Черноморской, Кубанской и Кабардинской препровождаю при сем также предписания полковнику Султану Азамат-Гирею, майору князю Мусе-Таганову относительно доставления вам возможных со стороны их пособий. Со всех этих бумаг для сведения вашего прилагаются здесь копии.

Донесения ваши, которые должны быть доставлены через меня Государю Императору, равно как и те, которые найдете нужным послать собственно мне, извольте отправлять через начальников линий, ближайших к тем местам, откуда будете писать. Извещайте как можно чаще и по крайней мере один раз в неделю начальника штаба Кавказской линии генерал-майора Петрова о месте вашего пребывания. Это необходимо для того, чтобы доставлять к вам предписания, которые могут быть присланы от г. военного министра, равно как и для переписки со мною.

Уверен будучи в усердии и способностях ваших, я остаюсь в полной надежде, что порученное вам дело будет иметь желаемый успех».

Снабдив инструкциями полковника Хан-Гирея, Вельяминов в тот же день, 14 июня, отправил рапорт военному министру.

«Секретно.

Р а п о р т .

Из представляемых в копии:

1. Наставления, данного мною флигель-адъютанту Его Императорского Величества полковнику Хан-Гирею, по предмету возложенного на него Государем Императором поручения;

2. Предписаний моих начальникам различных частей Кавказской линии, равно как полковнику Султану Азамат-Гирею и майору князю Мусе-Таганову;

3. Объявления моего горским народам о прибытии Его Императорского Величества на Кавказ.

Ваше Сиятельство усмотреть изволит меры, которые нашел я возможными употребить для содействия полковнику Хан-Гирею в данном ему поручении.

В конце посылаемого ему от меня наставления Вы изволите увидеть, что я изъявляю большую надежду на успех; но Вашему Сиятельству обязан я сказать откровенно, что успех этот более нежели сомнителен. Можно бы иметь некоторую надежду склонить к покорности натухайцев, которые испытав значительные разорения в прошедшую осень, начинали приметным образом колебаться, но лживые обещания английских агентов снова возмутили этот народ, который, не имея понятия о политических сношениях европейских держав, сильно верит большим пособиям со стороны Англии».

Существенно, что и в инструкции Хан-Гирею, и в рапорте Чернышеву Вельяминов объясняет состоявшееся или возможное согласие того или иного горского племени на подчинение России — только страхом, разорением, грозящим или уже наступившим голодом. Генерал трезво сознавал, что добровольно ни одно горское общество не признает над собой власть северной империи. В иллюзорную помощь Англии горцы готовы были поверить не от наивности, а от отчаяния. Они ощущали возрастающий напор русских войск. Кроме торговой блокады, уничтожения посевов и запасов корма для скота, угона скота командование Кавказского корпуса стало применять методы войны, практикуемые самими горцами. Кроме широкомасштабных экспедиций в горы, которые, как правило, не приносили успеха, поскольку подготовку к ним невозможно было держать в тайне, а пройденные территории не было средств закрепить за собой и контролировать, в ход пошли короткие стремительные набеги. Вельяминов недаром упомянул в послании Хан-Гирею генерала Засса. Это был один из самых своеобразных персонажей кавказской эпопеи. Злобный В. Толстой охарактеризовал Засса чрезвычайно просто: «Курляндец без признака образования и убеждений, имевший особые способности на вооруженные разбои на широкую ногу, которому в случаях надобности наказать вероломство какого-либо туземного племени Вельяминовым поручался набег, остальное же время этот славный генерал держал Засса, как гово-

рится, на цепи)*. Верно определив главную функцию Засса, Толстой ошибся в последнем утверждении — особенность положения генерала Засса, командовавшего правым флангом Кавказской линии, в том и заключалась, что ему предоставлено было право самому выбирать время и цели набегов, чтобы избежать огласки. Одетые по-черкесски кавалеристы Засса во главе со своим безжалостным и отчаянным генералом терроризировали непокорные общества, грабя и сжигая аулы.

Декабрист Розен писал: «Генерал Засс, страшилище черкесов, оставил по себе продолжительное воспоминание на Кавказе. Экспедиции были для него забавою, как травля для охотника, как вода для рыбы... Он своею личностью наводил величайший страх на неустрашимых черкесов»**.

Разумеется, горцы понимали, что вечно такая жизнь продолжаться не может. Именно надежда одним яростным натиском сокрушить русских и убедить их в невозможности покорения племен подвигла горцев, к тому же доведенных до тяжкого голода блокадой, ринуться в 1840 году на прибрежные русские укрепления. В результате на несколько месяцев Кавказским корпусом было потеряно почти все, что завоевывалось годами.

Именно надежда заполучить хоть какого-нибудь союзника, после ухода турок, заставила горцев поверить обещаниям англичан.

Объяснив упорство черкесов простейшим образом — хотя он, разумеется, знал, что причины куда сложнее и глубже, чем расчет на английские «пособия», — Вельяминов продолжал: «Обещавшие их агенты уверили в этом народ тем, что сами остались среди его как залог всего обещанного. Имея в руках своих жизнь этих людей, нутухайцы никак не могут понять, чтобы данные им обещания не были в точности исполнены. Теперь нет никакой возможности переуверить их в этом; одни только события могут показать им, до какой степени они обмануты». Наверняка Вельяминов не верил в то, что писал. Он был для этого слишком тонким знатоком Кавказа. Прошли годы. Англичане не оказали черкесам никакой сколько-нибудь существенной помощи, а горцы тем не менее продолжали ожесточенно отстаивать свою «дикую свободу», поскольку отказ от нее означал для них не просто изменение условий жизни, но крушение традицион-

* В. С. Толстой. Характеристики русских генералов на Кавказе. Российский архив, т. VII. М., 1996, с. 230.

** А. Е. Розен, с. 374.

го самоощущения, и, стало быть, самоуважения, без которого жизнь горца теряла свою ценность. Свидетели, наблюдавшие черкесов после 1864 года, когда был покорен Западный Кавказ, лишенных права носить оружие, унижаемых казаками, говорят о резком падении их жизненного тонуса, о массовой социальной депрессии... Но до этого было очень еще далеко.

Вельяминов, посылая в Петербург копию наставлений Хан-Гирею, должен был как-то объяснить те принципиальные коррективы, которые он внес в предписания военного министра, продиктованные самим императором. Он мягко внушает Чернышеву, что буквальное выполнение Хан-Гиреем данных ему инструкций может поставить императора и империю в довольно неловкое положение. «Вот причина, побудившая меня поставить на вид полковнику Хан-Гирею, чтобы от имени Государя Императора объявил он только, что прислан предупредить покорных горцев о скором прибытии Его Императорского Величества и о желании узнать короче нужды народов от избранных депутатов; внушения же об изъявлении добровольной покорности теми народами, которые до сих пор упорствовали в сохранении дикой свободы своей, делать ловким образом от собственного только лица. Если внушения эти останутся безуспешными, то нет кажется ничего в том особенно неприятного; но я никак не могу помириться с мыслью, чтобы положительные требования от лица Императора, повелевающего таким государством, как Россия, могли быть отвергнуты народом полудиким, упорствующим в привычке своей к безначалию оттого только, что не имел еще случая видеть ничтожность сил своих в сравнении с армиями Императора, который единственно из человеколюбия желает обратить непокорных к повинению без излишнего кровопролития».

Этот пассаж интересен с точки зрения психологии отношений между Петербургом и «коренными кавказцами». Воюющий на Кавказе с 1816 года — с небольшим перерывом, — прекрасно представляющий себе скромность результатов, достигнутых завоевателями за без малого сорок лет непрерывных боевых действий, наблюдавший консолидацию горцев под напором русских штыков в подобие единого государства — имамат Шамиля, знающий всю невероятную сложность войны против черкесских племен в горных районах, Вельяминов разговаривает с петербургскими стратегами как с малыми детьми, предлагая им те элементарные объяснения длительности и мучительности кавказской конкисты, которые наиболее доступны их сознанию и соответствуют уровню их понимания ситуации.

Горцы действительно не могли оценить всю мощь Российской империи, но это не играло решающей роли в происходящем, ибо империя реально могла использовать на Кавказе лишь малую часть этой мощи и то — с огромным напряжением сил и средств. Как позднее в Крыму, во время войны с Англией, Францией и Турцией, Николай, заявлявший незадолго до Крымской войны в ответ на робкие разговоры генералов о необходимости модернизировать вооружение, не менявшееся с наполеоновских времен, что его миллион солдат раздавит любого противника, имел вполне абстрактные представления о современной войне. Недаром крымские поражения сломили и погубили его.

Холодный рационалист, воспитанник энциклопедистов с их культом логического разума, Вельяминов не сомневался в превосходстве европейской модели государственного устройства над руссоистской органикой горского быта. Но знал он и другое: осознают горцы чисто военное превосходство России или не осознают — они будут драться до последней крайности и победа над ними обойдется неимоверно дорого. Но необходимость выйти из безвыходной ситуации, в которую его поставило поручение Чернышева, заставила Вельяминова прибегнуть к такого рода маневрам.

Он осторожно готовит Чернышева к неминуемому поражению по существу, которое должно быть закамуфлировано видимостью исполнения формальной стороны императорского желания — появлением депутатов от горских обществ. «Чтобы можно было иметь хотя бы небольшую надежду на успех внушений полковника Хан-Гирея, я полагаю полезным, чтобы он польстил их надеждой на смягчение объявленных им требований. Обстоятельства дают возможность не обмануть их в этой надежде. Г. корпусной командир уведомил меня, что Государю Императору благо угодно было, согласно с представлением моим, требования относительно покорности горцев переменить другими, более снисходительными; он предписал объявить об этом натухайцам, шапсугам и абадзехам, которые отвергли требования условий покорности, объявленные им в посланной прокламации. Я не имел еще ни времени, ни возможности исполнить это, когда получил предписание Вашего Сиятельства относительно поручения, данного флигель-адъютанту полковнику Хан-Гирею. Если внушения его убедят который-нибудь из непокорных народов на правом фланге Кавказской линии послать депутатов к Государю Императору, то Его Величество найдет возможность даровать прибегающим к нему с покорностью значительные облегчения, ни-

Военный министр А И Чернышев Работа Д Доу

чего не изменяя в требованиях, Высочайше утвержденных в последний раз»

Все это было чистым лицемерием. Какими были требования, утвержденные императором, мы уже знаем — это были условия капитуляции. Если это Вельяминов считал более мягким вариантом, то каков же был вариант Вельяминова?

Вельяминов знал, что горцы без тотального принуждения оружием не согласятся принять русскую администрацию, не откажутся от сотрудничества со своими непокорными единоплеменниками, более того — без крайней необходимости не откажутся и от практики набегов и работорговли. Ибо набег были не только существенной составляющей их экономики, но и фундаментальной традицией, основой их психологического самостояния.

Вельяминов знал, что требования, утвержденные Николаем, могут быть навязаны горцам отнюдь не уговорами полковника Хан-Гирея и даже не августейшим увещеванием, а только штыками и картечью.

Почвы для компромисса не было. Вельяминов и это знал.

Но он вынужден был вести свою хитроумную и циничную игру с Петербургом.

Капитан Апшеронского пехотного полка М Б Бучкиев
Портрет работы А Овнатаняна

«Что касается до изъвольшого замедления, которое произойдет в объявлении этих требований, в коих ничего уже не остается убавить, то оно не может иметь влияния на ход здешних дел. Доколе непокорствующие народы не потеряют надежду на пособие англичан, до тех пор не только будут они упорствовать в непокорности, но даже не перестанут требовать уничтожения укреплений за Кубанью и по берегу Черного моря»

По соображениям моим построение в нынешнем году укреплений не может быть окончено прежде половины сентября месяца. До тех пор второй период действий начаться не может, переговоры же полковника Хан-Гирея к тому времени чем-нибудь решатся. Нельзя надеяться, чтобы пребывание отрядов наших способствовало успеху этих переговоров. Поэтому не думаю, чтобы нужны были какие-нибудь изменения в предположенных на нынешний год военных действиях»

Наконец, после длительного лавирования Вельяминов вынужден был высказаться ясно и прямо — переговоры есть нечто сомнительное и ненадежное, а полагаться надо исключительно на военную силу. Боевые операции должны идти своим чередом. Эта позиция Вельяминова была хорошо известна в войсках.

Мемуарист М Ф Федоров, воевавший в это время в отряде

Вельяминова, писал о днях пребывания императора на Черноморской линии:

«...Разнесся слух и пошли толки, будто бы Его Величество думает изменить план наших экспедиций в горах, с целью прежде всего окончательно занять северо-восточные берега моря, для скорейшего прекращения торга невольниками и подвоза контрабандистами соли, кремней и пороха; что по этому-то случаю велел генералу Вельяминову закончить экспедицию и самому поспешить приездом в Ставрополь, где Его Величество желал лично решить этот вопрос, так как генерал Вельяминов настойчиво защищал свой проект покорения Черкесии, составленный им в 1834 году. Известно, что главная мысль проекта состояла в том, чтобы, усилив при берегах крейсерство, занимать постепенно сухим путем примыкающие к морю ущелья — обыкновенные приюты турецких и горских контрабандистов и места их торга пленными; устроить там укрепления, в окрестности от них на 25 верст уничтожив все аулы. Но первоначально отделить всю дельту между левым берегом Кубани и северо-восточным берегом Черного моря большою операционною линиею укреплений с сильными гарнизонами, дабы можно было постоянно, несмиряющимся аулам, угрожать набегам из-за Кубани посредством летучих отрядов, могущих при нужде найти в этих укреплениях необходимые пособия; сами же укрепления снабдить в достаточном количестве запасами провианта и всеми предметами военных потребностей; при том, соединить их между собою удобными дорогами для движения транспортов и артиллерии...»*

Ни о каких переговорах, компромиссных вариантах, добровольной покорности речи нет. Кавказский генералитет в лице своего безусловного лидера предлагал императору длительный, дорогостоящий, но единственно реальный способ покорения края...

В проекте же Николая — Чернышева — Хан-Гирея у трезвого Вельяминова не вызывает сомнений только прибытие депутатов от уже замиренных — постоянно или на тот момент — горских обществ: чисто ритуальная акция, не имеющая никакого практического значения. «Народы покорные без сомнения воспользуются позволением послать депутатов своих к Государю Императору. Но между ними дела подобного рода требуют довольно много времени. Сомневаюсь, чтобы депутаты могли поспеть в Вознесенск, тем более, что от Николаева до Вознесенска едва ли есть достаточно для проезда их почтовых лошадей; сверх того

* М. Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе. Кавказский сб., т. III, 1879, с. 98.

довольно дальняя поездка эта будет затруднять их. Принимая это в соображение, не угодно ли будет Государю Императору принять депутатов:

Во Владикавказе от кумык, чеченцев, карабулак, ингуший, осетин и кабардинцев.

В Ставрополе от ногайцов, абазинцов, башильбаевцов, бесленеевцов, баговцов, махоший и темиргойцов.

В Екатеринодаре от бжедухов, и если будут от абадзехов, шапсуг и натухайцов. От последних депутаты также могут быть приняты в Геленджике. В Анапу было бы еще ближе для них приехать; но как в последних числах сентября нельзя ожидать тихой погоды, то весьма быть может, что при сильном ветре с моря Государю Императору нельзя будет выйти на берег. Напротив того в Геленджикской бухте никогда не бывает слишком сильного волнения».

Упоминание депутатов от чеченцев не должно вводить в заблуждение. В тот момент замирена была лишь небольшая часть равнинных чеченских обществ. На большей же части Чечни шли ожесточенные военные действия.

Деловая часть рапорта Вельяминова принципиально отличается от идеологической, так сказать, части, полной уклончивых формулировок и мягких увещаний. Вельяминов уверенно и четко корректирует весьма приблизительные представления Петербурга о географии и служебном быте Кавказа. «Ваше Сиятельство изволили предписать полковнику Хан-Гирею, чтобы с августа месяца донесения свои Его Императорскому Величеству об успехах данного ему поручения посылал он через меня. На это нужным нахожу представить Вашему Сиятельству, что сношения полковника Хан-Гирея со мною неминуемо будут медленны. Я не имею прямых сообщений с Кавказскою линиею (Вельяминов в это время руководил военными действиями на Черноморском побережье, а Кавказская линия, на которой должен был базироваться Хан-Гирей, проходила по другую сторону Кавказского хребта. — Я. Г.) и вся переписка моя идет морем через Фанагорию. Чтобы избежать этой медленности в доставлении означенных донесений, не угодно ли приказать полковнику Хан-Гирею посылать их через ближайших начальников линий к воинскому начальнику в Фанагории майору Посыпкину, который может немедленно отправлять их через пролив к Керченскому градоначальнику; а сему последнему приказать, чтобы он посылал их по эстафете до места пребывания Его Императорского Величества. Если донесения полковника Хан-Гирея должны идти непременно через меня, то я могу посылать их только морем до Керчи или

до Одессы, откуда нужно отправлять их непременно по эстафете, потому что курьеры подвергаются как в том, так и в другом месте четырнадцатидневному карантину, и оттого бы произошло излишнее замедление в доставлении бумаг. Если же угодно будет одобрить объясненное мною направление для пересылки донесений полковника Хан-Гирея, то покорнейше прошу Ваше Сиятельство предписать о том начальнику штаба на Кавказской линии генерал-майору Петрову, который сделает нужные распоряжения. Чрез него же и все предписания Вашего Сиятельства полковнику Хан-Гирею могут быть доставлены гораздо скорее, нежели через меня».

Надо полагать, дело было не только в рациональности пути, которым должны были идти донесения Хан-Гирея, но и в том, что таким образом Вельяминов решительно отсекал свое участие в утопическом проекте. Он высказал свои сомнения, он снабдил Хан-Гирея всей необходимой информацией и — умыл руки. Его пути и пути Хан-Гирея теперь никак не пересекались...

В те дни, когда Вельяминов составлял инструкцию Хан-Гирею и рапорт Чернышеву, пытаюсь превратить в нечто более или менее реальное петербургские утопии, и руководил методичными военными операциями на Черноморской линии, в Дагестане разворачивались сражения редкие даже для Кавказа по ожесточенности и кровавости.

Через три дня после того, как в Петербурге появились первые официальные бумаги, касающиеся поездки Хан-Гирея, — 28 мая 1837 года генерал Фези занял столицу Аварии Хунзах и двинулся на резиденцию Шамиля — горную крепость Ахульго, расположенную близ селения Ашильта.

9 июня, когда Вельяминов уже занимался составлением известных нам документов, пытаюсь развеять надежды Петербурга на капитуляцию черкесских племен под магическим воздействием августейшего явления, русские войска штурмовали Ашильту, защищаемую двумя тысячами отборных мюридов. Большая часть их погибла, нанеся отряду Фези значительные потери, ибо ожесточенный бой шел за каждую саклю.

12 июня был взят штурмом казавшийся неприступным утес Ахульго.

После небольшой передышки — если не считать постоянных нападений мюридов Шамиля на русские части, — Фези двинулся на селение Тилить, где укрепился Шамиль. 5 июля после многочасовой отчаянной резни имам оказался окружен и выслал к Фези парламентаров. Он заявил, что готов заключить с русски-

ми мир, не очень определенно пообещал присягнуть на верность и согласился выдать аманатов — в том числе своего малолетнего племянника.

Фези пошел на переговоры по двум причинам — во-первых, его отряд был изнурен тяжелыми боями и ослаблен потерями, а в окрестностях Тилитля концентрировались свежие силы горцев, во-вторых, непоследовательный Петербург постоянно требовал действовать при всякой возможности уговорами и демонстрацией миролюбия.

Шамиль, однако, покоряться вовсе не собирался. Ему нужен был сиюминутный выход из катастрофического положения. Согласно горской этике — обмануть неверных не являлось грехом. Но Шамиль, надо сказать, поступил достойно, Он не на словах, а письменно — то есть официально — обещал то, что его устраивало, а русские власти устроить не могло.

Сохранились оба письма Шамиля генералу Фези, в которых кратко сформулирована позиция, более развернуто декларированная позже, как мы увидим, в ответах черкесских племен на прокламации русских генералов.

Сразу после первых переговоров имам писал. «От Шамиля, Ташов-Хаджи, Кибит-Магомы, Абдуррахмана карахского, Магомет-Омар-оглы и других почетных ученых дагестанцев. Выдавая аманатов Магомет-Мирзе-хану (аварский аристократ, сторонник России, исполнявший функции парламентаря. — Я. Г.), мы заключили с Российским Государем мир, которого никто из нас не нарушит, с тем однако условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данные ею обещания, то она будет считаться изменницею, а изменник почитается проклятым перед Богом и перед народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений».

Как видим, речь идет о мире между равными договаривающимися сторонами, а вовсе не о присяге на верность российскому императору. Шамиль получал желанную передышку и — более того — сам факт переговоров с ним посланцев северного царя как с равным еще выше поднял его престиж в глазах горских воинов.

Но Шамиль вслед за первым письмом прислал второе, еще более сухое и подчеркивающее равенство сторон. «Сие письмо объясняет заключение мира между Российским Государем и Шамилем. Сей мир заключается выдачею в аманаты Магомет-Мирзе-хану со стороны Шамиля двоюродного брата, пока при-

будет его племянник; со стороны Кибит-Магомы — двоюродного его брата и со стороны Абдурахмана карахского — сына его для прочности сего мира, с тем, чтобы ни с какой стороны не было никакой обиды и измены против другой; ибо изменник считается проклятым перед Богом и народом».

Здесь Шамиль выступает уже от собственного имени — «как некий равный государь». Далеко не случайно и то, что аманаты выдаются не русским — в этих письмах нет ничего случайного! — но аварцу, который таким образом берет на себя ответственность за них. Впрочем, дагестанских вождей судьба заложников, скорее всего, не очень беспокоила. Русские не убивали аманатов, а со временем их можно выменять на значительных пленников. Так, в 1855 году Шамиль выменял своего сына, находившегося в заложниках в Петербурге, на плененные за год перед тем семейства грузинских аристократов и русских офицеров, генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе.

Генерал Фези был человеком на Кавказе новым, неопытным, и он, очевидно, не понимал истинного смысла поведения Шамиля и последствий своих действий.

В Петербурге маневры Шамиля и всю сложившуюся ситуацию восприняли с обычным невежеством и оптимизмом. В результате появился документ, яснее чем что бы то ни было характеризующий уровень правительственных представлений о том, что возможно, а что невозможно на Кавказе во второй половине 1830-х годов.

Когда император получил рапорт командующего Кавказским корпусом о взятии Тилитля и сопутствующих событиях, уверенность в магическом воздействии его личного появления на Кавказе укрепилась. По его инициативе начальник военно-походной канцелярии Его Императорского Величества отправил 14 августа депешу генералу Розену.

«Секретно.

Государь Император по всеподданнейшему докладу отношения Вашего Высокопревосходительства от 22 минувшего июля № 732 о взятии отрядом под начальством генерал-майора Фези состоящим, укрепленного селения Тилитли, после чего дагестанский изувер Шамиль сдался, приняв присягу на подданство России и выдав аманатов, — Высочайше поручить мне соизволил уведомить Ваше Высокопревосходительство, что Его Величеству благоугодно, дабы сделаны были Шамилю и главным его сообщникам: Ташеву Гаджи, Кибиту Магомету и Караханскому кадию Аб-

дуррахману внушения воспользоваться прибытием Его Величества в Закавказский край и испросить милости предстать пред лице Самого Монарха, дабы лично молить о Всемилостивейшем прощении, и принеся со всею искренностию раскаяние в прежних поступках, изъявить чувства верноподданнической преданности. Его Величеству угодно, дабы в сем случае генерал-майор Фези действовал от имени Вашего Высокопревосходительства или от своего собственного, лично или через агентов, но отнюдь не от имени Государя Императора... Хотя генерал-майору Фези поручается употребить в сем деле меры умственного убеждения, но как Государю Императору благоугодно, дабы Шамиль непременно был представлен лично Его Величеству, то и представляется ему в случае неуспеха в убеждениях, требовать от Шамиля как залог верности и доказательств чистосердечия в принесенной им присяге, дабы он согласился на отправление его к Государю Императору.

Что же касается до места представления Его Величеству Шамиля, когда он испросит себе сию милость, то выбор одного представляется усмотрению Вашего Высокопревосходительства, смотря по удобности, или во время проезда Государя Императора через горы, по военно-грузинской дороге, или в Тифлисе. Его Величество изволит однако полагать, что сие последнее место, куда Государь Император прибудет около 6 октября, — представляет к тому более удобности и приличия,

Его Величеству также угодно, чтобы вместе с Шамилем и его главными сообщниками были представлены и аманаты, выданные им при покорении селения Тилитль. Присовокупляю к сему, что Его Величество изволит ожидать от Вашего Высокопревосходительства подробного донесения о тех мерах и способах, которые, вы, милостивый государь, употребите к исполнению высочайшей воли».

Сравнив письма Шамиля — высокой договаривающейся стороны, — и лексику данного послания: «молить о Всемилостивейшем прощении», «принеся раскаяние в прежних поступках», «испросит себе... милость» представиться Николаю, мы ясно пойдем абсурдность ситуации.

Максимум, на что соглашался Шамиль, выскользнув из ловушки, — прекратить военные действия в обмен на такое же прекращение со стороны русских. Он отнюдь не считал себя преступником и не собирался молить о прощении. Он был посланец Аллаха, уверенный в своем предназначении, и расчетливый, коварный, жестокий политик.

Мир и невмешательство в дела друг друга теоретически устроили бы Шамиля. Но, во-первых, это не устраивало Россию, а во-вторых, Шамиль, чьей задачей и миссией было объединение всего Кавказа в единое теократическое государство, неизбежно вошел бы в конфликт с Россией из-за неизбежных попыток взять под свою власть лояльные к русским области — как, например, Аварское ханство.

Ни император, ни Чернышев всего этого не понимали, считали Шамиля поверженным противником, которого нужно только подавить психологически, поставив пред лицо монарха. И соответственно действовали.

Получив столь категорическое указание, командующий Кавказским корпусом генерал Розен оказался в еще более сложном положении, чем Вельяминов. У Вельяминова — при обширности задачи, которую ему предстояло решить совместно с полковником Хан-Гиреем, — была значительная свобода маневра, чем он и воспользовался. Задача Розена была предельно конкретна — так или иначе заставить Шамиля явиться к императору с повинной.

Розен сделал то, что только и мог сделать, — приказал генералу Фези немедленно снестись с Шамилем. Но Фези должен был вот-вот выступить на подавление очередного восстания в бывшее Кубинское ханство, — а ныне Кубинскую провинцию, — находившееся на дальней юго-восточной оконечности Дагестана, далеко от тех мест, где находился в тот момент Шамиль. Поэтому Фези перепоручил тяжкую миссию генерал-майору Клюки-фон-Клугенау, старому кавказцу, воевавшему еще в ермоловские времена — с 1818 года. Клугенау, уроженец Богемии, рано вступивший в русскую службу, отличался решительностью и храбростью — современник назвал его «храбрым как шпага», то есть не испытывавшим чувства опасности. Это качество, доставившее ему многочисленные награды и высокие чины, прервало в 1845 году его кавказскую карьеру, когда, командуя специальным отрядом во время кровавой Даргинской экспедиции, он, действуя напролом, положил двух генералов и несколько сотен солдат. Пренебрежение опасностью едва не погубило его и его спутников и во время переговоров с Шамилем.

В середине сентября, получив предписание Фези, своего непосредственного начальника, Клугенау отправил с несколькими лояльными к России, но уважаемыми среди горцев людьми письмо Шамилю: «Хотя я и не сомневаюсь в доверии твоём к человеку, с которым я посылаю это письмо, однако ж не могу поручить ему всего того, о чем мне нужно переговорить с тобою. Ты знаешь,

Шамиль, что я всегда советовал тебе доброе для тебя самого и для всех горцев; знаешь, что все мои старания клонились к тому, чтобы водворить среди вас спокойствие и тем сделать вас счастливыми»^{*}.

Во-первых, читая этот трогательный текст, написанный совершенно искренне, — Кругену был человек прямой и бесхитростный, — надо иметь в виду, что генерал последние шесть лет руководил карательными экспедициями в Дагестане и Чечне, а в 1837 году своими решительными действиями способствовал успеху Фези. На этом фоне его декламации о спокойствии и счастье горцев могут показаться пародийными, если не издевательскими. Но это — не так. Это — парадокс цивилизаторского сознания, характерного для многих русских генералов и офицеров, начиная с первого великого конкистадора — генерала князя Цицианова, которого Ермолов считал эталонной фигурой в завоевании Кавказа и который за какие-нибудь четыре года его командования на Кавказе — с 1802-го по 1806-й — заложил принципиальные основы военной и административной политики России в крае. Цивилизаторская идея как идея оправдания кавказской конкисты была окончательно сформулирована при Ермолове — непреклонном европоцентристе по своим культурным и государственным представлениям.

Вольтерьянец Вельяминов покупал у казаков и солдат отрубленные головы горцев не по изуверству, а из научных соображений — он отсылал черепа в Петербург, в Академию наук для антропологических исследований. Для него, выученика энциклопедистов, Монтескье в частности, способ существования горцев и само их миропредставление были принципиально незаконны, алогичны. Их следовало уничтожить или заставить жить правильно.

Органичное сопряжение цивилизаторской идеи с идеей государственной необходимости — а геополитические интересы России, безопасность ее южных границ и прилегающих к ним областей, устройство Закавказья, новых императорских территорий, действительно требовали захвата, замирения или по крайней мере блокирования бушующего Кавказа, — породило тот психологический тип кавказского солдата — в широком смысле, — который и вынес всю невероятную тяжесть этой безжалостной, не знающей правил, изнурительной войны.

^{*} Кавказский сб., т. VIII, 1884, с. 79

Богемец Ключи-фон-Клугенау, слушатель Винер-Нейштадтской военной академии, австрийский офицер, воевавший против Наполеона, перешедший в 1818 году поручиком в русскую армию, сразу же угодивший на Кавказ и ставший русским патриотом, твердо усвоил эту идеологию, подразумевавшую рациональную жестокость, осознание своей особой европейской миссии и неколебимого воинского долга. Стремление сделать жизнь горцев спокойной и счастливой — добрыми советами, а в случае необходимости огнем и железом — было естественным и искренним чувством для Клугенау.

Если учесть, что Шамиль осознавал свою миссию тоже как железное упорядочение горской жизни, но на совершенно противоположных основаниях, то можно без труда предсказать исход переговоров русского генерала и непреклонного выученика изощренных дагестанских богословов, куда более тонкого и прагматичного дипломата, чем его оппонент.

«Теперь мне хочется навсегда упрочить благосостояние твое, — писал генерал Клугенау Шамилю, — а как этого достигнуть, я могу только лично сказать тебе. Поэтому ты должен непременно увидаться со мной где хочешь — в Каранае, на вершине или у родника. То, о чем я хочу поговорить с тобой, относится также к Ташов-хаджи, Кибит-Магомету, брату его Абдуррахману и карахскому Абдуррахман-кадию; а потому, если ты согласен на свидание со мною, то как можно скорее пошли за всеми этими людьми и прикажи им ожидать тебя в Чиркате, или где сочтешь за лучшее, для того, чтоб, возвратившись, ты мог рассказать им все, что от меня услышишь. Ты знаешь, что я никогда не изменял своему слову, а потому должен быть уверен в своей безопасности, когда я ручаюсь тебе в том моею честью. Знай, Шамиль, что от теперешнего твоего поведения и от послушания зависит счастье всей твоей жизни и твоих детей. Одно только скажу тебе: если хочешь для твоего благополучия следовать моим советам, то надобно исполнить мои требования насколько можно поспешнее. Если ты полагаешь, что для свободного пропуска к тебе Кибит-Магомета с братом и Абдуррахман-кадия карахского нужно позволение правителя Аварии полковника Ахмет-хана, то прилагаю при сем на имя его письмо, которое отправишь с надежным человеком. Поспешай делать то, что я требую, и верь, что от послушания твоего зависит все твое счастье»*.

Катастрофическое внутреннее противоречие ситуации, обрекавшее на провал старания Клугенау, заключалось в проти-

* Кавказский сб., т. VIII, 1884, с. 80.

воположности самопредставлений, самооценок главных персонажей. Клугенау явно воспринимает себя как наставника, знающего, как должен Шамиль строить свою жизнь, и уговаривал его как неразумного дикаря, который по неведению сам не понимает, что творит, в то время как он, генерал Клугенау, искренне желает спасти его, Шамиля, его детей и все горские народы

Шамиля, третьего имама, продолжателя дела неистового Казимуллы, знатока и толкователя мусульманской премудрости, его знание и фанатичная вера привели к идее неизбежной миссии — объединить народы Кавказа, очистить их бытие от скверны многочисленных заблуждений и повести этот единый и чистый народ к победе над северными завоевателями. Ему, ученику мудрецов, унаследовавших знания всего исламского мира, за спиной которого стояла еще и многовековая воинская традиция, был смешон наставнический тон Клугенау. Но, будучи расчетливым политиком, он в том нелегком положении, в котором оказался после недавних поражений, не счел возможным просто отказать генералу в свидании, лишив себя возможности понять планы и настроения противника.

Не считая себя обязанным выполнять любые договоренности, Шамиль разумно не упускал случая вступить в переговоры, используя их как своего рода разведку.

Клугенау получил ответ через день: «От бедного писателя сего письма, Шамиля, генерал-майору Кюлки-фон-Клугенау. Докладываю вашему превосходительству, что свидание в пятницу по нашему закону не позволено, почему я отложил его на другой день и прошу вас прибыть к известному роднику в субботу для свидания»^{*}.

Шамиль и в более благополучные для него периоды отнюдь не чурался дипломатических контактов с русским командованием. Так он пытался — по собственной инициативе — вступить в переговоры с Розеном в апреле 1837 года. Результат переговоров не имел для него особого значения.

Простодушный Клугенау, очевидно, был очень обнадежен и всерьез рассчитывал выполнить пожелание императора.

Одна деталь — судя по тому, что русскому генералу и имаму не нужны были сколько-нибудь подробные договоренности относительно места встречи, ясно, что такого рода контакты между русскими и горцами были делом обычным — «прошу вас прибыть к известному роднику».

^{*} Там же.

18 сентября — император уже находился на Кавказе — Клугенау встретился с Шамилем в условленном месте. При генерале было 25 человек — 15 донских казаков и 10 мирных горцев, Шамиль привел с собой 200 всадников-мюридов, распевавших суры Корана.

Настороженность Шамиля будет понятна, если вспомнить, что за год до этой встречи генерал Клугенау приказал арестовать по подозрению в сношениях с Шамилем лояльного к русским правителя Аварии — знаменитого впоследствии Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат был одним из участников убийства второго имама — Гамзат-бека, который расплатился за истребление семьи аварских ханов, родственной Хаджи-Мурату. Но убийство второго имама, соратника Кази-мулы и Шамиля, поставило Хаджи-Мурата в сложные отношения с третьим имамом и вполне возможно, что Клугенау поторопился и популярного в народе аварского аристократа можно было привязать к России. Клугенау, однако, как это с ним случалось, действовал прямолинейно и решительно, не желая учитывать нюансы ситуации. Хаджи-Мурат бежал из-под стражи, едва не погибнув при этом, и стал одним из самых грозных набивов Шамиля.

То, что произошло дальше, лапидарно, но достаточно подробно описал один из историков Кавказской войны. «Переговоры начались. Клугенау истощил все советы и убеждения, доказывая, что принятие Шамилем нашего предложения составит счастье и его и приближенных. На все сомнения и недоразумения делал ему самые ясные опровержения и не упустил из виду ничего, что хотя сколько-нибудь могло относиться к делу. Слова Клугенау произвели заметно благоприятное впечатление на имама, он выразил генералу, что вполне сознает справедливость и основательность его слов и не может теперь же дать положительного ответа лишь потому, что между ним, Кибит-Магамой, Ташов-Хаджи и кадием карахским Абдуррахманом существует скрепленное клятвою соглашение не предпринимать ничего важного без общего на то согласия. Около трех часов пополудни переговоры прекратились. Клугенау и Шамиль поднялись со своих мест, и генерал протянул имаму на прощание руку. Когда тот хотел принять ее и ответить пожатием, то один из трех присутствующих мюридов — Сухрай (чрезвычайно почитаемый в горах за слепой фанатизм и выдающуюся храбрость) схватил Шамиля за руку, сказав, что имаму правоверных неприлично подавать руку гяуру. Самолюбивый и вспыльчивый Клугенау вспыхнул, не долго думая поднял свой костыль (генерал был ранен в ногу и всегда

Шамиль Рис Е Е Лансере

ходил с костылем) и замахнулся на Сухрай-кадия. Еще секунда и удар свалил бы с мюрида чалму — самое страшное оскорбление для горца — а вслед за тем произошло бы поголовное истребление горстки русских, но Шамиль в этот день явился рыцарем: схватив одной рукой за костыль, другую удержав Сухрая, уже до половины обнажившего кинжал, и крикнув своим мюридам, уже окружившим непроницаемую стеною место переговоров, грозное: «Прочь!» — имам начал просить генерала скорее удалиться. Но страшно взбешенный Клугенау, не внимая ни просьбам, ни убеждениям и не обращая внимания на крайнюю опасность своего положения, продолжал осыпать всех горцев огулом самыми лестными для них эпитетами. Тогда поручик Евдокимов, испугавшись за жизнь Клугенау, подбежал к нему, оттащил за полу сюртука в сторону и, обменявшись с Шамилем несколькими фразами, упросил, наконец, генерала ехать назад. Клугенау сел на коня и молча, в раздумье, поехал шагом в Шуру, не обращая более никакого внимания на горцев.

По возвращении домой, генерал все-таки не терял надежд на успех, так как во время переговоров на лице Шамиля ясно читалось желание воспользоваться русским предложением»*.

Вся эта сцена крайне красноречива и характерна. Характерно бешенство Клугенау — и дело тут далеко не только в интенсивном характере генерала, а в его отношении к горцам как к низестоящим, к буйным и неразумным детям, которых надо наказывать за злые шалости. Характерна его уверенность, что если Шамилю все толком объяснить, то он охотно пойдет на поклон к русскому царю. Генерал поразительным образом не понимал, что обаяние личности Шамиля для горцев заключалось прежде всего в его непримиримости, стойкости, верности традиции и вере. Шамиль, преклонившийся перед царем-гяуром, мгновенно потерял бы свое влияние, и его место занял бы другой вождь, типа Сухрай-кадия.

Принятие Шамилем предложения Клугенау, а, по существу, императора Николая, стало бы концом его миссии, а возможно, и жизни. Сопратники не простили бы его.

Как известно, перешедший к русским прославленный Хаджи-Мурат не смог увлечь за собой даже вчерашних своих воинов. Он оказался в изоляции. И погиб.

То желание покориться русским, которое Клугенау прочитал на лице Шамиля, было проявлением незаурядного актерского

* А. Юров. Три года на Кавказе. Кавказский сб., т. VIII, 1884, с 87.

дарования имама, восточного умения выгратся в предлагаемые обстоятельства.

Шамиль спас генерала потому, что смерть Клугенау на переговорах противоречила горскому кодексу — хотя выполнялся этот кодекс далеко не всегда, — а главное, привела бы к неминуемой вспышке боевых действий, к чему Шамиль был еще не готов.

На следующий день сбитый с толку Клугенау послал имаму еще одно письмо: «Знаю, Шамиль, что сам ты желал бы от всего сердца воспользоваться счастьем, которое корпусной командир так милостиво тебе предлагает, но есть люди, которые будут отвлекать тебя от этого; не верь им; они не друзья, а враги твои. Все советы их основываются на личной их пользе: они знают, что если ты удостоишься Всемилостивейшего прощения от милосердного нашего Монарха, то уже не будешь зависеть от них, а через то они лишатся случая, под предлогом распространения шариата, заниматься грабежами и разбоями.

Если Кибит-Магома, Ташов-хаджи и другие не склонятся на твои убеждения — ты не смотри на них и приезжай ко мне один. Если не можешь сделать это явно, так сделай секретно, но только непременно приезжай в Каранай, оттуда Али-Халоу проводит тебя ко мне»*.

Клугенау, очевидно, не сознавал, что уговаривает Шамиля покончить в лучшем случае политическим самоубийством.

На Шамиля работало время — после летних поражений 1837 года ему нужно было восстановить свою военную структуру, заручиться поддержкой новых союзников, выработать план следующей кампании. Сам факт длительных переговоров с Шамилем русских генералов, высокопоставленных представителей императора с лихвой компенсировал урон от неудач военных. По горским представлениям, в переговоры вступает тот, кто ощущает свою слабость и неуверенность в победе. То, что это недавно пришлось сделать Шамилю, было перекрыто стараниями Клугенау.

Шамиль вел свою игру спокойно и искусно. Он отвечал Клугенау, что должен основательно посоветоваться с соратниками. Он делал вид, что колеблется и взвешивает в беседах с приближенными все выгоды русских предложений. Он не допускал резких заявлений и не лишал Клугенау надежды. 24 сентября он прислал генералу письмо: «Я советовался со всеми учеными и

* Кавказский сб., т. VIII, с. 83.

Мюриды Шамиля Рис Т Горшельта

старшинами, которые находятся в моем ведении, и говорил все вами мне сказанное и даже более — сколь бы мне полезно отправиться с вами в Тифлис, но они на то не согласились, высказали мне неудовольствие и, наконец, клялись, что если я действительно намерен отправиться в Тифлис, то они непременно убьют меня, почему мне и невозможно выполнить вашего предложения прибыть к вам. Уведомляю вас, что кроме этого дела, я исполню все, что вами будет мне приказано, по доверию, которое мы один к другому имеем. Не упрекайте меня, потому что мне невозможно было исполнить вашего предложения, почему прошу его отложить, а приказать исполнить что-либо другое, касающееся моей пользы»

Последний пассаж выглядит явным издевательством над простодушным генералом, но Клугенау не оставлял своих попыток и стал грозить Шамилю немилостью и карой.

Шамиль решил прекратить игру. Он ответил Клугенау «От бедного писателя сего письма, предоставляющего все свои дела на волю Божию, Шамиля Сентября 28-го дня 1837-го года Докладываю вам, что, наконец, решился не отправляться в Тифлис, если и изрежут меня по кускам, потому, что я многократно видел от вас измены, которые всем известны»^{*}

Попытка кавказского генералитета выполнить желание императора провалилась. Как, впрочем, провалился и весь замысел замирения горцев воздействием августейшего присутствия.

Полковник Хан-Гирей добросовестно выполнил данное ему поручение. Ему и Вельяминову удалось собрать несколько десятков депутатов от мирных племен, которые и представились императору. В основном это были люди, уже давно сотрудничавшие с русскими властями. Некоторые из них носили русские воинские звания. Определенный практический смысл в этой процедуре был. Сам император продемонстрировал свое благоволение тем, кто готов сотрудничать с Россией, что должно было оказать влияние на колеблющихся. Для общественного мнения России и Европы это должно было стать подтверждением успехов России на Кавказе, поскольку не только в Европе, но и в России, как мы знаем, имелось весьма смутное представление о том, где обитают горские племена, какую часть населения представляют депутаты.

Но император не мог не понимать, что главный его замысел не осуществлен теми, кому он был поручен. Этим, надо полагать,

^{*} Кавказский сб., т. VIII с. 86

не в последнюю очередь объясняется та жесткость, с которой Николай отнесся к кавказскому начальству. «Погром был всеобщий», — определил происшедшее Филипсон.

Высоко оценены были лишь будущие заслуги тяжело больного Вельяминова — он умер через несколько месяцев.

Филипсон, наблюдавший пребывание Николая в Геленджике, где планировалась встреча императора с депутатами непокорных черкесов, писал: «По окрестным горам видны были горцы, смотревшие с любопытством на невиданное для них зрелище... Надо отдать им справедливость: во все это время они нас не тревожили, а во время пребывания Государя ни один из них не приходил в лагерь. Народные старшины не прислали даже никакой депутации, хотя могли быть уверены, что если переговоры и не приведут ни к какому результату, то депутаты во всяком случае возвратятся с богатыми подарками»^{*}.

Миссия Хан-Гирея полностью провалилась. Сам командир лейб-гвардии Кавказского полуэскадрона, не оправдавший возлагавшихся на него надежд, еще длительное время оставался на Кавказе, тщетно вопрошая военное министерство о своей дальнейшей судьбе. Его проект управления горскими народами постигла не менее печальная судьба. Получивший экземпляр проекта Вельяминов назвал его «пусто-болтанием» и даже в него не заглянул. Экземпляр, отправленный в Петербург, несколько лет блуждал по различным инстанциям. Серьезно к нему отнесся, пожалуй, только Розен, но он очень скоро был заменен генералом Головиным, плохо представлявшим себе — с чем ему придется иметь дело на новом месте службы.

Головин, начальники флангов Кавказской линии генералы Граббе и Засс, подгоняемые противоречивыми приказами из Петербурга, продолжали бескомпромиссное военное сопротивление с горскими обществами, пока кровавые катастрофы 1840 года на Черноморском побережье и 1843 года в Дагестане и Чечне, подтвержденные страшными потерями и стратегическим провалом Даргинской экспедиции 1845 года, на которой настаивал император, не убедили Петербург в необходимости смены кавказской политики.

^{*} Г. И. Филипсон, с. 139.

Записка гвардии-полковника флигель-адъютанта Хан-Гирея

Господину Военному Министру Его Сиятельству
Графу Александру Ивановичу Чернышеву*.

Ваше Сиятельство объявить изволили, что Государю Императору благоугодно отправить меня на Кавказ для склонения Горских племен к присылке депутатов.

Такое Высочайшее внимание поставляя для себя совершенным счастьем, я считаю обязанностью донести Вашему Сиятельству следующее:

Из Горских народов, против которых ныне войска наши действуют, как известно Вашему Сиятельству, Черкесы занимают важнейшее место как по числу населенности, равно по важности занимаемой ими страны. С одной стороны это обстоятельство, с другой и то, что сей народ и занимаемый им край более других мне известны, заставляют меня исключительно говорить сначала об нем:

Черкесский народ разделить можно, в отношении его правления, на две главные отрасли, а именно:

а) Племена, состоящие под управлением князей и подвластных им дворян и обитающие на Северных равнинах, и

б) Племена, не признающие над собою никакой власти, имеющие правление похожее на демократическое, или народное, и живущие отчасти у подножия гор, а большею частию в самых горах.

Племена первых суть:

1) Кабардинское, состоящее из пяти обществ и расположенное на разных реках и речках, впадающих в Малку и Терек, с южной и юго-восточной стороны. Это племя Черкесского народа состоит ныне, если не в совершенном, то более других удовлетворительном распоряжении Кавказского Начальства. Я говорю не в совершенном, потому, что ныне в нем господствующее спокойствие легко может быть нарушено при требовании от его жителей прочнейшего условия покорности. Населенность этого племени полагаю, основываясь на сведениях, некогда мною собранных, простирается примерно до 25 тысяч душ.

2) Бейсленейское, расположенное за речкою Кубанью, на реках Лабе, Федзе и в них впадающих речках. Это племя более

* Российский Государственный военно-исторический архив, ф. 405, оп. 6, ед. хр. 2176, л. 187—203 об.

всех Черкесских племен, состоящих под управлением князей и подвластных им дворян, неприязненно к нам, и самое временное замирение при нынешнем его устройстве не надежно, по причине отдаленности расположения его аулов от нашей Границы, соседства враждебного к нам сильного Абадзахского племени и всегдашнего почти пребывания в его аулах беглых абреков, волнующих умы народа. Населенность этого племени примерно можно полагать до 7 тысяч душ.

Между Бейсленейцами и соседними с ними племенами живут рассеянные пришедшие за Кубань Кабардинцы, которых число, при переселении их туда, примерно полагать можно до 12 тысяч душ.

3) Мохсхошское, расположенное на реках: Фарзе, Псуф и Ккель. Небольшое это племя как по тем причинам, которые предыдущее делает неприязненным к нам, так по слабости своей будучи принуждено следовать примеру соседей — Бейсленейцев и Абадзахов, оказывало всегда вражду к нашей границе; и его замирение также ненадежно, как и Бейсленейцев. Его населенность простирается примерно до 2 тысяч душ.

4) Тчемргойское, расположенное преимущественно на реках Лабе и Шхакоаше; это довольно сильное племя более или менее привержено к нам, когда междоусобие его князей не нарушает эту приверженность, которая впрочем удовлетворительно непрочно. Сильное волнение его соседей — Абадзахов и, в особенности, Бейсленейцев может увлечь его часть, в особенности ту, которая всегда в связи с первыми. Его населенность можно полагать около 6 тысяч душ.

5) Ххатикоайское, расположенное на реках Шхакоаше, Пшише и Лабе и Кубани. Менее сильное предыдущего, но довольно значительное между другими, это племя почти всегда было и есть в отношении к нам, в одном положении с Тчемргойцами. Его населенность простирается, полагаю, примерно до 3 тысяч душ.

6) Черченейское, расположенное на реках, впадающих в Кубань, между рекою Шхакоашем и речкою Псакупсой, против границы Черноморских Казаков. Значительнейшее после Кабардинского, это племя подобно Тчемргойскому, большею частию оказывало к нам приверженность, а частию согласовалось с Абадзахами, но теперь его князья и дворяне более или менее вообще преданы к нам, но народ им подвластный, еще неуспокоенный после мятежа, произведенного Хасан Пашою, более на стороне нам неприязненных Абадзахов и Шапсугов, с которыми он в

родственных связях, хотя явными действиями такое нерасположение не показывает. Населенность его можно полагать до 7 тысяч душ.

7) Хашшейское, расположено западнее предыдущего против границы Черноморского Казачьего войска. В отношении простого народа, в этом колене можно сказать все, что сказано в рассуждении предыдущего; но что касается до высшего сословия, то оно вполне предано к нам, чему лучшим примером служить может кровавая ненависть этого сословия к неприязненным к России своим соседям — Абадзахам. Населенность его можно примерно полагать до 4 тысяч душ.

Все эти племена, за исключением Кабардинского, как изволите Ваше Сиятельство усмотреть, в нынешнем их положении, не состоят под благодетельной зависимостью нашего правительства, и самое их замирение или прекращение неприязненных действий противу нашей границы, непрочно, следовательно, таковое положение не может быть удовлетворительным; несмотря на то, однакож эти племена одни сильнее других, но все вообще находятся более в мирных и приятных сношениях с нами, в сравнении с тремя следующими племенами Черкесского народа, имеющими правление вроде демократического или народного.

Племена их суть:

1. Абадзахское, обитающее в горах по вершинам рек Псуф, большой и малой Лабы, Шхакоаши, Пшиши, Псакупсы и других. Судя по местоположению им занимаемому и населенности, простирающейся, полагаю, примерно до 10 тысяч дворов, весьма важное в этом крае и было всегда в неприязненных действиях противу наших границ, и теперь более нежели когда-нибудь в вражде с нами.

2. Шапсугское обитает в горах пониже предыдущего. Ни одно Горское племя не причиняло границе нашей столько вреда, и его неприязненные действия противу нас, и теперешняя вражда известны. Оно сильнее всех колен, имея населенность, простирающуюся примерно до 12 тысяч дворов.

3. Натхокоадское*, занимающее на запад от Шапсугов горы до берегов Черного моря, хотя населенностью, которую можно полагать примерно до 8 тысяч дворов, уступает двум предыдущим, но не менее их важно, занимая побережье Черного моря. Это племя в прежние времена оказывало более миролюбивое

* Имеется в виду племя натухайцев. Вообще Хан-Гирей воспроизводит этнические и географические названия ближе к горскому произношению, чем они звучат у русских генералов и офицеров.

расположение, что впрочем происходило от склонности его к мирным и сельским занятиям, как-то, хлебопашеству, скотоводству и отчасти торговле, которые следствием мирных сношений с Турками были, так сказать, привиты к образу жизни его жителей; к тому же на такое их расположение нельзя сказать, чтобы не имело отчасти влияние и действие бывшего попечителя над керченскою торговлею. В настоящее же время и это племя находится в таком же положении к нам относительно неприязненности и вражды, в каком Шапсуги.

Из этого краткого обзора очевидно, что всякого рода сношения с первыми, т. е. с коленами, состоящими под управлением князей и подвластных им дворян будут несравненно успешнее, нежели с последними, т. е. с племенами, имеющими правление, похожее на демократическое, или народное. Почему полагал бы я, для исполнения Высочайшего соизволения Его Императорского Величества в рассуждении приглашения депутатов, как Ваше Сиятельство изволили мне объявить, за лучшее действовать таким образом.

Сообразно с Высочайшей волею, которую Ваше Сиятельство изложить изволите в Инструкции тому, кому будет поручено исполнение этого дела, вначале обратиться к Кабардинскому племени созвать в Нальчике старшин князей и старшин дворянства и народа, объявить им то, что Вы изволите поручить, и взять от них депутатов, стараясь, чтобы назначены были такие люди, которые более всех имеют вес в независимых горных племенах, соседственных с Кабардинцами. Кабардинское племя ныне состоит под полным влиянием местного нашего начальства, следовательно тут не может встретиться никаких препятствий, их депутаты явятся с покорностию; а таковое успешное начало послужит надежным орудием к исполнению дальнейших предположений. Я сказал, что Кабардинцы состоят ныне под полным влиянием местного начальства, но это не значит, что власть нашего Правительства над ними непоколебима: ибо в таком случае не было бы нужды в их депутатах; напротив того, я полагаю, что прочное устройство Кабардинцев необходимо тем более, что они как одно из сильнейших племен неминуемо послужат спасительным примером для прочих.

По приведении в исполнение предположения относительно Кабардинских депутатов, обратится к тем из упомянутых семи племен, на которых пограничное начальство, по близости их жительства, имеет более влияния, дабы успехи в сношениях с первыми могли иметь влияние на других; и действовать так же, как предположено в Кабарде, т. е. созвать старших, князей и стар-

шин дворянства и наконец окончив в одном племени, обратиться к другому и так далее до последнего.

В продолжение же переговора с одним племенем должно для вернейшего успеха посылать к другим почетных людей из племен, изъявивших согласие, для предварительного склонения там значительнейших лиц к принятию предлагаемого им отправления депутатов.

Готовность, с которою Кабардинцы назначат своих депутатов, и содействия местного пограничного начальства при умении действовать на умы туземцев, обеспечат успех достижению желания и в отношении прочих племен Черкесского народа, состоящих под управлением князей и подвластных им дворян.

Но такого успеха нельзя ожидать в сношениях с тремя упомянутыми племенами, имеющими правление народное, или, так сказать, демократическое. Эти племена, как известно Вашему Сиятельству, ныне не признают власти дворянства в них обитающего, повинуются, или лучше сказать, соглашаются лишь со своими старшинами, следовательно, не с дворянством преимущественно должно иметь дело, но с народом. При всем том однакож дворянство это хотя после многих потрясений народа лишилось прежней власти над ним, но сохранило некоторое влияние на его умы и дела; следовательно, чтобы вызов депутатов из этих племен имел полезные следствия, должно, чтобы оные были от обоих классов, т.е. от дворянства и народа. Действуя же для достижения этой цели, должно остерегаться, чтобы между им и народом не возбудить ссоры и междоусобия.

Местные обстоятельства яснее укажут предосторожности, какие необходимы в сношениях вообще с горцами, но здесь замечу, что для избежания последнего случая, т.е. ссоры между дворянами и народом в племенах, в особенности имеющих Демократическое Правление, посланный с Инструкциями от Вашего Сиятельства для вызова депутатов, кажется мне, должен внушить народным старшинам, что приглашение депутатов от их дворянства имеет единственной целью — общее их спокойствие, а отнюдь не выгоды исключительно или преимущественно какому-либо классу, ибо, как известно, дворянство этих племен неоднократно обращалось к Турецкому Правительству с просьбою о содействии к возвращению утраченной власти над народом и неоднократные обещания в помощи вселяли в народ недоверчивость, и можно сказать, ненависть к Дивану.

Все, что я говорил до этого, относится исключительно до Черкесского народа; что же касается до прочих Кавказских незави-

симых горских народов, то я, по недостаточной известности мне образа их правления, местностей их жительства и настоящего их расположения к правительству, не могу делать относительно сношения с ними здесь предположений, ибо в верности оных не могу быть убежден; однакож полагал бы я действовать и с ними так же, начиная с тех из них, на которых ближайшее пограничное начальство имеет более влияния, так, чтобы соглашение одних внушало другим благоприятные для предположенного дела влияния. Действуя таким образом, можно надеяться иметь успех и в сношениях с этими племенами; в особенности с Осетинскими коленами, соседственными с Кабардинцами. Но здесь заметить должно, что для сношений со всеми этими народами, в особенности обитающими ближе к восточной части Кавказа, к Дагестану, два с половиною или три месяца времени совершенно недостаточно, и потому не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству предположить так, чтобы депутаты от племен Черкесского народа и соседственных с ним Горских племен были отправлены в Вознесенск, а депутаты от прочих Горских народов в Тифлис или Владикавказ. Такое распоряжение, мне кажется, не будет неуместно, тем более, что Черкесский народ, занимающий прекраснейшую часть Кавказа, простирающуюся вдоль нашей границы около 700 верст, т. е. почти две трети длины всего Кавказа, заключающий в себе до трехсот тысяч народонаселения доселе непокорного, не говоря об упомянутых его соседних горных коленах, и о том, что сильнейшие действия наших войск ныне происходят противу него, заслуживает особенного внимания, ибо пример его успокоения непременно должен иметь действительно спасительные следствия для независимых Горских народов.

Также было бы желательно, чтобы депутаты были и от самых отдаленных внутри гор обитающих племен, которые почти вовсе не имели и не имеют никаких сношений с нами: ибо они возвратясь на родину, распространили бы по своим горам слух о благодетельном к Кавказским народам внимании Всемиловейшего Государя.

Изложив таким образом покорнейшее мнение мое, как действовать должно для исполнения Высочайшего Его Императорского Величества повеления о вызове депутатов, я долгом поставляю сказать несколько слов относительно условий покорности и требований нашего Правительства.

В тех из племен, которые состоят под управлением князей, хотя еще признаваема власть и права высшего сословия народом, а у других, имеющих Правление похожее на демократическое,

хотя и соглашаются они на распоряжения старшин, но несмотря на то, ни у тех ни у других, как известно Вашему Сиятельству, нет ни единодушия в общественных делах, ни положительного порядка в управлении: ибо в противном случае нельзя было и предвидеть никакого затруднения в приглашении депутатов в деле, прямо клонящемся к собственному их благу. Напротив того, как у одних, равно и у других предано все, более или менее, безначалию, междоусобиям и раздорам: следовательно, требуя от такого народа условий покорности, очевидно нельзя ожидать удовлетворительного исполнения оных: ибо условия, которые примут сего дня хотя бы и действительно с общего согласия старшин и владельцев и с готовностью исполнить, завтра могут быть нарушены несколькими неблагонадежными людьми; результат тот же: после замирения разрыв, и опять кровопролития; и это может только быть отвращено единственно устройением у них внутреннего положительного порядка; следовательно, первое необходимое условие, по моему мнению, есть доведение их до того, чтобы они могли исполнять условия, которых правительство от них потребует и на которые владельцы и старшины согласятся; а для этого необходимо учреждение положительного управления там, где это возможно сделать; ибо этим только можно достигнуть, чтобы условия, требуемые Правительством и принимаемые с готовностью туземцами, исполнялись; а требования условий, которые примут, но не исполнят, есть только вредное отлагательство.

Такое учреждение есть дело возможное у Черкесских племен, состоящих под управлением князей, имеющих и ту выгоду, что неприязненные племена увидят спокойствие, которое водворится у покорных нам, следствием учрежденного у них правительством порядка согласно с их верою и обычаем; ибо досель положение мирных племен, не в пример бедственнее состояния неприязненных, что последние приписывают влиянию на первых нашего начальника, хотя это ложно: ибо оно происходит от их междоусобиц и безначалия; однакож это обстоятельство замечательно тем, что в самом деле Горские племена, состоящие во вражде с нами доселе, видят выгоду быть нам преданными, покорными, говоря это о целых племенах, хотя начинающее ныне благосостояние покорных нам Кабардинцев, по-видимому, могло бы такое их мнение искоренить.

Здесь можно заметить, что уже несколько лет продолжают военные действия наших войск противу Шапсугов и, преимущественно, Натхокоадцев; на их земле устроены укрепления, про-

ложены дороги; их селения сожжены, им причинен значительный вред; они уверились, что противу их предпринимаются решительные меры, и нельзя сказать, чтобы между ними не были люди, постигающие невозможность им устоять противу наших сил, однакож из них почти ни одно семейство не перешло к мирным племенам. Это доказывает незавидное состояние последних, которое если бы было упрочено благодетельным устройством, то естественным образом имело бы существенно полезные для нас следствия; между тем как люди несемейные, одинокие, оставивши в неприязненных нам племенах ближних, переходят к нам и служат в наших войсках: ибо они видят милости Правительством осыпаемые на частных лиц, их соотечественников: но чтобы целые семейства или аулы переходили к нам, надо, чтоб они видели, где могут обрести спокойствие и благоденствие. В самом деле нельзя же ожидать перехода к нам наших врагов, когда они ничего не видят у нас для себя утешительного: мы от них требуем покорности, подвода, вспоможения и многого подобного; обещаем старания о их благосостоянии, требования наши в настоящем, а обещания в будущем, тогда как Горские народы, как известно Вашему Сиятельству, вообще живут можно сказать сегодняшним, не заботясь нисколько о завтрашнем, и поэтому я, не смея утверждать моего мнения, полагаю однакож необходимым для верного, очевидного обеспечения благосостояния тех племен, которые окажут готовность нам покориться, учреждения у них положительного порядка, которое одно только может упрочить благодетельную цель Правительства в отношении спокойствия этого края, тем более, что это дело если не везде, то во многих местах возможно вполне исполнить.

Г. Командир Отдельного Кавказского Корпуса предписал следующие условия:

- «1) Прекращение всех враждебных против нас действий.
- 2) Выдача всех наших пленных и беглых.
- 3) Немедленное содействие нам против других непокорных племен.
- 4) Ответственность за безопасное пребывание и проезд чрез их земли всякого русского подданного, имеющего на то приказание или дозволение начальства.
- 5) Содействие людьми и подводами к разработке дорог и устройству укреплений, кои признаны будут нужными начальством.
- 6) Вспоможение воинским командирам, следующим чрез их земли.
- 7) Полное повиновение тому начальству, которое Правительством над ними установлено будет.

8) Правительство со своей стороны обязывается употреблять все возможные средства к обеспечению безопасности, спокойствия и благоденствия покоряющихся нам племен».

Если и согласятся горцы на эти условия без исключения, будучи доведенные до совершенной крайности, то немногие из означенных племен исполнят оные, кроме первого и третьего пунктов сих условий, и то едва ли надолго и удовлетворительным образом.

В отмену сих условий, предвидя невозможность склонить на оные Горцев, Г. Командующий войсками на Кавказской линии предполагает следующие, которые были предписаны Чеченцам в 1832 году:

«1) Прекратить все враждебные противу нас действия.

2) Выдать Аманат по нашему назначению. Дозволяется чрез четыре месяца переменять их другими, но не иначе как по назначению Русского Начальства.

3) Выдать всех находящихся у них наших беглых и пленных.

4) Не принимать непокорных на жительство в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.

5) Лошадей, скота и баранов, принадлежащих непокорным жителям, в свои стада не принимать, и если таковые где-либо окажутся, то все стада будут взяты нашими войсками и сверх того, покорные жители подвергнутся за то взысканию.

6) Ответственность за пропуск чрез их земли хищников, учинивших злодеяния в наших Границах: возвращением наших пленных и платою за угнанный скот и лошадей.

7) Повиноваться поставленному от нашего Правительства Начальнику, и

8) Ежегодно при наступлении нового года должны они переменять выданные им охранные листы.

Не исполнившие сего будут почитаться непокорными и не будут пощажены нашими войсками».

Эти условия действительно, как полагает Г. Командующий войсками на Кавказской линии, довольно снисходительны и почти непротивны обычаям горцев, за исключением 7-го пункта, и потому самому могут быть более или менее применены вообще ко всем Горским непокорным народам. Однакож верование в подобные условия, кажущиеся обещающими открыть с течением неопределенного времени возможность облегчить достижение прочнейшего устройства края, охлаждается опытностью минувших лет: ибо сколько раз ни были предписываемы подобные условия, результат тот же, что спустя немного времени начальство находит себя снова в необходимости действовать вооружен-

ною рукою. И теперь тоже можно ожидать, если ближайших и преданнейших к нам из Горских племен не доведем до того, чтобы они могли содержать условия даваемые ими, учреждением у них положительного внутреннего порядка. О подробностях мер, для сего нужных, и несомненных выгодах для нас от такого действия я не смею здесь более распространяться, не имея на то приказания Вашего Сиятельства. Впрочем, с прибытием к Его Императорскому Величеству депутатов от упомянутых племен удобнее и очевиднее можно будет видеть все обстоятельства, касающиеся до них.

В заключение я приемлю смелость просить Ваше Сиятельство довести до сведения Государя Императора, что вполне чувствуя благодетельные следствия Высокой мысли Его Императорского Величества для блага моей родины, чувствуя и цену Высочайшего ко мне внимания, я готов всеми мерами стараться исполнять на меня возлагаемые поручения для достижения Высочайшей воли Его Императорского Величества.

Флигель-агъютант полковник Хан-Гирей
Мая 19 дня 1837 года

ГОД 1843 — ЦЕНА СОМНЕНИЙ

1843 год был особым годом в истории завоевания Кавказа. В январе генерала от инфантерии Головина на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом сменил генерал-адъютант Нейдгарт. Оба генерала хорошо знакомы историкам по событиям 14 декабря 1825 года. Головин, командовавший тогда бригадой легкой гвардейской пехоты, проявил напористость и жесткую решительность, немало способствовав подавлению мятежа, а Нейдгарт, занимавший важный пост начальника штаба гвардии, вел себя на удивление вяло. В этой смене персон был, как мы увидим, принципиальный смысл...

Кавказская война, длившаяся уже четыре десятилетия, стоила дорого. Финансы империи были давно расстроены, и у императора Николая возникало постоянное искушение закончить войну одним стремительным ударом в сердце противника. Из Петербурга это казалось вполне возможным.

Командующие Кавказским корпусом, которые после отставки Ермолова и недолгого наместничества графа Паскевича сменялись каждые несколько лет, понимали военную целесообразность стратегии, разработанной при Ермолове его ближайшим помощником генералом Вельяминовым. Она предусматривала медленное планомерное продвижение, вырубку в горных лесах широких просек, открывающих войскам доступ к аулам, вытеснение непокорных — особенно чеченцев — с тех земель, которые могли их кормить, угон скота, разрушение — в случае сопротивления — аулов и уничтожение населения без разбора пола и возраста. Одновременно возводилась на отбитых пространствах система крепостей, прикрывающих эти пространства от контрнаступления.

Но нетерпеливый Петербург настойчиво побуждал кавказский генералитет к кинжальным ударам — экспедициям в глубь страны для захвата главных опорных пунктов противника, пленения вождей, подавления воли горцев к сопротивлению.

Другие стратегические программы вообще не рассматривались. Это придет позднее.

В начале сороковых годов, после великого мятежа, охватившего всю Чечню, в войне, до того времени сравнительно удачной для русских войск, наступил перелом. Экспедиции одна за другой кончались провалами. Чтобы исправить положение, опытный генерал Граббе летом 1842 года попытался осуществить мощный бросок на резиденцию Шамиля — аул Дарго. Но уже на четвертый день похода отряд завяз в чеченских лесах и вынужден был повернуть обратно.

Отступление русских экспедиционных отрядов на Кавказе всегда было самой тяжелой частью операций и сопровождалось огромными потерями. Даже не приблизившись к цели, Граббе потерял 60 офицеров и около 1700 нижних чинов... Случилось так, что в момент возвращения разгромленного отряда инспекционную поездку по Кавказу совершал военный министр Чернышев. То, что он увидел, потрясло его и убедило в обреченности стратегии карательных экспедиций. После его доклада Николай приказал прекратить наступательные действия и ограничиться на неопределенное время удержанием завоеванного. Это, конечно, свидетельствовало о растерянности Петербурга. И следующий 1843 год имперское правительство попыталось сделать «экспериментальным годом» — годом-паузой, неким вариантом системы «ни мира ни войны», чтобы за это время найти выход из тупика.

Этот особый год, этот промежуток между масштабными, военными действиями дает возможность рассмотреть психологическое состояние воюющих сторон, увидеть процесс обыденной военной жизни — вне чрезвычайных ситуаций — и понять ужас и безнадежность этого процесса...

В фондах военного министерства за начало 1843 года сохранилась «Записка из дела по рапорту командира Отдельного Кавказского корпуса об отправлении от войск, расположенных на правом фланге Кавказской линии, экспедиции в землю башильбаевцев»^{*}. С этой «Записки» и начинается сюжет, развившийся с января по август и закончившийся трагедией, похоронившей надежды Петербурга на передышку и возможность менее обременительного и более эффективного варианта завоевательной стратегии.

^{*} Все документы, приведенные в этом очерке, хранятся в Российском государственном историческом архиве — Ф. 1 268, оп. 1, ед. хр. 425

«Записка» гласила: «По представлению начальника Черноморской береговой линии, бывший командир отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин предписал генерал-лейтенанту Гурко, от 18 декабря (1842 года. — Я. Г.), разузнать о месте нахождения Цебельдинских абреков, поселившихся в вершинах р. Теберды, и при вероятности успеха захватить их или, по крайней мере, истребить пристанище разбойников, нарушающих спокойствие в Цебельде.

Между тем генерал-адъютант Анреп, донося от 22 декабря минувшего года об удачном нападении сих абреков на транспорт, следовавший из Сухуми в Марамбу, повторил о необходимости скорого и быстрого поиска со стороны Кавказской линии против беглых князей Маршаниев.

Вследствие сего сообщено командиру Отдельного Кавказского корпуса от 8 января текущего года, что Государь Император поручает ему сообразить этот предмет с настоящим положением дел на Лабинской линии и предположенными на оной предприятиями с тем, чтобы генерал-адъютант Нейдгарт дал по своему усмотрению надлежащее наставление генерал-лейтенанту Гурко.

Во исполнение сей Высочайшей воли генерал-адъютант Нейдгарт требовал от 27 января отзыва от генерал-лейтенанта Гурко о мерах, которые он принял на основании предписания генерала от инфантерии Головина. Вместе с тем генерал-адъютант Нейдгарт, находя полезным истребить притон Цебельдинских князей и полагая, что успешный зимний поиск против них произведет выгодное для нас впечатление во всем крае, предложил генерал-лейтенанту Гурко приступить немедленно к окончательным соображениям по этому делу и распорядиться в точное время исполнением оного, если по обсуждению местных обстоятельств признано будет возможным совершить это предприятие с полною надеждою на успех.

Прилагаемым при сем рапортом генерал-адъютант Нейдгарт доносит об окончательных решениях, данных генерал-лейтенанту Гурко на счет производства зимней экспедиции в землю башильбаевцев».

Этот чисто служебный, на первый взгляд, текст на самом деле полон скрытого смысла.

Во-первых, он показывает невозможность для кавказского генералитета отказаться от практики карательных, хотя бы частных, имеющих лишь тактический смысл, экспедиций, которые они аккуратно называют «поисками».

Командующий Кавказским корпусом в 1838—1842 гг генерал
от инфантерии Е А Головин

Во-вторых, демонстрирует мелочную зависимость от Петербурга для того чтобы провести полицейскую, собственно операцию против грабящих транспорты абреков, нужно согласовывать ее со столицей, находящейся в тысячах верст

В-третьих, за бесстрастным служебным текстом просматриваются сложные и нервные человеческие отношения

Хотя Головин при увольнении от командования Кавказским корпусом получил золотую шпагу с алмазами «за храбрость» и Высочайший рескрипт, превозносивший его заслуги в деле «прочного утверждения спокойствия и порядка в тамошнем крае», было очевидно, что он не только не справился со своей задачей, но и крупно наломал дров, пытаясь следовать петербургским указаниям. Непомерно велики были потери — только на левом фланге Кавказской линии за четыре года потеряно было 3 генерала, 40 штаб-офицеров, 393 обер-офицера и 7 960 нижних чинов. Сократились территории, контролируемые русскими войсками. Ни о каком порядке и спокойствии речи быть не могло. И хотя в специальной обширной записке о годах своей кавказской службы, изданной в Риге без дозволения цензуры (1) в 1847 году, в бытность Головина Рижским, Эстляндским, Курляндским и Лифляндским генерал-губернатором, он пытается переложить вину на других, в частности на Граббе, но и сам он, и все вокруг понимали — к чему пришла Россия на Кавказе к 1843 году с его, Головина, помощью.

Цебельдинский поиск был первой операцией, ответственность за которую ложилась на нового командующего, и характерна степень почти истерической перестраховки, с которой он приступил к реализации замысла своего предшественника, требуя от генерала Гурко гарантии «полной надежды на успех».

То, что произошло дальше, характерно для Кавказской войны вообще и особенно для переходного 1843 года.

«Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Чернышеву

Командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Нейдгарта

Рапорт

Представляя Вашему Сиятельству при рапорте от 15 февраля № 609 копии с донесения командующего на Кавказской линии и в Черномории № 201 и с последующего по оному предписания моего № 589, я имею честь довести до сведения Вашего о причинах, побудивших меня разрешить генерал-лейтенанту Гурко составить отряд под начальством генерал-майора Безобразова для поиска в землю башильбаевцев

После этого генерал-лейтенант Гурко донес мне от 23 февраля № 269, что предполагаемое начальником правого фланга Кавказской линии скрытное и внезапное движение к верховьям р. Зеленчука не состоялось, потому что по несохранению в тайне сбора войск, цель этого предприятия не могла быть достигнута и что генерал-майор Безобразов, не имея надежды сделать поиск с успехом, решился предпринять вместо скрытого набега открытое движение с 11-ю ротами, 8-ю орудиями и 1 000 казаками вверх по Большому Зеленчуку, как для осмотра места, где предполагено строить укрепление, и выбора пунктов для промежуточных постов, так и для того, чтобы принудить башильбаевцев выдать бежавших аманатов (заложников. — Я. Г.) и в случае отказа нанести им возможный по обстоятельствам вред».

Стало быть, несмотря на общестратегическую установку Николая на оборону, генералы планировали и набеги, и строительство новых укреплений на землях немирных горских племен. А в качестве принуждения к миру и подчинению планировались все те же методы — что такое «принести возможный вред», рассказывали в мемуарах боевые офицеры: «Отряд двинулся в горы по едва проложенным лесным тропинкам, чтобы жечь аулы. Это была самая видная, самая „поэтическая“ часть Кавказской войны. Мы старались подойти к аулу по возможности внезапно и тотчас зажечь его. Жителям представлялось спастись, как они знали».

Но в этот период само событийное пространство приобрело какое-то новое, чрезвычайно неблагоприятное для русских качество. Потерянная инициатива породила психологическую растерянность, а оба эти обстоятельства предопределяли неуспех любого активного начинания. Пожалуй, никогда за все годы войны кризис имперского наступления не выявлялся так явственно и не выдавал столь очевидно свою принципиальную порочность, как в этом промежуточном году. Казалось бы, ничего катастрофического не происходило, но все действия русских генералов вязли в паутине мелких — в сравнении с общими масштабами войны — обстоятельств. Это воплощалась, материализовалась внутренняя неуверенность Петербурга и Тифлиса, их сомнения в возможности успеха...

«Донесение к Вашему Сиятельству об изменении, происшедшем в наступательном движении войск наших за Кубань, было уже изготовлено, — продолжал Нейдгарт, — когда я получил через нарочного курьера рапорт командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории от 2-го марта № 327, и при оном копии с донесений к нему начальника правого фланга от

Один из завоевателей Кавказа генерал-лейтенант
барон И. А. Вревский.

27-го февраля и 1-го марта №№ 126, 127 и 128 с многими приложениями, из которых видно нижеследующее.

По приходе генерал-майора Безобразова с вышеозначенным числом войск к р. Кубани, он двинулся вверх по ущелию Большого Зеленчука и, находясь уже в 30 верстах выше бывшего укрепления Ярсаканского, получил достоверные известия о сборе горцев в больших силах между длинным лесом и р. Белою и о намерении их сделать набег на станицы Лабинского полка или на Юсть-Лабинский участок. Дабы находиться ближе к угрожаемым пунктам, он отложил движение к башильбаевцам до более удобного времени и перешел с отрядом в долину Урупа, почитав это тем более необходимым, что соединением войск командуемого им отряда, большая часть Кубанской линии оставалась почти без обороны и что современные обстоятельства непременно требовали заградить ту часть этой линии, из которой выдвинуты были войска.

Во время движения вниз по Урупу получено было известие, что горцы намерены выступить из сборного пункта своего 25-го февраля, но как этого не последовало, то не имея возможности без изнурения войск выжидать нападение, генерал-майор Безобразов решился для защиты Кубани от Прочного окопа до Баталпошинского направить туда пехоту при отряде находящуюся и с кавалерией перейти на Лабу, собрать роты, находившиеся в ближайших станицах, и двинуться навстречу неприятеля. Но 26-го числа во время перехода от нижнего Султановского аула к Урупской станице он упал с лошади и сломал плечевую кость. Не будучи больше в состоянии следовать с отрядом и не имея при себе кому можно было поручить охранение наших границ при небезопасных этих обстоятельствах, он переменял прежнее свое намерение и для надлежащей, по мнению его, обороны как Лабинской, так и верхней Кубанской линии, отправил 4-е сотни линейных казаков при двух конных орудиях в станицу Вознесенскую, а 6-ть сотен при двух же орудиях в станицу Чашлыкскую, остальными за тем войсками, составлявшими отряд, усилил Надкубанские станицы и их резервы, за исключением трех рот, оставленных в станице Урупской для подания помощи в случае надобности войскам, расположенным на Лабинской линии. Прибывший по требованию генерал-майора Безобразова полковник Вильде принял начальство над собранными за Кубанью войсками.

Штаб-офицер этот донес начальнику правого фланга в двух рапортах от 1-го марта №№ 273 и 275, что 28 февраля горцы числом до 7 тыс. спустились с гор против Махосhevского ук-

репления и, расположившись в 5 верстах от онога на бивуаках, подослали к самой Лабе партию в 150 человек с требованием прислать к ним переводчика для переговоров. Отправленных вследствие этого полковником Вильде переводчика и лазутчика повели к предводителям сборища, которые объявили, что не имеют никаких неприязненных намерений, но пришли с тем, чтобы просить дозволения генерал-майора Безобразова увести с собой ногайцев, живущих по Кубани. По показаниям лазутчика в сборище этом находятся убыхи и абадзехи под предводительством князя Берзака и также Каплан Гирей Айтек и беглый сотник Парщиков. (Любопытная деталь — участие в набегах русских дезертиров, тем более, что сотник в казачьих войсках соответствовал рангу армейского поручика. — Я. Г.)

Во всех станицах и укреплениях Лабинской линии, извещенных о появлении неприятеля, тотчас приняты были все меры предосторожности. Горцы же, переночевав близ Махошевского укрепления, на другой день 1-го марта двинулись вверх по Лабе и по полученным потом сведениям направились к станице Вознесенской.

Донесение это было доставлено в Ставрополь 2-го марта. Генерал-лейтенант Гурко тотчас направил в станицы Невинномыскую и Борсуковскую 2-й и 3-й батальоны Вольнского пехотного полка при двух орудиях и всех служащих казаков внутренних станиц Ставропольского полка, а для ближайшего наблюдения за ходом дел отправился сам на Кубань. Перед самым выездом своим из Ставрополя он получил донесение генерал-майора Безобразова от 2-го марта о том, что скопище переправилось 1-го числа на правый берег Лабы с явным намерением сделать нападение на одну из станиц Лабинского полка, но, узнав о прибытии на угрожающие пункты значительного числа войск, не решилось на это предприятие. Горцы отступили обратно за Лабу и, как доносят лазутчики, разошлись по домам за исключением малого числа всадников, взявших направление к верховьям Кубани, вероятно для прорыва в Баталпошинский участок. Вследствие этого генерал-лейтенант Гурко приостановил следование подкрепления к Кубанской линии, а сам поехал в Урупскую станицу, чтобы лично удостовериться: может ли генерал-майор Безобразов при настоящей болезни своей продолжать командование вверенным ему флангом.

В одно время с бумагами, заключающими донесение о всем вышеизложенном, получена копия с рапорта командующего Усть-Лабинским участком подполковника Васмунда от 22-го февраля, из которой видно, что штаб-офицер сей, отвлеченный ложными

известиями о намерении неприятеля увести аулы, поселенные между станицами Ладожской и Казанской, отправился 19-го февраля с резервом на правый берег Кубани и вниз до станицы Казанской, между тем как 20-го числа случилось происшествие близ Воронежской станицы, известное Вашему сиятельству из представленного Вам командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории при рапорте 2-го марта № 314 журнала военным происшествиям на Черноморской кордонной линии.

Находя, что происшествие это не могло бы иметь столь несчастный исход, если бы со стороны старших начальников на Кубанских линиях были предприняты все надлежащие меры к предупреждению и отражению неприятеля, я предписал генерал-лейтенанту Гурко произвести строжайшее исследование, дабы виновные в нераспорядительности были подвергнуты заслуженному взысканию <...>

№ 8538 марта 1843-го Тифлис»

В этом донесении самое важное не то, что в нем описано — постоянное напряжение, необходимость реагировать на возможные нападения с любой стороны при постоянной же нехватке войск, искусная война нервов, которую вели горцы против русских генералов, — самое важное оказалось вскользь упомянуто в самом конце — «происшествие близ Воронежской станицы»...

Кавказская война имела свою логику — как только ослабевал нажим русских войск, немедленно активизировались горцы. Пауза, которой жаждали в Петербурге, существовала только в воображении столичных стратегов. То, что началось на театре военных действий, повторило известную ситуацию из «Сказки о золотом петушке», в которой царь Дадон «под старость захотел Отдохнуть от ратных дел И покой себе устроить. Тут соседи беспокоить Стали старого царя, Страшный вред ему творя».

В представлении горцев пассивность русских могла означать только слабость, а стало быть, открывалась возможность реванша и очищения своих земель. И немедленной реакцией на ослабление натиска стала серия набегов, которые оказались прологом катастрофических для русских войск событий.

Глухая фраза Нейдгарта о «происшествии близ Воронежской станицы» была — хотя и сквозь зубы — расшифрована в донесении генерал-майора Безобразова: «20 февраля хищническая партия более 600 человек сделала нападение на станицу Воронежскую, но была отражена казаками и обратилась к хуторам на речку Кочеты, но будучи преследуема сотником Бирюковым с 70 казаками, возвратилась к Кубани. В это время неприятель раз-

делился на две партии, отодвинул сотника Бирюкова с казаками к станице и нанес большой урон Черноморским и Донским казакам».

Рисунок операции, проведенной горцами, понятен: обманном маневром и ложными слухами они отвлекли регулярные части подполковника Васмунда от подлинной точки прорыва и, воспользовавшись почти десятикратным перевесом над казаками, разгромили казачьи хутора. Поскольку — как сообщается в донесении — боевые потери составили одного казака убитым и двоих ранеными, то очевидно, что «большой урон» пришелся на мирное население... Это была типичная ситуация. И дело было не в «нераспорядительности», а в растянутости линии возможного соприкосновения с нападающими и в изнурительной необходимости постоянно перебрасывать малочисленные войска с места на место, пытаясь угадать замысел противника.

Командование Кавказского корпуса постоянно просило у Петербурга подкреплений и, как правило, получало отказ. Петербург хотел замирить и присоединить Кавказ, но — минимальными средствами. Это была не жадность, финансовый кризис, резкое обострение которого началось во время Второй турецкой войны 1787—1791 годов, когда на покрытие бюджетного дефицита было выпущено несколько десятков миллионов ничем не обеспеченных ассигнаций, кризис, взвинченный огромными затратами на участие в наполеоновских войнах, содержанием непосильной для страны армии, в сороковых годах начал ощутимо давить на правительство. (Царствование Николая I закончится фактически финансовой катастрофой, которая не в последнюю очередь будет стимулировать реформы.) Нарращивать до необходимого предела численность войск на Кавказском театре было поэтому крайне затруднительно...

Напряжение росло на всех направлениях. В то время как генерал Безобразов тщетно пытался обезвредить «абреков Теберды», а закубанцы громили казачьи хутора, из Северного Дагестана доносили: «Вследствие полученного от командующего войсками в Кумыкском владении известия о намерении Шуаиб Муллы и Чулубей Муллы сделать нападение, первый на кочующих по Тереку ногайцев, последний на Темир Аул или Гендже Аул, начальник нижней Сулакской линии перешел 9-го февраля при Султан Янгигюрте на левый берег Сулака с собранными им 4-мя ротами пехоты, 135 уральскими казаками и 80-ю Дагестанскими всадниками при двух орудиях и расположился между Темир Аулом и Ницам Аулом для прикрытия Кумыкских деревень в случае нападения со стороны Дылыма. Простояв на этом

пункте до полудня 10-го числа, подполковник Евдокимов получил уведомление, что Шуаиб Мулла возвратился, а Чулубей распустил свою партию. Вследствие чего он перешел обратно на правый берег Сулака, но едва пришел в селение Султан Янгиюрт, как был извещен двумя сигнальными пушечными выстрелами, сделанными из Миатминского блокгауза, о появлении неприятеля в значительном числе на этом пункте. Направив тотчас две роты при одном орудии в Чир Юрт, подполковник Евдокимов поспешил со всею конницею к Миатмин, куда приказал выступить расположенной в Чир Юрте роте. Между тем воинский начальник в Миатлах переправился с одною ротою и вооруженными жителями через Сулак и остановился против Зурмакента для наблюдения за неприятельскою партией, спускавшеюся с гор в числе около 400 человек со стороны Дылыма. Скорое прибытие по сигнальным выстрелам конницы и движение роты из Чир Юрта заставили его отказаться от своих намерений и удалиться опять в горы».

Я перегружаю внимание читателя всеми этими подробностями для того, чтобы он почувствовал атмосферу, в которой жили русские солдаты и их командиры — не говоря уже о жителях приграничных станиц — в первые месяцы 1843 года. Дагестан, Чечня, Черкесия находились в постоянном вулканическом кипении, выбрасывая во все стороны огненные языки конных отрядов.

Командование Кавказским корпусом знало, что в этом видимом хаосе больших и малых набегов, нанесенных и обозначенных ударов была своя система и свой смысл — была стратегия.

В том же донесении от 5 марта, в котором сообщалось о метаниях отряда Евдокимова (который, кстати говоря, через десяток лет станет одним из главных действующих лиц покорения Кавказа), говорилось: «Во всех обществах по Андийскому Койсу по приказанию Шамиля учреждается порядок в разделении жителей на десятки и сотни. Около 15-го числа истекшего февраля месяца разнеслись слухи о намерении Шамиля сделать нападение на Аварию с двух сторон. Кибит Магома со всеми им собранными силами должен был вторгнуться в Аварию через Карадахский мост, а Хаджи Мурат со стороны Андийского Койсу...»

В ситуации «ни мира, ни большой войны» у каждой из сторон были свои первоочередные задачи — до неизбежного прямого столкновения.

Шамиль старался сплотить горцев, жестоко карая тех, кто выказывал лояльность к русским: «Слухи о распоряжении Шамиля к приготовлению многочисленной конницы ежедневно подтверждаются. Сверх того, получены известия, что по приказанию его убит Хидайминский старшина Махо с сыном своим».

Второй задачей имама было закрепить в сознании горцев, что за ним стоит великая Турецкая империя, которая поддержит их в решающем натиске на русских.

15 марта Нейдгарт отправил военному министру необычно короткий рапорт, в коем говорилось: «Во всем Дагестане носится слух, в справедливости которого никто из горцев не сомневается, что у Шамиля находится присланный из Турции мастер, который выливает пушки из красной меди, для этого во всех деревнях собираются старые посуды этого металла и отправляются к Шамилю».

Создание Шамилем регулярного артиллерийского парка могло существенно изменить боевую ситуацию — до сих пор картечь была одним из главных русских козырей при столкновениях с постоянно превосходящим по численности и маневренности противником.

О том, что это не пустой слух, свидетельствовал не только сбор старой медной посуды по аулам. 25 апреля Нейдгарт писал военному министру: «Ваше сиятельство из рапорта моего от 1-го и 15-го апреля за №№ 949 и 984 усмотреть изволили, что как генерал-майор Ключи фон Ключенау, так и генерал-майор Шварц получили оба уведомление, что у Шамиля в Даргах делаются опыты для литья орудий и что опыты эти проводятся с некоторым успехом.

В рапорте моем за № 984 имел я кроме того честь доносить Вашему сиятельству, что вследствие этих известий вменено было мною в обязанность командующему войсками в Северном и Нагорном Дагестане и начальнику левого фланга Кавказской линии, удостоверившись в справедливости оных, употребить все возможные средства к овладению людьми, занимающимися в Даргах литьем орудий. Подобное поручение дал я также генерал-майору князю Аргутинскому-Долгорукому <...>

Все почти сведения, полученные о литье орудий у горцев, утверждают, что оно производится людьми, обучившимися этому искусству в Турции и прибывшими к Шамилю осенью прошлого года. Кроме того, исправляющий должность начальника 4-го отделения Черноморской береговой линии получил от известного своею к нам преданностью турецкого армянина Мерина Турк Оглы уведомление, что в последнее время турки перевозили сек-

ретным образом на кочермах порох из Трабезонда в Кобулеты; что везде распространяются слухи о несогласии между Россией и Турциею, что там собирают до 12 т. войска и тому подобное».

Любопытно, что переброска пушечного дела мастеров к Шамилю началась вскоре после принципиального изменения Россией стратегии — прекращения активного давления на горцев. Турция, разумеется, не собиралась ни начинать войну с Россией, ни вмешиваться непосредственно в Кавказскую войну. Но наращивать постоянное напряжение на Кавказе, безусловно, входило в планы Стамбула.

Донесение Нейдгарта было доложено Николаю. Николай приказал Нессельроде принять меры. Нессельроде «предписал нашему посланнику в Константинополе усугубить наблюдение, дабы воспрещенные Портою сношения с Восточным берегом Черного моря не были возобновляемы впредь». Сношения, тем не менее, продолжались.

Одновременно шло психологическое наступление Шамиля. Поддерживать единство и боевой дух в Чечне и Дагестане имам мог только гарантировав своим сторонникам неизбежную конечную победу. Тут фундаментальными были два фактора — религиозный: Аллах не допустит победы неверных! И фактор турецкий: султан, слуга Аллаха, идет к нам на помощь!

18 мая Нейдгарт отправил в Петербург русский перевод обращения к горцам от имени турецкого вельможи Ибрагим-паши, которое специальные гонцы разносили по аулам. Ибрагим-паша сообщал о повелении султана Абдул Меджит Хана «заготовить морские и сухопутные войска из Египта и Мансурии: каковые войска непременно в 1259 году 1-го Реби-аль-авала (то есть 20 марта 1843 года)* под личным начальством моим будут выступать сперва на Анапу, потом на Крымские и Нехинские острова и прочие обладаемые неверными места. Я же писал вам это письмо, которое для праведных есть весть радостная, а для неверных и для грешников есть горестное известие».

Если учесть скорость передвижения войск и огромные расстояния, которые они должны были покрыть, то гипотетическая армия Ибрагим-паши должна была явиться на Северный Кавказ приблизительно к тому времени, когда там произошли роковые события... И появление воззвания, которое, разумеется, было сфабриковано людьми Шамиля, и названные в нем сроки — все это было хорошо продумано.

* Разъяснение переводчика прокламации.

Заканчивалось послание прямым обращением к горцам: «О вы! праведные жители, обитающие в означенных краях, избегайте от свидания неверных, не обращайтесь на богатство света суетного и избегайте от учения дьявола, приближайтесь к Богу посредством молитвы, верности и познания Бога. С 17 до 40-летнего возраста люди вооружайтесь, приготовляйтесь к бою в таких святых и важных днях и до прибытия моего слушайте Шейх-Шамиль Эфендия и повинуйтесь воле его».

Для Петербурга и Тифлиса главным было в этой ситуации расколоть горцев, перетянуть на свою сторону часть сообществ и создать вооруженный противовес Шамилю, переведя таким образом «войну освободительную в войну гражданскую». Это было единственной альтернативой изнурительной борьбе на истребление между Кавказским корпусом и отрядами имама. Именно весной-летом 1843 года схватка за влияние на горские сообщества стала особенно упорной.

В донесении коменданта Владикавказа говорилось: «В продолжение весны Шамиль четыре раза собирал значительные скопища с намерением вторгнуться в наши пределы со стороны плоскости (то есть равнинной Чечни. — Я. Г.), но видя, что к отражению его всякий раз были приняты сильные меры, он нашел, что вторжение с этой стороны не может быть производимо с успехом и без большой потери, почему он обратил свое внимание на горские племена, надеясь без труда и потери покорить их, рассчитывая, что по отдаленности и затруднительному пути нам трудно поддержать их. Вследствие таковых соображений Шамиль приказал Ахверды-Магомету с скопищем в несколько тысяч человек выступить против покорных нам галгаевцев и кистов. Скопища Ахверды-Магомета заняли село Цори близ границы Галгаевского общества с целью, чтобы общество это увещаниями, угрозами или силою оружия заставить отказаться от нас и покориться мюридам.

Чтобы благонамеренных из галгаевцев не оставить без всякой надежды на помощь, полковник Нестеров сделал распоряжение об отправлении 3-х рот пехоты при двух горных единорогах и около 1000 человек милиции в Кистинское ущелье с тем, чтобы в случае отложения Галгая предупредить покушение неприятеля на Кистинское ущелье и на Военно-Грузинскую дорогу. <...> Полковник Золотарев по соединении с войсками, отправленными из Владикавказского округа в Кистинское ущелье, перешел с 8-ю ротами пехоты при 2-х горных единорогах из села Обина к самой границе Галгая, занятой уже прежде милициями, и расположился при сел[ении] Хули. Приближение на-

ших войск имело скорые и благоприятные последствия. Галгаевцы после кратковременных переговоров выдали полковнику Золотареву 12 аманатов и неприятельские скопища рассеялись».

Часть горских обществ уже устала от разрушений и кровопролития, но держать нейтралитет им не давала ни та, ни другая сторона. Лояльность этих обществ зависела от соотношения сил в данный момент в данном месте. Аманатов — заложников — брали и те, и другие.

Однако простая лояльность русское командование отнюдь не устраивала. Ему нужна была военная активность «мирных горцев».

17 мая Нейдгарт писал военному министру: «Генерал-майор князь Аргутинский-Долгорукий получил донесение от Калухского воинского начальника и капитана Абдул Рахман Бека, что 9-го мая многочисленное скопище под предводительством Кибит Магомета и Абдурахмана Карахского сделало нападение на селение Чох, с целью, как понимать должно, истребить почтеннейших жителей этого селения, а с прочих забрать аманатов. Нападение Кибит Магомета имело первоначально полный успех. Жители селения Чох, неприготовившиеся еще совершенно к отражению оною, в начале не оказали сильного сопротивления, и мюридам быстрым движением удалось завладеть половиною селения, пока первые успели вооружиться и под начальством Кадия своего мужественно начали оспаривать остальную часть. В это время подоспел в Чох Агалар Бек, брат Абдул Рахман Бека, с частью кордонной стражи, расположенной по границе Казикумыкского ханства, и быстро кинулся с тремястами нукеров в селение. Жители, ободренные прибывшею помощью под начальством известного им своею храбростью Бека, с мужеством бросились на мюридов и вытеснили их совершенно из селения. Потеря мюридов в этом деле, полагают, значительная. В руках чохцев осталось 16 тел, последние же потеряли только 4-е человека».

Русским солдатам и казакам едва ли не ежедневно приходилось отбрасывать «хищников» от станиц и «мирных» аулов. Это было в порядке вещей и никакого ажиотажа не вызывало. То, что началось после боя в селе Чох, свидетельствует — какое огромное значение в Петербурге и Тифлисе придавали вовлечению лояльных России горских сообществ в военные действия против Шамиля.

«Донося об удачном отражении нападения мюридов на селение Чох, — продолжает Нейдгарт, — генерал-майор князь Аргутинский-Долгорукий, приписывая полный успех этого дела благоразумной распорядительности Кадия Магомета и отличной храб-

рости Агалар Бека, ходатайствует о награждении первого чином, с присвоением следующего по оному жалования, а последнего переводом в один из гвардейских кавалерийских полков, для поощрения же чохских жителей и казикумыкских нукеров, просит для раздачи отличившимся 9-го мая знаков отличия военного ордена.

О всем вышеизложенном имея честь донести Вашему Сиятельству <...> почтительнейше присовокуплю, что я по представленной мне власти именем Его Величества отправил к генерал-майору князю Аргутинскому-Долгорукому три знака отличия военного ордена и три серебряные медали на георгиевских лентах с прибавлением на покупку лент к первым по четыре червонца и последним по два».

Николай собственноручно начертил на рапорте командующего Кавказским корпусом: «Очень хорошее начало, и хорошо подобные дела отличать, для соревнования». Из резолюции ясно, что ситуация у селения Чох оказалась первой в своем роде и Нейдгарт пытался извлечь из нее максимум пользы. 27 мая он рапортовал Чернышеву: «Почитая полезным показать всему Чохскому обществу внимание правительства за оказанные в сем деле преданность и услугу, я сделал распоряжение, чтобы чохцам во всех наших владениях Закавказских, куда они во множестве приходят для торговли и по другим промыслам, оказываемо было по всем их делам особое покровительство, и о том объявил чохцам в особой грамоте».

Очевидно, что «политические меры» (как вполне по-сегодняшнему выражается в рапорте Нейдгарт) вместо мер военных, силовых, говоря сегодняшним же языком, были сутью той установки, что была дана Нейдгарту императором. Неимоверная сложность северокавказского узла проблем — религия, традиция, которой придавалось горцами сакральное значение, сущностно отличные от христианского представления об этике, набеги как основа экономического выживания, наконец, смертельные обиды, накопившиеся особенно за годы правления свирепых Цицианова и Ермолова — все это слабо осознавалось Николаем. Он рассчитывал, что с горцами можно договориться и это дешевле, чем бесконечная война. Это была иллюзия. Россия и Кавказ оказались в трагическом тупике. Империя по самой логике своего существования не могла оставить между собой и христианским, уже освоенным Закавказьем кипящий ненавистью и презрением к неверным Кавказ. Горцы же не представляли себе иной жизни, кроме той, которую они вели столетиями, — для них это было бы крушением миропорядка. Речь шла не просто о вассальной

зависимости от чуждой — религиозно, культурно, экономически — империи. Речь для горца шла о принципиальном изменении самоощущения, о возможной потере самоуважения, о ломке ценностной иерархии.

Спротивление Кавказа снизилось и закончилось, когда ушло поколение, начинавшее великую войну с неверными, сражавшееся с Ермоловым. В сороковые годы еще не наступила адаптация к самой идее подчинения. Трагедия Хаджи-Мурата, известная из толстовской повести, заключалась не только в том, что русские генералы не выполняли своих обещаний и обрекали на гибель семью беглеца, Он не мог пережить психологический прыжок из одного мира в другой. Хаджи-Мурат мог затевать — и неоднократно затевал — хитроумную игру с гяурами, поскольку Шамиль его не устраивал, но укорениться в чужом мире он не мог.

Нужны были долгие годы мощного военного давления, разочарование в возможности действенной турецкой поддержки, сомнения в богоизбранности имама Шамиля, чтобы Чечня и Дагестан осознали неизбежность неизбежного...

В 1843 году ни русское правительство, ни командование Кавказского корпуса не понимали сути процесса и жили опасными иллюзиями.

30 июня Нейдгарт рапортовал военному министру: «Аварский уроженец Гаджи-Мурат, один из наибов Шамиля в Дагестане, происходит из самой почетной Аварской фамилии, тем более уважаемой аварцами, что последний хан их, убитый в 1834 году предшественником Шамиля Гамзат-Бекком, был вскормлен матерью Гаджи-Мурата, что, как известно, между горцами производит столь же тесные связи, как и кровное родство, и что Гаджи-Мурат с братом своим убили Гамзат-Бека в отмщение за истребление ханской фамилии. При том же мужество и личный характер Гаджи-Мурата не менее как и происхождение его содействовали к утверждению аварцев в том уважении и преданности, коими он у них пользуется.

Может быть, таковое расположение народа и было причиною вражды к нему и преследования его Ахмет-ханом Мехтулинским, которые вынудили Гаджи-Мурата к бегству.

Командующий войсками в Северном Дагестане генерал-майор фон Клугенау, принимая в соображения эти обстоятельства и что Гаджи-Мурат до бегства своего служил нам с примерным усердием, и руководствуясь наставлениями моими об употреблении политических мер к ослаблению силы Шамиля, поручил правителю Аварии майору князю Орбельяну войти в сношения с

Гаджи-Муратом с целью склонить его перейти на нашу сторону. Сношения эти, как доносит генерал фон Клугенау, сначала не имели успеха, но теперь Гаджи-Мурат, кажется, действительно намерен оставить Шамиля и только просит в удостоверение, что он будет прощен, прислать ему печать его, генерала фон Клугенау.

Не решаясь без моего согласия удовлетворить таковой просьбы Гаджи-Мурата, генерал фон Клугенау испрашивает на то моего распоряжения, присовокупляя при том, что с переходом к нам Гаджи-Мурата, к которому, вероятно, присоединятся многие из его приверженцев, Авария и Койсубу не будут подвергаться столь частым набегам, как ныне, ибо Шамилю трудно будет найти человека, который мог бы заменить Гаджи-Мурата.

Приняв во внимание важные последствия для нагорного Дагестана, которые могут произойти от перехода к нам Гаджи-Мурата, я немедленно по получении донесения генерал-майора фон Клугенау, предписал ему отправить к сему горцу печать свою в знак полного прощения Правительством его прежней вины, как его, так и приверженцев его, которые с ним возвратятся».

Николай начертил на рапорте: «Важное дело, но много верить ему не должно; надо прежде, чтоб доказал на деле это желание загладить свою вину».

Император был совершенно прав. Хаджи-Мурат вовсе не собирался в то время переходить к русским. (Это произойдет через 10 лет.) Он играл с генералом фон Клугенау, с которым у него были давние счеты.

Нейдгарт и Клугенау умалчивают о весьма существенной детали, о которой Николай, очевидно, помнил — после убийства Гамзат-бека в 1834 году Хаджи-Мурат доминировал в Аварии, балансируя между русскими и горцами, но в 1836 году он был заподозрен — наверняка не без оснований — в сношениях с Шамилем, набиравшим силу, арестован генералом фон Клугенау, бежал, едва избегнув при этом гибели, и стал одним из главных наибов имама.

В той тяжелейшей и достаточно нелепой ситуации, в которой оказался Кавказский корпус и вся русская администрация на Кавказе в 1843 году, Нейдгарт готов был закрыть глаза на прошлое наиба, поверить ему несмотря ни на что, найти оправдание его поступкам 1836 года, лишь бы получить хоть какой-то рычаг воздействия на события.

Пока Хаджи-Мурат водил за нос растерянного Нейдгарта, Шамиль тренировал свою конницу, прощупывал частными опе-

Солдаты Кавказского корпуса на марше

рациями слабые места в обороне противника, накапливал оружие, идущее из Турции через Черноморское побережье, и в конце августа нанес удар

За первые три недели сентября Кавказский корпус потерял 55 офицеров и полторы тысячи нижних чинов целый ряд крепостей Были разорваны коммуникации, а заморенные в предшествующий период горские общества немедленно восстали и присоединились к имаму

Одним из главных героев наступления был Хаджи-Мурат

Стратегия пассивной обороны сопряженная с попытками расколоть горцев и подвигнуть их на борьбу с Шамилем, закончилась катастрофой

Восстановить хотя бы приблизительное равновесие удалось только к весне 1844 года На восстановление же военной репутации русских войск ушли годы

Непосредственным результатом событий было смещение Нейдгарта и возвращение к практике мощных карательных экспедиций

В июне 1845 года наместником Кавказа стал граф Михаил Семенович Воронцов, опытный генерал и администратор Под давлением Петербурга он пошел с крупными силами на рези-

Казачьи пластуны

денцию Шамиля — укрепленный аул Дарго Даргинская экспедиция осталась одним из самых страшных воспоминаний русских офицеров и солдат

Начался новый десятилетний период — сколь кровавый столь и бесплодный И только после конца Крымской войны наступил неожиданный перелом — то была другая эпоха и для России и для Кавказа

Разумеется, читая архивные документы, перечитывая воспоминания участников Кавказской войны мы неизбежно применяем это знание к сегодняшним событиям И становится очевидным, что Российской империи не удалось тогда, несмотря на гигантские усилия и тяжкие жертвы развязать Кавказский узел Мы видим уникальную историческую ситуацию — закон сервированный на полторы сотни лет трагический для обеих сторон конфликт Многолетняя пауза, прерываемая иногда мятежами, не изменила сути ситуации

Петербург не понимал и не стремился понять внутреннюю логику поведения горцев Такую попытку сделал пожалуй толь-

ко князь Барятинский, что и помогло ему в начале 1860-х годов завершить войну.

Советская власть, располагая более мощными средствами давления и более изощренной демагогией, пошла путем Российской империи, уверенно загоня проблему вглубь.

Сталин, выходец с Кавказа, очевидно, многое понимал, но в его практику не входило развязывание узлов с учетом многосторонних интересов. Интерес у него был один — свой собственный — и узлы он рубил. Его понимание — напротив того! — резко усугубляло меру жестокости.

В послесталинском СССР не нашлось никого, кто попытался бы понять — что же происходит на Кавказе под раскрашенной гуттаперчевой маской тривиального советского общественного быта — с обкомами, райкомами, исполкомами... А если и нашлось бы — власть запретила бы заниматься этим.

Конечно, генерал стратегической авиации СССР, окончивший советское военное училище и Академию, многолетний член КПСС Джохар Дудаев отнюдь не был идентичен истовому мусульманину имаму Шамилю. И, в отличие от века прошлого, перед Чечней не стоял нынче выбор — пасть на колени или погибнуть, и психология горца за прошедшие 130 лет в составе России достаточно адаптировалась к состоянию вассалитета — тем более условного, предлагавшегося Дудаеву. И, стало быть, пагубное для Чечни упрямство Дудаева и его наследников несоотносимо с неколебимостью Шамиля.

Но есть фундаментальные психологические пласты на глубине, хранящие взрывоопасные сгустки законсервированных конфликтов, которые детонируют от удара звуковых волн, идущих с поверхности. И тогда эти пласты — как при тектоническом разломе — внезапно выходят на поверхность...

Грехи и ошибки прадедов падают на потомков. Новая Россия оказалась сегодня лицом к лицу с кавказским кентавром образца 1843—1999 годов.

ОТ «СТАДА НИЩИХ ДИКАРЕЙ» К «ГАРНИЗОНУ ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ»

Силою самих обстоятельств мы
увлечены за Кавказ.

Адмирал А. Серебряков

За многие десятилетия Кавказской войны XIX века, изнурительной для обеих противоборствующих сторон, государственными деятелями России, военными и статскими, было создано множество проектов покорения и устройства Кавказа и Закавказья. В них запечатлены представления российских государственных мужей — разных периодов и направлений — о характере возможных взаимоотношений между Россией и Кавказом, о самих горцах с их принципиально отличным от русского мировосприятием и самосознанием, запечатлены этические нормы, которыми считают возможным руководствоваться генералы и сановники.

В этих проектах ясно вырисовывается стратегическая неразрешимость проблемы. Без исследования этого пласта исторического материала куда менее понятен драматизм событий, происходивших на временном пространстве Кавказской войны. Особенно сейчас, в конце XX века, когда напряжение отношений России и Чечни, безусловного лидера кавказских земель, достигло вулканического градуса, а тактические компромиссы не решают главных проблем.

Публикуемый проект адмирала Серебрякова любопытен и еще в одном отношении. Кровавая тяжба России и горских народов была процессом, так сказать, полинациональным. Со стороны России в ней принимали самое энергичное участие не только представители коренных народов империи — русские и украинцы, но и те, у кого были свои исторические сче- ты с му-

сульманским миром: грузины и армяне, не раз оказывавшиеся на грани фактического уничтожения и насильственной ассимиляции под давлением Турции, Персии и их кавказских вассалов. Историческая и психологическая подоплека этого аспекта Кавказской войны нуждается в особом изучении, я же в данном случае хочу только обратить внимание читателя на этот оттенок ситуации.

Лазарь Маркович Серебряков (1793—1862) происходил из дворянской семьи крымских армян. Это был особый слой дворянского сословия со своим экономическим бытом, хозяйствовавший на землях, только что включенных в состав империи. Родовое имение Серебряковых, расположенное в молодой Таврической губернии, насчитывало всего 18 душ крепостных. Но зато он унаследовал от матери в Симферопольском уезде 1500 десятин земли с каменным домом и фруктовым садом. А позже взял за женой — крымской армянкой — каменную мельницу с садом.

Над этой категорией новых для империи дворян отнюдь не тяготела имперская психологическая традиция, которая безусловно играла направляющую роль в выборе жизненного пути русского дворянина. Однако интеграция этой сословной группы в психологический и профессиональный контекст исконно русского дворянства происходила стремительно и органично.

Вместо того чтобы наслаждаться мирной жизнью в куцах своих крымских владений, семнадцатилетний Серебряков поступает волонтером в Черноморский флот, проходит тяжкую морскую школу на боевых судах (находясь, разумеется, на положении, отличном от положения рядовых матросов), параллельно изучает специальные морские науки, французский язык, историю, географию, русскую словесность и рисование. В 1815 году — двадцати двух лет от роду — Серебряков сдал соответствующие экзамены и был произведен в первый офицерский чин — мичмана.

Нам важно понимать, что Серебряков был фигурой одновременно необычной и характерной для офицера-кавказца. С одной стороны — крымский армянин, сомнительный дворянин, официально зачисленный в «дворянское достоинство» только в 1829 году, уже будучи капитан-лейтенантом, проживший почти всю жизнь на черноморских берегах и впервые побывавший в Петербурге, да и вообще в собственно России уже в весьма зрелом возрасте. С другой стороны — военный профессионал, многие десятилетия самоотверженно отдавший установлению господства России в Причерноморье, храбро сражавшийся на море с турками, а на суше с горцами и дослужившийся до полного

адмирала и члена Адмиралтейств-совета; военачальник, чьей заветной целью было создание и укрепление Черноморской береговой линии, отсекавшей горцев от моря и, соответственно, от турецкой помощи и дававшей возможность продвижения в глубь Кавказа со стороны Черноморского берега.

При этом надо иметь в виду, что служба на Кавказе — особенно на Черноморском побережье с убийственным для непривычного человека климатом, с весьма относительными преимуществами по службе, — была тяжелой и неблагоприятной для истинных «кавказцев». Как писал знающий дело Лермонтов в замечательном, но малоизвестном очерке «Кавказец», запрещенном в то время цензурой и опубликованном только в 1928 году: «Между тем, хотя грудь его увешена крестами, а чины нейдут».

Серебряков заплатил за свои высокие чины не только долгими годами изнурительной службы и постоянным смертельным риском, но и мучительными болезнями. В сентябре 1840 года он писал своему морскому министру князю А. С. Меншикову: «Простите, ваша светлость, что давно не имел чести к Вам писать по следующим причинам: в начале мая месяца я занемог горячкою, впоследствии превратившейся в лихорадку с открытием в руках и ногах сильного ревматизма, приобретенного мною в продолжении службы на Кавказе, который особенно усилился в несчастные события нонешней весны, неоднократно подвергаясь с ног до головы быть измоченным при посещении укреплений и приставая в бурунах к берегу. Корпусной командир, обозревая восточный берег и видя меня в таком положении, предложил выехать для поправки здоровья в Феодосию; в половине июля только был я в состоянии воспользоваться дозволением и отправился прямо к Кезловским грязям, в августе возвратился обратно в Новороссийск, хотя от ревматизма не совершенно излечившись, но по крайней мере получил настолько облегчение, что могу с помощью палки ходить и в состоянии писать, тогда как едва мог подписывать бумаги»*. Это достаточно типичная история. Многие кавказские военачальники несли службу до инвалидного состояния, а иногда и перемогаясь в смертельной болезни — как один из наиболее выдающихся кавказских генералов Вельяминов.

Серебряков служил на Кавказе еще много лет, командуя — в том числе — и труднейшими экспедициями в горы.

* Донесения Серебрякова Меншикову и ген. Анрепу цитируются по «Вестнику архивов Армении», № 1 (35). Ереван. 1973.

Специальному исследованию подлежат мотивы, которые двигали этими людьми, мотивы, отнюдь не исчерпываемые сообщениями карьеры или сознанием воинского долга. Но это — особая и долгая работа...

Фигура Серебрякова важна еще и потому, что адмирал ни по какому поводу не строил успокоительных иллюзий. Он совершенно трезво оценивал обе сражающиеся стороны.

Он писал: «Горцы по воспитанию своему, понятиям и обычаям даже и среди своих обществ не признают никакой власти, кроме силы оружия, никаких обязанностей, кроме тех, к исполнению коих можно принудить оружием...» При излишней категоричности этих формулировок — внутри горских обществ, конечно же, существовали свои традиционные регуляторы, — по сути дела Серебряков прав: Кавказ до образования в его восточной части имамата Шамиля, постепенно выроставшего в достаточно отлаженное теократическое государство, являл собою буйную картину войны всех против всех.

С утверждением Серебрякова вполне совпадают представления Пушкина, вынесенные им из поездки через Кавказ в 1829 году и зафиксированные в «Путешествии в Арзрум»: «Почти нет никакого способа их (горцев. — Я. Г.) усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение... Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?»

При весьма высокой оценке качеств русского солдата Серебряков достаточно трезво относился и к тому, что происходило во вверенных ему частях Кавказского корпуса. Кавказский генералитет и штаб-офицеров с доермоловских времен мучило одно обстоятельство — корпус был местом ссылки отнюдь не только гвардейских дуэлянтов или политически неблагонадежных. Командование корпусов, расположенных в России, старалось сбывать на Кавказ всех, кого не хотело видеть у себя под началом. Ермолов в свое время пытался положить конец такой практике засорения корпуса пьяницами, нечистыми на руку людьми, нерадивыми по службе офицерами и солдатами. Ему это удалось только отчасти.

В июле 1839 года Серебряков жаловался Меншикову: «Еще 25 апреля я прибыл в Новороссийск и застал вновь сформиро-

ванный черноморский № 3 батальон накануне высаженным с кораблей на берег. Батальон этот сформирован, как вижу я, кое-как. Люди безнравственные поступили с разных команд. С гарнизонов назначено много таких, которые недавно были переведены в сии последние из кавалерийских полков; из прилагаемой при сем ведомости ваша светлость изволит усмотреть, сколько штрафованных, большая часть за побеги, и вообще весь батальон не только не знаком с военным делом, но даже мало знают ружья». Естественно, что как только батальон вышел на линию соприкосновения с горцами, начались побеги — иногда из пикетов, со всей амуницией... Нравственное состояние офицеров, томившихся в укреплениях по Черноморскому побережью, часто отобранных по тому же принципу, приводило адмирала в уныние.

Серебряков с острым вниманием относился и к другой проблеме, которая тоже была с обычной пронизательностью очерчена Пушкиным: «Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана...»

В январе 1842 года Серебряков писал начальнику Черноморской береговой линии графу Анрепу: «Настоящее состояние исламизма между племенами, обитающими на северо-восточном побережье Черного моря, составляет вопрос, тесно связанный с будущей их покорностью, а потому вполне заслуживает внимательного наблюдения.

По самым достоверным сведениям, мною собранным в течение пятилетнего служения в здешнем крае, я совершенно убедился, что веры у натухайцев и шапсухов собственно нет никакой; потому что хотя одни признают себя последователями корана, однако это ограничивается одним почти названием: эти мнимые мусульмане большею частью не исполняют даже и наружных обрядов обрезания, венчания и тому подобных; о сущности же догматов не имеют никакого понятия; другие же просто язычники, сохранившие по преданиям соблюдение некоторых обычаев, самые явные признаки некогда господствовавшего здесь христианства.... Еще в начале текущего столетия между натухайцами и шапсухами магометан было очень мало и тем более из узденей, имевших тесные сношения и даже родственные связи с турками и татарами. Магометанство особенно усилилось не более двадцати лет тому назад распространением между натухайцами и приморскими жителями, чему с необыкновенным успехом содействовал бывший в 1826 году пашею в Анапе Хаджи Гасан Чечен-Оглу, который разослал в горы до двадцати пяти мулл для

проповедования исламизма, впоследствии муллы выезжали сюда из Кабарды и Дагестана... При всем том, и теперь еще можно полагать с достоверностью статистических данных, что все прибрежное народонаселение от Анапы до Гагр почти поровну делится на приверженцев старинных обрядов, или язычников, и последователей ислама. Но надобно заметить, что равенство это только численное, нравственный же перевес находится на стороне почитателей корана, потому что к общим чувствам дикой вольности и любви к родине, подвигающих прочих горцев на защиту края, к ним присоединяется другое чувство, — еще сильнее на всем Востоке, — чувство защиты веры: поэтому они напитаны более возвышенным религиозным восторгом, который служит основанием постепенным успехам исламизма...

Впрочем, борьба этих двух различных духовных направлений еще продолжается: почитатели старины утверждают, что война, голод, все бедствия начали тяготеть над краем с того самого времени, как легкомыслие народа стало предпочитать учение Магомета почтенным преданиям древней веры, — они даже в последнее время старались пробудить в сердцах привязанность к прежним обрядам общественными жертвоприношениями и богослужениями, при коих присутствовало без всякого отвращения и множество называющих себя мусульманами...

Вообще теперешнее положение умов есть грубое равнодушие к мнениям духовным, свойственное людям, постигающим одни лишь потребности естественные; доказательством этого равнодушия может служить и донесение вашему превосходительству исправляющего должность анапского коменданта полковника Рота, что горцы приняли объявленную им великую милость о сооружении в Анапе мечети с большим хладнокровием.

Нет сомнения, что если ислам укоренится, то он со временем, по свойству своему, воспламенит фанатизм, который почитает неверными и врагами всех, кто не признает его законов, поставляет своим последователям в священную обязанность непримиримую с ними войну и указывает им в защите своей и распространении мученический венец и рай Магометов...

Наконец, надобно согласиться, что к умножению всех встречаемых нами препятствий, недостает еще того, чтобы соединить горцев под общими знаменами, которых теперь не имеют, под знаменами веры, подчинить их отдельные усилия влиянию единогодушного фанатизма и дать им предприимчивого вождя, который непременно явится в лице первого вдохновенного изувера, каковыми, например, на левом фланге были Кази Мулла, Шамиль».

Серебряков очень точно определил роковую ошибку российской власти, которая, во-первых, слишком поздно осознала значение черноморского театра военных действий, его стратегическое значение, а, во-вторых, не сделала ни малейшей попытки оказать духовное воздействие на умы и души еще колеблющихся в вопросах веры горцев Западного Кавказа. Цивилизаторское высокомерие первых завоевателей Цицианова и Ермолова сыграло здесь пагубную роль.

За тринадцать лет до цитированного письма Пушкин в «Путешествии в Арзрум» после приведенных выше слов о недавнем магометанстве черкесов утверждал: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия... Кавказ ожидает христианских миссионеров».

В 1842 году Серебряков догадывался, что христианские миссионеры уже опоздали. В марте 1843 года, вторая половина которого стала катастрофичной для русской армии на Кавказе, адмирал писал Меншикову: «Я, кажется, до сего времени еще не упоминал вашей светлости о пришествии на правый фланг Кавказской линии в землю абадзехов с прошлого лета соумышленника Шамиля, чеченца Хаджи Мугамеда, который, скрывая себя, кто он таков, объявляет им только, что прислан от могущественней особы для спасения правоверных от ига неверных... Он еще с начала появления предвещал им: что не успеет осенью спасти лист с деревьев, как не останется ни одного русского от Кубани до Черного моря».

Серебряков еще мог только предполагать, каким печальным пророчеством звучат эти слова в марте 1843 года — в августе началось тотальное наступление отрядов Шамиля и Кавказский корпус потерял почти все, что было завоевано в Дагестане и Чечне за предшествующие четверть века. И влияние религиозного фанатизма, спланивающего мюридов имама, было фактором гигантской важности.

«Этот пришелец, — продолжает Серебряков, — может быть нам очень вреден тогда только, если успеет, как он домогается религиозным фанатизмом, которого у здешних горцев еще нет, вселить дух народности, понятия общих усилий всех племен правого фланга, подобно Чечне...»

Агитация Шамиля, турок и англичан имела на правом фланге Кавказской линии полный успех. Русским предстояла здесь более чем двадцатилетняя война. Попытки войти с горцами в доверительные отношения воспринимались ими в лучшем случае скептически.

Уже неоднократно цитированный автор редкого по насыщенности источника, генерал Григорий Филипсон не без иронии рассказал о том, как генерал Анреп, начальник и адресат Серебрякова, попытался осуществить «покорение враждебных обществ» «силою своего красноречия»:

«С ним были переводчик и человек десять мирных горцев, конвойных. Они проехали в неприятельском крае десятка два верст. Один пеший лезгин за плетнем выстрелил в Анрепа почти в упор. Пуля пробила сюртук, панталоны и белье, но не сделала даже контузии. Конвойные схватили лезгина, который, конечно, ожидал смерти; но Анреп, заставив его убедиться в том, что он невредим, приказал его отпустить. Весть об этом разнеслась по окрестности. Какой-то старик, вероятно важный между туземцами человек, подъехал к нему и вступил в разговор, чтобы узнать, чего он хочет? «Хочу сделать вас людьми, чтобы вы веровали в Бога и не жили подобно волкам». — «Что же, ты хочешь сделать нас христианами?» — «Нет, оставайтесь магометанами, но только не по имени, а исполняйте учение вашей веры». После довольно продолжительной беседы, горец встал с бурки и сказал очень спокойно: «Ну, генерал, ты сумасшедший; с тобою бесполезно говорить».

Я догадываюсь, что это-то убеждение и спасло Анрепа и всех его спутников от верной гибели: горцы, как и все дикари, имеют религиозное уважение к сумасшедшим. Они возвратились благополучно, хотя конечно без всякого успеха»*.

Генерал Анреп был романтиком завоевания. Плохо знающий Кавказ и горцев, он исходил из общих схем, которые при всем их благородстве приносили результат, противоположный ожидаемому. Серебряков же понимал, что вражда горцев к завоевателям укоренилась так глубоко, что любой дружественный жест со стороны русских воспринимается как проявление слабости. Адмирал не раз писал об этом.

Другим обстоятельством, его чрезвычайно раздражавшим, были некомпетентные указания «сверху», которые приводили к ненужным жертвам и подрыву боевой репутации корпуса. В ноябре 1841 года Серебряков доносил Меншикову: «Подробности перехода нашего отряда из Адлера на Сочу вашей светлости вероятно давно уже известны от лейтенанта Веригина. Предсказание мое, что результат может кончиться огромною потерей без су-

* Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 246.

щественной пользы, к несчастью сбылось; предсказание это не было основано на одних догадках, но собственно от тонкого познания всех обстоятельств здешнего края, и это я не скрывал от моего здешнего начальства и, конечно, этим не мог сим угодить,

Потеря до 600 человек убитыми и ранеными, отправление в госпиталь до 3000, издержки на 600 тыс. рублей могут ли заменить перехода трехдневного 20 верст расстояния от одного укрепления до другого вдоль морского берега, где не существует ни одного жилья, и можно ли повторять подобные жертвоприношения?

Конечно, и со стороны неприятеля не без потери, но не может сравниться с нашей, потому что горцы всегда ведут перестрелку враспынную и имели возможность бить наших в густой колонне, идущей у самого берега... Эту экспедицию, сборы которой продолжались несколько месяцев, предварительные угрозы распространились по всем горам, мы лишь только показали ничтожность наших действий, и я опасаясь, чтобы не могло иметь дурного влияния даже на народы, которых мы считаем давно покорными...»

Подобные катастрофы происходили с удручающей регулярностью, и после одной из них — самой ужасающей — Серебряков напишет свой подробнейший план покорения Кавказа, который публикуется ниже.

Для нас адмирал Серебряков, автор проекта покорения Кавказа, важен именно как классический «кавказец», не знавший, судя по всему, иной жизненной цели, кроме усмирения горских народов и присоединения Кавказа к империи. Но он отнюдь не был ограниченным солдафоном. Человек достаточно образованный, обладавший явными задатками государственного деятеля, Серебряков в сороковые-пятидесятые годы посреди напряженных забот крупного военачальника на театре боевых действий находил время для составления разнообразных проектов, касающихся как частных военных предприятий, так и предметов стратегического масштаба.

В Кавказской войне была одна особенность — Петербург, главным образом в лице государей Александра I и Николая I — постоянно призывал воюющий генералитет к возможной гуманности. Если большинство генералов смотрело на горцев как на непримиримых врагов, то для императоров они были завтрашними подданными. Это противоречие усугублялось и тем, что в Петербурге очень плохо представляли себе положение на Кавказе. Разумеется, подобная позиция верхов не могла не влиять на поведение генералитета. И представления о допустимости тех

или иных методов завоевания колебались довольно существенно. Описанная Филипсоном эскапада Анрепа была осуществлена лишь после того, как главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Головин испросил соответствующего разрешения у Николая. И царь согласился. Умудренный многолетним кавказским опытом Филипсон на всю жизнь остался в изумлении: «Совершенно для меня непонятно то, что ему предоставили ехать с этой проповедью к немирным горцам...»

И Александр, и Николай всерьез думали, что горцев можно уговорить, снисхождением и лаской склонить к реальному подданству.

Трезвый прагматик Серебряков готов был пользоваться проверенной всей историей колониальных завоеваний тактикой, но — как увидим — с постоянным учетом этих противоречий.

Рассказывая в очередном донесении Меншикову (июль 1839) о своих попытках поймать английского эмиссара Биля, скрывающегося в горах и подстрекающего черкесов, он добавляет: «Сверх того (не знаю, ваша светлость одобрит ли мою политику против черкесов) я стараюсь вселять сколь возможно более раздор и ненависть между узденями и простыми, так как те и другие лазутчиками под разными предлогами, несмотря на свою присягу (турецкому султану. — Я. Г.), часто начали посещать мой лагерь; полагаю, чем более между ими несогласие, тем более для нас выгодно, рано или поздно, когда одна сторона должна будет прибегнуть к нашему покровительству».

Любопытно, что, используя столь привычный метод — «разделяй и властвуй», — адмирал с тревогой оглядывается на Петербург: одобрят ли? Тем больший интерес представляет для нас ситуация вокруг промежуточного проекта Серебрякова, предшествовавшего его основному грандиозному проекту.

Главное, что подлежит сегодня вниманию историка, желающего понять закономерности драмы, условно называемой «покорение Кавказа», — это нравственно-психологическое отношение русского общества к происходящему на южных границах империи. Анализ воззрений адмирала Серебрякова дает возможность определить — до какой черты готовы были идти люди, осуществлявшие завоевание, какая мера жестокости представлялась им приемлемой, кем являлись для них противники.

В Кавказском корпусе попадались генералы и офицеры, отличавшиеся патологической свирепостью, настолько оголтелой, что центральной власти приходилось их резко одергивать. Они выделялись даже на фоне обычной тогда практики тотального

уничтожения непокорных аулов, иногда вместе с населением. Серебряков отнюдь к таковым не принадлежал. Он представлял наиболее распространенный в русской армии и флоте тип экспансионистского сознания, лишенного крайностей. Потому так существенны для нас приводимые ниже тексты.

Одним из способов давления на горцев, способов, которые постоянно тасовались и в Петербурге, и в Кавказском корпусе, было давление экономическое. Конкретнее — продовольственная блокада. Эта идея возникла не в XIX веке. Еще в 1730-х годах, в период кровавых мятежей башкир, недавно вошедших в российское подданство, но не вынесших поборов и измывательств новых властей и массового отчуждения пастбищных земель, — мятежей, которые не менее кроваво подавлялись, один из наиболее жестоких карателей — полковник Тевкелев, «крещеный азиатец», проповедовал продовольственную блокаду как эффективное средство, ибо «в большую покорность приводит их голод».

В 1841 году человек совершенно иной формации и культуры контр-адмирал Серебряков подал по начальству донесение*, которое, по сути, представляет собой разработку идеи полковника Тевкелева**.

Серебряков писал: «Крайность, до которой горцы доведены теперь голодом, поставяет мне в непременную обязанность возобновить вашему превосходительству все прежние представления о столь важном предмете и выгодах, которые можно извлечь из бедственного положения их для ускорения покорности, тщетно до сего времени достигаемой одними мерами кротости и великодушия, которого ценить они по дикости своей не могут».

Стало быть, это было не первое предложение адмирала использовать голод в качестве сильного средства для приведения горцев к покорности. Причем Серебряковым двигал честный государственный расчет: «Цель, правительством предполагаемая, есть покорение хищных племен и прекращение их разбоев, а потому долг каждого местного начальника требует изложения тех средств, которые почитает ведущими к цели».

Нужно помнить — и помнить постоянно! — что сама цель, сама задача — включение Кавказа в состав империи и замирение горцев — не ставилась под сомнение ни на миг. Она вхо-

* См.: «Морской сборник». СПб., 1865, с. 64—73.

** Подобные идеи бытовали и в штабе Ермолова.

дила как непременная составляющая в сознание русского человека всех сословий, а тем более человека военного (Армянское происхождение Серебрякова положения не меняет. Он осознавал себя прежде всего русским офицером. Совершенно так же, как грузины — князь Цицианов, предшественник Ермолова по методам и напору, князь Багратион, тоже воевавший на Кавказе, карабахский аристократ князь Мадатов, суровый сподвижник Ермолова, и многие другие.)

А поскольку цель была несомненна, то яростное сопротивление горцев казалось злой бессмыслицей и попыткой задержать естественный ход истории. И этот вызов самой истории подлежал наказанию для конечной пользы самих «хищников».

«Еще 21 марта 1841 г представлял я вашему превосходительству, что никакие обстоятельства не были благоприятнее, чтобы довести нутухайцев до крайности, что после неурожая 1839 г в горах повсеместный недостаток, что *если наступающим летом истребим все их жатвы, то следующей зимою они будут жертвою голода*» (курсив мой — Я Г)

Туг невольно вспоминается не только прошлое по отношению к сороковым годам XIX века, но и будущее. В начале тридцатых годов XX века этим методом воспользовался Сталин, организовавший массовый голод в южной России и на Украине и миллионами голодных смертей задушивший в тех местах протест против коллективизации,

«Без всякого содействия оружия нашего неожиданный бич поставил горцев в положение еще затруднительнее прежнего: прошлогодние засухи и неурожай довершили их бедствие: голод со всеми ужасами своими приближался к их ущельям, и наступающая зима грозила гибелью враждебным соседям нашим, не имевшим никаких запасов»

Далее произошла вещь, характеризующая состояние умов русского генералитета и разность этических подходов. Тем начальником, которому контр-адмирал Серебряков направлял раз за разом свои предложения о продовольственной блокаде, был генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский-младший, сын знаменитого героя 1812 года, близкий приятель Пушкина, человек продекабристских настроений. Генерал Раевский был талантливый и решительный военачальник, непреклонно выполнявший свой долг русского генерала, так же как и Серебряков, не сомневавшийся в необходимости, целесообразности и неизбежности завоевания Кавказа: но душить голодом все население поголовно он готов не был. Из дальнейшего текста виден подспудный

Командующий Черноморской линией генерал лейтенант
Н. Н. Раевский младший. Портрет работы В. А. Тропинина 1842 г.

конфликт между генерал-лейтенантом, командовавшим Черноморской береговой линией, и подчиненным ему контр-адмиралом. В сороковом году, когда перед лицом неминуемой голодной смерти горцы сперва пошли на некоторые уступки и заявили о своей готовности покориться, Раевский приказал Серебрякову начать переговоры, разрешив при этом покупать продовольствие в русских укреплениях. Серебряков был против, считая — с полным основанием, как выяснилось позже — поведение горцев хитростью.

«Исполняя волю вашего превосходительства, я терпеливо продолжал вести с так называемыми представителями натухайскими прения, всю бесполезность коих очень хорошо понимал; я доносил вам, что предложения их так далеки от умеренных, снисходительных требований правительства, что явно изобличали совершенное ослепление на счет положения дел или намерение продлить время одними пустыми толками.

Иначе нельзя было понять просьбы их: отложить окончательное заключение переговоров до будущей весны, оставаясь до того времени с обеих сторон в неопределенном перемирии, и требования, чтобы в противном случае, если на отсрочку не соглашаемся, то взамен даваемых ими присяги и аманатов очистить укрепления и все занимаемые нами пункты от Абина до Анапы, и других дерзких и нелепых предложений, коих едва ли случалось русскому генералу слышать от стада нищих дикарей».

Как удивительно все это знакомо: и тактика горцев, и неосознание умным и опытным адмиралом принципиальной неразрешимости ситуации. В отличие от генерала Лебедея, ни Серебряков, ни Раевский, ни командующий Кавказским корпусом генерал-адъютант Головин не могли — если бы хотели — и заикнуться об удовлетворении требований противника, ибо за ними не стояло ни общественного мнения, ни благоразумия правительства. Они были солдатами *строящейся империи* и двигаться могли только вперед.

Но граница, за которую можно было заходить в выборе средств, представлялась им по-разному.

Правительство и командование не поддержали Серебрякова. Им был хорошо памятен прошлый — 1840 год, когда голод вынудил горцев не к покорности, но толкнул их на отчаянное наступление. В результате несколько укреплений Черноморской линии были ими взяты и разрушены, а гарнизоны вырезаны. Наоборот, меновая торговля поощрялась высшим командованием как средство сближения (которого, впрочем, не произошло).

Серебряков прекрасно понимал и страдания горцев, и неприглядность предлагаемых им методов борьбы: «Запретительная мера на выпуск (из русских укреплений. — Я. Г.) продовольственных припасов при крайнем ежедневно возрастающем недостатке средств у горцев ведет прямо к оголоданию края; мера эта, без сомнения, несколько жестока, но требования военных предприятий не всегда совместимы с чистою филантропиею... Недостаток между горцами достигает высшей степени; беднейшие продают своих детей зажиточным по ценам столь низким, как никогда еще не бывало, и берут плату большею частью продовольственными припасами...

7 числа я доносил вашему превосходительству, что с некоторого времени свирепствуют между горцами преимущественно в местах, пораженных прошлогодними неурожаями, гнилые горячки и сильные поносы, сопровождаемые значительной смертною; что болезни эти происходят от всякой скудной, негодной и даже зловредной пищи, которую вынуждает их употреблять голод».

Серебряков явно не был от природы жесток. Горцы представлялись ему самоубийцами, которые вместо того, чтобы подчиниться «снисходительным требованиям правительства» об искреннем и бесповоротном принятии российского подданства со всеми вытекающими последствиями и спасти себя и своих детей и от голода, и от русских штыков и картечи, по дикости своей вынуждают его, Серебрякова, к несвойственным его натуре поступкам.

У человека незаурядного, а Серебряков, безусловно, был таковым, стиль неизбежно говорит больше, чем собственно содержание. То, как описывал адмирал бедствия упрямец, свидетельствует о многом: «...Доказательством всех ужасов, коим подвергнуты соседние племена, служить может много обстоятельств, достоверно известных; так, например, в недалеком от Цемеса расстоянии, во время ненастий, несколько дней сряду свирепствовавших, в исходе прошлого месяца два семейства найдены погибшими в запертых и занесенных вьюгами саклях своих; не было следа чего-либо съестного; холодный пепел очага обнаруживал давнее отсутствие огня; несчастные, распростершись на голом полу в кухне, обессиленные голодом, не могли даже по видимому защититься от стужи, которой сделались жертвами».

Здесь нет ни малейшего оттенка злорадства или торжества по поводу гибели врагов. Скорее наоборот — искреннее сострадание. Иначе Серебряков не стал бы так подробно, такими словами и с такой интонацией описывать гибель «несчастных».

Офицер Кавказского корпуса Портрет работы Г. Г. Гагарина (4)

Но следом он настаивает на карательных экспедициях для уничтожения посевов и запасов хлеба* Душераздирающие картины, им так выразительно описанные, оказываются аргументом в пользу окончательного решения И в этом есть своя логика Он видит — непоследовательность политики Петербурга ведет к еще большим страданиям обеих борющихся сторон «С каждым годом бездействие наше удаляет достижение цели, горцы приобретают более и более смелости, опытности и единодушия, прежде племена их вечно обуревались междуусобиями и распрями, с появлением нашим у них возникли дух народности, небывалое согласие, понятие общих усилий, война с нами прекратила их раздоры, союз их с каждым годом становится все теснее, и если не предупредить их покорением, то нельзя ручаться, чтобы не появился наконец между ними человек с диким гением и сильным характером, который воспламенит всегда тлеющие угли в сердцах азиатцев, страсти фанатические и, став на челе народа, вступит с нами за его разбойничью независимость в борьбу правильную, упорную и кровопролитную, таковая развязка нашего теперешнего образа действий основана на неопровержимом опыте прошедшего, потому что одинакие причины везде во все времена производят одинакие последствия»

Предсказания Серебрякова кажутся несколько странными, если учесть, что Дагестан и Чечня уже выдвинули такого вождя Но Серебряков действовал по другую сторону гор — на побережье, и значение Шамиля было ему не столь очевидно, как генералам, сражавшимся на Северном Кавказе Однако сам анализ ситуации и оценка характера процесса оказались абсолютно точными Очень скоро произошла катастрофа 1843 года — триумфальное наступление Шамиля на русские укрепления, в результате чего было потеряно почти все завоеванное за предыдущие четверть века И главной причиной была непоследовательность и неопределенность политики Петербурга

У России был выбор — оставить Кавказ, отказаться от самой идеи безопасных коммуникаций с Грузией, катастрофически подорвать свой военный престиж, провоцируя Персию и Турцию на реванш, или же радикально усилить давление на горцев, форсируя покорение края

* Впоследствии Серебрякову предстояло частично осуществить свой план — в октябре 1850 года снаряженный им отряд прошел по землям нату хайцев в северо западной части Кавказа и сжег более 2000 дворов вместе с огромными запасами хлеба При этом было убито около 200 горцев пытавшихся оказать сопротивление

Поскольку первый вариант лежал вне представлений как императора, так и генералитета (хотя во второй половине сороковых годов в Петербурге рассматривался проект компромисса с Шамилем, не получивший, впрочем, развития), то мысль практиков искала выход в пределах второго варианта.

Это и заставило контр-адмирала Серебрякова от предложенный тактического характера перейти к стратегическим проектам. Обширная записка «Мысли о делах наших на Кавказе»*, хранящаяся в Российском государственном архиве военно-морского флота, не датирована. Но по упоминаемым в ней датам и по смысловым акцентам она относится скорее всего к 1845 году.

Лето 1845 года ознаменовано было знаменитой Даргинской экспедицией. Как уже говорилось, по прямому приказу Николая I новый командующий Кавказским корпусом генерал от инфантерии граф Михаил Семенович Воронцов повел сильный отряд в «логово Шамиля» — укрепленный аул Дарго, взял его с огромным трудом, но на обратном пути, несмотря на героическое поведение войск, подвергся фактическому разгрому. Даргинский поход потряс русское офицерство своей кровавой бессмысленностью: сопряженный с огромными потерями захват резиденции имама, которую тут же пришлось оставить, если и повлиял на ситуацию, то в худшую для России сторону. Было ясно, что стоящая перед Кавказским корпусом, да и перед всей империей задача куда сложнее, чем казалось. Титанические военные усилия, приложенные за тридцать лет, начиная с ермоловских времен, привели именно к тому, чего так опасался Серебряков — к сплочению горских племен и взрыву религиозного фанатизма. В своей записке Серебряков говорит уже: не о дерзости «стада нищих дикарей» (как четыре года назад), но толкует о нравственном состоянии горцев как о фундаментальном факторе ситуации и уважительно называет их «гарнизонам осажденной крепости». А в самом начале записки встречаем удивительный пассаж: «По неспособности некоторых их военных начальников, ошибочным их понятиям о роде войны и о способах, долженствующих употребляться для покорения Кавказа, — конечно, порождаются неудачные и бесполезные экспедиции». Скорее всего, так ветеран Кавказской конкисты оценил Даргинский поход, предлагая свой всеобъемлющий план решения сколь великой, столь и мучительной имперской задачи. И надо сказать, что некоторые существенные положения этого плана были впоследствии использованы на

* РГАВМФ, ф р-2222, оп.1, д.85, лл. 51—110.

заключительном этапе войны покорителем Кавказа князем Барятинским.

Проект Серебрякова отличался от многих других проектов трезвостью взгляда на происходящее. Об этом свидетельствуют оценки угнетенного физического и морального состояния войск на Черноморской линии, анализ проблемы управления уже покоренными областями — проблемы российских приставов. Относительно организации новой власти на местах у Серебрякова нет ни малейших иллюзий: «От этого проистекают отягощения той части народа, которая находится под рукой, лихоимство, притеснения всякого рода, несправедливости и, наконец, неуважение к власти, над ними установленной, являющейся в глазах горцев со всеми своими недостатками и слабостью».

Читая страницы, написанные полтора века назад, еще яснее понимаешь и трагедию горцев, и невероятную сложность положения России, «силою самих обстоятельств» обреченной штурмовать Кавказ — «сильную крепость, чрезвычайно твердую по местоположению, искусно ограждаемую укреплениями и обороняемую многочисленным гарнизоном».

Проект Серебрякова еще раз подтверждает невеселую мысль, что иногда жестокая логика исторического процесса создает ситуации, из которых нет благополучного исхода... Во всяком случае — на протяжении длительного периода.

«Мысли о делах наших на Кавказе»

Вступление

Рассматривая настоящее положение дел на Кавказе, мы находим разительную перемену с положением к нам горских племен в 1826 году, но, обращая внимание на события, с тех пор на Кавказе случившиеся, на причины, изменившие нравственное состояние горцев, на средства, для усмирения их доселе в разное время употреблявшиеся, и на род самой войны, — нельзя отнести эту перемену, как многие полагают, единственно к частным причинам, к ничтожным событиям и некоторым неудачам, неразлучным во всякой войне, где должна быть принята кордонная система.

По неспособности некоторых из военных начальников, ошибочным их понятиям о роде войны и о способах, долженствующих употребляться для покорения Кавказа, — конечно, порождаются неудачные и бесполезные экспедиции, сопряженные с потерями иногда значительными. Бесспорно, что случаи эти отдалают время покорения Кавказа, но смею думать, что главные причины, изменившие наши отношения к горцам, гораздо важнее и что мы их искать должны: в перемене нравственного состояния горцев, в мерах и средствах вообще, для усмирения их в разное время употреблявшихся, и наконец только в самом исполнении этих мер.

Мысли мои по этому предмету я основываю на существе событий, совершившихся на Кавказе в течение почти трехсотлетней борьбы нашей с кавказскими племенами, и полагаю, что вековая эта опытность должна нам служить руководством для определения мер и средств, к покорению Кавказа необходимых.

На сей конец я опишу главные события, образовавшие эпохи, которые доставили нам существенный и неоспоримый перевес над горцами; постараюсь рассмотреть последствия, происшедшие от разных мер; изыскать причины теперешнего нравственного их напряжения; и, наконец, руководствуясь как тем, так и другим, изложу мысли мои о мерах, для покорения Кавказа необходимых.

Полное историческое обозрение постепенных успехов наших противу горцев с тою подробностью, как бы это требовала важность предмета, я предпринять не могу, по недостатку материалов, и потому нахожусь в необходимости прибегнуть к памяти и к тем ничтожным запискам, которые я составил для себя.

I. Исторический обзор войны России на Кавказе, с самого ее начала до наших времен

Эпоха I

В царствование царя Иоанна Васильевича IV до императора Петра Великого, с 1559 до 1711 года (152 года)

Покорение Тюмени.

Начало борьбы нашей с кавказскими народами мы можем считать с XVI столетия, ибо в 1559 году покорен город Терки (Тюмень), находившийся на одном из рукавов Терека при впадении оного в Каспийское море. Город этот тогда же был заселен присланными из Москвы стрельцами, казаками донскими, гребенскими и уральскими, получившими после название Терских, и обнесен деревянною стеною с башнями.

Подданство пятигорских черкес.

В 1582 году Бештауские* (пятигорские) черкесы, стесненные частыми набегами соседственных к ним астраханских татар и калмыков, наслышавшие о могуществе царей русских, находившихся тогда в родственных связях с Кабардою, по женитьбе царя Иоанна Васильевича в 1561 году с кабардинскою княжною Марию Темрюковною, добровольно предались покровительству России.

Первые дела с горцами и первое подданство Грузии.

Царь Федор Иоаннович посылал войско на Терек для усмирения горцев, беспокоивших наших подданных. Вследствие этого похода, многие племена поддались России, и в это же время (в 1586 году) Кахетия, утесняемая сильным в то время дагестанским владетелем Шамхалом Тарковским, предала себя покровительству и подданству России.

Влияние России на Кавказ.

Влияние России в это время на дела Кавказа мы также видим из просьбы Шаха-Аббаса персидского, в которой он домогается,

* Беш означает на татарском языке пять, а тау — по-горски гора, т. е. пятигорские.

дабы с нашей стороны приняты были меры к воспреещению горцам чинить набеги на персидские области.

Между тем для вящего утверждения владычества России выстроен город Койсу на одном из дальних рукавов Терека.

В 1594 году царь Федор Иоаннович послал князя Андрея Хворостинина с войском для укрепления г.Терки, но в этом ему попрепятствовали дагестанцы и кумыки, сделавши на него сильное нападение.

Поражение русских войск за Терком.

В 1604 году при царе Борисе Федоровиче русские войска действовали довольно удачно на реках Сулаке и Сунже и двинулись далее для овладения столицею Тамхали; но экспедиция эта не удалась; войска должны были отступить и при обратном следовании совершенно истреблены горцами; город Койсу потеряян, и пограничным местом остался по-прежнему город Тюмень, или Терки.

Россия отклоняется от дел Кавказа и теряет влияние.

Потом смуты и политические перевороты, внутри России случившиеся, отклонили внимание правительства от Кавказа, и в продолжение целого столетия с нашей стороны не было предпринимаяемо никаких действий, кроме похода в 1625 году Терковского воеводы Головина в Кабарду, для усмирения вспыхнувшего там возмущения, произведенного Заруцким с Мариною, и возобновления укрепления г.Тюмени при царе Михаиле Федоровиче в 1619 году голландским инженером Клаусеном, а второй раз при царе Алексее Михайловиче в 1670 году шотландским полковником Томасом Бехли. Только со времени императора Петра наступательные действия возобновились.

Несмотря, однако, на это бездействие, цари грузинские и кахетинские и владетели мингрельские, утесненные персиянами и турками, прибегали к покровительству и подданству России, как к державе единой.

Заключение.

Итак, мы видим, что в XVI столетии связи наши с Кавказом были дружественные, родственные и единой; что впоследствии Россия связи эти не поддержала, а между тем Персия с одной стороны, а Турция с другой, покорив Кавказ и распрост-

ранив мусульманство, подавили существовавшие там остатки древнего христианства и тем уничтожили влияние России; что в царствование царя Иоанна Васильевича IV мы занимали только оконечность нынешнего левого фланга Кавказской линии и оставались в этом положении до времен Петра Великого, т.е. в течение 152 лет.

Эпоха II

От времен императора Петра Великого до Екатерины II, с 1711 до 1763 года (52 года)

Первое русское поселение на Тереке.

В 1711 году образовалось на Тереке первое русское поселение. Потомки гребенских казаков, бежавших за реку Сулак, по причине участия в Донском бунте, произведенном Мариною Мнишек и Заруцким, стесненные чеченцами и другими горскими племенами, прибегнули к милосердию императора Петра Великого. По высочайшему его повелению они выселены были на северный берег Терека и основали станицы: Новогладковскую, Щедринскую, Старогладковскую, Курдюковскую и Червленую.

Начало Кавказской линии.

Таким случайным образом основалось начало Кавказской линии, которая уже потом по силе самих обстоятельств привлекала внимание правительства и обратила на себя первоначально, так сказать, избыток государственных средств, а наконец немало-важные усилия и пожертвования.

Поход в Дагестан и покорение прибрежных провинций Каспия.

В 1722 году император Петр Великий предпринял поход в Дагестан. Войско этого отряда состояло из 22 т. пехоты, 9 т. драгун и, кроме того, из малороссийских казаков, астраханских татар и кабардинцев.

По прибытии императора к Сулаку, явились послы от многих горских владетелей, в том числе от Шамхала Тарковского, с изъявлением покорности. Войска вступили дружелюбно во владения Шамхала; но далее на пути к Дербенту были атакованы каракайдахцами, которые в этом деле были наголову разбиты. Дербент отворил ворота, и император, поставив в нем русский гарнизон,

возвратился в Астрахань*. При обратном своем следовании Его Величество заложил на реке Сулаке кр[епись] Святого Креста, в 20 верстах выше устья оною, куда перевел почти весь гарнизон из крепости Терки, оставив там ретраншамент с 150 человеками. Между тем в бытность свою в кр[еписи] Св. Креста, получив подкрепление, состоявшее из 40 т. калмыков, и присоединив к ним 1 т. донцов, поручил походному атаману Краснощекову идти с ними для наказания Уцмия Каракайдакского* и других горских владетелей, участвовавших в нападении при следовании к Дербенту. Краснощеков удачно совершил экспедицию, проник в горные вертепы Кавказа и поселил повсюду ужас и трепет.

На следующий год успехи нашего оружия были самые блестящие. Генерал Матюшкин покорил весь Дагестан**, Апшеронский полуостров, ханство Ширванское, Баку, области: Гилян, Мазандеран и Астрабад.

Потеря Каспийских областей.

Казалось, что Россия в последние 12 лет царствования Петра Великого стала твердою ногою у подошвы Кавказа и что покорение приморских областей Каспии, упрочивая завоевания, подавало возможность продолжать покорение? Но завоевания эти в сущности были рановременны и отяготительны. Россия не имела возможности их удержать; вынуждена была вследствие Ганжинского мирного договора между Турциею с Тахмис*** Кулиханом (шахом Надиром) уступить Персии все каспийские провинции, покоренные Петром, в том числе Дербент и кр[епись] Св. Креста; а границею обеих держав остался северо-восточный рукав Терека, именуемый Старый Терек.

Распространение Кавказской линии.

Но дабы прочно утвердиться на этой границе, в 1736 году построена на Тереке крепость Кизляр и из-за Терека переведены семейные и терские казаки, основавшие станицы: Карга-

* Суда, шедшие из Астрахани с провиантом, бурей были разбиты, а потому, по недостатку продовольствия, император должен был возвратиться.

** Правильнее — Уцмия Каракайтагского. Большинство географических и этнических терминов, употребляемых Серебряковым в традиции прошлого века, не исправляется и не комментируется.

*** Покорена была, вероятно, только приморская часть оною, но в донесениях императору сказано: весь Дагестан покорился, и так пишут современники.

**** Правильно — Тахмасп.

линскую, Дубовскую и Борозднинскую, которые с гребенскими казаками составили Кизлярскую линию, простиравшуюся до границ нынешнего Моздоцкого уезда, на протяжении 150 верст от Каспийского моря.

Трактатом 1739 года, заключенным между Россией и Портою Оттоманскою, кабардинцы признаны независимыми и барьерою между обеих держав.

Потеря влияния России на Кавказе.

Таким образом, с одной стороны Персия, а с другой Турция вытеснили нас из-за Терека и от берегов Кубани; бездействие же наше и прозелитизм мусульман, развивавшийся в продолжение нескольких веков, совершенно отдалили нас от горцев.

Эпоха III

От времени императрицы Екатерины II до царствования Павла Петровича, с 1763 до 1800 года (37 лет)

Возобновление влияния России на Кавказ и распространение Кавказской линии.

Только в царствование Екатерины II возобновилось влияние России на дела Кавказские, и с тех пор мы начали там утверждаться постоянно.

В 1763 году построена Моздокская крепость; гарнизон ее составлен из горцев*, принявших св. крещение, и усилен, вслед за сим, 50-ю семействами переселенных с Дона.

Семь лет после сего между гребенскими казаками и крепостью Моздоком поселена часть вояских казаков, образовавших станицы: Калиховскую, Мекенскую, Наурскую, Ищорскую и Гамогаевскую и получивших название Моздоцкого полка. Таким образом образовался левый фланг нынешней Кавказской линии, 52 года после первого ее основания, т.е. после переселения в 1711 году гребенских казаков из-за Терека.

В 1769 году по повелению императрицы Екатерины II генерал-майор Медем с 10 т. калмыков удачно наказал кабардинцев за вероломство в бывшую тогда войну с Турцией; а генерал Тотлебен выгнал турок из Грузии, Имеретии и Мингрелии.

* Осетин тагоурского общества, составляющего ныне предместье Моздока, именуемого Лукомская станица.

В 1774 году Кучук-Кайнарджийским миром представлена была власть над кабардинцами крымскому хану, а сей последний особым актом признал их зависимость от России. Но прежнее наше влияние и дружественные отношения с Кабардою были утеряны, и кабардинцы, сделавшись уже ревностными магометанами, не только зависимости своей от России не признавали, но мужественно защищали свою независимость.

Удержание этого народа в повиновении и желание усилить наши способы на Кавказе подали мысль князю Потемкину-Таврическому продолжить Кавказскую линию на запад до Кубани и водворить русские поселения на степях между реками Кумою и Калаусом.

В таких видах Кавказская линия продолжена по Тереку и Малке на запад, а потом на северо-запад, диагональною чертою до самого Черека. В 1777 году выстроены города: Екатериноград, Георгиевск, Александровск и Ставрополь, и в том же году, от Моздока до Георгиевска, поселен Волжский казачий полк, переселенный с реки Волги.

В 1779 году Кавказская линия продолжена до реки Кубани, которая и признана Портою границею между обеими империями, первоначально особым актом, заключенным в Константинополе в 1783 году, потом в 1791 году подтвержденным Яским трактатом.

Устройство Кавказской линии от Каспийского до Черного моря.

В 1783 году занята Тамань и низовья Кубани.

В 1791 году сооружена Усть-Лабинская крепость, а в следующем 1792 основана крепость Константиногорская.

Для усиления правого фланга Кавказской линии построен в 1794 году на Кубани редут Недрематый, и в том же году переселены на Кубань казаки с Дона, составившие Кубанский полк и образовавшие станицы: Кавказскую, Темисбекскую, Григориополесскую, Прочноокопскую, Воровсколесскую и Темнолесскую, и при первых четырех воздвигнуты укрепления.

Влияние России за Кавказом возобновляется.

Между тем влияние России на Закавказский край также быстро начало развиваться.

В 1783 году царь Карталинский и Кахетинский Ираклий актом, заключенным в г. Гори, признал над собою власть Российской империи.

Поход на Кавказ для освобождения Грузии.

Впоследствии этой покорности, Россия была вынуждена в 1796

году объявить войну персидскому шаху Али-Магомет-хану, который в 1795 году вконец разорил Грузию.

Российские войска в числе 35 т. человек под начальством графа Валериана Зубова в короткое время покорили: Дербент, Кубу и Ганджу (Елисаветполь).

Кратковременная потеря сделанных завоеваний и возобновление владычества России за Кавказом.

Хотя завоевания эти в следующем году опять были оставлены, но в 1798 российские войска снова выступили за Кавказ для поддержания прав утесненного персиянами грузинского царя Георгия (сына Ираклия) и для умирения горцев.

Два года спустя (в 1800 году) царь Георгий, предвидя гибель своего государства, последнего в Азии остатка христианства, на смертном одре завещал Грузию на вечные времена державе Российской.

Устройство Кавказской линии.

В то же время мы усиливались на линии водворением русского народонаселения. Вслед за поселением Кубанского полка переселены в нынешний Ставропольский и Пятигорский округи великороссийские и малороссийские крестьяне. А как кордонная линия между Терекон, Малкою и Кубанью имела длинную сухую границу, проходившую через Константиногорск и станицы: Воровсколесскую и Темнолесскую, то в 1798 году она проведена по Малке к Константиногорску, а оттуда к верхней части Кубани, к Баталпашинску; на этом пространстве сооружены восемь новых укреплений: Соленобридское, Беломечетское, Золковское, Этокское, Новоучрежденное, Касаевское, Абазинское и Калмыцкое.

Первоначальное устройство Военно-Грузинской дороги.

Поездки генерал-поручика Павла Потемкина в Грузию и беспрерывные сношения России с этим царством побудили основать в 1784 году по дороге от Моздока до Кавказских гор небольшие ретраншаменты и крепость Владикавказ, с тою целью, чтобы сообщение с Закавказьем обезопасить от нападения горцев, которые чрезвычайно затрудняли наши сношения, производившиеся не иначе, как посредством сильного отряда с орудиями. Хотя сии сношения и дорога были оставлены в течение 16 лет, но в 1800 году, когда Грузия поступила в совершенное подданство России, она опять возобновлена и на протяжении между Моздоком и Владикавказом построены редуты: Константиновский и Елизавет-

тинский, а крепость Владикавказская возобновлена и увеличена. Таким только ненадежным путем Закавказские владения соединялись с Кавказскою линиею.

Заключение.

Итак, царствование Екатерины II ознаменовано постоянными успехами на Кавказе. В 93-м году образовалась Кавказская линия от Кизляра до Азовского моря, на протяжении 900 верст; на ней построено шесть крепостей и множество укреплений; поселено 8 казачьих полков и многочисленное русское народонаселение. Весь кубанский край до Тамани покорен; караногайцы, едишкульцы, джамбулуки, наврузы и кубанские ногаи смирились и приняли подданство.

Таким образом, твердо утвердившись у предгория Кавказа, мы стали к нему грудью, и, обеспечив спокойствие границ империи, нам оставалось бы укрепить эту линию еще сильнее; покровительствовать горцев от чужеземного порабощения; вступить с ними, как с соседями, в мирные и торговые сношения и иметь Кавказ с его многочисленным и воинственным народонаселением барьерою против Азии. Но силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ; покоряем Дербент, Кубу, Баку, Ганжу и спасаем Грузию, порабощенную игу изуверов, а с этим вместе последнее, слабое христианство в Азии, доблестно борющееся несколько веков с могуществом мусульманским.

С этой минуты мы начинаем войну уже собственно с кавказскими народами, ибо покорение их для спокойного и надежного обладания Закавказским краем содеывается существенною необходимостью. До этой же эпохи мы на Кавказе боролись не собственно с горцами, но с могущественною в то время Турциею и Персиею, вытесняя магометанство за пределы Европы.

Эпоха IV

От царствования императора Павла Петровича до наших времен, с 1800 до 1841 года (41 год)

Обращение всех способов на Закавказский край в продолжение первых 14 лет 19-го столетия.

С присоединением Грузии, как мы видели, покорение Закавказского края для упрочения нашего там владычества сделалось первостепенною надобностью. А потому на это употреблены были все способы Кавказского корпуса; на Кавказской же

линии наступательные действия приостановлены, и она по малочисленности своего народонаселения, не имея возможности противустоять горцам без постороннего пособия, — поддерживалась только регулярными войсками в такой степени, сколько для обороны ее, по крайней необходимости, нужно было. Усилить же эти способы правительство, вероятно, не находилось в возможности, имея в них более надобности в других местах, куда привлекалось все его внимание важными политическими переворотами, в то время в Европе происходившими*.

Первые 14 лет 19-го столетия ознаменованы за Кавказом блестящими успехами и знаменитыми победами.

С 1800 по 1814 год покорены: Елисуйское владение, Джарская область, Шурагель, ханства: Ганжинское, Нухинское, Карабахское, Ширванское, Дербентское, Кубинское и Талышинское; княжества: Мингрелия, Имеретия, Гурия и Абхазия.

Состояние Кавказской линии в 1815 году.

В это время Кавказская линия оставалась почти в том же положении, как она была в 1794 году, только между Терекон и Кубанью она немного подвинута, а в некоторых местах построены незначительные укрепления для вящего охранения границ, и между станциями Кубанского полка и Черноморскими казаками поселен в 1805 году Кавказский казачий полк, составившийся из Екатеринославского войска. Но вообще все укрепления на линии пришли в расстройство.

Последствия от устройства Кавказской линии.

Не менее того Кавказская линия со всеми своими недостатками, происходящими частью от обстоятельств, частью от неспособности тех, кои устраивали оную, и более от неспособности частных начальников, что с кордонною системою неразлучно, несмотря на все сие, устройство этой линии много уже послужило к обузданию кавказских народов. Хищничества их не так часто повторялись; набеги не простирались так далеко, как прежде, и ограничивались по большей части крайней полосой. Это дало возможность поселить в Кавказской области значительное число русских крестьян, обращенных впоследствии в казаков. Караногайцы, эджанские и джамбулуковские ногайцы, кочующие от Кизляра до Ставрополя и оставшиеся таким образом внутри

* В этот промежуток времени Россия достопамятно совершила четыре войны: три с Франциею, одну с Швециею и одну с Турциею, несколько лет продолжавшуюся (так в тексте. — *Рег.*).

линии, были прежде столько же хищны, как чеченцы, кабардинцы и другие кавказские народы. Теперь они сделались совершенно мирными жителями, занимаются особенно скотоводством и несут значительную повинность, развозя для войск провиант с Серебряковской пристани на Каспийском море. Теперь из них редко можно увидеть вооруженного. Ногайцы, живущие по Колаусу и около Бештовых гор, хотя носят оружие, но в хищничествах не бывают; даже один из их аулов обращен в казаков и причислен к Волжскому полку.

Положение кавказских народов в 1815 году.

Осетины, кабардинцы, чеченцы, дагестанцы и закубанцы в продолжение этого периода производили набеги многочисленными партиями и тревожили наши границы. Чеченцы были самые беспокойные из всех соседей. Не только в наших границах по Тереку и по Военно-Грузинской дороге производили свои хищничества, но распространяли их между соседними им кавказскими племенами, особливо между кумыками, так что кумыкские князья в собственных своих владеньях уже не осмеливались ездить без чеченского проводника.

Все многочисленные лезгинские племена были вовсе непокорны и грабили в наших пределах.

Шамхал хотя признавал часть России, но был уже слишком слаб, чтобы противиться горцам, и его подвластные занимались хищничеством вместе с лезгинами, кумыками и чеченцами.

В остальной части Дагестана только были покорны Дербент и Куба, но ханства: Кюринское, Казакумыкское, Аварское, Мехтулинское; владения Уцмия, Майсуми и многочисленные вольные общества не признавали нашей власти.

На берегу Черного моря турки занимали: Потю, Анаклию, Сухум-Кале, Пицунду, Суджуп и Анапу. Горские племена, обитающие на южном скате Кавказа, были непокорны, исключая некоторых незначительных грузинских горных обществ, принадлежавших издавна грузинскому царству.

Абхазские владетели хотя в 1811 году признавали зависимость свою от России, но непрерывные смуты и междуусобия, шаткое положение самих владетелей и сильное влияние на этот край Турции, занимавшей в то время, как выше упомянуто, Сухум-Кале, соделывали в этом углу навсегда влияние наше совершенно ничтожным.

Грузия разорялась с одной стороны лезгинами и джарцами, с другой набегами эриванских татар и ахалцихских турок в совокупности с тамошними лезгинами.

Военно-Грузинская дорога подвергалась непрерывным нападениям хищников, и сообщение по ней производилось не иначе, как под сильным пехотным конвоем при орудиях.

Положение России на Кавказе и дальнейшие меры к покорению до 1826 года.

Таким образом, Кавказ был, так сказать, блокирован: с севера — Кавказскою линиею, с юга и востока — Закавказскими нашими владениями; оставалось бы стеснить его с запада, но там владычествовала еще Турция. Между тем Дагестан, Чечня и Кабарда находились в середине наших владений и сильно тревожили границы наши. По этим уважениям с 1817 года открыты противу этих племен наступательные действия.

С 1817 по 1821 год устроена Сунженская линия, которая через землю кумыков продолжена в шамхальские владения до Каспийского моря, состоявшая из нижеследующих укреплений:

- 1) Преградный стан.
- 2) Злобный окоп.
- 3) Кр[епись] Грозная.
- 4) Неотступный стан (впоследствии укрепление Горячеводское).
- 5) Амир-Аджи-Юрт.
- 6) Аксой, или Герзель-Аул (впоследствии переименованный в Таш-Кичу).
- 7) Кр[епись] Внезапная.
- 8) Кр[епись] Бурная.

В 1822 году устроена Кабардинская линия от Ардона до Каменного моста на Малке, состоявшая из 7 укреплений, в один год возведенных:

- 1) Каменный мост.
- 2) Баксанское.
- 3) Мечетское.
- 4) Нальчикское.
- 5) Чегемское.
- 6) Урванское.
- 7) Черекское.

В 1822 году устроена Кисловодская линия между Каменным мостом на Малке и Кубанью, состоявшая из укреплений:

- 1) Бургусант.
- 2) Хахандуковское.
- 3) Тахтамышевское.

В 1822 году приступлено к устройству Лезгинской линии построением укреплений:

- 1) Бежанъялы.
- 2) Натлис-Мцанела.
- 3) Кварель.

В 1825 и 1826 годах учреждалась и открыта Военно-Грузинская дорога чрез Большую Кабарду, на которой в это время построены укрепления:

- 1) Пришибское.
- 2) Урухское.
- 3) Верхнеджулатское (Миноретское).
- 4) Дурдурское.
- 5) Ардонское.
- 6) Архонское.

В продолжение же этого времени, т.е. с 1817 года до 1826, предпринимались сильные экспедиции за Кубань, в Чечню, Кабарду, Дагестан и Осетию.

Последствия от принятых мер.

Меры эти произвели следующие последствия:

- 1) Чеченцы, жившие на правом берегу Терека, несмотря на

название мирных, служили до того времени пристанищем хищнических партий, в коих они всегда участвовали. Со времени построения Грозной не только не скрывали у себя хищников, но вместе с нашими войсками ходили против непокорных нам горцев, своих соплеменников и единоверцев; давали подводы; возили лес; по призыву государя императора с полною готовностью и усердием являлись на службу и исполняли все требования начальства беспрекословно.

2) В земле кумыков город Ендери, который мы называем Андреевым, искони был главным местом на Кавказе, куда съезжались торгующие пленными, для продажи и покупки оных, откуда увозили сих несчастных по большей части в Турцию, чрез Анапу. С тех пор, как построена крепость Внезапная и постоянно находятся там войска, в Андрееве торг пленными совершенно прекратился и ни лезгины, ни чеченцы не имели более связи с черкесами.

3) Укрепления, построенные в земле кумыков и в Чечне, дали кумыкам и мирным чеченцам опору против непокорных чеченцев и лезгин; нам доставили возможность надзирать за самими кумыками и мирными чеченцами, так что ни сами они не находили прежних удобностей к хищничествам, ни чеченских хищников укрывать у себя не могли. Сверх того, водворение наше между кумыками и чеченцами их с нами сблизило, а вследствие всего этого Кавказская линия по всему протяжению участка Терека успокоилась.

4) По тем самым причинам такое же точно влияние имели Кабардинская и Кисловодская линии на все пространство от Екатеринограда до Георгиевска и далее к Ставрополю*. По тем же самым причинам прекратилось пленнопродавство и хищничество кабардинцев и соседних к ним горцев.

5) Теперь кабардинцы служат охотно в наших войсках; отдают детей своих в кадетские корпуса; начали с нами сблизяться и связи свои с непокорными возобновили только впоследствии возмущения Чечни в [1]840 и волнения, в то же время происшедшего в землях черкесских.

6) Устройство укреплений и линий в земле кумыков и в Кабарде дало возможность поставить между ними начальников из русских офицеров и туземцев, нам преданных; учредили у них суды под председательством русских чиновников, которые уп-

* В этом легко убедиться можно, сравнив журнал происшествий до устройства всех вообще поименованных линий и после того.

равляют народом и разбирают тяжбы и ссоры. Кумыки и кабардинцы, увидев, что они управляют хорошо и скоро оканчивают дела, что раскладка повинностей делается со всею справедливостию, — остались судами этими довольны. Только духовенство на это учреждение ропщет, домогаясь суда по шариату (так в тексте. — *Рег.*), ибо разбирательство дел существующим теперь порядком лишает их влияния и власти, которую они всемерно стараются приобрести нам во вред.

7) Акуша, Кубачи, Сюрги, Нижний Каракайдак и Табасарань, ханство Ксаринское и Каза-Кумыкское, составляющие весь Центральный Дагестан и главную часть Южного, покорились, платив исправно значительную дань хлебом и деньгами; давали по требованию русского начальства милицию против единоплеменников своих и только в [1]843 году изменили впоследствии всеобщего возмущения.

Действия на Кавказе хотя приостанавливаются во время персидской и турецкой войны, но сугубо вознаграждаются.

В 1826 году открывшаяся персидская война и потом вслед за нею турецкая, продолжавшиеся до 1830 года, хотя на это время приостановили действия на Кавказе, но достославными своими подвигами имели благодетельнейшее влияние на успокоение Кавказа. Знаменитыми победами генерал-фельдмаршала князя Варшавского покорены: Эривань, Нахичевань, Ахальцих, Ахалкалахи, Поты, Анаклия, Сухум, Пицунда, Суджук, Анапа, и турки, вытесненные с восточного черноморского берега, уступили России все права свои на черкесские берега и на Закубанье.

Действия на Кавказской линии во время турецкой войны.

Между тем в продолжение войны с турками на Кавказской линии предпринимались небольшие наступательные действия. В 1828 году построено укрепление Св. Георгия на Уране и Джимитея при Бугасском проливе. В 1829 Жировское — на Чатлыне; Калажское — на Лабе и Жинифа — близ реки Белой, которые, однако, были вскоре оставлены.

Меры к покорению Кавказа после турецкой войны.

По окончании турецкой войны в 1830 году все усилия обращены были на покорение черкесских племен, т.е. на обложение Кавказа с последней стороны, с которой он оставался свободен. Сначала сильные наступательные действия начались за Кубанью в земле шапсугов, потом перенесены в землю натухайцев, и в то же время приступлено к устройству Черномор-

ской прибрежной линии. Но с 1838 года действия на правом фланге в видах усмирения горцев силою оружия приостановлены, и только с большею деятельностью продолжалось устройство прибрежной линии. Линия эта имеет цель: 1) прервать горцам всякое сношение с иностранцами; 2) лишить их возможности получать извне огнестрельные снаряды, соль и другие потребности; 3) понудить их этим к изъявлению покорности.

В других местах Кавказа, исключая устройства Лезгинской кордонной линии, до 1839 года постоянных действий не было, а некоторые частные, в это время происходившие, зависели от положения дел и имели цель удовлетворять временным потребностям края.

Меры к покорению Кавказа с 1830 года состояли в следующем:

В 1830 году на Черноморской береговой линии и Закубанье построены укрепления:

1) Гагры. 2) Бамбары. 3) Мостовое Алексеевское (при переправе через Кубань). 4) Афипское за Кубанью.

В том же году довершена Лезгинская линия, начатая в 1822 году; на ней построены укрепления:

5) Кр[епись] Новые Закаталы. 6) Белоканы. 7) Лагодех. 8) Каргубань.

В 1831 году на Черноморской береговой линии возведены:

1) Геленджик. 2) На Кубани устроена переправа для сообщения Черноморья с Геленджиком и при ней Ольгинский Тетде-Пон.

В 1832 году на Черноморской береговой линии построены:

1) Укрепление Новотранцкое и в Северном Дагестане. 2) Темир-Хан-Шуру.

Сверх того, совершены экспедиции: одна против натухайцев; другая в Северном Дагестане, для усмирения жителей того края, возмущенного Кази-муллою.

В 1833 году предпринята экспедиция к натухайцам и в то же время к кистам, обитающим около Владикавказа.

В 1834 году на Черноморской линии и за Кубанью построены укрепления:

1) Обин. 2) Николаевское. 3) Дралды. 4) Пилары.

В 1835 году предпринята сильная экспедиция в земле натухайцев.

В 1836 году на Черноморском берегу построены укрепления:

1) Кабардинское и в Северном Дагестане. 2) Митрлинское на Сулаке.

В 1837 году на Черноморском берегу построены укрепления:

1) Михайловское. 2) Св. Духа.

В Дагестане занято Аварское ханство и сооружена крепость Кузнах.

Кроме того, в Дагестане предпринимались экспедиции в Аварии и Койсуби против Шамиля и в Чечне.

В 1838 году на Черноморском берегу построены укрепления:

1) Первый форт Новороссийский. 2) Тетинская. 3) Вельяминовское. 4) Навагинское.

Кроме того, в малой Кабарде для прикрытия Военно-Грузинской дороги:

5) Константиновское. 6) Елисаветинское.

На Сунженской линии для соединения Грозной с Внезапной:

7) Умахан-Юрт.

В Северном Дагестане для соединения Хунзаха с Темир-Хан-Шурою:

8) Зирани. 9) Бурундук-Кале.

В Южном Дагестане по случаю бывшего в 1837 году возмущения:

10) Кубинское. 11) Хазры.

Предпринята экспедиция в горные Самурские общества и в Койсубу и Аварию противу Шамиля.

В 1839 году на Черноморском берегу построены укрепления:

1) Другой форт в Новороссийске. 2) Форт Лазаревский. 3) Головинское. 4) Раевский.

По Любинской линии:

5) Зассовское укрепление.

В Южном Дагестане:

6) Тифлисское. 7) Ахтинское.

Предприняты две сильные экспедиции: одна для приведения в покорность Самурских горных обществ и другая противу Шамиля.

В 1840 году на Черноморском берегу устроены укрепления:

1) Возобновлены форты Лазарев и 2) Вельяминовский.

В Цебельде:

3) Марамбское.

На Лабинской линии:

4) Махашевское. 5) Темиргаевское. 6) Новоданское. 7) Новогоргиевское.

На Чеченской линии:

8) Герзель-Аул.

Предприняты экспедиции в Чечню и Северный Дагестан противу Шамиля, для умирения возмущившегося края.

В 1841 году предложено построить укрепления:

На Чеченской линии:

1) Чиркеевское. 2) В Аргунском ущелье при Чах-Кери.

На Лабинской линии:

3) При Ахмет-Гаре.

Кроме того, предполагалось: а) построить 4 поста на Лабее; б) 4 укрепленные станицы для поселения вновь сформированного казачьего Лабинского полка и с) в Дагестане перестроить Темир-Хан-Шуру, Хунзах и низовое укрепление при Тарки, а на Черноморском берегу укрепление Гагры.

Кроме того, предпринимаются четыре экспедиции: одна в Дагестан, другая в Чечню, третья в землю абадзехов, четвертая в землю убыхов*.

Общий свод действиям на Кавказе с 1830 по 1841 год.

Из этого краткого очерка видно, что в продолжение 15 лет, т.е. с 1826 по 1841 год, построено:

С 1826 по 1831 год:

На Черноморском берегу и за Кубанью

в земле шапсугов 4 укрепления

На Мезгинской линии 4 укрепления

Итого 8 укреплений

С 1831 по 1838 год:

На Черноморском берегу и за Кубанью

в земле шапсугов 10

В Дагестане 3

Итого 13

С 1838 по 1841 год:

На Черноморском берегу 9

Против абадзехов 6

В Дагестане и Чечне 10

В Кабарде 2

Итого 27

ВСЕГО 48 укреплений

* В этой записке было бы кстати упомянуть, хотя вкратце, о всех вообще экспедициях, предпринимавшихся противу кавказских народов, но для этого я не имею ни способов, ни материалов, и предмет этот мог бы слишком распространить эту материю, а потому я должен ограничиться только одним кратким обзором постепенного утверждения нашего на Кавказе и разных мер, употреблявшихся для усмирения кавказских народов.

Последствия от мер, принятых на Черноморской береговой линии.

По сие время укрепления на Черноморском берегу и крейсертво, в особенности азовскими ладьями, конечно, затрудняют сообщение, не менее того черкесы не перестают быть в сношениях с Турциею, о чем свидетельствуют журналы происшествий и донесения местного начальства. Сношения эти могут быть еще более затруднены, но никакою бдительностью нельзя достигнуть, чтобы они были вовсе прерваны. Нельзя, чтобы черкесы не пользовались ночьюю темнотою, или туманом, или сильным ветром, — отдаляющими крейсера от берегов. Заметить должно, что к сношению с Турциею они побуждаемы не только торговыми и политическими видами, но и узами родства, проистекшими от вековых продаж женщин, или, вернее сказать, от выдачи их в замужество. А потому, ежели бы даже и удовлетворять их нуждам для потребностей жизни, то связи с Турциею этим расторгнуты не будут; безошибочно можно сказать, что теперь в Константинополе почти нет ни одного сановника, который бы не был по жене или наложнице в родстве с лучшими фамилиями черкесскими. На сухом пути кордонные линии имеют взаимные сношения между укреплениями, там остается след, по которому можно прорвавшуюся партию преследовать, не менее того горцы чрез них беспрерывно проходят.

Для сближения посредством торговли с кавказскими народами, которым продавать почти нечего, заведены были меновые дворы или дозволяется приезжать в наши города и деревни для продаж и покупки разных товаров; кабардинцы, чеченцы, шапсуги и натухайцы возят и теперь на продажу: доски, бревна, дрова и живность; первые из них, как мирные, ездят даже в отдаленные станицы и колонии; между тем одни возмущились при первом появлении Шамиля, вторые волнуются, а последние среди миролюбивых и дружеских с нами сношений не перестают нападать на наши Анапские поселения. Нельзя не заметить, что во время экспедиции покойного генерала Вельяминова в их земле нападения эти никогда не повторялись так часто, никогда не были так жестоки и отчаянны, как в последнее время, когда сношения усилились.

Генерал Ртищев, командуя на Кавказской линии, сделал пред самым назначением своим в командование всем корпусам мирный договор с чеченцами; чрезвычайно обласкал главнейших и знатнейших из них в разбоях; одарил их щедро. Вслед за сим, отправясь в Тифлис, был атакован на первых переходах чрез горы сими самыми чеченцами.

Совершеннейшее невежество кавказских горцев препятствует видеть несоразмерность сил их с могуществом России. Они думают, что могут иметь против нас успехи и что могут отстоять свою независимость. От времени до времени действительно им удаются некоторые набеги, и удачи сии происходят от местных обстоятельств, а более от неспособности многих военных наших начальников. Как сии причины, так и вообще образ их понятия, происходящий от воспитания, обычаев и большого недостатка нравственности, заставляют их думать, что гостеприимство, щедрость, ласки, выгодные для них торговые сношения — суть дань бессилия. Они приносят тогда только пользу, если сопряжены с успехом оружия. Во все продолжение времени правления генерала Ртищева чеченцы и кабардинцы не переставали делать хищничество по Военно-Грузинской дороге, опустошая Терек, и только тогда усмирились, когда, как мы видели выше, выстроен был в землях их ряд укреплений с сильными гарнизонами, имевшими между собою свободное сообщение и в тылу целую Кавказскую линию. Эти укрепления дали возможность иметь лучший надзор за мирными; дали более удобства приходить с войсками нечаянно в жилища хищников и там наказывать их силою оружия; дали способ, в случае набегов, отрезывать отступление, о котором хищники всегда более помышляют, нежели какой-нибудь полководец.

Хотя укрепления на восточном берегу по своему отдельному (изолированному) положению представляют большие невыгоды, не менее того они имели бы влияние на горцев, как и другие линии, если бы возведение их сопряжено было с наступательными действиями и если бы гарнизоны были в состоянии неожиданно приходить в жилища горцев и наказывать их при малейшем неприязненном действии.

Напротив того, с 1838 года сильные отряды, на восточный берег прибывшие, оставляли горцев в совершенном покое и только от них отбивались во время постройки укреплений. Гарнизонам даже строго воспрещено было выходить из укреплений и угрожать горцам в жилищах их; даже вырубка леса была запрещена под тем предлогом, чтобы не заводить с горцами дела, не раздражать их и избежать потери людей. С другой стороны, совершенное бездействие* породило в войсках робость и уныние, неизбежный источник болезней и смертности. Офицеры, большею

* В гарнизонах Восточного берега бывшим местным начальником строго воспрещалось занимать людей фронтовым образованием.

частою дурной нравственности, предавались пьянству. Люди теряли уважение и доверенность к начальникам и упадали духом. Расстройство гарнизонов, дурное состояние укреплений и система, в действиях с горцами принятая, не соответствующие, как выше изъяснено, с их понятиями и образом мыслей о силе и могуществе, которым они только повинуются, — породили в них самонадеянность и дерзость, дотоле на Кавказе неслыханную.

Последствия и успехи от мер наступательных.

До тех пор, пока сила оружия не употреблялась на Черноморской береговой линии, мы не имели успехов.

В прошлом году начальник 3-го отделения генерал-майор Муравьев, для приведения в покорность возмущившейся горной Цебельды, употребил силу оружия; действия этого достойного офицера увенчались полным успехом, и не только Цебельда и все окрестные племена смутились, но даже джигиты, уstraшенные наказанием, постигшим горную Цебельду, склонились к покорности.

Успехи и выгодные для нас последствия, происшедшие от наступательных действий в Дагестане, Чечне, Кабарде и в других местах на Кавказе, мною выше описанные, пусть покажут противнику сего образа действий, какая произошла польза от ласкательств и щедрот, рассыпанных между кавказскими народами в разное время? Между тем сила оружия, как мы видели, доставила нам такие успехи, которые никаким гостеприимством, никакою ласкою, никакою щедростью, никакими торговыми сношениями нельзя было бы достигнуть.

Горцы по воспитанию своему, понятиям и обычаям даже и среди своих обществ не признают никакой власти, кроме силы оружия, никаких обязанностей, кроме тех, к исполнению коих можно принудить оружием, кои, несмотря на множество прислуг, не исполняют никаких условий, коль скоро находят возможность нарушить оные. Каким образом народ хищный, воинственный, полудикий, покорится мирным соседям? Кажется, вопрос состоять должен в том только, каким образом употребить оружие, дабы вернее достигнуть цели, приспособляя и миролюбивые меры как средства вспомогательные и второстепенные.

Последствия от устройства Лезгинской кордонной линии.

До устройства в 1830 году Лезгинской линии за Кавказом джаро-салаканские лезгины, вместе с горными лезгинами, сильно нас тревожили среди владений Закавказских, увлекали людей

в плен из окрестностей самого Тифлиса и при случае могли бы нам нанести много вреда. После учреждения этой линии и строгого наказания джарцев силою оружия не только эта провинция успокоилась, но имела большое влияние на спокойствие Кахетии и Тифлиса.

Положение Дагестана и Чечни до турецкой войны.

В 1826 году за Терском мы имели только крепость Грозную, Амио-Алжи-Юрт, Горячеводскую, Таш-Кичу, Внезапную и Бурную. Преградный стан и Злобный окоп, находившийся на Сурудже между Грозною и Назраном, были упразднены потому, что места для укреплений не были избраны те, которые наиболее приличествовали, и строения в них были совершенно разрушены. Но вместо их предполагалось выстроить другие, как ниже об этом сказано будет.

Генерал Ермолов предполагал устроить передовую линию, которая соединяла бы кр[епись] Бурную с Владикавказом следующим образом:

1) Для связи Внезапной с Бурной думал построить одно укрепление у Болгугая* и сделать тут мост или переправу чрез Сумак, другое в Кафер-Кумыке, близ Темир-Хан-Шуры, и третье в Кум-Теркале.

2) На Сунженской линии он же предполагал построить укрепление близ Казах-Кичу, несколько выше одного, другое верст 15 впереди деревни на речке Оссе, впадающей в Сунжу, недалеко того места, где Осса выходит из ущелья. Укрепление это должно было помещать 500 человек гарнизона. Между Казах-Кичу и Грозной предполагалось построить пост при Ахан-Юрте или верст 10 выше Грозной; наконец, ниже Грозной — пост на Теп-викинчинской переправе.

Укрепления эти по Сунженской линии стеснили бы чеченцев в хищнических предприятиях к стороне Червленной, на Ура-Миздана-Владикавказа и по Военно-Грузинской дороге, доставили бы возможность приходить внезапно с войсками как в жилища карабулаков, так и к чеченцам, живущим за Оссою; укрепления же ниже Грозной прикрывали бы все пространство, находящееся между нижнею частию Сунжи и Тереком, а форты между Внезапной и Бурной прикрывали бы Шамхальские владения и нижний Терек к стороне Кизляра. Основательность этого предположения совершенно оправдалась событиями 1831 года и в особенности 1840 года. Если б Сунженская линия существовала

* Суманг ниже Мятлы, почти напротив Чир-Юрта.

так, как ее генерал Ермолов предполагал, то прошлогоднее возмущение Чечни не имело бы таких несчастных последствий. Те карабулаки и чеченцы, которые были нам преданы, нашли бы опору и защиту, они не имели бы возможности увести свои семейства; Военно-Грузинская дорога была бы совершенно прикрыта и не подвергнулась бы бедствиям, которые ее постигли в 1841 году.

Положение Дагестана и Чечни после персидской и турецкой войны.

Конечно, совершенно покойное состояние Дагестана после турецкой войны 1829 года подавало полную надежду на покорность этого края и позволяло обратить все способы на противоположный фланг. Но между тем в недрах Дагестана собиралась туча, которая с тех пор омрачает край и грозит могуществу нашему.

Кази-Магома, или, как мы его называем, Кази-Муллы, восстанием своим в 1831 году возбудил умы разнородных племен Дагестана. Не только отдалил время покорения этого края, но распространением пагубного для нас учения своего воспламенил полудиких лезгин религиозным фанатизмом, со смертью его более и более возрастающим.

Мюриды*, последователи учения Кази-Муллы, как мученики, обрекшие себя на смерть для прославления и распространения исламизма, как его побожники, проповедают войну и ненависть к христианам. Шамиль, второй преемник и сподвижник Кази-Муллы, сосредоточивает в себе эту духовную власть в звании Имам-Азама** посредством своих мюридов, которые составляют его силу и исполняют безусловно все его веления, он держит всех в повиновении; чрез них приводит все замыслы свои в исполнение; неповинующихся наказывает смертью и часто за малейшееслушание истребляет целые семейства: чрез них распространяет более и более свои учения, а с ними власть и могущество. Теперь нет деревни в Дагестане и в Чечне, которые не

* Мюрид есть правоверный мусульманин из среды последователей учения превратного шарията, т.е. толкования Корана, поклявшийся повиноваться воле своего лжеучителя и умереть с радостью за веру в полной уверенности получить на том свете все наслаждения рая. Мюрид не курит, не нюхает табаку, не пьет горячих напитков, презирает всех хотя бы мусульман, имеющих сношения с русскими, а тем паче находящихся у них на службе.

** Звание, которое носили Абубекр, Омар и Осман, основатели Турецкой империи, положившие начало бывшего ее могущества и славы.

имели бы несколько мюридов, проповедывающих вражду и ненависть к нашему правительству.

Учение Шамиля, т.е. его шариат*, принято почти от Каспийского моря до Кабарды, где уже также есть тайные его последователи; с [18]42 года учение его проникло к абадзехам и чрез посланного от него наместника он приводил их к повиновению. Он разделил весь край, ему повинующийся, на участки и поставил в них правителей, жестокостию и строгостию порабоощающих народ его верховной власти. Организация эта, соединяя все силы и способы народные, направляет их к одной цели, для нас тем более опасной, что они основаны на религиозном фанатизме и на тех началах, которые служили основанием могущества арабов и османов. Эти основания дают войне на левом фланге Кавказской линии совершенно другой характер с войною на правом фланге и на восточном берегу.

Хотя борьба на Черноморском берегу и за Кубанью упорна, но утвердительно могу предсказать, что этой войне с мерами, ныне предпринимаемыми генералом Анрепом, мы увидим конец и он не так удален, но войне в Дагестане конца скоро не предвижу.

Нельзя не сознаться, что в продолжение всего времени командования генерала барона Розена дела Дагестана были почти забыты, и важности, в развивающейся в Кастии <деятельности> последователей Кази-Муллы, не предусматривалось; а зло между тем созревало и теперь достигло высокой степени. В справедливости этого мы легко убедиться можем, взглянув на выше изложенный мною краткий очерк действиям нашим на Кавказе, из которого мы видим, что с 1831 по 1838 год в Дагестане почти ничего не сделано.

Хотя после истребления Кази-Муллы под Гилузами построена Темир-Хан-Шуру близ Кафер-Кумыка, где генерал Ермолов предполагал построить укрепление, устроена переправа через

* Шариат значит: правила, изложенные в Коране, относительно духовных и светских постановлений, которым все правоверные мусульмане должны следовать. Правила эти перетолковывались еще в начале мусульманства Абубекром, Омаром и Османом, а в 1828 году в Дагестане начал их излагать Кази-Мулла; потом его преемник Халзат-Бек (правильно — Гамзат-бек. — *Ред.*), и наконец, по смерти сего последнего, Шамиль. Основание Шариата состоит: в истреблении христиан, в особенности русских, в уничтожении всякой светской власти, хотя бы мусульманской и тем паче иноверной. Шариат проповедует равенства, признающие власть только духовную в лице Имам-Азама, как наследника Магомета, и тех из подвижников его, коих он, Имам-Азам, передаст по вдохновению волею свыше на него ниспославшего

Сулак вместо Болтугая в Миатлы; а в 1836 году занята Авария, возведена Хунзахская цитадель и предпринимаемы незначительные экспедиции в Нагорный Дагестан и Чечню, но действия эти, продолжавшиеся шесть лет, были слишком слабы, не соответствовали состоянию края и не противопоставляли возраставшему влиянию Шамиля надежных препон.

К окончанию Сунженская линия от Назрани до Толи-Кичу, на котором находилась только крепость Грозная, была открыта. Укрепления приходили в упадок, наступательные действия, уже только в последнее время предпринятые, не совсем удавались, а между тем слабое и несправедливое управление краем при недостатке войск породило в 1837 году Кубанское возмущение, которое увлекло весь южный и часть центрального Дагестана и сильно отразилось не только в остальной части Дагестана, но даже за Кавказом и в Шеминской провинции. Этим шатким положением края и умов предприимчивый и осторожный враг наш умел воспользоваться и быстро развивал свое влияние.

Не могу умолчать, что и действия против Шамиля с Кавказской линии в 1839 и 1840 годах были, по моему мнению, несоответственные положению дел. В 1839 году, после поражения Шамиля при Бутурнае и Аргуани, надлежало овладеть Чиркеем и построить там укрепление, это прикрыло бы совершенно Шашхельские владения и кумыков. Хунзахскую цитадель надлежало перестроить прочным образом, увеличить объем и дать ей сильную оборону с гарнизоном на место одного батальона, это прикрыло бы Аварию и не поставило бы нас в то затруднительное положение, в котором мы находились там в 1840 и 1841 годах зимою.

Рассматривая дела так, как они совершались после пожертвований и потерь под Ахулью и после неудачи при Чиркее, воспламенившей горцев новою надеждою, я полагаю, что надлежало бы принять деятельные меры для наблюдения за действиями Шамиля и для усиления пунктов, ближайших к месту его пребывания в Аргунском ущелье. Надлежало видеть в нем врага опасного и не предаваться нелепой мысли, что он уже потерял все доверие горцев, что он скитается бесприютный, всеми отверженный. В то самое время, когда он распространяет власть свою между чеченцами и кабардинцами, следовало знать истинное положение Дагестана и Чечни и возможности, которые они имели быть нам вредными. Мы ведем с ними войну 40 лет, можно бы в этом не ошибиться? Если бы должные меры предосторожности были приняты, Шамиль не явился бы в таких силах и так нечаянно, как это было весною прошлого года.

В возмущении Чечни местное начальство обязано было предусмотреть ту степень опасности, которая действительно угрожала целому краю, и, не пренебрегая этой опасностью, отложив другие предположения и экспедиции*, употребить все способы на замирение края. Бесплезное в нынешних обстоятельствах Горчель-Аульское укрепление не следовало в 1840 году возводить, но должно бы обратить внимание на укрепление Сунженской линии и на неразлучное с этим прикрытием надтеречных и сунженских чеченцев и Военно-Грузинской дороги, с другой же стороны на прикрытия кумыков, Шамхальства и Аварии.

Заключение.

Вот причины, которые, по моему мнению, дали вообще делам, как в Дагестане, так и на Черноморском берегу, столь невыгодное для нас направление.

Противу совести моей было бы также умолчать, что если слабость и безнаказанность в крае, где мы установили правление, будет отличительною чертою, то, к несчастью, ожидать можно еще худших последствий.

Последствия действий на Кавказе с 1830 по 1841 год.

Теперь рассмотрим последствия производимых действий против горцев в этом периоде, т.е. с 1826 по 1841 год.

1) Первый шаг к покорению прибрежных черкес сделан. Джигиты приняли подданство, и с полною надеждою можно ожидать дальнейших успехов.

2) Закубанские племена, обитающие между Кубанью и Лабой и далее на правом берегу этой последней реки живущие, смирились, и в крае этом, где в 1826 году ходили не иначе как сильными отрядами, теперь сообщение совершенно свободно и устраиваются казачьи поселения.

3) По всей Кубани, в особенности в Черномории, хищничества до чрезвычайной степени уменьшились. Теперь, кроме малочисленных партий, занимающихся воровством, других не бывает. В этом убедиться можно, сравнив происшествия прошлых годов.

4) Хищничество в Кабарде и по всей Военно-Грузинской дороге до того прекратилось, что спокойное и надежное состояние

* Я здесь разумею предполагаемую экспедицию за Лабу, в которой не было никакой надобности и которая не исполнилась, а между тем войска, для нее предполагавшиеся, оставались в бездействии и прибыли в позднюю осень, когда они уже не могли быть полезны.

края дозволило там водворить десять русских поселений, из коих одно внутри гор.

До учреждения линии, хотя одни поселения не совсем окончены, сообщение по Военно-Грузинской дороге не иначе производилось как сильным конвоем пехоты с артиллериею. Теперь сообщение это безопасно, в особенности в горах, почта, путешественники, поселяне, даже одинокие женщины ездят свободно*.

5) До устройства укрепления за Терекком сообщение с Дагестаном производилось не иначе как чрез Кизляр, где в 1815 году между этим местом и Кизе-Юртом был схвачен в плен чеченцами майор Швецов, ехавший под защитою сына кумыкского князя Шафира Шамирова. Теперь все тяжести, рекрутские партии, проезжие и всякой команды до прошлогоднего возмущения ходили прямо в Темир-Хан-Шуру чрез Внезапную из Грозной или из Амир-Аджи-Юрта**.

6) Еще более должно сказать о Дагестане южном и о Джарской области, где прежде истребляли целые батальоны, там теперь жители совершенно покорные и мирные.

Горные Самурские общества с постройкою в их землях укреплений Ахтинского и Тифлисского совершенно смирились и исполняют все требования правительства, исправно платят дань и даже содержат на свой счет все свои правления и суд, учрежденный в 1839 году, которым они совершенно довольны.

Хотя положение нагорного Центрального и Северного Дагестана не таково, не менее того крепости: Бурлих, Темир-Хан-Шуру, Хунзах и укрепления Ахтинское и Тифлиское имели важное влияние на успокоение края. До постройки этих укреплений и до экспедиций, предпринимавшихся внутри Дагестана, акушинцы, аварцы, койсубушенцы подымали весь Дагестан и делали опустошительные набеги на Закавказский край.

7) С учреждением Лезгинской кордонной линии успокоилась Джарская область и Кахетия благоденствует, полудикие лезгины принимают покорность и с своими семействами входят мирными жителями в Кахетию для работ, подчиняясь совершенно земской полиции.

Хищничества, ими производившиеся по Военно-Грузинской дороге от Тифлиса к Владикавказу, совершенно прекратились.

* Спокойствие это нарушено было весною нынешнего года, но надеяться можно, что после постройки предполагаемых укреплений в Чечне оно водворится еще прочнее.

** Это тоже изменилось с 1842 года, в особенности с 1843 года.

Горец Рис М Ю Лермонтова

8) Абхазия и Самурзахань не только успокоились, но усердно содействуют в покорении их соседей

Общий вывод из всех событий, на Кавказе совершившихся, и начало войны с горцами до наших времен

Вникая в события, на Кавказе совершившиеся во время долговременной борьбы, и в разные меры, для покорения одного употреблявшиеся, равномерно в успехи или неудачи, от них происходившие, нельзя не вывести нижеследующего заключения

1) Что Кавказ должно уподобить весьма сильной крепости чрезвычайно твердой по местоположению, искусно ограждаемой укреплениями и обороняемой многочисленным гарнизоном, что одна только безрассудность может предпринять эскападу против такой крепости, что благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам заложит параллели, станет подвигаться силою, призовет на помощь мины и овладеет крепостью

2) Что ход сей атаки не был предварительно начертан для постоянного руководства, но что сущность вещей вынудила прибегнуть к сему образу действий, отчего хотя происходили частые отклонения от истинного пути, замедлявшие общий успех, не менее того действия эти образовали правильную атаку, а именно

Аул Гергебиль в Дагестане Стратегическое укрепление Шамиля

а) первая параллель Кавказская линия от Каспийского до Черного моря, крепость Бурная, Дербент и все крепости в Закавказских наших владениях,

б) вторая параллель Закубанские укрепления, те Ольгинский Тет-де-Пон, Мостовое, Алексеевское и Афипское, потом Лабинская, Кисловодная и Кабардинская и Сунженская линии, также Кумыкская, укрепление Амир-Аджи-Юрт, Таш-Кичу, Внезапная, Миатлы, Темир-Хан-Шуру, равномерно Лезгинская линия и, наконец, укрепления наши в Абхазии,

с) третья параллель Черноморская береговая линия, в других же местах Кавказа третья параллель только заложена, а именно Абан составляет правую оконечность Шапсугской или Закубанской линии, Владикавказ, Назран, Герзель-Аул и Чиркей составляют начало Чеченской линии, Хунзах и Ахты начало Дагестанской линии

3) Что всякая поспешность в действиях, всякий приступ как в давнишние времена, так и ныне, имели последствием или неудачу, или кратковременные бесплодные успехи, от которых мы должны были отказываться и которые, собственно, по этой уже причине отдаляли время покорения этой крепости, порождая в гарнизоне бодрость и надежду с нами бороться с успехом и отстоять свою независимость

4) Что устройство таких линий, которые служили базисом для дальнейших действий и которые оставляли позади себя целые племена, отрезывая их таким образом от гарнизона (т.е. главной части народонаселения), всегда приносило прочный и положительный успех.

5) Что в тех местах, где линия и крепости имели близкий надзор за племенами покорившимися и могли защитить их, там горцы пребывали верными, постепенно слагали с себя оружие и обращались в мирных жителей.

6) Что успехи, приобретенные силою оружия, с разборчивостью и осторожностью употребленною, без значительной с нашей стороны потери, всегда приносили прочные плоды, что, напротив того, все предприятия, где мы имели чувствительный урон, были для нас невыгодные, ободряя с одной стороны неприятеля, алчущего крови, с другой роняя смелость и уверенность в войсках.

7) Что набеги горцев в наши пределы должно уподоблять вылазкам гарнизона из крепости, и что для отражения их мы должны быть в непрерывной бдительности, и что если наши циркумвационные линии сильны и имеют грозное основание, то вылазки эти не могут нам принести ощутительного вреда.

8) Что поиски наши вовнутрь жилищ горцев не должны быть предприняемы иначе как для них нечаянно, а потому необходимо сначала к ним приблизиться линиями.

II. Меры для успешного покорения Кавказа и для прочного водворения мира

Руководствуясь этими видами и опытами многолетней борьбы нашей с Кавказом, осмелюсь изложить мысли мои о мерах, по мнению моему, необходимых для успешного и прочного покорения Кавказа.

1) Немедленно приступить к окончанию Сунженской линии, т.е. построить одно укрепление близ Казах-Кичу, где окажется удобнее, другое на Оссе, один или два укрепленных поста между Казах-Кичу и Грозной и, наконец, один около Теплечизу. Эта линия совершенно покроет Военно-Грузинскую дорогу и участок Терека до станицы Щедринской, служить будет основанием для предполагаемых на Сунже казачьих поселений и, наконец, приблизит средства наши к предполагаемой Чеченской линии, которую следовало бы устроить уже потом.

2) Укрепления: Елисаветинское и Константиновское как вовсе бесполезные и по сие время не приносившие никакой пользы, упразднить. Елисаветинское стоит среди покорного нам христианского племени, окруженное многочисленными аулами надежными, оберегающими верхнюю часть Военно-Грузинской дороги от хищников, Константиновское стоит в малой Кабарде отдельно; его можно везде обойти, и потому до сих пор не препятствовало прорыву хищников ни на Военно-Грузинскую дорогу, ни на Моздок; притом гарнизон оных слишком слаб, чтобы без постороннего пособия преследовать хищнические партии. Когда чеченцы были покойны и когда на Военно-Грузинской дороге приняты были надлежащие меры предосторожности, хищники там не появлялись; со времени же возмущения Чечни они нападали на Моздок, грабили наши поселения в Кабарде и уходили всегда безнаказанно, не встречая ни малейшего препятствия от обоих этих укреплений.

Для прикрытия же Военно-Грузинской дороги вместо Елисаветинского и Константиновского будут служить вышеупомянутые укрепления на Сунже и Оссе, а для успешнейшей постройки оных взять строительные материалы из Елисаветинского и Константиновского, как-то: полы, потолки, крыши, нары, двери, окна, кирпич и железо, может быть, окажется выгодным перевести и самые казармы, которые построены из бревен хорошо и прочно и теперь совершенно высохли, вырубка же леса за Сунжей не обойдется без потери людей и он будет сыр.

3) По окончании Сунженской линии приступить к устройству Чеченской по проекту, высочайше одобренному. Но если способы Кавказского корпуса дозволит, то, конечно, было бы весьма полезно в одно время с устройством Сунженской линии возводить и Чеченскую. В таком случае я полагал бы постройку укреплений начать с левого фланга этой линии с тою целью, дабы в одно и то же время прикрыть землю кумыков, Терек, Кабарду и Военно-Грузинскую дорогу.

4) По окончании Лабинской линии от верхней Кубани до устья р. Лабы перенестись от верхней Лабы, как по местности окажется удобнее, на реку Белую, и от оной устроить Шапсугскую линию по подошве гор, до Абини, который соединит с Новороссийским. Места, где укрепления должны быть возведены, определить могут только тщательным осмотром местности.

5) Черноморскую береговую линию устроить нижеследующим образом:

По всему протяжению восточного берега Черного моря от Керченского пролива до пределов Турции три пункта особенно

важны потому, что к ним во всякое время года могут приходить суда, а именно: Новороссийск, Геленджик, Сухум.

Сверх того, с первыми двумя пунктами можно устроить хорошее сухопутное сообщение, а последнее находится в крае, нам совершенно покорном.

Эти пункты должны быть заняты крепостями с сильными гарнизонами.

Между этими пунктами могут быть еще заняты два — Тенгинское или Вельяминовское, от коих ведет удобная дорога чрез хребет на Кавказскую линию и потом — Навагинское или Св. Духа, из коих первое лежит в земле убыхов, сильнейшего и воинственнейшего племени на восточном берегу, другое в соседстве их, в земле джигитов, нам покорных, которым мы должны во всякое время подавать помощь противу их соседей.

Итак, с Анапою я полагаю занимать шесть пунктов сильными гарнизонами, остальные, как временные, служащие для прекращения горцам сообщения с Турциею, занять каменными башнями или другого рода подобными укреплениями с весьма незначительным гарнизоном.

Таким образом, сосредоточив силы наши в нескольких пунктах, мы будем в состоянии предпринимать нечаянные набеги внутрь жилищ горцев и угрожать им во всякое время, или подавать помощь племенам, нам покорным, противу их соседей.

6) Для владычества в Нагорном Дагестане нам нужно усилиться в Хунзахе. Знаю, что это сопряжено с большими затруднениями в отношении продовольствия и отапливания войск, но делать нечего, однажды заняв Аварию, мы должны превозмочь эти затруднения и быть так сильны для удержания этого края и дабы приобрести влияние на соседственные племена, иначе все пожертвования будут тщетны.

7) По окончании передовой Чеченской линии, для наступательных действий вовнутрь Дагестана, полезно соединить: а) Хунзах с Чиркеем чрез Гимры и Унцукуль и б) с укреплением, которое предполагается построить на этой линии при Хунскульском ущелье чрез Анды. В другую же сторону соединить Хунзах: а) с южным Дагестаном чрез Акулу и чрез Однояр, Казикумух и Кюринское ханство и б) с Кахетиєю по Аварскому Койсу. Но исполнение этих предприятий так еще удалено и до того времени столько может совершиться событий, что о них я упоминаю единственно как о цели, которой желательно бы достигнуть. Между тем теперь нужно только усилиться в Аварии и стать там твердою ногою.

8) Что касается до экспедиций, предпринимаемых в мерах наказания горцев, то я полагаю, что они весьма редко приносят желаемый успех, если не имеют никакой другой цели.

Экспедиции этого рода могут быть удачны только при нечаянности, в противном случае горцы всегда приготовятся к отражению и увезут в ущелья в недоступные дремучие леса свои семейства и имущество, и за каждую сожженную саклю или за каждую четверть истребленного хлеба мы платим кровью, не принося им ощутительного вреда. Впрочем, правило это не может распространиться на весь Кавказ. В Дагестане они еще могут иметь успех, потому что лезгинские племена живут в каменных, весьма для них ценных домах, имеют сады, которыми дорожат и неохотно допускают до разорения. Но чеченцы и черкесские племена живут в турлучных саклях, не имеют никакого оседлого хозяйства и охотно жертвуют своими лачужками, лишь бы убить русского. Еще должно заметить, что экспедиции подобного рода имеют влияние на племена, еще незнакомые с нашим оружием, но если они часто повторяются, то теряют свою силу. А потому наступательные действия в этом роде должны быть предпринимаемы с большою осмотрительностью, с надеждою на верный успех и без значительной потери людей.

Предполагаемые мною меры и линии потребуют, конечно, много времени, но не думаю, чтобы это могло быть достаточною причиною их опровергнуть. Осада Кавказа не может быть окончена чрез несколько суток по заложении параллели. Несомненно, что все эти линии и наступательные действия принесут наилучшие успехи и что большая часть кавказских племен приведены будут в необходимость изъявить покорность, но покорность эту нужно упрочить надежными мерами, и тогда только можно надеяться на спокойствие, когда на Кавказе не будет раздаваться ни одного выстрела.

Меры эти заключаются:

- a) В силе оружия.
- b) В водворении русского народонаселения.
- c) В образовании внутреннего порядка.
- d) В выборе способных и достойных начальников.
- e) В развитии торговли и промышленности.

Все эти способы должны быть соединены и употребляемы совокупно, первый как главный, остальные как вспомогательные, без коих, однако, не может быть полного и прочного успеха, в применении этих способов заключаться будет все искусство и умение, но для этого направление всех дел и действий частных

начальников должно быть исключительно предоставлено главному начальственному лицу.

Способы, необходимые для применения силы оружия.

Сила оружия нужна, во-первых, для приведения в исполнение мер наступательных, во-вторых, для охранения линии, в третьих, для удержания в повиновении племен покорившихся и для их защиты.

Теперь наступательные действия происходят в четырех пунктах:

- 1) На Черноморском берегу,
- 2) На Лабе,
- 3) В Чечне,
- 4) В Северном Дагестане.

Дабы они производились с полным успехом, каждый из них должен иметь свои собственные средства, один от другого независимые, и два резерва, один на Кавказе, другой за Кавказом. Для усиления какого-либо пункта по мере надобности, иначе же будут или медленны и вялы, или в каком-нибудь пункте вовсе приостановлены. Как одно, так и другое должно всемерно избегать, ибо таковые действия обнаруживают слабость, ободряющую горцев и которою они никогда не преминут воспользоваться. Начав действия в таком объеме, как теперь, должно продолжать их с настойчивостию, иначе все жертвоания будут напрасны. Мы не должны с горцами бороться, но должны твердо подвигаться к цели и наносить им поражения при всякой неприязненной встрече.

Один из верных способов усмирения горцев состоит в том, чтобы везде предупреждать их замыслы, всегда находиться в сильном оборонительном положении, дабы отражать их набеги с успехом. Утвердительно можно сказать, что хищничества прекратятся, коль скоро горцы не будут иметь возможность их производить и как скоро они не будут иметь успеха, а для этого нужно быть на линиях наших в сильном оборонительном состоянии.

Кавказская линия во все время своего существования всегда поддерживалась регулярными войсками, а своим собственным народонаселением никогда не могла противустоять горцам. Линии, уже устроенные впереди оной, и те, которые теперь устраиваются и предполагается устроить, по недостатку земли не могут иметь такое сильное народонаселение, сколько для собственной их защиты нужно, и потому требуют подкрепления войсками, притом между первою и второю параллелью обитают уже горские племена, за которыми должно иметь общий надзор. Одним

словом, нельзя стянуть все силы на передовые линии, не остав-
ляя на задних надлежащих резервов.

Сверх сего, для удержания покорных горцев в повиновении
и для защиты их нужно неизбежно присутствие войск, где еди-
ножды водворилось спокойствие, там должно употреблять все
возможные меры для удержания оного в покорности, каждый
выстрел отдаляет покорение горцев. Кавказ не может быть поко-
ен до тех пор, пока жители вооружены, а дабы их обезоружить,
мы должны им доставить личную безопасность и защиту соб-
ственности, и тогда только они постепенно отвыкнут от оружия.
Приведу в пример кавказские ногайские племена, о которых я
выше упомянул, они вовсе покинули оружие, другие покорные
племена хотя носят оружие, но редко прибегают к оному. Все
народонаселение Грузии было вооружено, народ этот до сих пор
славится в горах храбростию, он несколько столетий боролся с
могуществом калифов и их наследников, а теперь в большей
части Грузии нет оружия; только часть Кахетии, прилегающая к
лезгинам, вооружена.

Одною силою этого невозможно бы было достигнуть, но мы
достигли по естественному ходу дел. Во всех этих племенах, сде-
лавшихся мирными жителями, мы защитили личную свободу и
собственность каждого, а они, не имея надобности прибегать к
оружию, оставили оное как вещь для них излишнюю.

Всегда, когда мы вынуждены были выводить войска из зе-
мель уже попиравшихся горцев, последствия были самые па-
губные. Не имея необходимых материалов, я не могу привести в
пример нее случаи; но упомяну только о некоторых, которые я
помню.

В 1825 году генерал Ермолов вынужден был взять из Ка-
барды в Чечню два баталиона Апшеронского пехотного полка, и
немедленно после того кабардинцы возмутились и бежали за
Кубань.

В 1831 году возмущение всего Дагестана и Чечни последо-
вало в то время, когда большая часть войск оттуда была выве-
дена на правый фланг Кавказской линии.

В 1837 году восстала Кубанская провинция и увлекла весь
Южный Дагестан, когда не было там войск.

Весною 1840 года мы были слабы на левом фланге и во Вла-
дикавказе и не могли подавить первые успехи Шамиля. Карабу-
лаки остались не наказаны, побег мирных чеченцев не предуп-
режден, покорные не защищены, и возмущение так быстро рас-
пространилось, что к лету все восстало от Назрана до
Шамхальских владений, и даже Кабарда сильно волновалась, ос-

тались покойны только кумыки, потому что земли их были прикрыты нашими войсками.

Теперь можно привести в пример [1]843 год.

Должно также взять в рассмотрение, что каждая удача горцев имеет сильный отголосок в Закавказских владениях наших. Мы видели этому пример в 1838 году, когда Ага-Бек со скопищами своими дерзнул вторгнуться в Шеканскую провинцию и осадил Нуху. Вся Шеканская провинция была готова пристать к возмутителю, и многие уже приняли его сторону. Можно сказать утвердительно, что они там только владычествуют, где имеют достаточно войск.

Принимая все это в рассуждение, по моему мнению, нужно иметь нижеследующее количество войск, независимо от линейных баталионов.

- 1) За Кавказом — бригаду пехоты, другую в резерве*.
- 2) В Южном Дагестане один полк.
- 3) В Северном Дагестане два полка.
- 4) В Грозной для земли кумыков и в большой Чечне один полк.
- 5) Во Владикавказе для малой Чечни, малой Кабарды и земли шпудей <шапсугов?> один полк.
- 6) В Нальчике для Кабарды один полк.
- 7) В Темнолесской один полк.
- 8) В Кавказской один полк.
- 9) В Черномории один полк.
- 10) В Крыму для Черноморской береговой линии** один полк.

С этими средствами можно с полным успехом удовлетворить всем потребностям, удержать край в покорности и прочно утвердить наше владычество.

Водворение русского народонаселения и выселение горцев по возможности в места удободоступные.

Усиление русского народонаселения весьма полезно, но оно имеет свои границы, которые преступить опасно. Сколь ни полезно, с одной стороны, население русское на равнинах для оттеснения непокорных, дабы тем заставить их покориться, столько оно вредно в землях между племенами, готовыми к покорности.

* Принимая полки в пятибатальонном составе, исключая гренадеров которые и теперь в четыре батальона.

** Хотя Черноморская береговая линия имеет свой резерв, состоящий из четырех линейных батальонов, но для наступательных действий от Новороссийска и из Абхазии их недостаточно.

Теперь поселяются два казачьих полка между Кубанью и Лабой, и предполагается также поселить (кажется, тоже два полка) казаков на Сунже. В обоих этих местах есть свободные земли, и линии эти принесут много пользы, однако должно внимательно и со всею справедливостию вникнуть, дабы при этом не стеснить нам покорных горцев. На тех же линиях, которые предполагается устроить впереди оных, русские поселения принесут более вреда, чем пользы, по следующим соображениям:

а) Собственно горцы вообще нуждаются в земле; каждый участок имеет своего хозяина и ценится дорого, следовательно, каждый кусок земли, который поселяне займут, будет отнят у туземцев. Это одно уже увеличит ту непримиримую вражду, которую они к нам питают, и должно их только более от нас удалить.

б) Находясь в близком соседстве с горцами, все полевые работы должны будут производиться под сильным прикрытием, и для охранения самых поселений нужно много войска, потому что они сами по себе не будут служить оплотом против набегов и навряд ли будут в состоянии защищать свои селения.

с) При малом количестве земли у горцев пустопорожними оставаться будут те только места, откуда они будут вытеснены, а потому горцы в наших поселениях увидят намерение отнять у них лучшие хлебороднейшие земли. Между тем люди неблагонамеренные пользуются подобными случаями и, распространяя слухи, что мы, нуждаясь в земле, намерены истребить горцев, возбуждают в них недоверчивость и ненависть к правительству. Такие действия произвели поселения наши на Военно-Грузинской дороге, и теперешнее волнение умов в Кабарде отчасти этому приписать должно.

Гораздо для нас полезнее покорных и желающих покориться горцев по возможности выселять из мест неприступных и давать им средства к спокойной и правильной жизни под покровительством наших укреплений, и для таковых поселений мы должны оставлять свободные земли. Так было сделано с племенами тагаурскими, ванагирскими, дигорскими, осетинскими и ингушами. Со времени поселения их на Кабардинской плоскости* они оставили хищничества, завели хлебопашество, обширное скотоводство и делаются совершенно мирными жителями.

Таким точно образом полезно бы поступить с беглыми чеченцами, карабулаками и с другими, которые бы пожелали вый-

* Под названием Кабардинской плоскости разумеется вся равнина от Владикавказа до Екатеринограда.

ти из лесов и гор, и населить ими Чечню между рек Осса, Сунжа и Терек и малую Кабарду.

По тем же самым причинам нужно сохранить народонаселение в большой и малой Чечне, когда устроится Чеченская линия.

Смею уверить, что спокойствие в этом углу Кавказа не водворится, покуда беглые чеченцы не возвратятся в наши пределы. Они теперь вынуждены снискивать пропитание в грабежах и хищничествах, знают хорошо местность и увеличивают число наших неприятелей.

Образование внутреннего управления и выбор мест и начальников.

Многие племена Кавказа уже покорились, и нет сомнения, что постепенно и последние смирятся. Для удержания их в постоянном повиновении нужна вооруженная сила, как побудительное к тому орудие. А дабы смягчить права горцев, обратить их в мирных поселян и распространить между ними промышленность, нужно поставить их в такое положение, чтобы они никогда не имели надобности прибегать к оружию, ни на защиту противу нас, ни против соседей своих, или для обеспечения личной безопасности и прав собственности. Коль скоро мы удовлетворим всем этим потребностям общественного быта, тогда надеяться можно, что они повиноваться будут законам, а не одной силе оружия.

Но дабы эти условия можно было выполнить, надлежит начать с того, чтобы в покорных племенах учредить правление, первоначально свойственное с правами и обычаями горцев, потом, смотря по степени их гражданственности, правление это смягчать и постепенным изменением привести их к мирной гражданской жизни.

Беспристрастие, строгость, соединенная с правосудием и с приветливостью, сохранение всех правил горского гостеприимства и коренных их обычаев должны отличать все действия как главных начальствующих лиц, так и частных начальников, управляющих кавказскими народами. Такого рода управление вселит в горцах к оному страх и уважение, а ласки и приветливость к тем, кои их заслуживают своим поведением, соединенные с денежными и другого рода наградами, доставят людей преданных и усердных. Нарушение правил гостеприимства, оценка голов людей нам вредных, неисполненные обещания, самовольное оштрафование аулов невероятными поборами или только требованиями, несправедливость и лицепритие возбуждают горцев к ненависти и к отчаянному сопротивлению.

Теперь покорные кавказские народы управляются приставами, избираемыми ими из офицеров из линейных казачьих войск или из туземцев, получающих весьма скудное содержание или вовсе никакого, они не снабжены постоянными правилами для управления народом, для разбирательства тяжёбных полицейских и уголовных дел, не имеют никаких средств и оттого или вовсе не пользуются никаким влиянием, или, разбирая дела не всегда сообразно с выгодами правительства, лишены средств приводить приговоры и требования начальства в исполнение. От этого проистекают отягощения той части рода, которая находится под рукой, лихоимство, притеснение всякого рода, несправедливости и, наконец, неуважение к власти, над ними установленной, являющейся в глазах горцев со всеми своими недостатками и слабостию.

Для управления горскими народами необходимо установить правила, сообразные, как выше сказано, со степенью их политического состояния; начальникам, как главным, так и частным, нужно дать необходимую власть и средства:

1) для приличного себя содержания, 2) для защиты личной безопасности и собственности каждого, и наконец 3) для приведения в исполнение распоряжений начальства и судебных приговоров.

В проекте об управлении горскими народами, представленном командиром отдельного Кавказского корпуса, кажется, все эти требования предусмотрены, и я другого предложить не нахожу полезным.

От выбора начальников, как главных, местных, так и частных, зависеть будет больший или меньший успех в обращении горцев в мирных соседей. Для занятия должностей главных местных начальников потребны качества, не во всяком человеке встречающиеся, они должны соединить в себе неллицемерную благонамеренность, сметливый ум, образованность и любовь к народу, управлению их вверенному, и, наконец, самоотвержение. Не считая себя вправе говорить об особенных способах для жизни и преимуществах служебных, которые полезно предоставить таковым начальникам, дабы привлечь на эти должности людей достойных и соответствующих своему назначению, осмелюсь сказать только, что частая перемена вообще чиновников, на Кавказе служащих, влечет за собою большие невыгоды. Кавказ так обширен, дела его так сложны, что едва достаточно года, дабы несколько ознакомиться с управлением, но действительную пользу принести можно только после нескольких лет пребывания.

О местопребывании главного на Кавказе начальника и о военном подразделении края.

В заключение обязан изложить мысли мои о местопребывании главного на Кавказе начальства, имеющем, по моему мнению, важное влияние на дело Кавказа.

С самого начала владычества нашего на Кавказе главное начальство находилось в кр[епоستي] Терки, заведывая делами подвластных нам в то время пятигорских черкесов.

В 1722 году переведен в кр[епость] Св. Креста; в 1736-м в Кизляр, а в 1763-м в Моздок.

В 1786 году по построении Георгиевска переведено туда главное военное начальство, которому в качестве командующего войсками подчинено открытое в то время гражданское управление и все частные воинские начальники на линии. В таком положении оставалось главное кавказское управление до 1801 года.

В 1789 году, по желанию грузинского царя Георгия, был прислан в Тифлис статский советник Кавалинский* для управления гражданскими делами, и в конце того года прибыл в Грузию полк генерала Лазарева...

В 1800 году по смерти царя Георгия возник раздор между нашими властями: военной и гражданской. Генерал Кнорринг, командовавший тогда на Кавказской линии, по высочайшему повелению находившийся в Тифлисе для личного удостоверения о состоянии дел в Грузии, убедившись, что обе сии власти нужно подчинить одной особе, сделал о сем доклад государю императору 20 июля 1801 года.

Вследствие коего генерал Кнорринг назначен главнокомандующим над войсками, на Кавказе и в Грузии расположенными, и главноуправляющим. Местопребыванием главнокомандующего назначен г. Тифлис, с тою целию, дабы сблизить главное начальство с владетельными ханами Закавказского края, склонить их к добровольному подданству, употребляя силу оружия только в крайности. Кроме этих важных причин, присутствие за Кавказом главного начальника всего края признавалось необходимым по сильному в то время влиянию на сей край Персии и Турции и непрерывным с их стороны набегам.

Итак, мы видим, что главное начальство на Кавказе переведено за Кавказ для того, чтобы утвердить владычество наше в том крае. Теперь причин этих боле не существует, все за Кавказом ханства и другие самостоятельные владения покорны, зна-

* Правильно — Коваленский — *Рег*

чительными победами над персиянами и турками границы округлены и прочно обеспечены, и, наконец, отеческим попечением государя о благе своих подданных учреждено за Кавказом гражданское управление, которое должно положить основание их счастью и благоденствию.

Между тем война с закавказскими народами делается урочнее и принимает обширный объем; огромная крепость, которую мы осаждаем, с многочисленным гарнизоном, остается в тылу главного начальника; сообщение его с базисом действия, т.е. с Кавказскою линиею, не надежно и подвержено случайностям; все главные способы, которыми он располагать должен, находятся в тылу, исключая вспомогательных, т.е. тех, которые ему представляет Закавказский край. Для успешного хода дел направление действий и мер к покорению горцев должно непременно сосредоточиваться в лице главного начальника, облеченного властью и доверенностию; между тем по отдаленности его местопребывания часто принимаются меры, несообразные с его видами и соображениями, которые он должен или отменять, или, смотря по обстоятельствам, терпеть во избежание важнейших неудобств.

Каждый полководец должен иметь: неприятеля впереди себя и все средства, которыми он располагать может, — под рукою, в прямой его зависимости.

Разделить начальство Кавказской линии от Закавказья я нахожу чрезвычайно вредным по следующим причинам:

1) Единство в направлении всех средств и способов корпуса к одной цели в таком случае существовать не может.

2) Каждому начальству должно будет предоставить собственные свои средства, один от другого не зависимые, ибо для направления избытков одной части для надобности другой должна быть непосредственная зависимость, иначе непременно встретятся противуречия и несогласия. Трудно допустить, чтобы два чиновника, облеченные одинаковою властью, имея каждый свой круг действия, не судили бы пристрастно своим делом. Но дабы дать каждому начальству свои собственные средства, нужно будет значительно усилить настоящие способы Кавказского корпуса как людьми, так и деньгами, и навряд ли выгоды, которые от этого ожидать можно, будут соответствовать пожертвованиям.

3) Дела Дагестана связаны с делами Чечни, и они разделены быть не могут, между тем Южный Дагестан находится в тесных сношениях с Закавказьем в военном и политическом отношении и без большого ущерба для пользы правительства совершенно отделен быть не может. Точно так и Чечня принадлежит Кавказ-

ской линии, а не Закавказскому управлению, а потому единство в управлении этими провинциями не может быть нарушено.

4) Коль скоро разделится начальство Закавказское от Кавказской линии, то Черноморская береговая линия должна составить отдельное управление, также со своими собственными средствами, от первых двух не зависящими. Между тем южная часть береговой линии не может быть отделена от Закавказского края, ибо она связана с ним в действиях чрез Абхазию и Самурзахин, а северная от Кавказской линии чрез землю натухайцев.

5) Принимая во внимание слабости и страсти людские, нельзя не усумниться, чтобы две, а тем паче три отдельные самостоятельные власти могли согласно идти к одной общей, тогда как, к несчастью, мы видели, что с зависимостью трех этих частей от одной встречаются недоразумения, клонящиеся к вреду общей пользы.

Основываясь на всех здесь изложенных доводах, я полагал бы местопребывание главного кавказского военного и гражданского начальства назначить на Кавказской линии в Ставрополе. В таком случае все исчисленные мною неудобства сами собою уничтожаются и дела могут получить одну общую связь, один дух, одно направление.

Подразделение начальства я полагал бы учредить следующим образом:

1) Закавказский край, исключая всего Дагестана* со всеми войсками, там расположенными, с управлением гражданской частью подчинить военному губернатору или генерал-губернатору.

2) Весь Дагестан, южный, центральный, северный и нагорный с большою и малою Чечнею, поручить управлению начальника 19-й пехотной дивизии со всеми войсками, там расположенными, назначив ему местопребывание в Темир-Хан-Шуру.

3) Владикавказский округ, большую и малую Кабарду поручить особому военному окружному начальнику с подчинением войск, там расположенных.

4) Правый фланг Кавказской линии и все племена за Кубанью до устья Лабы, — начальнику 20-й пехотной дивизии или особому окружному с подчинением ему войск, в этом районе расположенных.

5) Черноморию — наказному атаману Черноморского войска.

* Оставляя Кубанский и Дербентский уезд в зависимости по гражданской части от Каспийского областного правления

6) Черноморскую береговую линию — начальнику этой линии.

7) Наконец, главное войсковое и гражданское начальство во всех этих управлениях сосредоточить в лице командира отдельного Кавказского корпуса, облеченного властью главнокомандующего в военное время и главноуправляющего гражданской частью во всем крае.

О необходимости составить историю владычества русских на Кавказе и за Кавказом.

Заклячая этим, я считаю долгом присовокупить, что полная и подробная история владычества нашего на Кавказе и за Кавказом была бы для нас весьма поучительна, и желательно не для одного любознания, но для пользы и выгоды правительства, чтобы история эта была составлена, начальники, как главные, так и частные, могли бы во многом руководствоваться многолетней опытностью своих предшественников. Историю эту хорошо бы расположить следующим образом:

1) Древняя история Кавказа.

2) Первые отношения русских к Кавказу и подвиги русских князей и царей до императора Петра I.

3) Походы Петра в Персию, победы Екатерины II до присоединения Грузии.

4) По присоединении Грузии до настоящего времени, и этот последний период должен составить две части, из которых последняя начинается со времени вступления на престол императора Николая Павловича и преимущественно со времени основания новой системы управления и покорения Кавказа.

Этот огромный труд требует искусного пера и исключительных занятий.

КАВКАЗ: ЗЕМЛЯ И КРОВЬ

Думая и рассуждая сегодня о Кавказской войне XIX века, мы, как правило, сосредоточиваемся на чисто военной стороне дела.

Но не менее существен для понимания всего процесса был и другой аспект событий — устройство завоеванного края, в частности — регуляция поземельных отношений и расселение мигрирующего под воздействием военных действий и реализации стратегических задач русского командования населения, а также привлечение на свою сторону той части горцев, которая склонна была к лояльности.

Здесь публикуется ряд документов, выразительно демонстрирующих попытки русского генералитета, вынужденного заниматься административной деятельностью, найти выходы из запутанных и чреватых новыми мятежами положений.

1840 год, к которому относятся первые из публикуемых документов, был одним из самых кровавых и драматических годов Кавказской войны. Военный историк А. Юров писал: «Начало 1840-го года вписано кровавыми строками в летописях многострадальной черноморской береговой линии. Сильный голод от неурожая хлеба в горах и возникшее поэтому стремление горцев воспользоваться складами провианта в наших береговых укреплениях произвели небывалое еще волнение умов на западном Кавказе»*.

А. Юров не совсем точно указывает причины и в самом деле страшного голода, постигшего горские общества. Неурожай был только одной причиной. Второй — не менее важной — была блокада аулов русскими войсками, в результате чего горцы лишены были возможности закупать или выменивать продовольствие на побережье. В следующем, 1841 году вице-адмирал Серебряков, один из тех, кто определял тактику русских войск на побережье, доносил, как мы уже знаем, генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому-млад-

* Кавказский сб. Т. X, Тифлис, 1886, с. 230.

шему, начальнику Черноморской береговой линии: «Крайность, до которой горцы доведены теперь голодом, поставяет мне в непрременную обязанность возобновить Вашему Превосходительству прежние представления о столь важном предмете и выгодах, которые можно извлечь из бедственного положения их для ускорения покорности, тщетно до сего времени достигаемой одними мерами кротости и великодушия, которого ценить они по дикости своей не могут».

В начале 1840 года расчеты русского командования оправдались, как говорится, с точностью до наоборот. Доведенные до отчаяния голодом горцы яростно атаковали русские крепости на побережье, взяли и разорили большинство из них, а гарнизоны вырезали...

Но не только на Черноморском побережье Западного Кавказа резко обострилась военная ситуация. В Чечне и Дагестане, усмирённом серией карательных экспедиций и отданных под управление военной администрации, началось массовое восстание. Тот же А. Юров так объяснял его причины: «Вследствие трудности приискать русских офицеров, владевших туземными наречиями, пристава — непосредственное начальство мирных горцев — были выбраны преимущественно, если не исключительно, из милиционеров, которых азиатскую натуру не могли в корень изменить ни награды, ни отличия. Мало того, этот контингент не мог быть даже удовлетворительным: место пристава не доставляло в то время никаких выгод в служебном отношении, вызывая между тем большие расходы на лазутчиков и вооруженную стражу, тогда как не все пристава получали жалование, и ничем не вознаграждая постоянных забот, опасностей и лишений. Отсюда неудивительно, что опекаемые ими чеченцы и другие мирные племена нередко подвергались вопиющим злоупотреблениям; у них, под предлогом взимания податей и штрафов, отбиралось лучшее оружие и другие совершенно безвредные, но ценные вещи повседневного обихода; случалось, что ни в чем неповинных людей арестовывали по наущению простых и часто неблагонамеренных переводчиков; с арестантами и даже аманатами обращались бесчеловечно, держа их в сырой яме, где они нередко заболели; во время экспедиций допускались принудительные сборы. Наконец, во главе нашего управления горцами левого фланга стоял глубоко ненавидимый последними генерал-майор Пулло, человек крайне жестокий, неразборчивый в средствах и часто несправедливый, как его характеризуют и Галафеев, и Граббе... Вообще к марту месяцу 1840 года в Чечне

скопилось достаточно горючего материала — нужна была только искра, чтобы произвести повсеместный взрыв.

К несчастью, около этого времени между чеченцами пронесли слухи о намерении начальства, обезоружив их, обратиться в крестьян, а затем привлечь к отбыванию рекрутской повинности»*.

Чеченцы призвали Шамиля...

«8-го марта 1840-го года генерал Пулло... писал, что жители аргунского ущелья и ичкеринцы, с прекращением сообщения их с плоскостью, доведенные до отчаяния голодом от недостатка хлеба, собираются напасть на плоскостных чеченцев, а между тем Шамиль в этот день уже появился в Урус-Мартане...»**

Активные боевые действия по восстановлению Черноморской линии и подавлению повсеместного восстания в Чечне и Дагестане продолжались все лето. В отряде генерала Галафеева, главной задачей которого было уничтожение аулов и посевов, воевал поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов. После боя при реке Валерик он писал своему другу А. А. Лопухину в Москву: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч, и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте***, — кажется хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью... Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными»****.

А генерал Галафеев в рапорте командующему Кавказской линией генералу Граббе доносил: «Тенгинского пехотного полка Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами, но

* Кавказский сб. Т. X, с. 271.

** Там же, с. 275.

*** Официальные данные — убито 6 обер-офицеров, 65 нижних чинов, ранено 2 штаб- и 16 обер-офицеров, контужено 4 обер-офицера и 46 нижних чинов, без вести пропали 1 обер-офицер и 7 нижних чинов. Чеченцы потеряли убитыми 150 человек.

**** М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4. Л., 1981, с. 422.

Поручик Тенгинского пехотного полка М. Ю. Лермонтов.
Акварель К. А. Горбунова. 1841 г.

офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы»*.

Таков был общий фон, на котором происходила переписка русских генералов по земельному вопросу.

25 июля 1840 года, в то время как Шамиль с десятитысячным конным «скопищем» обрушился на Аварию, а Галафеев, наскоро собрав четыре батальона пехоты и четыре сотни казаков при двенадцати орудиях, бросился ему навстречу, генерал во время ночевки в укреплении Герзель-Аул успел написать письмо командирующему Сунженской линией полковнику Фрейтагу.

«Прилагая при сем для сведения Вашего копию с предписания ко мне Г. командирующего войсками на Кавказской линии и в Черномории от 12-го июля за № 1067 прошу Ваше Высокоблагородие поспешить исполнением следующего:

1-е) Объявить волю Его Превосходительства Павла Христофоровича (Граббе. — Я. Г.) относительно того, что все бежавшие надтеречные жители лишились навсегда права селиться и владеть местами и землями им доселе принадлежавшими.

2-е) Составить список всем тем лицам из надтеречных чеченцев, которые получали пенсии или жалование, имели чины и знаки отличия, и в каком количестве кто пользовался жалованием или пенсией.

3-е) Составить список тем из жителей бежавших надтеречных деревень, которые остались нам верными, включая в оный одни лишь лица, имеющие чины и вообще людей значительных по происхождению своему или влиянию, которое они имели или же по каким-либо особым услугам Правительству. А как список этот необходим для соображения при удовлетворении их за понесенные ими убытки, то весьма желательно, чтобы в нем же пояснить, в какой степени велики убытки каждого и в чем именно они заключались: в отбитом ли скоте, в расхищенном ли имуществе или в чем другом?

4-е) Составить список владельцам деревень, оставшихся после побега жителей с весьма лишь незначительным числом людей, пояснив в нем, сколько именно семейств при каждом.

Все эти списки, как скоро они будут приведены к окончанию, тотчас же представить ко мне, причем я желал бы, чтобы и Ваше Высокоблагородие по ближайшему усмотрению Вашему противу

* Цит. по: П. А. Висковатов. Михаил Юрьевич Лермонтов. М., 1987, с. 309.

2-го пункта препровождаемой Вам копии с предписания генерал-адъютанта Граббе, представили мне, каким образом вознаграждать за убытки каждого из тех жителей надтеречных, которые после побега своих односельцев остались нам верными»^{*}.

События, которые вызвали публикуемую переписку, были для Кавказа уныло типичными. Весеннее мощное и широкое наступление отрядов Шамиля на замиренные области вызвало смятение в умах горцев. Они оказались между двух равно опасных сил — русских войск и мюридов имама.

Не только истинные симпатии жителей Чечни были на стороне Шамиля, но и страх он внушал больший, чем русское начальство, от которого в конце концов можно было уйти в горы. Шамиль же был беспощаден к отступникам, и защитить их русские власти не могли. Поэтому население аулов, через которые проходили всадники Шамиля и его наибов, особенно тех, возле которых или в которых происходили бои, уходило вместе с мюридами. Уходили и те, кто прежде служил русским, чтобы не подвергнуться немедленному нападению отступающих.

Когда же русским войскам удавалось отбросить Шамиля и вернуть контроль над местностью, беглецы старались вернуться в родные места.

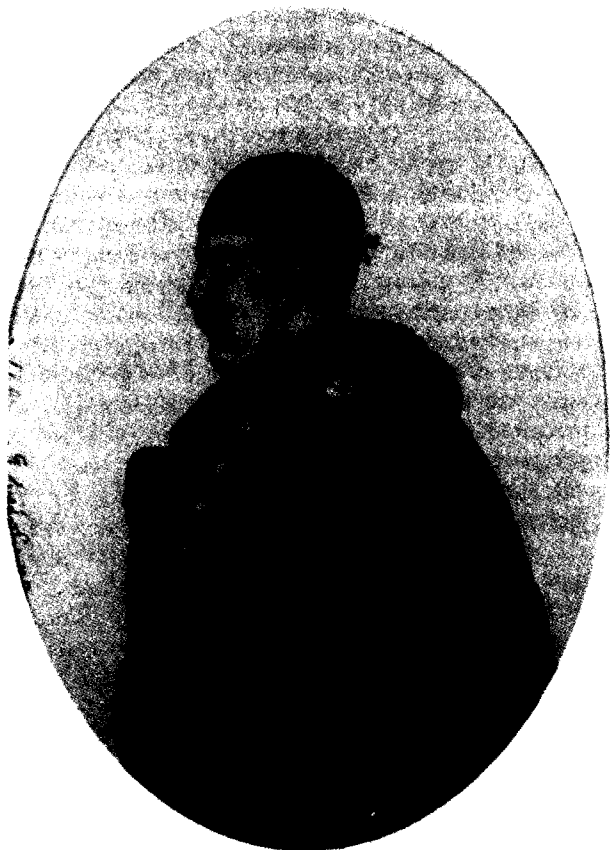
Таким образом, каждое масштабное наступление Шамиля и контрнаступление русских войск влекло за собой бурный шлейф новых проблем, связанных с судьбами тысяч беженцев и переделом земельных угодий. И в этих случаях власти оказывались перед выбором — запретить возвращение и получить еще тысячи озлобленных горцев, увеличив тем отряды противника, или же заняться кропотливым выяснением вины или невинности каждого.

Вот этим, как видим, и занялись в разгар боевых действий русские генералы.

Предписание, направленное Галафееву генералом Граббе, звучало так: «До сведения моего дошло, что Ваше Превосходительство предоставили хлеба оставшиеся на полях бежавших надтеречных чеченцев в пользу линейных казаков и дозволили им воспользоваться домами их и всем, что найдут в брошенных деревнях.

Одоброя совершенно эту меру, прошу Вас кроме того объявить, что все бежавшие надтеречные чеченцы навсегда лишлись права селиться в оставленных ими местах или владеть землею, доселе им принадлежащею».

^{*} Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454, оп. 1, ед. хр. 699, л. 2.

Капитан Нижегородского драгунского полка герой Кавказской войны
декабрист А. И. Якубович. Акварель П. А. Каратыгина. 1825 г.

Затем шли пункты 2 и 3, воспроизведенные в письме Галафеева полковнику Фрейтагу. Далее Граббе писал:

«3-е) Из некоторых деревень остались одни владельцы с весьма небольшим числом людей, поэтому они не могут составлять особые деревни на прежних местах, а нужно будет дать им земли в других местах. Прошу Ваше Превосходительство по этому предмету предоставить мне Ваши соображения, с объяснением, какую часть того пространства, которое занимали надтеречные чеченцы, можно будет взять в казну, а какие вы находите необходимым отдать тем из них, которые остались нам верными, и в каком именно месте поселить сих последних.

При этом нужным считаю объяснить, что в эти соображения не должны входить земли деревень: Мижиюртовской и Кажак-Ковской, которые находились на земле, отмежеванной по распоряжению господина корпусного командира в потомственное владение князю Бековичу-Черкасскому и которою он вправе распоряжаться, как он сам захочет. Поэтому прошу Вас сделать распоряжение, чтобы казаки не трогали хлебов и домов жителей сказанных двух деревень, ибо из числа жителей их некоторые остались верными, коим я предоставил снимать хлеб бежавших и воспользоваться их домами»*.

Кроме Граббе это предписание завизировал и начальник штаба Кавказской линии полковник Траскин. Вряд ли это случайно. Скорее всего, именно начальник штаба владел всеми необходимыми сведениями для рационального решения подобных задач.

В этом письме есть вещи, требующие разъяснения.

Во-первых, чеченцы жили в условиях военной демократии. Генерал М. Я. Ольшевский, служивший в сороковые годы именно в тех местах, о которых идет речь, и внимательно изучавший быт и историю чеченцев, писал, что «у них не существовало никаких сословных подразделений. Не было ни князей, ни старшин или почетных людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или облеченных властью. Между чеченцами все были равными»**.

Тогда откуда же взялись владельцы — хозяева деревень, то есть поселений? Поскольку эти места граничили с землями кумыков, у которых было и сословное разделение, и князья, и старшины, то, очевидно, речь идет о чеченцах, ранее переселившихся-

* РГВИА, ф. 13454, оп. 1, ед. хр. 699, л. 4.

** М. Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 год. — Русская старина. 1893, т. 79, с. 91.

ся из глубины Чечни или насильственно переселенных в ермоловский период на земли кумыков.

Любопытно и то, что немалые пространства — 98,5 тысяч десятин, то есть гектар, — были уже собственностью русского генерала Федора Александровича Бековича-Черкасского, которые он со своим младшим братом Ефимом получил по ходатайству Ермолова на основании того, что прежде они принадлежали предкам их матери — княжне Мударовой. Ермолов хотел создать местную аристократию, привязанную к России. Шло наступление на земельные права коренных народов. Что неудивительно — в этот период резко возрастает приток в предгорья Северного Кавказа русских, украинских крестьян — хотя эта миграция редко была добровольной, — усиливается продвижение в глубь Кавказа казачьих станиц. Из двух миллионов жителей Северного Кавказа в конце 1830-х годов русские и украинцы составляли уже более 400 тысяч, а чеченцы — второй по численности после адыгейцев народ — около 200 тысяч*.

Потому вопрос о владении землей вставал все острее и требовал осторожного подхода, ибо отчуждение земель воспринималось все болезненнее. Те, кто занимался непосредственно административной работой, это понимали. О чем свидетельствует продолжение истории.

Поскольку полковник Фрейтаг, боевой офицер, командир прославленного Куринского егерского полка, находился непрерывно в боях, то выполнение предписания Граббе взял на себя генерал-майор Марцелин Матвеевич Ольшевский (не путать с М. Я. Ольшевским, цитированным выше!), получивший в это время командование левым флангом Кавказской линии.

Генерал Филипсон, объективный и внимательный мемуарист, писал о М. М. Ольшевском, с которым служил (сведения его относятся ко второй половине 1830-х годов): «Большую часть занятий по военным действиям во всем крае он (генерал А. А. Вельяминов, командующий Кавказской линией и Черноморией до 1838 года. — Я. Г.) сосредоточил в секретном отделении, которым под его руководством и в его квартире (имеется в виду штаб-квартира, а не личные комнаты. — Я. Г.) управлял состоявший при нем для особых поручений полковник Ольшевский. Он прежде был адъютантом Вельяминова и теперь пользовался у него большим доверием... Ольшевский, поляк и католик, был сын

* См.: В. М. Кабузан. Население Северного Кавказа в XIX—XX веках СПб, 1996, с 145

какого-то шляхтича в Белоруссии или в Литве, воспитывался в кадетском корпусе и потому образование получил самое посредственное. Никакого иностранного языка он не знал. От природы имел он хорошие умственные способности, на службе приобрел навык и рутину очень хорошего канцелярского чиновника, а в школе Вельяминова сделался очень недурным боевым офицером... Личность и характер Ольшевского были очень несимпатичны. Говорят, будто Вельяминову однажды кто-то сказал о злоупотреблениях Ольшевского, и Вельяминов отвечал: „Докажи, дрожайший, и тогда я его раздавлю; а если не можешь доказать, то я сплетней не желаю и слушать“*.

Вполне возможно, что Марцелин Матвеевич Ольшевский был человеком неприятным. Но именно штабная добросовестность — а он долгое время был у Вельяминова походным начальником штаба — и административный навык дали ему возможность разобратся в ситуации куда подробнее и реалистичнее, чем это сделали чисто военные профессионалы.

«Секретно.

Командующему отрядом, действующим на левом фланге Кавказской линии, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Галафееву.

Начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского

Р а п о р т

По повелению Вашего Превосходительства от 25-го числа истекшего июля № 464 и 465, я предписал всем приставам доставить ко мне требуемые Вами сведения. Но я приостановился с объявлением жителям, что они лишились навсегда права селиться и владеть местами и землями им доселе принадлежавшими, чтобы представить наперед на благоуважение Вашего Превосходительства нижеследующие обстоятельства.

Земли, на коих поселены были бежавшие надтеречные чеченцы, принадлежали не им, но князьям, кои остались нам совершенно верными. Поэтому несправедливо было бы за проступки жителей наказывать князей отнятием у них земель, коими владели их предки.

* Г. И. Филипсон Воспоминания. М., 1885, с. 105.

Господин командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, как видно из предписания за № 1067, просил Ваше Превосходительство сообразить: какую часть того пространства, которое занимали надтеречные чеченцы, можно будет взять в казну и какую Вы находите необходимо отдать тем из них, которые остались верными, и в каких местах поселить последних.

По моему мнению, не следует разделять надтеречных земель. Их должно взять или все в казну или все оставить по-прежнему во владении теречных князей. Если эти земли поступят в казну, то без сомнения на них со временем будут поселены казачьи станицы. Тогда гораздо полезнее не иметь вблизи станиц чеченские поселения. Но если предположено отдать часть надтеречных земель князьям, оставшимся нам верными, то нужно каждому из них отдать то, чем владел он и его предки, по документам от прежних здешних начальников.

Ежели недозволено будет теречным князьям вызвать из бегов прежних своих подвластных, то им решительно невозможно будет поселиться на правом берегу Терека.

С князьями Мундаром и Турловыми остались только несколько семейств, а у Кагермана Алхасова нет ни одного. Эти князья не захотят поселиться в одном месте, а ежели будут жить отдельно каждый, то не в состоянии будут защитить дома противу незначительных партий».

Тут два любопытных штриха. Во-первых, давление на чеченцев к этому времени стало таким эффективным, что часть из них поступилась своей исконной вольностью и пошла в подчинение — пускай и номинальное — кумыкским князьям. Во-вторых, на правом берегу Терека, который, как считалось, плотно контролировался русскими военными властями и лояльными к империи владетелями, с относительной безопасностью можно было жить только крупными вооруженными общинами.

«Я не имею в виду предписание на каких условиях принимать теречных чеченцев, кои теперь уже начали являться из бегов. До получения же этого разрешения я решился дозволить им убрать хлеба на месте прежнего их жительства. Может быть, Ваше Превосходительство не одобрит эту меру снисходительности, ибо из распоряжений Ваших я вижу, что Вы дозволили казакам собирать хлеб бежавших жителей. Но я, входя в ближайшее рассмотрение обстоятельств побега надтеречных деревень, нахожу, что не все жители этих деревень должны быть обвиняемы в равной степени. Вот почему: чеченцы надтеречных деревень, пользуясь с давних лет всеми удобствами, доставляемыми им

покойной жизнью и плодородными местами, сделались зажиточными и жили в довольстве. Это сделало то, что богатые люди стали отвыкать от обращения с оружием и, как уверяют меня теречные князья, у многих не было оружия, а у других оно находилось в самом неисправном состоянии. Одни только мошенники, не имеющие никакого почти хозяйства, занимались своим оружием. Эти-то люди суть главные виновники побега всех жителей. Им нечего было терять, и потому они надеялись при возмущении поправить свое состояние. Муллы, непримиримые наши враги, соединились с ними и заблаговременно условились с Шамилем последовать за ним при его появлении. Хотя известно было, что Шамиль имеет намерение напасть на теречные деревни, но многие благонамеренные жители не знали об отношениях изменников с Шамилем. Они узнали об этом, когда появился Шамиль. Тогда мошенники взяли его сторону и оружием грозили остальным жителям. Эти несчастные, желая спасти свои семейства, не смели противуречить им и невольно последовали за возмутителями. Шамиль, не доверяя теречным жителям, не дозволил им поселиться в одном месте, а приказал селиться по новым чеченским деревням. Несмотря на это, почти все жители надтеречных деревень живут в лесах и все их имущество уложено на арбы. Я имею сведения, что они тотчас охотно вернутся на место прежнего их жительства, но страшатся, чтобы непокорные не ограбили их по дороге. Входя в столь бедственное положение надтеречных чеченцев, кои понесли уже наказание, лишившись своих домов, имущества, а другие и родных, я бы полагал: простить их этот необдуманый поступок без всякого наказания и дозволить им возвратиться на прежние места жительства. Снисходительность эта послужит нам к скорому приведению к покорности и засунженских чеченцев, но с сих последних надо положить взыскание податей, по примеру прошлых лет, по рублю серебром с каждого двора, за исключением кадий, мулл и бедных стариков и вдов.

Ежели Ваше Превосходительство изволит одобрить мое мнение, то покорнейше прошу почтить меня на это Вашим предписанием. Оно нужно мне сколь возможно поспешнее, дабы я мог действовать сообразно с Вашим разрешением.

*5 августа 1840 года
крепость Грозная**.

* РГВИА, ф. 13454, оп. 1, ед. хр. 699, л. 5.

К сожалению, развитие событий неизвестно, поскольку в соответствующем деле отсутствует дальнейшая переписка по этому вопросу. Но это не имеет принципиального значения. Как правило, при наличии серьезных резонансов вышестоящие соглашались с мнением нижестоящих.

Тут важно другое: документы обнаруживают все многообразие проблем, которые возникали перед русским командованием, неизбежность трудноразрешимых противоречий между интересами, с одной стороны, мигрирующих из России и Украины крестьян, линейных казаков, заинтересованных не просто в захвате хлебов и имущества горцев, как в данном случае, а в расширении своих пастбищ и пахотных земель, а главное — в отдалении туземных поселений в целях безопасности. Добровольно или по принуждению, но слишком часто поселения «мирных горцев» становились промежуточными базами для «хищников», совершавших набег на станицы.

Уже цитированный генерал М. Я. Ольшевский в воспоминаниях описывал особенности быта линейных казаков 1840-х годов: «Станицы Кавказского линейного казачьего войска того времени не были похожи на станицы более известного нам Донского войска. На Дону каждая станица уподоблялась русскому селу: так же широко раскинута; нет вала или плетеной ограды вокруг станицы; скот и лошади пасутся свободно; нет стеснения в обрабатывании полей, кошени сена и других сельских занятиях.

Кавказские же казаки, в особенности жившие на Тереке и Кубани, во всем были стеснены. Станицы их, по преимуществу четырехугольные, окруженные или высоким земляным валом, или плетнем с колючкой, за который и днем не всегда и не везде безопасно отходить, ночью же не смей и носа показать за ворота; да и караульные не пустят. Усадьбы небольшие, а потому дворы тесные и всегда наполненные разной скотиной, а следовательно, всегда нечистые. Улицы узкие и до того грязные, что местами не высыхают даже среди самого жаркого лета. Нет садов и огородов, их не позволяют иметь тоже тесные усадьбы... Выезжайте за станицу и, куда ни обернетесь, везде вы видите или сторожевые посты с вышками, или пикеты, занятые вооруженными казаками. Пасется ли скотина или табун лошадей, и вооруженные казаки их сторожат. Едет ли казак пахать, собирать хлеб, косить сено, и он должен быть всегда вооружен, потому что не только должен оберегать себя от хищников во время сельских работ,

но и скакать на место тревоги, которые в это время бывали зачастую»*.

Из этого описания понятно — какую роль играли в последние десятилетия Кавказской войны поземельные отношения в предгорьях. Если овладение собственно Кавказом — Кавказским хребтом — не имело смысла экономического, а исключительно военно-административный и политический, то в предгорьях дело обстояло иначе. И с наращиванием сил русской армии на Кавказе, а соответственно, с наращиванием всестороннего давления на горцев, с ощутимой в последние годы войны обреченностью имамата Шамиля, с постепенным отходом от Шамиля Чечни, столкновение интересов в сфере распределения завоеванных земель становилось все интенсивнее, а разрешение конфликтов все усложнялось.

Для того, чтобы была понятна динамика процесса и его направление, стоит привести аналогичные вышеприведенным документы середины пятидесятых годов, то есть отделенные полтора десятилетиями от событий 1840 года.

«Временному командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Козловскому

За отсутствием заведывающего левым флангом Кавказской линии генерал-майора Пулло

Р а п о р т

Последние удачные экспедиции со стороны Кумыкской плоскости, так равно Урус-Мартана и Воздвиженской в Большую и Малую Чечню, заставили непокорных горцев, теснимых повсеместным голодом в горах (обратим внимание, как часто фигурирует в рапортах слово «голод»! — Я. Г.), искать в наших пределах пристанища и покровительства. Получаемые ежедневно подтверждения утверждают, что горцы, преследуемые вышесказанными обстоятельствами, решились выселиться в наши пределы не только с ближайших к нам мест, но даже с самых дальних гор и что как при этом большом переселении, представляющем затруднения, они должны будут оставить в горах все имущество свое, не исключая и небольших запасов хлеба, — то просят обнадеежить их, что с переселением к нам они будут пользоваться тем временным пособием, которое производится вообще бедным выходцам из гор до нового урожая хлеба».

* М. Я. Ольшевский. — Русская старина, 1893, т. 78, с. 590.

Судя по тому, что речь идет явно о тайном бегстве, при котором нет возможности идти обозом, чеченские переселенцы опасались мщения Шамиля и его набов. Помимо всего прочего, в подтексте документов — крушение имамата, переориентация Чечни с Шамиля на русские военные власти.

«Имея в виду, что удовлетворение просьбы ожидаемых в значительном числе переселенцев из гор будет значительно в издержках для казны, чего, впрочем, при таких крайних обстоятельствах выходцев и невозможно избежать, я долгом своим счел донести об этом Вашему Превосходительству и почтительнейше прошу разрешения Вашего — как поступить мне в случае значительного выхода горцев к нам относительно производства им казенного пособия.

№ 109. 23 января 1856 года. Крепость Грозная»*.

Как видим, близость военной победы приносила новые проблемы, которые усугубляли и без того непомерную финансовую тягость Кавказской войны для истощенного бюджета России, которая в это время вышла из Крымской войны с гигантским внешним и внутренним долгом.

И еще одно — то, что известный нам генерал-майор Пулло (за 16 лет он так и не повысился в звании!), которого ненавидели горцы, а начальство обвиняло в излишней жестокости, не сомневается в необходимости спасать от голода вчерашних смертельных врагов, свидетельствует о направленности общей политики России по отношению к горцам. Кавказская война была не случайно выиграна не в жесткое и воинственное николаевское время, а в эпоху «оттепели» Александра II, в то самое время, когда в России готовились и начались Великие либеральные реформы. Изменение общественного и политического климата в стране сопровождалось более гибкой политикой на Кавказе, что вместе с мощным и последовательным военным давлением стало приносить свои плоды...

1856 год был переходным периодом от наместничества Воронцова к эпохе Барятинского, сломившего сопротивление Шамиля. Кавказским корпусом в течение двух лет командовал старый кавказец Н. Н. Муравьев, начинавший службу при Ермолове, а войсками Кавказской линии начальствовал также кавказский ветеран генерал-лейтенант Викентий Михайлович Козловский.

Князь А. М. Дондуков-Корсаков, в сороковые и пятидесятые годы служивший на Кавказе, дал выразительную характеристи-

* РГВИА, ф. 13454, оп. 15, ед. хр. 584, л. 7.

ку Козловского: «...Это был один из старейших офицеров Кавказа; солдаты беспредельно любили его и доверяли ему, офицеры смеялись над его выходками, но глубоко уважали его за радушие, доброту, примерное самоотвержение в бою и преданность своему долгу». Представления о ценности человеческой жизни и ее соотношении с воинским долгом у Козловского были своеобразные, но, очевидно, отвечавшие общим представлениям кавказцев. Дондуков-Корсаков рассказывает, как генерал однажды заставил войсковую колонну, авангардом которой командовал Корсаков, ввязаться в совершенно бессмысленную перестрелку с чеченцами, что привело к потере десяти солдат. — «В палатке его за ужином, который обыкновенно состоял из луку, водки, соленой кабанины, кизлярского вина и портера, которым он всегда нас так усиленно угощал, подавая собою пример, я решился в шутку сказать ему: «Я от Вас все учусь Кавказской войне, Викентий Михайлович, но никак не могу понять сегодняшнего нашего движения, где мы потеряли людей, кажется, даром». Старик, весь красный, вскочил: «Странные, как, вы, господа! И этого не понимаете. Нас, как, побьют, мы, как, побьем, зато бой, как. А за что же, как, Государь нам жалование дает?» Против такой логики нечего было спорить»*.

Мир Кавказского корпуса был особым человеческим миром, в котором формировались причудливые и парадоксальные представления о жизни, но удивительные личности, выраставшие в этом мире, тем не менее, когда надо было принимать военные или административные решения, действовали по очень определенной логике. Чего нельзя было сказать о Петербурге, о высшей власти.

17 февраля 1856 года генерал Козловский направил начальнику левого фланга генерал-майору Н. И. Евдокимову предписание: «Заведовавший левым флангом Кавказской линии генерал-майор Пулло рапортом от 23 генваря № 109 донес мне, что по полученным сведениям горцы, прилегающие к району вверенного Вам фланга, преследуемые повсеместным голодом, решились выселиться в наши пределы не только с ближайших к нам мест, но из самых дальних гор, и что они при таком большом переселении неминуемо должны оставить в горах все свое имущество, а потому просят снабдить их в получении того временного пособия от казны, которое производится вообще бедным выходцам с гор до нового урожая хлебов.

* А. М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания. — Старина и новизна. 1902, кн. 6, с. 94—95.

О разрешении производства провиантского и пособия выходцам я вошел с представлением Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом, но здесь представился к разрешению другой вопрос, в каких местах внутри наших поселений водворить этих выходцев из гор, когда переселение их будет произведено в больших размерах.

Нет сомнения, что селить покоровившихся нам горцев на передовых пунктах — как-то: на правом берегу Сунжи, на Аргуне или при самых передовых укреплениях, как это делалось доселе, принесет нам существенный вред, ибо туземцы, здесь поселившиеся, совершенно неприкрытые, будут вести себя двусмысленно, как от сочувствия к одноплеменникам, так и от боязни хищничеств и нападений.

Вследствие этого, я предлагаю в виде временной меры селить выходцев из гор следующим образом.

1-е. Размещать их по аулам Кумыкского владения по взаимному соглашению выходцев с Кумыкскими князьями, на землях которых они пожелают водвориться. Такого рода водворение мирных на Кумыкской плоскости производилось неоднократно.

2-е. Селить выходцев на земле надтеречных чеченцев. Эта земля, заключающая в себе 116 т. десятин земли, занята в настоящее время 11-ю мирными аулами, в коих считается до 10 т. душ мужского пола, следовательно на каждую душу приходится огромное количество земли, свыше 100 десятин. Первоначально при небольшом числе выходцев можно их водворить также по взаимному соглашению в существующих уже надтеречных аулах, при большом же переселении, я полагаю образовать из них отдельные аулы на правом берегу Терека, где Ваше Превосходительство найдет это удобным.

Хотя переселением выходцев в этом пространстве нельзя будет совершенно прекратить их сношения с мирными, но во всяком случае они, находясь под ближайшим нашим надзором, не могут нам принести такого вреда, как на передовых линиях*.

В тот же день генерал Козловский отправил предписание начальнику Владикавказского военного округа: «Вследствие стеснения в поземельном довольствии последними военными действиями нашими в Малой и Большой Чечне и повсеместного между ними голода, они решились, как донес об этом заведовавший левым флангом Кавказской линии генерал-майор Пулло, переселиться к нам не только из ближайших к нам мест, но из самых отдаленных гор.

* РГВИА, там же, л. 8.

При таком большом переселении в наши пределы непокорных горцев является вопрос, в каких местах Кавказской линии представляются свободные земли для водворения новых выходцев.

Для составления об этом предмете общего и подробного соображения относительно всей Кавказской линии, я желаю знать, представляется ли возможным поселить в Малой Кабарде выходцев из гор и в каком количестве.

Малая Кабарда занимает пространство свыше 150 т. десятин и все земли принадлежат княжеской фамилии Бековичам-Черкесским и старинным дворянским родам (узденям) как-то: Эльхотовым, Надоровым, Ахловым, Астемировым и другим. По сведениям, составленным в 1851 году, в Малой Кабарде всего находилось 12766 душ обоого пола. При таком небольшом населении сравнительно с пространством Малой Кабарды казалось бы возможным водворить в ней большое число выходцев по взаимному соглашению сих последних с фамилиями, коим принадлежат земли.

Вследствие чего я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство в возможной скорости доставить мне ниже следующие сведения.

1) Представляется ли возможным водворить выходцев из гор в Малой Кабарде и на каких именно условиях относительно господствующих фамилий, коим принадлежит земля в этом крае.

2) Если на такое водворение с известными условиями согласятся жители Малой Кабарды, то сколько приблизительно можно будет поселить там выходцев из гор.

3) Какие именно места в этом крае могут быть назначены для их водворения»*.

Судя по сведениям, которые имелись в распоряжении Козловского, Малая Кабарда с ее просторами и вымершим от холеры населением была самым удачным вариантом решения переселенческой проблемы. На практике все оказалось не так.

18 марта начальник Владикавказского военного округа отправил командирующему левым флангом рапорт.

«Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 17 февраля № 462, имею честь донести, что для поселения в Малой Кабарде оных выходцев из гор не только не представляется никакой возможности, но, чтобы предоставить кабардинцам более простора в пользовании землей своею, необходимо выселить из их земли чеченцев, которые по различию языка и обычаев с кабардинцами никак с ними ужиться не могут.

* РГВИА, там же, л 10

Из 151,354 десятин земли в Малой Кабарде кабардинцы пользуются только 57,172 десятинами, а остальное число десятин распределено следующим образом.

Собственной земли князя Бековича-Черкасского 70,846 десятин, землю эту можно приобретать только покупкой, как было сделано для приобретения от князя Бековича земли 1-му Сунженскому полку.

Высочайше дарованной

Полковнику Есенову — 1,500 десятин

Владельцам аула Козрова — 1,000

Владельцам Гизельских аулов — 1,500

Вольным христианам — 3,320

Вольным магометанам — 3,138

Для леса Тагаурского общества — 2,342

Аулам Эльхатовским — 10,506*.

Таким образом, самый перспективный вариант организации новых поселений отпал, но параллельно нужно было срочно решать проблему пропитания голодающих чеченцев — как уже перешедших к русским, так и намеревающихся бежать из районов, контролируемых Шамилем.

3 марта Козловский направил командирующему корпусом генерал-адъютанту Муравьеву рапорт, свидетельствующий о нарастании трудноразрешимых проблем, ибо в этом рапорте начал разворачиваться новый сюжет. — «Имея в виду, что от стеснительного поселения чеченцев, водворенных на передовых линиях наших, где ощущается недостаток в землях для хлебопашества, они всегда будут нуждаться в хлебе и поставлять нас в необходимость оказывать им помощь в пропитании, я, в предупреждение этих нужд чеченцев на будущее время, полагаю необходимым выселить их на другие более удобные места, на которых они могли бы заниматься беспрепятственно хлебопашеством, не стесняя ни себя, ни казаков, землями коих ныне пользуются многие аулы Чечни, поселенные вблизи казачьих станиц и наших укреплений, о чем и требую соображения начальника левого фланга, по получении ко-его буду иметь честь войти по этому предмету с особым предложением к Вашему Высокопревосходительству»**.

Новый сюжет, упомянутый выше, — стеснение чеченцами казаков и необходимость выселения — получил стремительное продолжение. В комплексе переписки отсутствует реакция Му-

* РГВИА, там же, л. 19

** РГВИА, там же, л. 13.

равьева на рапорт Козловского, но по дальнейшему развитию событий можно с полным основанием реконструировать ее смысл.

Через девять дней после рапорта командующему корпусом — срок достаточный, чтобы получить ответ, — Козловский неожиданно меняет свою позицию и, явно не дождавшись соображений Евдокимова, посылает ему 12 марта новое предписание.

«По ближайшему рассмотрению вопроса о поселении туземцев, которые изъявляют нам покорность, в районе вверенного Вашему Превосходительству фланга, я считаю нужным дополнить и несколько изменить предписание мое по сему предмету от 17-го февраля № 461.

Первоначально нужно иметь в виду непременно выселить мирные аулы на Сунже, которые стесняют сунженских казаков в поземельном довольствии, а именно Закан-Юртовский аул и аулы против Алхан-Юртовской и Грозненской станиц. Для поселения этих аулов представляются свободные земли по течению рек, орошающих Малую Чечню, как-то: Гойта, Рошни, Валерика, Гехи и других с таким условием, чтобы туземцы непременно селились у так называемой русской дороги большими аулами. Такое переселение аулов должно быть сделано в том случае, когда не будет возможности поселить их в надтеречных аулах, — как я писал об этом в предписании № 461.

На правом берегу Сунжи, согласно приказанию бывшего Главнокомандующего генерал-адъютанта князя Воронцова от 18-го августа 1850 года № 630, сообщенного начальнику левого фланга в предписании от 1-го сентября того же года № 1653, должна быть отведена полоса земли с лесом для казаков 2-го Сунженского казачьего полка в следующих размерах (далее идет подробное топографическое описание полосы. — Я. Г.). В 1850 году было предписано не позволять чеченцам селиться на этой полосе.

Тем же из туземцев Малой Чечни, которые вновь нам покорятся и вместе с тем не пожелают поселиться в надтеречных аулах по взаимному соглашению с жителями оных, можно дозволить селиться на своих местах, но с таким обязательством, чтобы они жили непременно целыми аулами, а не отдельными хуторами, разбросанными по лесам, как они живут ныне. Величина этих аулов должна образовываться с количеством поземельного довольствия, а на жителей оных возложить расчистку просек, ведущих к их аулам и полям.

Для выходцев Большой Чечни я полагал бы назначить место у Гудермеса, где предполагается построить башню.

Когда наша линия на Сунже упрочится до самого впадения сей реки в Терек, то тогда нужно иметь в виду также переселить

Генерал майор Воиска Донского Я П Бакланов прозванныи чеченцами «Даджал» — дьявол за стремительность и безжалостность

Тепли-Кичинский аул, куда в настоящее время воспретить переселяться новым выходцам. В противном случае крепость Грозная по необходимости должна сообщаться с линиею оказиями, а также производить фуражировки с большими прикрытиями и через то иметь в своем гарнизоне много пехоты и кавалерии. Сверх того Грозненская станица будет всегда иметь большие лишения в поземельном довольствии»*

Помимо всего прочего, здесь любопытен один штрих — близость мирного аула представляет для русских источник постоянной опасности. Но главный, хотя и не совсем отчетливо выраженный смысл предписания в другом — русское командование явно нащупывает пути к высвобождению максимума пахотных земель для казачества и в то же время возможность поселять подчинившихся чеченцев таким образом, чтобы они были надежно отсечены от немирных своих соплеменников.

Наряду с распределением пахотных земель переселение горцев, добровольное или насильственное, в места, где они представляли меньшую опасность для русских властей, начавшееся в эпоху Ермолова, в пятидесятые годы, как видим, стало пробле-

* РГВИА там же л 15

Генерал майор Н П Слепцов один из наиболее знаменитых завоевателей Кавказа

мой, которая могла поспорить по степени сложности с собственно военными задачами. Во времена Барятинского и до 1864 года — момента окончания Кавказской войны в ее активной фазе — переселение горцев стало не менее действенным способом покорения края, чем боевые действия.

Приехавший на Кавказ через пять лет после описываемых нами событий вдумчивый и наблюдательный офицер М. Венюков, автор интересных записок, так оценивал процесс переселения: «В 1862 году нами было заселено западнее Лабы (правый фланг Кавказской линии) левобережье реки Кубань — Я Г) все пространство до р. Белой и даже две станицы водворены за этой рекой: Пшехская и Бжедуховская. В это же время начал приводиться в исполнение систематический план водворения на Прикубанской низменности тех горцев, которые прекращали сопротивление и изъявляли покорность нам. Длинная полоса земель вдоль левого берега Кубани, от самого ее истока, где жили издавна уже покорные Карачаевцы, до начала дельты, предназначена была в исключительное их пользование. Таким образом, выходя из родных гор, они оставались ввиду их, в отношении производительности почвы, ничего не теряли, а в отношении удобства сбыта своих произведений даже выигрывали. Одно не могло нравиться им: близость надзора русских, которых селения

оказывали их земли со всех сторон. Но это было условие неизбежное и притом способное тяготить только первое поколение выходцев, живо помнившее приволье в горах».

Даже умный и гуманный Венюков, впоследствии ученый-географ, этнограф, историк, не мог понять, что у горцев было отнято главное — тот образ жизни, который давал им самоуважение и который они считали единственно достойным.

Но в конце этого рассуждения Венюков сообщает нечто, чрезвычайно важное для нашего сюжета. — «Должно однако заметить, что граф Евдокимов, который был непосредственным исполнителем официального «проекта заселения западного Кавказа», не слишком заботился об участии горцев, выселявшихся на Прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море, поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни»*.

Генерал Евдокимов, от которого во многом зависела стратегия русских властей по отношению к переселенцам, был человеком уникальным даже для кавказского офицерства. Сын прапорщика, выслужившегося из солдат (родился Евдокимов, когда отец его был еще фейерверкером — нижним чином в кавказской артиллерии, уже прослужившим 20 лет), вырос в маленьких кавказских гарнизонах, не получил, фактически, никакого образования, выслужил первый офицерский чин отчаянной храбростью и незаурядной тактической сметливостью. Был дважды смертельно ранен. В бою с мюридами первого имама Кази-Муллы пуля навывлет пробила ему голову, угодив под левый глаз, — он выжил и получил у горцев прозвище «трехглазый». В 1841 году, уже будучи майором, Евдокимов был назначен приставом большого горского общества — Койсубулинского и в этом качестве получил удар кинжалом в спину от фанатика. Он должен был умереть, но его выходил местный хаким — мусульманский лекарь. Вершиной карьеры Евдокимова был окончательный разгром и пленение Шамиля, а затем и покорение Западного Кавказа. Начиная с полуграмотным прапорщиком, Николай Иванович Евдокимов закончил войну генерал-адъютантом, генералом от инфантерии, графом и кавалером высочайшей награды — Георгия 2-й степени. Его лозунгом в последний период войны было: «Первая филантропия — своим; горцам же я считаю вправе предос-

* М. Венюков. Кавказские воспоминания. — Русский архив, т. 1, 1880, с. 435.

тавить лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов».

Человек такого жизненного воспитания и такой судьбы должен был безгранично верить в свою правоту и предназначение. Соответственно с этой верой генерал Евдокимов и действовал.

11 марта он ответил на предписание Козловского от 17 февраля обширным рапортом, в котором изложил свой план переселения горцев в соответствии с новой идеей — окружения мест сосредоточения горского населения русскими укреплениями и станицами. Это вполне соответствовало тому принципу, который обнаружил в его деятельности уже на Западном Кавказе Венюков. Интенсивная переписка продолжалась до июля, и наконец 10 июля Евдокимов направил по начальству обширную подробную «Записку о наделении землей мирных жителей Чечни», которая сконцентрировала его идеи по этому предмету...

Крупный знаток Кавказа и его истории А. П. Берже в исследовании «Выселение горцев с Кавказа» писал в начале 1880-х годов: «В течение 20-ти лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня; то наши колонны истребляли их, то Шамиль переселял на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы, народ не погиб от голода, но потерял всякое понятие об удобствах жизни, перестал дорожить своим домом и даже своим семейством»^{*}.

Историк, естественно, не мог предположить, что постоянные переселения, которым подвергались чеченцы в середине XIX века, по жестокости и истребительности не шли ни в какое сравнение с тем, что ожидало их в столетии следующем. (Хотя один ситуационный аналог имеется — значительную часть из многих тысяч эмигрировавших в Турцию чеченцев турки отправили на жительство в Месопотамию, где большинство из них вымерло от тяжелого, непривычного климата.)

Наблюдая ретроспективно тот энергичный пасьянс, который раскладывали на Кавказе генералы, тасуя племена и разбрасывая их по огромному пространству в соответствии с возникавшими идеями, следуя меняющейся оперативной обстановке, не задумываясь над воздействием, которое производит это холодное насилие на сознание горцев, трудно отрешиться от простой мысли о злорадном торжестве причинно-следственных связей в истории...

^{*} А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. — Русская старина. 1882, т. 34, с. 8.

ЭХО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ, ИЛИ СМЫКАЮЩИЕСЯ КРАЙНОСТИ

Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода.

А. Толстой. Дневник. 9 июля 1854 г.

В № 3 «Дружбы народов» за 1996 год была опубликована статья Ивана Дзюбы, принципиально важная для этой книги.

О чем, собственно, эта статья? О том, что Российская империя безжалостно захватывала и подавляла соседей, русское общество эту преступную деятельность приветствовало, а русские писатели в подавляющем большинстве имперскую экспансию воспевали. (См. первую главу книги.)

В статье много верного, и счет, предъявленный России, — суров.

Но остаются неразрешенными вопросы — было ли все это со стороны России уникальным имперским хищничеством или укладывалось в общемировую практику? почему именно так (и как именно?) вело себя общество и особенно столпы русской культуры, аккумулирующие в своем творчестве общественные настроения?

И. Дзюба особо выделяет две жертвы Российской империи — Украину и Кавказ. Это и понятно — подзаголовок статьи: «„Кавказ" Тараса Шевченко на фоне непреходящего прошлого».

И. Дзюба прав — прошлое непреходяще, история — процесс нерасчлняемый. Мы живем в этом нерасчлняемом времени. Именно поэтому так велико должно быть сознание ответственности, когда мы призываем прошлое для выяснения сиюминутных взаимоотношений.

Существует небезосновательное мнение, что драматическая судьба России (которая, право же, не сводилась к захватам и

угнетениям) не в последнюю очередь детерминирована возможностью расплзания по гигантским сопредельным пространствам вместо концентрации усилий на пространстве достаточном, но ограниченном — как это произошло с европейскими государствами. Об этом выразительно сказал Вяземский: «Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст»*.

Мировой дух распорядился так, что с востока и со стороны значительной части южных границ Московское государство, а затем и Россию обступали рыхлые политические пространства. Для того чтобы избежать расплзания, государство должно было проявить уникальную волю к самоограничению. А кто покажет мне государство, которое могло расширить свои пределы без особых, казалось бы, издержек и не сделало этого? Все мировые империи, как, впрочем, и национальные государства, расширяли свое «жизненное пространство» сколько хватало сил. Нет надобности ссылаться на примеры Рима, Чингисхана, Александра Македонского, арабов первых исламских столетий или Османскую Турцию. Достаточно вспомнить средневековую и новую историю Европы — Столетнюю войну, Тридцатилетнюю войну, войну за испанское наследство, Семилетнюю войну... Этот кровавый передел территорий шел вплоть до окончания второй мировой войны.

Можно, конечно, сокрушаться, что народы мира, с кроманьонцев начиная, не смогли мирно договориться о разделе земель, а вместо этого устроили из мировой истории черт знает что. Да много ли в этих сетованиях проку? Можно было бы принять — как основополагающий — тезис Паскаля: «Люди столь необходимо безумны, что значило бы еще раз сойти с ума, чтобы не быть безумным»**. Но в этом случае все наши рассуждения теряют смысл.

Те коварные и жестокие методы, которыми пользовалось руководство Российской империи, принадлежали к обычному в таких случаях арсеналу. Была, разумеется, существенная разница в том, что происходило затем на землях, присоединенных, скажем, Пруссией или Россией при переделе Европы. Но это определялось степенью внутреннего развития агрессоров, состоянием того, что мы сегодня называем «права человека» в самой

* П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 99.

** Блез Паскаль Мысли. М., 1994. С. 282

стране-завоевательнице, равно как и ситуацией на захваченных территориях.

Автор этих строк отнюдь не является поклонником российского самодержавия, о чем свидетельствуют его книги. И в данном случае речь не о том, чтобы представить Российскую империю благодетельницей присоединенных народов, а только лишь о корректности и объективности рассуждения и учета всего расклада факторов.

В экспансии России надо различать два слоя. Первый — действия естественные и необходимые, присущие всякому становящемуся государству. Второй — имперская дурь, толкавшая руководство империи — чаще всего самих государей — на акции, для страны непосильные и в перспективе не только не нужные, но и опасные.

Явными проявлениями имперского безумия, основанного на переоценке своих возможностей и хищническом отношении к человеческим и экономическим ресурсам собственной страны, были, на мой взгляд, «персидские походы» Петра I, параноические по своему упорству попытки прорваться к Индии по берегам Каспия.

Один из позднейших примеров — роковая для самодержавия война с Японией, спровоцированная корейской авантюрой.

Большой вопрос — нужно ли было России завоевание Средней Азии, которое, разумеется по решению императора, начал и с жестокой решимостью пытался проводить внук последнего украинского гетмана генерал Василий Перовский.

Кстати говоря, на заключительном этапе завоевания активно действовали в составе русских войск северокавказские формирования. В частности, Дагестанский конно-иррегулярный полк полковника Квинитадзе, состоявший из мусульман.

Вообще этническая перемешанность в процессе захвата прилегающих к России земель многое объясняет и в кавказской ситуации. Достаточно вспомнить, как прагматически использовал Петр I свирепую воинскую энергию калмыков хана Аюки, ходивших на дагестанцев, кумыков, кубанцев. Калмыки использовались и против русских — для подавления астраханского восстания 1706 года и для охоты на казаков-булавиинцев.

И. Дзюба сам приводит свидетельство из эпохи «покорения Крыма» о безжалостном рейде калмыков (совместно с казаками) на Бахчисарай — с уничтожением татарских деревень и угоном в рабство их жителей.

Речь, естественно, не о том, чтобы предъявить какие-либо исторические претензии сегодняшним гражданам Калмыкии, а о

том лишь, что реальная жизнь в пограничных областях империи была куда запутаннее и сложнее, чем просто агрессия русских против инородцев.

И. Дзюба с горечью пишет о «вольном или невольном украинском „вкладе“ в кавказское миросвершение России» и вслед за Шевченко рассматривает участие украинцев во всех российских войнах как национальную трагедию — «сыновья народа служили угнетателю и отдавали жизнь за него, погибая или вынужденной, или „героической“ смертью. Каждая из них объяснялась своими особенными политическими или житейскими обстоятельствами, имела свою особенную эмоциональную окраску; но общим для них было то, что они обнаруживали искаженность национальной судьбы и глубоко травмировали национальное чувство».

Это чрезвычайно ответственное заявление. Но смею думать, что здесь делается попытка навязать исторической реальности весьма ограниченную схему.

И. Дзюба не раз в своей статье обращается к авторитету Льва Толстого, ссылаясь, естественно, на «Рубку леса», «Набег», «Хаджи-Мурата». Кавказскую прозу Толстого мы рассмотрим дальше, а здесь лишь коснемся ее применительно к данной проблеме.

В «Рубке леса», с ее документально, можно сказать, воспроизведенными картинами Кавказской войны, есть два принципиально важных персонажа — солдат Веленчук и капитан Тросенко. Нет надобности гадать об их национальности. Но ни единого раза ни при каких обстоятельствах Толстой, писавший героев с натуры, даже намеком не обозначает какую-то особенную украинскую специфику их мироощущения. Это — русский солдат и русский офицер. О Веленчуке вскользь сказано, что он «малороссиянин родом», а относительно ротного командира Тросенко и того нет. Толстому, да и им самим, это совершенно неважно. Тросенко — «старый кавказец в полном значении этого слова, то есть человек, для которого рота, которою он командовал, сделалась семейством, крепость, где был штаб, — родиной, а песенники — единственными удовольствиями жизни, — человек, для которого все, что не было Кавказ, было достойно презрения, да и почти недостойно вероятия; все же, что было Кавказ, разделялось на две половины; нашу и не нашу первую он любил, вторую ненавидел всеми силами своей души...»

И если бы капитан Тросенко, русский офицер, «малороссиянин родом», прочитал горькие строки украинца Шевченко, с

горячим сочувствием процитированные украинцем И. Дзюбой: «Так вот как кровь пришлось отцам Лить за Москву...», он в лучшем случае пожал бы плечами. А уж суждения самого И. Дзюбы наверняка не нашли бы у него ни малейшего сочувствия. Как, впрочем, и у подавляющего большинства русских офицеров и солдат родом из Малороссии — а их в Кавказском корпусе было предостаточно. Нет никаких свидетельств, чтобы они воспринимали свою службу царю и России как «искажение национальной судьбы», а их национальное чувство было этой службой травмировано. Легко представить себе, как реагировал бы прямой и резкий капитан Тросенко, если бы кто-нибудь рискнул объяснить ему, что его жизнь — «обреченность на служение врагу, обреченность на подвиги ради твоего врага, против врагов твоего врага».

Отправной точкой рассуждения И. Дзюбы относительно «обреченности на служение врагу», то есть Москве, стали строки из поэмы Шевченко «Кавказ» о художнике Якове де Бальмене, погибшем в кровавой Даргинской экспедиции 1845 года. Поэма и посвящена де Бальмену, которого поэт называет «единственным другом». «Не за Украину — /За ее тирана довелось пролить/ Столько честной крови». Но де Бальмен, кроме того, что был талантливым рисовальщиком, был еще и штаб-ротмистром русской армии, адъютантом командира 5-го пехотного корпуса генерала Лидерса. В этом качестве он и отправился в Даргинскую экспедицию.

Если предположение И. Дзюбы верно — а это вполне вероятно, — то предок де Бальмена (скорее всего дед) участвовал едва ли не во всех турецких войнах, с царствования Елизаветы начиная, генерал-майором в составе Украинской армии громил в 1775 году Запорожскую Сечь, подавлял волнения в Крыму, а в 1790 году командовал войсками на Кавказе. В этом случае Яков Петрович де Бальмен происходил из семьи с твердой военной традицией — Александр Петрович де Бальмен активно участвовал в покорении Кавказа, — и маловероятно, что штаб-ротмистр согласился бы с той ролью, которую уготовили ему Шевченко и И. Дзюба.

Можно, конечно, сказать, что верная служба России была результатом «искаженности национальной судьбы» солдат и офицеров-малороссов. Но тогда нужно ясно сформулировать — что же понимается под истинной судьбой этих людей при том несомненном обстоятельстве, что в реальных исторических условиях стать суверенным государством, иметь собственную армию, вести собственные войны Украина не могла. Почему служ-

ба украинцев в польских войсках, военное сотрудничество — на основе подчинения — с крымской ордой были бы предпочтительнее и органичнее для украинцев, чем служба в русской армии? Каково было украинским казакам и крестьянам под поляками, свидетельствуют кровавые мятежи и лютая взаимная ненависть, зафиксированная в поэзии Шевченко и прозе Гоголя. Не говоря уже об исторических источниках.

Каждый имеет право строить произвольные конструкции. Но это занятие сколь увлекательное, столь и небезобидное, когда из него делают практические актуальные выводы.

Тут неплохо бы вспомнить, что Гоголь, которому судьба Украины была не безразлична, в самом, быть может, высоком гимне украинскому казачеству — «Тарасе Бульбе» — подчеркнуто объединяет русское и украинское начало в речах главного героя. В знаменитом монологе о казачьем братстве Бульба провозглашает: «Нет, братцы, так любить, как русская душа... так любить никто не может!» А описывая героическую кончину запорожца Тараса, Гоголь восклицает: «Да разве найдутся на света такие огни, муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!» Для Гоголя долгая раздельная судьба России и Украины была тяжким историческим срывом...

Считаю ли я при этом, что судьба Украины в составе Российской империи была благополучной? О нет! Украина, та ее часть, которая подчинялась Хмельницкому, шла под высокую руку единоверного православного царя на определенных условиях. Условия эти были Московским государством нарушены. Подлинная трагедия началась при Петре I и завершилась при Екатерине II, отдавшей украинских землепашцев в крепостное рабство и уничтожившей всякие намеки на автономию Украины.

Но при этом опять-таки неизбежно встает вопрос — а каковы были иные варианты судьбы Украины, predetermined ее геополитическим положением? Судьба Украины схожа с судьбой Польши. Но с существенными коррективами. На протяжении столетий Польша была одним из крупнейших государств Европы, со своей развитой культурой, совершенно своеобразной государственной традицией, четко структурированным обществом. Польско-Литовское государство, отбросив агрессию с запада, как мы помним, пыталось поглотить или, во всяком случае, сделать своим вассалом Московскую Русь. И страна с таким прошлым, с такими материальными и духовными ресурсами оказалась смятой и расчлененной, государство Польское надолго исчезло с карты Европы.

Украина XVII века оказалась куда как в худшем положении. Она была зажата между Польшей, Крымом и Московским государством, а ее собственная государственная потенция значительно уступала польской.

Хмельницкий, как умный политик, понимал, что Украина может противостоять Польше, частью которой она достаточно долго была, только в тесном союзе с сильным военным партнером. Это могли быть либо крымские ханы, вассалы Турции, либо Москва. Раде в Переяславле были предложены четыре варианта — турецкий султан, крымский хан, польский король, московский царь. О суверенности речи не было.

Все это — общеизвестно.

В конкретной ситуации Украина вынуждена была стремиться под московский протекторат, который логически перешел в полное поглощение, а Москва столь же логично должна была озаботиться присоединением этого богатого родственного края.

Вхождение в состав России, увы, было лучшим из возможных вариантов — при всех его тяжких издержках.

С Кавказом ситуация была иная, но тоже отнюдь не относившаяся к категории имперской дури. И. Дзюба приводит два объяснения агрессии России на Кавказе. Первое принадлежит Д. Иловайскому: «Начало Кавказской войны относится к концу XVIII столетия, когда Грузия вступила в подданство России и Кавказский хребет очутился между русскими владениями». Можно как угодно относиться к Иловайскому, но тезис его совершенно бесспорен. Да, с присоединением Грузии, которая, как и Украина, пошла в вассалы России не от хорошей жизни, появилась настоятельная потребность обеспечить безопасную связь метрополии с новым краем. (Мало кому неизвестно, что Грузия регулярно подвергалась опустошительным нашествиям иранцев и — в меньшей степени — турок, что ей грозила потеря культурной и религиозной самобытности, что одним из терзавших ее страшных бичей были набеги кавказских горцев. Почему, сочувствуя лезгинам, мы не должны сочувствовать грузинам? Жизнь Грузии под русским владычеством была не сладкой, но уровень безопасности и спокойствия стал неизмеримо выше. При всей школьной банальности этих фактов — никуда от них не деться.) Соображения Берже, которые И. Дзюба противопоставляет мнению Иловайского, ничуть ему не противоречат: «Кавказская война началась не в силу каких-нибудь политических задач или дипломатических соображений, но была естественным результатом государственного роста России». Именно так. Естественным результатом. Можно сокрушаться по этому поводу, но странно от-

рицать неизбежность этого процесса. Что же касается методов — да, они были чудовищны. Именно чудовищность методов и предопределила нынешнюю трагедию. Тут у меня нет ни малейших расхождений с И. Дзюбой.

И теперь надо перейти ко второму, и главному, аспекту проблемы — как же относилось к происходящему на Кавказе русское общество и каково было реальное восприятие духовными лидерами этого общества российско-кавказской драмы?

Во-первых, вынужден сказать, что эта важнейшая для понимания жизни России тема фактически еще не разработана. Работа начинается только сейчас. Исследователям предстоит проанализировать с социально-психологической точки зрения огромный слой мемуарной, эпистолярной, художественной литературы. В данном случае мы обратимся преимущественно к литературе художественной, которая, по авторитетному мнению Ключевского, может в лучших своих образцах служить фундаментальным историческим источником. В мемуаристике периода Кавказской войны — в воспоминаниях лиц, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях и не бывавших на Кавказе, — эта тема возникает достаточно редко. Война в Афганистане и война в Чечне волновала и волнует современное нам общество гораздо острее, чем война на Северном Кавказе беспокоила общество первой половины прошлого века. И это само по себе подлежит осмыслению.

В литературе художественной кавказские сюжеты — если учесть длительность войны — сравнительно немногочисленны. И. Дзюба перечисляет всех крупных писателей, тексты которых имеет смысл анализировать. Прежде всего, разумеется, — Пушкин, Лермонтов, Толстой. Их произведения покрывают едва ли не весь период активных боевых действий.

Я впервые перечитал соответствующие тексты под этим углом зрения. И, к удивлению своему, обнаружил равновесие симпатий авторов к людям, ведущим войну с той и с другой стороны.

Если непредвзято прочитать кавказские сочинения классиков, то выявляется любопытная закономерность.

И. Дзюба укоризненно цитирует воинственный эпилог пушкинского «Кавказского пленника» со строками, прославляющими неограниченную жестокость завоевателей — Цицианова, Котляревского. Все так. Но кроме эпилога существует и сама поэма. И. Дзюба пишет: «...как истинный художник Пушкин был восхищен суровой пластикой горского быта и не мог не поддаться сугубо эстетической симпатии». Это неверно. Дело вовсе не о-

раничивалось эстетикой. «Меж горцев пленник наблюдал / Их веру, нравы, воспитанье, / Любил их жизни простоту, / Гостеприимство, жажду брани...». С таким же успехом можно утверждать, что в свободных героях «Цыган» Пушкин ценил только их экзотическую внешность.

Структура «Кавказского пленника» предвосхищает структуру «Медного всадника»; блестящий имперский пролог и — описание другого жизненного уровня, где железная машина государства выступает как сокрушитель простого человеческого счастья.

В «Кавказском пленнике» вместо имперского пролога — имперский эпилог. Между эпилогом «Кавказского пленника» и самой поэмой такое же трагическое равновесие, как между прологом «Медного всадника» и описанием судьбы Евгения. Пушкин первый в нашей литературе, да и политической мысли, в полной мере осознал жестокую диалектику связи индивидуальной судьбы с судьбой государства.

Это понимание нашло наивысшее отражение в мучительных коллизиях «Истории Петра Великого», где, несмотря на незавершенность, уже ясно видна концепция. И концепция эта направлена как против античеловечных крайностей государственнического подхода к живой жизни, так и против хаотического своеволия людей и народов. И это имеет прямое отношение к нашей проблематике.

Известно жесткое неприятие Пушкиным попытки отложения Польши в 1830—1831 годах. (Кстати, одним из первых требований восставших к России было требование возвратить в состав Польши украинские земли.) Но жесткость эта имела свои особенности. В письме Вяземскому от 1 июня 1831 года Пушкин описал героическое поведение польских офицеров в одном из сражений. Описание это не менее уважительно, чем изображение боевой и мирной жизни черкесов в «Кавказском пленнике». Но завершается оно следующим комментарием:

«Все это хорошо в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить... Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря: мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей» (курсив мой. — Я. Г.). Текст, прямо скажем, не вызывающий сочувствия. При всей сложности геополитического расклада наличие Польши в составе империи вовсе не было насущной необходимостью. Завоевание Кавказа для России было в значительной мере шагом вынужденным. Раздел Польши — актом международного разбоя.

Но для нас это пушкинское заявление — если учесть многозначительную оговорку относительно образа мыслей — важно как свидетельство того самого равновесного подхода к трагическим коллизиям, о котором шла речь.

Пушкин в этом отношении был не одинок И. Дзюба пишет: «По крайней мере, в одной памятной поэтической реплике Лермонтов сдернул убранство гордости, патриотизма и молодечества, которым украшал себя государственный разбой, и бросил резкий дневной свет на бандитский характер „романтики“ колониальных походов:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты...
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...

Автор выстраивает ряд — Лермонтов, обличительный «Кавказ» Шевченко, выступления Сергея Адамовича Ковалева...

Эта инвектива рассчитана на то, что никто, кроме И. Дзюбы, не читал лермонтовского «Измаил-Бей». Ибо перед цитированными страшными строками, клеймящими зверства завоевателей, читаем нечто противоположное:

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток,
Быть может, скоро твой разделит рок,
Настанет час — и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!

И только после этого идут строки, цитированные И. Дзюбой. Это тот же прием, что и в «Кавказском пленнике», на эпилог которого ориентирована лермонтовская формула: «Смирись, черкес!» — «Смирись, Кавказ!»

Удивительным образом лермонтовское пророчество о скором мировом величии русского царя буквально совпадает с предсмертным монологом пламенного украинского патриота Тараса Бульбы: «Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!»

Горец и горенка Рис А С Пушкина

Вообще, судя по финалу известной статьи Гоголя «О малороссийских песнях», проникнутой глубочайшей любовью к Украине, Гоголь, сравнивая дороссийское прошлое своей родины с ее настоящим (1833 год), несомненно склонялся в пользу настоящего. Можно, разумеется, с Гоголем не соглашаться, но не учитывать его мнение некорректно. Тем более, что сочинения Гоголя по истории Украины дают весьма серьезный материал для размышлений на темы, справедливо волнующие нас сегодня.

Необходимо сказать, что многое из того, что здесь сказано и еще будет сказано, есть в статье И Дзюбы. Но немало здравых и точных положений погружены им в такой эмоционально негативный и однонаправленный контекст, что создается впечатление яростного отталкивания от реальной истории в пользу прекрасного и утопического ее варианта, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Однако два этих занятия необходимо разделять — или мы мечтаем, или анализируем реальный исторический процесс со всеми его реальными ужасами. Найти выход из конкретных кризисов можно только на втором пути. Ибо уже ясно, что по причинам чрезвычайно глубоким идиллическое будущее не грозит ни бывшим республикам СССР, ни миру вообще. Одно из доказательств тому — волны террора

Схватка казаков с горцами Рис М Ю Лермонтова

сравнимого по непреклонности и неистребимости разве что с террором исмаилитов-ассасинов средневековья Это тем более опасно, что духовной базой терроризма современного является национальный реванш

Статья «Нам только сакля очи колет » написана человеком смертельно обидевшимся на историю за то, что она пошла так, а не иначе, и сводящим счеты и с нею, и с теми, кого он считает виновниками «искажения национальной судьбы» Украины Тяжба с историей — занятие бесплодное и иссушающее — присуща нынче и многим русским либеральным интеллигентам, ожидавшим почему-то всеобщей любви и гармонии в стране где столетиями культивировались насилие и неуважение к человеку

В основе взгляда Пушкина и Лермонтова на кавказскую драму лежала уверенность в неизбежности включения Кавказа в общероссийский мир У Пушкина есть замечательное по своей простоте и фундаментальности выражение — «сила вещей» Это не фатализм, это понимание логики событий* И, не сомневаясь, что «си-

* С другой стороны «сила вещей» — штука опасная Ею можно при недобросовестном подходе оправдать все, что угодно Террор Ивана Грозного и Сталина скажем отнюдь не диктовался «силою вещей» ибо далеко выходил за пределы необходимого для страны

лою вещей» Кавказ обречен стать частью империи, оба великих поэта старались вникнуть в сознание горца и объяснить особенности этого сознания русскому обществу, чтобы смягчить, гуманизировать тяжкий для обеих сторон, но неотвратимый процесс.

Пожалуй, первым таким опытом был пушкинский «Галуб» — поэма, написанная вскоре после «Путешествия в Арзрум». Герой поэмы, горский юноша Тазит, таинственным образом усваивает европейскую, а не горскую мораль и отказывается от кровной мести, от набегов и грабежей, чем и навлекает на себя проклятье своего отца Галуба. «Галуб» — некий психологический эксперимент, поставленный Пушкиным, цель которого понять: возможно ли сближение чуждых и враждебных миров на уровне этических представлений, или они обречены на вечную распрю? Поэма не закончена, но тенденция ясна.

А если внимательно и напередвзято прочитать «Измаил-Бея», то окажется, что и эта поэма посвящена той же проблематике. Драма героя возникает на пересечении двух миров — мучительность выбора между ними и невозможность сделать единственный выбор. Лермонтов не фантазировал — это была реальная драма многих горских аристократов. И у персонажей «Измаил-Бея», как известно, тоже были прототипы. И Хаджи-Мурат, служивший то русским, то Шамилю, погиб, не в силах сделать единственный выбор. (В Российском государственном историческом архиве мне недавно попался документ, свидетельствующий, что Хаджи-Мурат вел переговоры о переходе к русским за десять лет до истории, описанной Толстым. Толстой об этом явно не знал.)

У черкесского князя Измаила, служившего в русской гвардии и вернувшегося в горы мстителем за свой народ, после его гибели соратники обнаруживают крест и проклинаят своего влждя: «Джяур проклятый!»

Пушкина и Лермонтова, осознавших неумолимую «силу вещей» (об этом, в частности, написан «Спор»), волновала прежде всего не степень вины того или другого народа. Они стремились не проклясть и обличить, но отыскать возможность совмещения двух глубоко чуждых миров, видя в этом единственный выход из трагических коллизий.

Для того чтобы выстроенная И. Дзюбой система взаимоотношений Кавказ — русское общество не выглядела слишком плоской, ее автор ищет опору внутри русской литературы. И находит ее в Толстом, в отношении к завоеванию Кавказа поднявшемся, по мнению И. Дзюбы, на гораздо большую моральную высоту, чем его предшественники. Так ли это? Правомочно ли такое противопоставление?

В «Набеге» страшная картина разорения аула дана совершенно эпически. Рассказчик, только что наблюдавший омерзительные сцены, спокойно садится выпивать с истинным героем очерка — капитаном, еще более равнодушным к происходящему. Капитан — родоначальник целой галереи любимых толстовских типов, из которых известнее всего капитан Тушин. Это простые, честные, скромные люди, на которых держится мир. И, как это ни печально, капитан, чьи солдаты только что разграбили аул, по-человечески ближе Толстому, чем несчастные горцы.

Толстой, как и его великие предшественники, не отдает решительного предпочтения ни одной из борющихся сторон. Вряд ли можно утверждать, что мрачный чеченец в «Казаках», смертельно ранивший лихого красавца Лукашку, вызывает у писателя большее сочувствие, чем сам Лукашка, убивший брата этого чеченца. Это повседневность Кавказа. Нет правых и виноватых. Если бы Лукашка не заметил и не застрелил абрека, плившего на русскую сторону реки, абрек убил бы кого-нибудь из казаков. За тем и плыл. И в сцене на последних страницах повести, сцене гениальной в своей безыскусности, равная правота на стороне девяти чеченцев, пришедших убивать на казачьи земли, и на стороне казаков, затравивших этих чеченцев. Все это — по Толстому — естественная, природная жизнь, а в ней правых и виноватых нет.

Трудно сказать, как относился молодой Толстой к завоеванию Кавказа в плане политическом. Известно, что в письме к брату от 23 декабря 1851 года он назвал поступок Хаджи-Мурата, перешедшего к русским, подлостью. Сам он добросовестно служил и был произведен в офицеры «за отличие в делах против горцев».

И Лермонтов, автор общегуманистических размышлений «Валерика», был не просто офицером Кавказского корпуса, но азартно командовал «летучей сотней», отрядом отчаянных добровольцев, выполнявших самые рискованные и далеко не бескровные поручения командования.

Знаем ли мы хоть малейшие следы мук совести у русских офицеров Лермонтова и Толстого? Нет. Что это означает? Что они были моральными уродами? Сомнительно. Они были людьми военной империи, принадлежали к дворянству — касте, предназначенной для войны, и воспринимали войну как нечто совершенно естественное. Это был бытовой, неидеологизированный слой их существования. И это вполне укладывалось в рамки европейской традиции.

Но как быть с сожженными мирными аулами, вырезанными женщинами и детьми? Как быть с Грибоедовым, который, прекрасно зная о зверствах Ермолова, писал в Россию о доброте «старика»? «Рубка леса» заканчивается дифирамбом нравственным качествам русского солдата, того самого, который на предшествующих страницах громил и грабил аул. Для Толстого явно одно с другим не связано. После эпической картины общей молитвы за упокой умершего от ран Веленчука солдаты вспоминают другого своего товарища, погибшего в походе на Дарго, в котором убили и де Бальмена. Звали этого солдата — Шевченко. Любопытное совпадение.

Объяснить этот печальный парадокс можно будет только после всестороннего изучения психологических процессов, протекавших в сознании русского общества, процессов, корни которых лежали в веке восемнадцатом.

Важно, что у классиков и их современников не было ощущения стены между двумя по видимости непримиримо враждебными мирами. Кавказ воспринимался как некая особая единая сфера. Не только постоянные переходы горцев к русским, но и переходы русских к горцам не считались чем-то из ряда вон выходящим. Бегство солдат и казаков в горы было достаточно распространенным явлением. Но эта терпимость распространялась и на офицеров, на дворян. Слухи о том, что знаменитый храбрец капитан Нижегородского драгунского полка Алаксандр Якубович время от времени «разбойничал» вместе с абреками, не вызывали у Пушкина в 1825 году ничего, кроме завистливого восхищения.

В этом отношении характерен эпизод, содержащийся в письме декабриста Трубевцкого Евгению Якушкину. Трубевцкой, рассказывая о жизни Оболенского, поселившегося после ссылки в Калуге, писал: «У них Шамиль ездит по балам и вечерам и просиживает до поздней ночи». Кто-то пропустил у них слух, будто бы Шамиль не кто другой, как Александр Бестужев, что заставило Оболенского вглядываться в него пристально и наконец убедиться, что сходства нет»^{**}. Оболенский не видит ничего невероятного в том, что его близкий друг и соратник Бестужев, пропавший без вести в одной из экспедиций против горцев, двадцать лет возглавлял газават...

* Плененный в 1859 году Шамиль был отправлен на жительство в Калугу.

** С. П. Трубевцкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 392.

Пожалуй, самое прямое в русской литературе свидетельство об отношении автора к кавказской драме — «Хаджи-Мурат». Кто не помнит мучительного описания разоренного аула: «О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения». Казалось бы — окончательный приговор. Но на соседних страницах те самые люди, которые разграбили и осквернили аул, оказываются людьми добрыми и достойными в других ситуациях...

С «Хаджи-Муратом» — случай особый. К концу века Толстой стал принципиальным и непримиримым антигосударственником, считавшим, что любое правительство любой страны есть коллективный разбойник, подлежащий упразднению. И Шамиля, создателя собственного деспотического государства, Толстой описывает столь же брезгливо, как и Николая I. Известна страшная рифма — с той же холодной жестокостью, с какой Николай обрекает на страшную смерть молодого поляка, Шамиль расправляется с молодым аварцем — сыном Хаджи-Мурата. И потому трудно согласиться с И. Дзюбой, когда он пишет: «Пожалуй, именно Толстой наиболее глубоко из всех русских авторов увидел Кавказскую войну не только как катастрофу туземного мира, но и как индикатор моральной ущербности русского общества». Думаю, что речь может идти о моральной ущербности, с точки зрения Толстого, всякого формализованного общества, подчиняющегося любой государственной системе. И если вчитаться в текст повести, то ни жестокий лицемер, каким у Толстого выведен Шамиль, ни мятущийся Хаджи-Мурат, предававший то горцев, то русских, которого только страх за семью удерживает от войны против Шамиля и покорения для русских Кавказа, отнюдь не являются в глазах Толстого идеальными героями.

Однако фраза И. Дзюбы о «моральной ущербности русского общества», которая, собственно, и есть смысловой центр статьи, далеко не беспочвенна. Правда, я сделал бы одну оговорку. Вряд ли стоит говорить в этом контексте о «русском обществе» в этническом смысле, ибо, как показал и сам И. Дзюба, роль, например, украинского и грузинского народов, поставлявших русской армии прекрасные кадры в имперской экспансии вообще и в завоевании Кавказа в частности, была достаточно велика. А на

внутреннюю и внешнюю политику империи в последней трети XVIII — первой трети XIX века и соответственно на моральную атмосферу в обществе оказывали несомненное влияние такие выдающиеся выходцы из Малороссии, как канцлер князь Безбородко, один из главных авторов окончательного раздела Польши, министр юстиции Троцинский, председатель Государственного Совета и комитета министров в разгар Кавказской войны князь Кочубей. Отношение малороссийского дворянства к имперской экспансии вряд ли существенно отличалось от позиции дворянства русского — степень единства взглядов и интересов в XIX веке была уже очень высокой. И это не упрек Украине, а призыв трезво взглянуть на тогдашнее положение вещей.

Главное, разумеется, не это.

Зияющая лакуна в нашем знании российской жизни, ее психологического аспекта, связанного с шестидесятилетней Кавказской войной, и есть наше незнание о том, как же эта война влияла на общественное сознание? влияла ли вообще? и если влияла, то какой тип сознания вырабатывался под воздействием этой многолетней резни на границах империи?

Это вопросы огромной важности и болезненности, и, быть может, именно поэтому в нашей исторической науке им, можно сказать, совершенно не уделялось внимания.

Но задавать эти вопросы правомочно только всей имперской общности.

Действительно, сегодня невозможно без невольного недоумения и горечи читать многие кавказские мемуары, бесстрастно повествующие о вещах, которые, казалось бы, должны были по меньшей мере коробить нормального человека. «Март месяц был роковым для Абадзехов правого берега Белой, т. е. тех самых друзей, у которых мы в январе и феврале покупали сено и кур Отряд двинулся в горы по едва проложенным лесным тропинкам, чтобы жечь аулы. Это была самая видная, самая «поэтическая» часть Кавказской войны. Мы старались подойти к аулу по возможности внезапно и тотчас зажечь его. Жителям представлялось спасаться, как они знали. Если они открывали стрельбу, мы отвечали тем же, и как наша цивилизация, т. е. огнестрельное оружие, была лучше и наши бойцы многочисленнее, то победа не заставляла себя долго ждать... Сколько раз, входя в какую-нибудь только что оставленную саклю, видал я горячее еще кушанье на столе недоеденным, женскую работу с воткнутой в нее иголкой, игрушки какого-нибудь ребенка брошенными на полу в том самом виде, как они были расположенными забавлявшимся...

Думаю, что в три дня похода мы сожгли аулов семьдесят... Для солдат это была потеха, особенно любопытная в том отношении, что, неохотно забирая пленных, если таковые и попадались, они со страстным увлечением ловили баранов, рогатый скот и даже кур»*. Невозмутимый автор этого повествования был во всех отношениях человеком честным и порядочным...

Было ли «морально ущербным» общество, спокойно воспринимавшее все это?

А было ли морально здоровым истово религиозное общество Англии, восторженно приветствовавшее завоевателя Ирландии Кромвеля? Вот отрывок из его отчета парламенту. «Я приказал своим солдатам убивать их всех... В самой церкви было перебито около тысячи человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы»**. Ирландия буквально тонула в крови.

Все это ужасно. В этом, думаю, мы с И. Дзюбой полностью солидарны.

Принципиально расходимся мы в другом.

И. Дзюба в своих инвективах постоянно апеллирует к Тарасу Шевченко. Из статьи получается, что во всей культуре Российской империи первой половины XIX века был один-единственный гуманист, поднявшийся на моральную высоту, для прочих недоступную, вырвавшийся из психологического контекста эпохи. Так ли это — при всем уважении к таланту и мученической судьбе Кобзаря?

Поэма «Кавказ», которая связывает все пласты статьи И. Дзюбы, действительно являет собою образец высочайшего сочувствия обиженным, и — прав И. Дзюба — смысл ее гораздо шире, чем протест против завоевания Россией Кавказа. Шевченко воздымается до богоборческих высот, скорбя о несовершенстве мира вообще. В таких случаях обличители идут поверх исторической реальности. Шевченко, разумеется, прекрасно понимает, что русская армия вела тяжкую для себя и гибельную для горцев войну не для того, чтобы отобрать у них саклю и чурек или посягнуть на их жизненный уклад, — это были трагические издержки разрешения куда более серьезных задач. И для горцев смысл их смертельной борьбы заключался не в защите имущества — они могли сохранить его, покорившись, — а в отстаивании своего миропредставления, вне которого их жизнь во многом теряла смысл, ибо терялось сложившееся веками самопредставление.

* М И Венюков Кавказские воспоминания — Русский архив 1880 Кн 1 С 419

** Джон Ричард Грин История английского народа М, 1892 Т 3 С 218

Однако при всем сочувствии к позиции Шевченко (и И. Дзюбы) нельзя не сказать и о том, что свойственная им яростная напряженность неприятия и негодования несет в себе и немалую опасность, если она не имеет катарсиса.

В обращенном к Гоголю стихотворении, написанном незадолго до «Кавказа», рассуждая о падении национального самосознания, Шевченко сокрушался:

Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Но зарубит старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.

Речь, как легко догадаться, идет о Тарасе Бульбе...

«А Тарас гулял по всей Польше со своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой пляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки, распечатали и поразливали по земле казаки вековые меды и вина, сохранны сберегавшиеся в панских погребках; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. „Ничего не жалейте!“ — повторял только Тарас. Не уважили казаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они; зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огненного пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы сама сырая земля и степная трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие казаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя».

Решительно расходясь с Гоголем относительно органичности единства России и Украины, Шевченко тем не менее выбрал эталоном патриота Тараса Бульбу.

И тут можно было бы задать вопрос: можно ли считать с нашей нынешней точки зрения морально здоровым обществом, лучший поэт которого, совесть народа, ориентируется на подобные проявления любви к родине и приемлет такие методы борьбы за ее «свободу, честь и славу»?

Гоголь в повести своей специально оговаривается и относит весь этот и сопутствующий кошмар за счет варварских обычаев того времени, обычаев, неприемлемых для Гоголя и его современников.

«Славно, хлопцы!» — на базаре
Железняк взывает,
Кругом пекло; гайдамаки
По пеклу гуляют...
Всех побили, все забрали.
«Теперь, хлопцы, будет!»
Утомились, отдохните!»
Улицы, базары
В грудах трупов, в море крови..

Это — шевченковские «Гайдамаки». Но уже времена достаточно близкие — последняя треть XVIII века. Последователи Тараса Бульбы вершат свой суд над мирным польским населением..

В замечательном стихотворении «Завещание» есть у Шевченко такие строки, обращенные уже к современникам:

Схоронив мея, вставайте,
Цепи разорвите
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите

После долгого перерыва я перечитал стихи Шевченко. Могу уверить И. Дзюбу, что русские крестьяне частенько страдали ничуть не меньше украинских, но не было в русской литературе писателя — тем паче поэта, — который бы с такой страстью проповедовал социальный реванш, да еще замешенный на реванше национальном. (Разве что знаменитое «К топору зовите Русь!», но это был лозунг чистого политика-радикала.)

Гайдамаки мстят за угнетение и измывательства панов над поселянами. Но разве Пугачев не был мстителем за народную обиду? Пушкин это очень хорошо понимал. Вспомним, однако, как он описывал казнь пугачевцами обитателей Белогорской крепости. Разве есть там хоть тень кровавого злорадства, романтизации безжалостной мести? (Между прочим, исторический Железняк, вождь гайдамаков, был настроен пророссийски и утверждал, что уполномочен Екатериной II на борьбу с поляками. Чего, естественно, не было.)

При всей видимой оправданности своей идеология Пугачева и Железняка, воспетая Шевченко, отнюдь не ведет к установлению гармонии и справедливости. Об этой идеологии — идеологии бунта и мщения, произрастающей из законной оскорбленности социального и национального чувства, очень точно сказал Бердяев: «Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни (Шевченко

отрекается от Бога в том же „Завещании“, пока Днепр не помчит с Украины „Прямо в сине море/ Кровь всех ворогов...“ — Я. Г.), он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же <...> увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях». * Это относится, как видим, отнюдь не только к русскому человеку...

Остается неразрешенным вопрос — было ли русское общество, включающее в себя и Пушкина, и Лермонтова, и Толстого, «морально ущербным»? Что сказать? В стране, включающей и Россию, и Украину, в стране, за плечами которой унижительное монгольское иго, патологический террор Ивана Грозного, костоломные преобразования Петра, сокрушившие все привычные этические опоры, в государстве, которое держало в рабстве миллионы своих сограждан, разлагая тем самым сознание тех, кто формально считался свободным, не могло и не может быть абсолютного морального здоровья. Трагедийность русской литературы — от сознания этого нездоровья. Апофеозом этой многовековой болезни стала катастрофа 1917 года и то, что за ней последовало.

И жажда социального и национального реванша, жажда «крови всех ворогов» как обязательного условия возникновения «семьи вольной, новой», которая звучит во многих стихах Шевченко, благородная изначально оскорбленность за поправленную справедливость, но достигающая того опасного предела, за которым начинается, по формуле Бердяева, многократное возрастание слез и страданий по отношению к слезам и страданиям отмщаемым, и весь тон статьи И. Дзюбы, увы, тоже есть результат того же морального неблагополучия.

Сегодня любому трезво мыслящему и бескорыстному человеку ясно, что России и Кавказу никуда не деться друг от друга. (Чечня — особая проблема, отнюдь не идентичная проблемам общекавказским.) И единственный путь, не сулящий крови и горя, — путь, предсказанный Пушкиным и Лермонтовым. Путь терпеливого разгадывания психологических основ существования друг друга, что необходимо для взаимоадаптации. Это медленный и непривычный для нас путь, но — единственный. Требование национального реванша и сведения исторических счетов — политический наркотик, дающий мгновенное острое удовлетворение, а в долгосрочной перспективе — катастрофу.

* Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 84.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поход гр. М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год)

После отставки генерала А. П. Ермолова в 1825 г. начался затяжной период «серьезных и чувствительных неудач... вследствие неправильного, нецелесообразного ведения политики и войны на Кавказе...»^{*} Особенно напряженный характер приняла эта война в 40-е годы XIX в. Обильная и при этом самая противоречивая информация порождала в Петербурге колебания и немалое раздражение военными неудачами на Кавказе: часто приказы, распоряжения и инструкции, отдаваемые сегодня, на завтра оказывались бесполезными, и наоборот. После многих поражений 1840 — 1844 гг., стоивших русским огромных потерь, Николай I предпринял попытку одним репашущим ударом уничтожить Шамиля, значительно укрепившего в это время свои позиции в Дагестане и Чечне. Шамиль — опытный и талантливый политик, умело используя экономические и социальные рычаги для управления «бедными» и «богатыми» горцами, успешно управлял своей «империей» из селения Дарго, бывшего его резиденцией. В Петербурге в конце 1844 г. был разработан план похода в Андию и Дарго, призванный: «1) Разбить, буде можно, скопища Шамиля. 2) Проникнуть в центр его владычества. 3) В нем утвердиться»^{**}.

Для осуществления этого плана был назначен новый главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом гр. М. С. Воронцов,

^{*} Б. М. Колобакин. Кавказская экспедиция в 1845 г. СПб. 1907. С. 1.

^{**} Записка имп. Николая I о военных действиях на Кавказе. Русская старина (далес РС), 1885, № 10, с. 209.

сменивший на этом посту генерала А. И. Нейдгарта. Однако Воронцов, опытный военачальник, администратор и политик, совершенно не был знаком с условиями ведения войны на Кавказе. Приняв поручение Николая I, несмотря на протесты многих опытных кавказских генералов, Воронцов впоследствии, хотя и получил титул князя и награды за поход 1845 г., осознавал трагическую несоизмеримость «победы» и цены, за нее заплаченной. В походе на Дарго около 4000 человек были убиты и ранены, не считая потерь в лошадях и боевой технике. В то же время этот год стал переломным, если не в военных успехах, то в осознании Николаем I и Генеральным штабом необходимости изменить стратегию ведения войны в незнакомых и малодоступных горных условиях. Николай I предоставил гр. Воронцову полную самостоятельность в принятии решений о военных действиях. Воронцов же, в свою очередь, вернулся к практике А. П. Ермолова, производя рубку леса, прокладывая дороги и строя вдоль них свои укрепления. Это позволило планомерно и целенаправленно продвигаться внутрь высокогорного Дагестана и Чечни, но понадобилась кровавая даргинская драма, чтобы прийти к этому решению*.

Экспедиция началась 31 мая 1845 г. Рано утром колонна под начальством главнокомандующего гр. Воронцова начала движение из крепости Внезапной. «Отряд состоял из 12 батальонов пехоты, 2 рот сапер, одной роты стрелков, двух дружин пешей милиции, 13 сотен конницы и 28 орудий с усиленной упряжью... При отряде было 1000... лошадей и 200 вьюков запасного парка 14-й артиллерийской бригады»**.

Перед походом гр. Воронцов встретился с опытным кавказским генералом Р. К. Фрейтагом, решительные действия которого впоследствии спасли остатки его отряда. Фрейтаг был против предложенного плана, и после разговора с ним Воронцов лишился уверенности, с которой прежде смотрел на поход в Андию. Отдав приказ выступить 31 мая, накануне он писал из крепости Внезапной военному министру кн. Чернышеву: «Поверните меня к стопам Его Величества, я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность»***.

* М. М. Блиев, В. В. Дегоев. Кавказская война. М., 1994. С. 482

** А.-Д. Г. (Д. Г. Ануцин). Поход 1845 г. в Дарго. Военный сборник (далее ВС), 1859, № 5, с. 18.

*** Там же, с. 19.

С самого начала поход сопровождали неудачи. В горах резко снизилась температура, начался снегопад. В этих условиях солдаты днем под пулями расчищали завалы, устроенные горцами, а ночью несли караул, лишённые возможности развести костры, чтобы не привлекать внимания неприятеля. В результате у 200 человек в отряде были отморожены ноги*. Несмотря на сильную стужу и жестокие обстрелы, 4 июля отряд вступил в Андию и расположился между селениями Гогатли и Анди, однако ненастная погода, холод, недостаток корма для лошадей и продовольствия для людей, скудный запас перевязочных средств делали положение отряда отчаянным. Достать что-либо и где-либо было невозможно. Шамиль, отступая, сжигал все селения, а людей уводил с собой. Продовольствие было доставлено 14 июня, следующий его завоз планировался на 10 июля. Доставленных продуктов хватало на неделю, поэтому главнокомандующий приказал 6 июля утром начать наступление в Ичкерия** к селению Дарго. В момент выхода из Андии в Дарго общая численность отряда составляла 7940 человек пехоты, 1218 человек конницы и 342 артиллериста.

Шамиль, оставаясь верным своей тактике, не препятствовал продвижению русских войск в горы: и при этом плотно закрывал им возможность отхода***.

Отряд прошел около 20 верст по труднодоступной, обрывистой местности в условиях непрерывного 8-часового боя и, преодолев многочисленные препятствия, утром 6 июля захватил аул Дарго. Аул был охвачен огнем, жителей в нем не было. Шамиль поджег его строения и перебрался на другой берег реки Аксай в богатые хутора аула Белгатой. Передовые части русских войск расположились лагерем перед Дарго, частично заняли и сам аул, и высоты справа от него. Вечером к авангарду присоединился главнокомандующий, потерявший 35 человек убитыми и 137 ранеными. На пути к аулу Дарго погиб генерал-майор Б. Б. Фок****.

Между тем Шамиль собрал горцев на Белгатойских высотах, откуда они обстреливали лагерь. Было совершенно очевидно, что позиция неприятеля значительно удобнее и выигрышнее, поэто-

* И. И. Дельви́г. Воспоминания об экспедиции в Дарго. ВС, 1864, № 7, с. 294.

** Ичкерия — южная часть Чечни.

*** М. Вачагаев. Чечня в годы кавказской войны (1816—1859). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 1995. На правах рукописи. С. 138—139.

**** Б. М. Колубакин. Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В. Н. Н-ва. ВС, 1907, № 2, с. 121.

му главнокомандующий собрал военный совет, «на котором после долгих и шумных прений положено было: отрядить часть войск сего же числа на Белгатойские высоты, прогнать оттуда горцев, преследовать их, сообразуясь, как укажут обстоятельства, и потом возвратиться обратно в лагерь; операцию эту произвести поручено генерал-майору Лабынцеву»*.

Операция у аула Белгатой принесла временную победу; оттеснив горцев и предав огню хутора **Белгатоя**, отряд вернулся в лагерь. У многих было мрачное настроение — снова погибшие и раненные, а взамен несколько сожженных домов и небольшая передышка в перестрелке с противником. Уныние на солдат навели не сами потери, к которым уже так привыкли кавказские войска, а убеждение в их бесполезности. Когда отряд возвратился в лагерь, горцы снова заняли левый берег реки Аксай. Их сравнивали с роем мух: их согнали, они разлетелись, а минуту спустя снова на том же месте. Многие участники событий высказывали мнение, что прогнать неприятеля следовало, но было ошибкой, заняв высоты, не закрепить их за собой.

8 июля были преданы земле все погибшие, по ним отслужили молебен и панихиду. В это время начала меняться погода, лил дождь со снегом: «...холод увеличивался... и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, в которых теснились по 3 человека: одна шинель служила матрацем, две другие — одеялом»**. Эти погодные условия самым неблагоприятным образом сказались на событиях 10 и 11 июля.

Отряд выполнил поставленную перед ним задачу, заняв Дарго, в Андии и Дарго развевалось русское знамя, но о покорности племен Дагестана и Чечни говорить было рано.

Положение отряда гр. Воронцова становилось критическим. Многие обозы с провиантом были отбиты неприятелем или потеряны в горных ущельях. Оставаться в Дарго было незачем и опасно: аул стал ловушкой. К тому же кончался провиант, перевязочные материалы, корм для лошадей и боеприпасы. Возвращаться по старой дороге было невозможно — такое продвиже-

* Там же, с. 11. Генерал Лабынцев «имел на Кавказе одну из самых громких боевых репутаций. Это был типичный старый пехотный офицер, — вспоминал о нем полковник гр. К. К. Бенкендорф. — ...Вечно не в духе, вечно занятый критикой, фрондер, какие водятся только у нас, с готовым всегда на устах ругательством, Лабынцев являлся блистательным офицером в день боя... Это был поистине Ней Кавказской армии». РС, 1910, № 10, с. 42.

** Воспоминания гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. РС, 1910, № 10, с. 282.

ние горцы сочли бы отступлением и предприняли бы все усилия для того, чтобы уничтожить отряд русских. Оставался один путь — продвигаться вперед по направлению к Герзель-аулу.

Транспорт с продовольствием должен был прийти в Дарго 9 или 10 июля. Было ясно, что через лес колонна не пройдет, поэтому главнокомандующий принял решение разделить отряд на два. Один из них под командованием генерал-лейтенанта Ф. К. Клюге-фон-Клугенау отправить навстречу транспорту с продовольствием: нагрузить ранцы продуктами и боеприпасами и таким образом доставить их в лагерь.

Утром 10 июля в горах показалась колонна провиантского отряда. Отряд генерала Клюге-фон-Клугенау двинулся ему навстречу, но из-за ненастной погоды и завалов, устроенных горцами, он сильно растянулся. Когда авангард под начальством генерала Д. В. Пассека прошел уже большую часть пути, неприятелю удалось захватить обоз, находившийся в середине колонны, и таким образом отрезать арьергард и окружить его. Генерал Е. А. Викторов, командовавший арьергардом, все же отбил атаки горцев и медленно продвигался вперед, но впереди его ожидали новые отряды неприятеля, открывшие непрерывный огонь.

Когда же наконец появилась надежда пробить брешь в рядах неприятеля, генерал Викторов был тяжело ранен. Его солдаты, потеряв два орудия, лошадей и прислугу, сами обратились в бегство. очевидцы этой трагедии рассказывали, что сильно раненный генерал Викторов, «поверженный на землю и не имея сил подняться, несмотря на просьбы и обещания наградить того, кто бы его взял, оставлен был в добычу неприятелю и тут же им изрублен»*.

Потеря большого количества людей и орудий, смерть генерала Викторова и некоторых других командиров, недостаток патронов и снарядов, растерянность генерала Клюге-фон-Клугенау — все это самым плачевным образом сказалось на боевом духе солдат, которые после встречи с транспортной колонной должны были на следующий день возвращаться той же дорогой в Дарго.

С момента, когда авангард отряда, руководимый генералом Пассеком, вышел на поляну, где его ожидал подполковник Юлинг (Гюлинг) с провиантом и боеприпасами, до прибытия туда же остатков арьергарда прошло несколько часов (по разным сведениям, арьергард прибыл к месту в 10 или 11 часов вечера 10 июля). Погода прояснилась, но времени для отдыха почти не

* Колюбакин. ВС, 1907, № 2, с. 25.

было — пока солдаты получали провиант, горцы рубили деревья и строили новые завалы, готовясь к очередной встрече с даргинским отрядом. За ночь к ним присоединились несколько новых групп, и численность их значительно увеличилась.

Утром 11 июля отряд собирался в обратный путь. Авангард снова возглавлял генерал Пассек. Арьергардом командовал раненый полковник Ранжевский. В середине колонны разместились обозы. Стрелковые роты защищали ее по ходу справа и слева. Положение отряда осложнялось тем, что он был отягощен провиантом, скотом и боеприпасами. Раненых в последний момент было решено отправить с отрядом Юлинга в Темир-хан-Шуру.

Генерал Пассек с авангардом, как и накануне, вырвался вперед, колонна же снова растянулась на большом расстоянии и стала легкой добычей для неприятеля. Удивительно, что ни генерал Клюге-фон-Клугенау, ни генерал Пассек не извлекли уроков из трагических событий 10 июля, а упрямо продолжали применять раз и навсегда усвоенную тактику.

Эти действия, как известно, привели к гибели генерала Пассека, а генерал Клугенау едва остался жив, потеряв всю свою свиту. Горцы же хотя и теряли в живой силе, но все преимущества были на их стороне: они применили уже испытанную тактику — строили завалы из деревьев, камней, не гнушались использовать для этого трупы людей и животных. Сами же, прячась за деревьями и воздвигнутыми преградами, успешно обстреливали отряд русских. В страшной неразберихе боя отряд потерял почти все продукты, казну, скот и боеприпасы. Тело убитого генерала Пассека было оставлено на поругание, как и тела многих других участников этого трагического похода, прозванного среди солдат «сухарной экспедицией». За два дня — 10 и 11 июля — выбыло из строя 2 генерала, 44 штаб- и оберофицеров, 1275 нижних чинов, потеряны 3 горных орудия, большинство лошадей с вьюками и разным продовольствием*. В таком виде отряд Клюге-фон-Клугенау прибыл в Дарго, на подступах к аулу ему помогали отбиваться от противника вышедшие на помощь генерал Лидерс и Гурко с тремя ротами пехоты и частью грузинской милиции**.

* Обзор военных действий на Кавказе в 1845 г. Тифлис 1846, с. 54 (далее Обзор).

** 1845 год. Воспоминания В. А. Геймана. Кавказский сборник (далее КС). Т. 3. Тифлис 1879.

Наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь М С Воронцов
Портрет работы Г Виллевальде

Не получив ожидаемого продовольствия, гр. Воронцов начал приготовления к походу на Герзель-аул. К вечеру 12 июля он был готов к выступлению в составе почти пяти тысяч человек, из которых более 700 были ранены. Так закончилась «сухарная экспедиция» — самое бессмысленное и самое кровавое из всех событий даргинского похода. Сам же даргинский поход закончился только 21 июля: пробиваясь с боями к Герзель-аулу, главнокомандующий потерял убитыми 12 штаб- и обер-офицеров и 282 человека рядовых; ранеными 45 штаб- и обер-офицеров и 733 человека рядовых. Пришедший на выручку гр. Воронцову отряд генерала Фрейтага, без которого спасти остатки даргинского отряда было бы невозможно, потерял убитыми 14 человек и ранеными — 70*.

Экспедиция 1845 года в резиденцию Шамиля Дарго ошеломила и ее участников, и современников, и потомков. По официальной оценке военных действий на Кавказе в 1845 г., задача, поставленная перед главнокомандующим гр. Воронцовым, была выполнена: «... как потому, что горцам доказана ныне возможность проникнуть в места, считавшиеся доселе недоступными, так и по той причине, что теперь известно уже, в какой степени заслуживает внимания виденная нами страна и какие пути ведут к ней...»**.

За даргинскую экспедицию главнокомандующий гр. Воронцов получил титул князя, многие офицеры — по две-три награды, рядовые, наиболее отличившиеся, награждены Георгиевскими крестами, всем батальонам и подразделениям разных частей были пожалованы Георгиевские знамена. Это была поистине пиррова победа, и ее официальная оценка очень сильно отличалась от той, которую ей давали сами участники экспедиции.

В походе 1845 года участвовали многие будущие известные военачальники и политики: наместник на Кавказе в 1856 — 1862 гг. и фельдмаршал кн. А. И. Барятинский; главнокомандующий Кавказским военным округом и главный начальник гражданской части на Кавказе в 1882 — 1890 гг. кн. А. М. Дондуков-Корсаков; исполняющий должность главнокомандующего в 1854 г. перед приездом на Кавказ гр. Н. Н. Муравьева кн. В. О. Бебутов; известный кавказский боевой генерал, начальник Главного штаба в 1866 — 1875 гг. гр. Ф. Л. Гейден; военный губернатор, убитый в Кутаиси в 1861 г., кн. А. И. Гагарин; командир ширванского полка кн. С. И. Васильчиков; генерал-адъютант, дипломат в

* А.-Д. Г. ВС, 1859, № 5, с. 61.

** Обзор, с. 77.

1849, 1853 — 1855 гг., гр. К. К. Бенкендорф (тяжело ранен в походе 1845 г.); генерал-майор Э. фон Шварценберг; генерал-лейтенант бар. Н. И. Дельвиг; Н. П. Беклемишев, прекрасный рисовальщик, оставивший после похода в Дарго много зарисовок, известный также своими остроумиями и каламбурами; кн. Э. Витгенштейн; генерал-майор принц Александр Гессенский и другие.

Генерал А. П. Ермолов, живший к этому времени уже 19 лет вдали от Кавказа, писал гр. М. С. Воронцову из Москвы 31 августа 1845 г.: «... Из письма твоего вижу, с какими войска твои боролись затруднениями, с какою превозмогали их твердостью, не ослабевая при поставляемых самою природой препятствиях. Кто мог предусмотреть, что в июне месяце будет мороз до 5 градусов, долженствующий нанести вред войскам и, истребя множество лошадей, уменьшить средства подвоза провианта?.. Ты говоришь, что несколько уже лет войска собирались идти в Андию, где Русские никогда не были. Не знаю кому первому пришла мысль туда проникнуть, но, конечно, не самому дальновиднейшему из наших начальников...» И в феврале 1846 г.: «... Итак, не говоря за себя, чье имя почти уже не вспоминается среди живущих, но за позднейшие времена, скажу, что несправедливо утверждаешь ты, что войска Русские не появлялись там, где были они в прошедшем 1845 году. Частию по самой той дороге, по которой ты шел из Дарго, покойный генерал Розен и генерал Вельяминов переправились через Аксай и далее в селение Беной ... Теперь в Москве Бутырский пехотный полк, который, помнится, был даже в Дарго. Оно не имело нынешней знаменитости, ибо не было подозреваемо о Шамиле, и верно его никто не знал. Владычествовал тогда Кази-Мулла...»

Многие из участников похода оставили мемуары и записки, повествующие о пережитых днях экспедиции. Целая серия мемуаров опубликована в течение второй половины XIX и в начале XX столетия.

Кроме личной инициативы, побудительным мотивом к написанию воспоминаний ветеранами Кавказской войны стало обращение к ним присылать свои мемуары наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича для публикации в журнале «Кавказский сборник».

Основным источником, значительно дополняющим собственные воспоминания, для многих авторов стал «Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году», изданный в Тифлисе в 1846 г. при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. «Обзор» был составлен с высочайшего разрешения и выражал официальную версию похода в Дарго, которая разъясняла пози-

цию правительства и с помощью которой необходимо было успокоить общественное мнение, взбудораженное огромными потерями и ничтожными результатами этой военной экспедиции.

В 1859 г. в журнале «Военный сборник» была опубликована большая статья «Поход 1845 года в Дарго». Она принадлежит Дмитрию Гавриловичу Анучину (1833 — 1900), военному писателю. Выводы, сделанные им, далеко не всегда совпадают с выводами «Обзора» — это и понятно: прошло 14 лет после даргинской экспедиции, в 1859 г. уже пленен Шамиль, многие действующие лица ушли с арены событий, Кавказская война еще не закончилась, но уже явным стал ее исход.

Даргинский поход занимает одно из первых мест по количеству посвященных ему мемуаров о военных событиях на Кавказе.

В 1864 г. «Военный сборник» опубликовал на своих страницах мемуары бар. Николая Ивановича Дельвига (1814 — 1870). Дельвиг служил на Кавказе с 1841 по 1848 гг., участвовал в даргинской экспедиции, был ранен; будучи уже генерал-лейтенантом, написал «Воспоминания об экспедиции в Дарго»*.

В 70-е годы были выпущены воспоминания Арнольда Львовича Зиссермана (1824 — 1897), историка Кавказа, современника даргинской экспедиции, опубликованные в журнале «Русский вестник»**, Василия Александровича Геймана (1823 — 1878), генерал-лейтенанта, во время похода в Дарго офицера Кабардинского пехотного полка, впоследствии прославившегося в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., и Николая Горчакова, бывшего офицера Куринского егерского полка, в «Кавказском сборнике»***.

В 1890 г. «Русский архив» поместил на своих страницах воспоминания бар. Александра Павловича Николаи (1821 — 1899), бывшего министра народного просвещения, ветерана даргинского похода****. Николаи находился в главном отряде Воронцова. События он описывает и как очевидец, и со слов товарищей; Николаи не пришлось ходить за сухарями, но кровавая развязка двухдневного похода потрясла и его.

Спустя два года в «Южном сборнике» в Одессе вышли небольшие по объему воспоминания генерал-лейтенанта Эйзен фон

* Н. И. Дельвиг, ВС, 1864, № 7, с. 189 — 230.

** А. Л. Зиссерман. Отрывки из моих воспоминаний. РВ, 1876, № 4, с. 417—427.

*** В. А. Гейман. 1845 год. КС, 1879, № 3; Горчаков Н. Экспедиция в Дарго (1845 г.). КС, 1877, № 2.

**** А. П. Николаи. Даргинский поход. 1845. РА, 1890, № 2, с. 249 — 278.

Генерал-майор Д. В. Пассек.

Шварценберга*»; во время даргинского похода он проходил службу в саперном батальоне в чине младшего прапорщика.

Начало XX века ознаменовалось новым всплеском публикаций ветеранов Кавказской войны. В 1903 г. в историческом сборнике «Старина и новизна» помещены воспоминания кн. А. М. Дондукова-Корсакова (1820 — 1893), генерала от кавалерии, киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, главноначальствующего над гражданской частью на Кавказе и командующего Кавказским военным округом**. Во время даргинской экспедиции князь был молодым офицером, получил ранение при взятии аула Дарго. Его мемуары — это не только волнующая картина тяжелых и драматических военных событий 1845 г., но и целая галерея человеческих судеб.

Известный военный историк Б. М. Колюбакин перевел с французского языка и опубликовал в «Русской старине» за 1910 — 1911 гг. с обширными комментариями мемуары о походе в Дарго в 1845 г., принадлежавшие бывшему командиру 1-го батальона Куринского егерского полка гр. Константину Константиновичу Бенкендорфу (1817 — 1857), который лечился от тяжелого ранения во Франции и там написал свои воспоминания***. Небольшим тиражом они были изданы в Париже на французском языке. Бенкендорф прошел всю даргинскую экспедицию от начала и до конца (его ранили в бок при Герзель-ауле).

В 1906 — 1907 гг. Б. М. Колюбакин дважды опубликовал воспоминания «Кавказская экспедиция в 1845 г.». Он предположил, что авторство этих воспоминаний принадлежит Василию Николаевичу Нечаеву (рукопись, купленная им у антиквара, была помечена инициалами В. Н. Н...в). Снабдив текст подробными комментариями, портретами военачальников и командиров-участников похода, маршрутной картой и рисунками, Колюбакин издал воспоминания сначала в «Военном сборнике»****, а затем отдельной книгой*****. Это издание представляет собой фундаментальный труд по истории даргинского похода. В нем обстоятельно, с

* Шварценберг, с. 101 — 110.

** А. М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания. 1845 — 1846 гг. Часть 2. Старина и новизна. 1903, № 6, с. 41 — 215.

*** Воспоминания гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. РС, 1910, № 4 — 5, 10 — 12; 1911, № 1 — 3.

**** Б. М. Колюбакин. Кавказская экспедиция в 1845 г. Рассказ очевидца В. Н. Н...ва. ВС, 1906, № 11 — 12; 1907, № 1 — 4.

***** Б. М. Колюбакин. Кавказская экспедиция в 1845 г. Рассказ очевидца В. Н. Н...ва. СПб., 1907.

разбивкой буквально по дням подробно расписана вся экспедиция, причем автор активно пользовался архивными документами и опубликованными источниками. В заключении он пишет: «Мы не стали властителями тех горских обществ, через земли которых пронеслось русское оружие... удивляться сему не должно, ибо война на Кавказе не может сравниться ни с какой войной в образованном мире...»*

В процессе работы над подготовкой к публикации воспоминаний Бенкендорфа и Нечаева Колюбакин провел серьезное исследование военных событий на Кавказе, он изучил и проанализировал огромный массив официальных и частных документов. В целом он считал, что главная причина неудач русской армии на Кавказе «в 1839 г. и особенно 1842 и 1845 гг. — это вмешательство Петербурга, составление планов кампании и управление армией из столицы, тогда как успех дела войны, говоря языком Суворова, требует «единства власти и полной мочи избранному полководцу», что по отношению Кавказа вполне осуществилось только при князе Барятинском»**.

К сожалению, в советское время мемуары о Кавказской войне не публиковались.

Много лет в Российском государственном историческом архиве, в фонде князя А. М. Дондукова-Корсакова лежала рукопись, авторство которой удалось установить уже после ее первой публикации в журнале «Звезда» (1996, № 6).

Автором рукописи был генерал-майор, начальник Эстляндского губернского жандармского управления в г. Ревеле Август-Вильгельм фон Мерклин. Он, как и многие другие ветераны Кавказской войны, решил записать в 1882 году воспоминания о своей боевой молодости на Кавказе. Когда ему, прапорщику Куринского егерского полка было 22 года, он в июле 1845 г., стал участником одного из самых драматических событий Кавказской войны — «сухарной экспедиции». Сражаясь в авангарде отряда, у селения Дарго 11 июля, Мерклин был ранен и контужен. Как тяжело раненого, его отправили с транспортной колонной полковника Юлинга в темир-хан-шуринский госпиталь. За боевые заслуги прапорщик Август Мерклин был награжден орденом Анны 3 степени с бантом.

Во время «сухарной экспедиции» автор находился в левой цепи отряда, был ранен и контужен. Как тяжелораненого, его

* Колюбакин. ВС, 1907, № 4, с. 35.

** Бенкендорф, РС, 1911, № 3, с. 468.

отправили с транспортной колонной полковника Юлинга в темир-хан-шуринский госпиталь.

Фактическая канва воспоминаний не во всем совпадает с официальной хроникой — это сугубо личные впечатления, дополненные в конце рассказом, со слов друзей-очевидцев, о событиях, происшедших с даргинским отрядом при возвращении в лагерь.

Воспоминания генерал-майора Августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 года

Настали кровавые дни 10 и 11 июля 1845 года; солдаты в своих о них рассказах прозвали их «сухарною экспедицией», вследствие того, что в эти два гибельные дня колонна из аула Дарго шла через Даргинский лес навстречу оказии, следовавшей от Андийского вагенбурга* с провиантом, скотом и снарядами для передачи их в главный Даргинский отряд, сильно в них нуждавшийся.

В Дарго мы вошли окончательно 6 июля после кровопролитного, но удачного для нас накануне боя;¹ неприятеля тогда не было в большом сборе, говорили, всего 600 мюридов. Действовал он преимущественно из сооруженных им по дороге в лесу завалов, устроенных из срубленных поперек дороги вековых чинар, которые, преграждая ее и замедляя наше наступление, служили ему верною и почти безопасною защитой против пуль наступающих, давая в то же время неприятелю возможность стрелять из-за них в нас на выбор, почти в упор, и по занятию [завалов. — *Сост.*] нами, ретироваться в следующий завал для повторения такого же действия.

Завалы эти взяли один за другим штурмом, при чем, однако, потеряли немало людей,² тем более, что, не зная местности и сооруженных на ней преград, сначала наступали весьма ошибочно, кавалериею, которую после нескольких неудач заменила пехота, вытеснившая, несмотря на сыпавшиеся на нее пули, на «ура» неприятеля быстро из завалов, после чего передовые войска, двигаясь уже удобно вперед, заняли оставленный Шамилем за несколько дней Дарго без боя.³

* Вагенбург — оборонное сооружение из повозок или обозного транспорта, в форме каре, полукруга или круга. Использовалось как опорный пункт. — *Прим. публикатора.*

Дорога через лес в Дарго тянулась без малого на семь верст и, помимо этих завалов, была поистине адская, она то спускалась с горы вниз и, приподымаясь потом, часто скривляясь и сгибаясь, имела топкие места, то шла уступами в аршин и более вышины по камням. На большом протяжении дорога эта была окаймлена с одного бока нешироким, но весьма глубоким оврагом, до дна которого брошенный туда камень долетал спустя лишь некоторое время, а с другой — отвесною почти стеною гор, покрытых густыми, вековыми чинарами, которые покрывали всю также местность за оврагом, имевшим по большей части только несколько саженой ширины. Сама дорога местами была не шире двух аршин и по всему вероятно служила горцам только для езды верхом и на вьюках и не разрабатывалась ими как представляющая сама по себе уже природную защиту аула Дарго с этой стороны от всякого внезапного нападения.

По этой дороге с вечера 5 июля после взятия штурмом завалов и вступления затем тогда же передового летучего отряда в Дарго до обеда 6 июля тянулся эшелонами весь отряд со всеми тяжестями, с продолжительными остановками, шаг за шагом, что при лунной тогда ночи внимательному наблюдателю дало возможность вполне ознакомиться со всеми неудобствами этого пути для наступления регулярными войсками, и это невольно клонило к соображению, почему неприятель, опытный в применении всякой местности в свою пользу, так слабо воспользовался преимуществами в данном случае.

Верст шесть по этой дороге вниз была изрядная, густым также лесом обрамленная поляна, где 6 июля, во время прохода через нее, на заре наш отряд похоронил в наскоро вырытых могилах наших, накануне убитых.

За этою поляною, спустившись еще около версты по густому лесу, в плодородной долине, прорезанной горным ручьем, был раскинут на значительной поляне аул Дарго, расположенный со своими маисовыми посевами в продолговатой котловине, окруженной со всех сторон высокими горными лесистыми хребтами, которые то тут, то там приближаясь и отдаляясь от засеянных полей аула, также растянутого в длину, представляли отлогие места для спуска, скаты, зеленевшие роскошною травой. Все это в совокупности дало всей этой местности весьма живописный вид и могло очаровать туриста, но мы поневоле занялись другими размышлениями: мы зашли в эту западню, вековать в ней не приходилось, а предстояло когда-нибудь выбраться, и чем скорее, тем лучше. Но каким образом? По только что пройденному пути, если неприятель как следует займет его более значитель-

ными силами, почти нет возможности: по другому направлению, густо населенному, к тому же также лесистому и, вдобавок, нам всем незнакомому, пришлось бы делать 6 — 7 больших переходов, а между тем провиант и снаряды на исходе, и куда девать раненых и больных, неизвестно, а их было уже много и предвиделось еще больше.

С 6 по 10 июля неприятель постоянно прибывал; его конница тянулась длинными вереницами, со значками во главе,* вне наших орудийных выстрелов, по окрестным горам, то останавливаясь и слезая с лошадей, собиралась около одного места, где на разостланной бурке, под большим белым зонтиком сидел какой-то человек, — все это видно было в трубу, — то опять, сев на коней, продолжала путь, скрываясь под конец в лесу; а в стороне пройденного нами 5-го числа пути слышны были без умолку день и ночь удары топоров и падающие с треском и грохотом чинары — стало быть, и тут неприятель усердно занялся нам отрезать дорогу устройством завалов.

Каждое наше за аул движение за фуражем или для пастьбы, в самом близком от лагеря расстоянии, под сильным прикрытием, сопровождалось с прибытием в Дарго значительную потерю убитыми и ранеными, причем неприятель не раз обнаруживал намерение броситься на прикрытые на чистом месте, в шашки, и лишь постоянно на него направленные залпы удерживали его от этого; вообще он стал небывало дерзок и самоуверен, даже ночью пальба с обеих сторон не умолкала.⁴

К всему этому горная вода и жадность, с которой солдаты набросились на незрелую еще кукурузу, действовали пагубно на здоровье, вследствие чего лазарет уже был донельзя набит, кроме раненых, еще и больными.

В отряде, занявшем Дарго, хотя и числилось 12 батальонов⁵, но они уже были слабы численностью, а кавалерия: казаки и конная милиция, хотя и находилась в лучшем составе, но здесь по местности почти была лишнею и обременяла отчасти своим присутствием отряд, не принося никакой существенной пользы.

Подобная невыгодная обстановка заметным образом и весьма естественно легла тяжелым гнетом на душу всех и должна была, пошатнув нравственную силу отряда, возвысить таковую неприятеля, который понял превосходство своего над нашим положением.

* Значки — опознавательные и сигнальные знаки отдельных частей. —
Прим. публикатора.

Лазутчики тоже с этой поры прекратили нам доставлять сведения о намерениях неприятеля, что немало увеличивало наше критическое положение.

Еще на 9-е число последовало по отряду приказание, что коль скоро последуют со стороны пройденного нами 5-го числа пути 3 пушечных выстрела и 3 ракеты, то войска, находящиеся в прикрытии пастьбы или на фуражировке, немедленно возвращаются в лагерь, а затем такие-то и такие-то части строятся за лагерьем к дороге в лес, откуда 5-го числа пришли с горными орудиями и казаками, принимают всех раненых и больных, размещенных по одному и два на вьюченных лошадях, и следуют под командою генерал-лейтенанта Клюге-фон-Клугенау до чистого, по ту сторону леса места, где принимают от Андийского вагенбурга небольшого отряда сухари, снаряды и скот и, сдав ему раненых и больных, следуют на другое утро обратно: один на Дарго, другой в Андию.⁶

В числе назначенных на 9-е число частей был и наш батальон, лагерь которого был расположен именно в сторону того леса.

Однако 9-е число прошло без сигнальных 3-х выстрелов и ракет. Приказание одинаковое отдавалось и накануне 10-го числа.

С раннего вечера 9-го до самого раннего рассвета 10-го неприятельские выстрелы не умолкали по левому фасу нашего лагеря и, сливаясь в залпы, произведенные в недалеком расстоянии, имели вид, что неприятель, пользуясь темнотою, намерен перейти в более еще серьезное наступление, почему все войска в эту ночь, конечно, проведенную без всякого сна, неоднократно становились под ружье.

На рассвете, наконец, все умолкло, и наш батальон, в числе других, выступил за фуражем на ближайшие кукурузные посевы; скоро неприятель и тут оказался, и, прибывая с гор все более и более, с необыкновенной смелостью дерзко наступал; стреляя, скрываясь, сколь возможно, за плетнями полей и каждою другою защитою на данной местности заставил нас, во избежание слишком больших потерь в людях, отступить с недостаточным запасом фуража, преследуя нас с замечательной запальчивостью до самого лагеря по пятам.

Позавтракав наскоро черствым, намоченным в соленой воде сухарем и небольшим кусочком свиного сала, наш батальон, приняв скот и лошадей, прикрывал их пастьбу возле самого лагеря, но несмотря на это, неприятель и тут до обеда наскучал своими выстрелами, с обеда же отстал, оставив нас почему-то вдруг в совершенном покое.

Князь М С Воронцов делает смотр войскам

Было три часа, вдруг слышатся отчетливо повторяющиеся в горах эхом три пушечных выстрела, а за ними три лопнувшие в горах, за лесом ракеты — условленная весть о приходе на указанное место отряда с запасами из Андии ⁷

Душа каждого мыслившего вздрогнула, она перед межою от жизни к вечности, завеса еще опущена, но не долго уже ждать, и она подыметя — решится судьба каждого, долго размышлять некогда — суженого конем не объедешь — с Богом вперед¹

Немедленно пастьба с прикрытием отступает в лагерь, куда войдя, каждый спешит к назначенному ему месту

Нашему батальону пришлось пройти через весь аул так как сборный пункт назначен по ту сторону его, где находилось лагерное расположение нашего батальона, пользуясь этим, каждый мимоходом забегает к себе, чтобы еще то или другое прихватить с собою или закусить на дорогу

Медный чайник кипит на огне, сахар совсем на исходе, давно уже пьем вприкуску, кто-то предлагает на скорую руку перехватить по стаканчику и на этот раз внакладку, ибо Бог весть кто живым возвратится, а потому скряжничать незачем, жаль будет на том свете, что отказал себе и в этом в последнюю минуту, но юнкер Карл Карлович Юнгерсон⁸, избранный распорядителем

Зимняя экспедиция в Чечню

нашего скромного хозяйства, отказывает нам в этом со словами «А с чем те станут пить, которые, пережив, возвратятся, застанут один чай без сахара и на меня тогда будут претендовать — нет, господа», — и раздает каждому свой обычный к чаю кусок. Стаканы наливаются и с жадностью опорожняются, толковать и спорить тут не время, да и напрасно, добрый, честный К. К. Ю[нгерсон] в этом отношении кремень, и золотника лишнего не выразишь.

Пора было отправиться к своим частям — они уже заняли указанные им в колонне места, четыре роты нашего полка при двух горных орудиях стали в самом авангарде. Прочие войска следовали эшелонами, имея в интервалах между собой выюки с ранеными и больными, тут же на привязанных к двум выюкам шестах везли гроб с убитым накануне генералом Фоком⁹. Арьергард составлял батальон при двух горных орудиях под командованием генерала Викторова¹⁰ за арьергардом следовали 2 сотни линейных казаков, цепей не высылалось за невозможностью на предстоящей, нам уже знакомой местности это сделать, и, таким образом, вся эта колонна, хотя и тесно сбитая на узкой местной дороге, но вследствие массы выюков все-таки растянувшаяся на значительное пространство, не имела с боков надлежащего при-

крытия и представляла поэтому неприятелю удобные к нападению места, где единственным отпором он встречал, смотря по большим или меньшим удобствам пройденного нами по этой дороге пути, то густую ленту вьючных лошадей, то опять таковых же, растянувшихся одна за другою, чем весьма понятно прямая связь между эшелонами отчасти должна была прерываться, замедляя в то же время их и общее всей колонны движение и подставляя ее поэтому и более продолжительному, без того уже убийственному огню из-за неприятельских завалов с обеих сторон дороги.

Только что перечисленные неудобства в стратегической постройке этой колонны, имевшей в виду, быстро наступая вперед, одновременно отбивать весьма вероятные нападения неприятеля с боков и сзади, увеличивались, видимо, еще тем, что казаки, следовавшие по дороге с арьергардом, в случае неприятельского оттуда натиска отнимали от орудий и их прикрытия возможность стрелять, чем последние, теряя всякое значение для общей нашей с этой стороны защиты, ставились в прямую зависимость от большей или меньшей стойкости казаков сзади.

Генерал¹¹ подъехал и поздоровался с войсками, затем горнисты сыграли сигнал «движение», после чего вся колонна тронулась по знакомой дороге и скоро вошла в лес. В это время впереди нас, в лесу, слышалось несколько неприятельских, будто сигнальных выстрелов, а потом все опять смолкло.

Мы подаемся сколь возможно быстро вперед, темный лес немного спустя просвечивается, и, пройдя еще небольшое расстояние, авангард выходит на первую полянку, где на противоположной стороне, под опушкою леса, ненадолго останавливается, дабы остальная колонна, уже растянувшаяся, могла подойти поближе.

На полянке, правее дороги, возле разрытых могил валяются совершенно нагие и изуродованные трупы наших, 6-го числа там похороненных, солдат, они сине-багрового цвета, с них вся верхняя кожа уже слущилась, но, придерживаемая еще в нескольких местах, мотается по ветру, как паутина, волосы тоже осыпались с головы и лежат на траве возле нея, глаза выклеваны птицею, и смрад кругом невыносимый; высылаются люди с шанцевым инструментом для зарытия их вновь, и когда неглубокие ямы готовы и трупы трогали с места, чтобы опускать, то оказывается, что спина уже съедена и торчит один оголенный спинной хребет, а все место, где трупы лежали, кишит разнообразными червями и букашками — вид поистине отвратительный, раздирающий душу и глубоко врезающийся в память, и кто знает, не постигнет ли нас та же участь сегодня же.

Тут же подошел ко мне саперный капитан со словами: «Ну, слава Богу, мы дошли до поляны, теперь уже ничего не может случиться, местность мне хорошо знакома, я ее 5-го и 6-го числа во время нашего тогда похода снимал». Я, покачав головою, ответил: «Дай-то Бог, но мне сдается совсем иное».

В это время арьергард стал выходить на поляну, горнисты вновь заиграли движение, раскланявшись с капитаном и пожав друг другу руки, мы расстались навсегда, ибо его, как я впоследствии узнал, на следующий же день убили.

Мы прошли еще с полверсты по темному дремучему лесу, везде царствовала безмолвная тишина, неприятель будто сквозь землю провалился.

Далее дорога, еще суживаясь, делает крутой поворот, за которым глазам представляется топкое, сажени в три место, а за ним, шагах во сто, срубленные поперек дороги громадной толщины чинары, и еще момент — и все это место засветилось от губительного, в нас посылаемого залпа ружей из 300 — такие залпы одновременно открываются из боковых завалов по всей колонне; залпы эти сопровождает неистовый, дикий крик неприятеля, и вся местность ненадолго окутывается густым пороховым дымом, а по горам многократное от выстрелов эхо все дальше и дальше переливается, как будто дикая сама по себе природа приняла участие в диких страстях здесь человека.

Одно спасение — взять лежавший перед авангардом завал, не дав неприятелю вновь зарядить ружья.

Загремело из тысячи голосов знакомое кавказское, не знающее удержа «ура» и слилось с «ура» всей остальной колонны, так как нападение общее вдоль всей дороги с обоих боков.

Авангард несется через топь к завалу, разбрасывает мгновенно лежавшие перед ним, загромождающие дорогу ветви срубленных чинаров и занимает самый завал, из которого неприятель частью уже перебежал в устроенный дальше в некотором расстоянии такой же другой завал.

Засев во взятом завале, положение наше, хотя пули попадали и с боков, стало под защитою его сноснее, чем и восстановилась потрясенная в первый момент нападения бодрость солдат и уверенность в дружное на штыки «ура» возвратилась, несмотря на непрерывные выстрелы засевшего впереди в завале неприятеля, которого недолго думая новым дружным «ура», хотя и с потерю, выгнали и оттуда в следующий такой же завал. Таких завалов было на протяжении 2 — 3-х верст по дороге 15 — на большем или меньшем пространстве один от другого, и всегда наступление затруднялось, кроме [того], прямым еще фланговым

огнем из боковых за оврагом и на отвесной горной стене завалов и ставило нас под выстрелы с 3-х сторон. Но, невзирая на это, завалы эти были пройдены авангардом в течение с небольшим часа, не обращая никакого внимания на потери ранеными и убитыми, так как их оставляли за собою на попечение следовавшей за нами колонны, орудия и снарядные ящики с их лошадьми перетаскивали с большими усилиями через завалы, которых разбросать или сдвинуть с дороги в овраг не было ни времени, ни физической возможности.

По взятии последнего завала выгнанный из него неприятель скрылся за крутым поворотом, который тут образует дорога. Между тем позади нас по дороге слышна была неумолкаемая перестрелка, а еще далее позади, где арьергард, выстрелы доказывали, что и там закипел жаркий бой; однако верных вестей о том, что за нами происходило, до нас не доходило, хотя вьюки с ранеными к нам понемногу прибывали и, столпившись в густую массу, загроздив таким образом собою всю дорогу, отняли возможность получать сведения о положении прочего сзади отряда.

Просидев в занятом нами завале еще недолго, в такой же безызвестности о прочем, следовавшем за нами отряде, мы по сигналу «движение» вновь двинулись вперед и скоро зашли за поворот. Тут вся местность, покрытая густым лесом, образует довольно крутой спуск, по которому дорога, еще более суживаясь у подошвы, до того тесна, что позволяет только проход поодиночке, затем дорога, вновь подымаясь в гору, имела с правой стороны над оврагом незначительную открытую площадку, а далее шагах в 150 была преграждена поперек высоким из чинаров завалом. Казалось, что неприятель здесь применил все свое фортификационное искусство, чтобы нас, не выпустив из леса, тем вернее уничтожить, и можно было предвидеть, что он употребит здесь все свое усилие к решительному отпору нас, пользуясь очевидными для него местными к тому преимуществами.

Но авангард на этот раз уже был в ударе — не ожидая сигнала и команды «вперед», под сильным беглым и убийственным огнем спереди и с боков, из завалов, с криком «ура», бегом спустился он по дороге, перебегая поодиночке самое тесное ее место и собираясь моментально на упомянутой выше площадке. Отсюда авангард понесся неудержимым потоком к самому завалу, перелезая его в мгновение, и прогнал густо засевшего за ним неприятеля — без выстрела — штыками.

Таким образом, отважным, дружным «ура» на штыки последняя на этот день преграда авангардом была устранена. Нельзя не упомянуть здесь, что в момент нашего наступления в тылу

завала, на горе, в колонне, пришедшей там из Андии, горнисты почему-то заиграли сигнал «движение вперед», и случайно это обстоятельство нам оказало большую услугу тем, что горцы в завале, вероятно, полагали, что им наступают также в тыл, да еще свежими войсками, что потрясло их стойкость.

Но немало легло тут наших; по всему протяжению дороги и в самых завалах валяются солдаты: одни убиты, другие ранены, а еще другие при перебеге через самое узкое место, застигнутые пулею, свалились в овраг — батальон наш теперь уже оказывается налицо не более как в половинном своем составе. В числе пострадавших и я находился. Еще на бегу с горы к узкому месту я почувствовал что-то твердое, пролетевшее через голень левой ноги, а за ним горячую струю, сочившуюся по ноге; я понял, что ранен, но, видимо, без повреждения кости, рассмотреть тогда рану было некогда; добежав до площадки и остановясь на ней на несколько секунд, я запустил руку с обоих боков в длинное голенище и, вынув ее в крови, убедился, что ранен навывлет, но тут последовал новый удар мне в воротник сбоку, и будто что-то острое кольнуло насквозь; опять засунув руку за воротник с одной и другой стороны и вынув ее не в крови, я сообразил, что это лишь контузия, от которой, впрочем, через несколько дней вся шея опухла и я чуть не погиб.

За взятым завалом дорога, уже расширяясь, но все еще подымаясь в гору, видимо, приближалась к опушке все более редевшего здесь леса, а за ним, на чистом уже месте, когда застилавший всю местность пороховой дым рассеялся, уже можно было различить фигуры наших солдат в передней цепи, выставленной Андийским отрядом, с которым авангард наш, подобрав насколько возможно своих раненых, соединился наконец пред закатом уже солнца.

Тогда, сев на камень и стацив сапог, я дал перевязать мне ногу, но, просидев немного, я уже не мог встать; нога одеревенела и лишилась движения, каковою и осталась до полного после 6 недель излечения.

Между тем из пройденного нами леса все еще доносились выстрелы, крики «ура» и более еще отдаленно изредка залпы, и в то же время из леса, по дороге, стали появляться то вьюки, то войска, таща с собою то тут, то там тяжелораненых — все это, однако, выходило без строя, смешанно, в разброде.

Солнце стало совсем садиться, и тогда показался наконец и самый арьергард; он шел, однако, не правильным строем, а какою-то немногочисленную толпою вперемежку со вьюками и все еще отстреливаясь от провожавшего его сзади своими вы-

стрелами неприятеля. Орудий и казаков при нем не было; первые, за невозможностью их перетащить при сильных натисках неприятеля через завалы, и еще более потому, что все лошади были перебиты, достались в добычу горцам, последние же, находясь при начале общего на колонну нападения неприятеля еще на поляне, когда и по ним из опушки леса стали открывать убийственный огонь, причем они никуда не могли двигаться и собою заполняли арьергардные орудия, по приказанию ли генерала Викторова или по собственному почину, потеряв сперва немало людей и лошадей, проскакали обратно в Дарго, и это было самое благоразумное, что они в данном случае могли делать. Сам же генерал Викторов за сим был убит и тело его брошено; та же участь постигла и гроб генерала Фока.¹²

Положение наше после всего этого и ввиду того, что те же войска завтра же на рассвете должны будут возвращаться по той же дороге обратно, да еще отягощенные разными продовольственными и артиллерийскими запасами, становилось крайне критическим и не предвещающим ничего хорошего.

Во избежание могущего случиться с нами еще худшего следовало бы тогда же, немедленно, каким бы то ни было способом, послать весть о нашем положении в Дарго с тем, чтобы оставшиеся там главные силы безотлагательно выступили для соединения с нами и следования потом через Андию к линии наших крепостей, однако ничего подобного не было сделано, с одной стороны, может быть потому, что не было лица для доставления этой весты в Дарго, а с другой — вследствие того, что раз отданное приказание старшего исполняется свято, хотя бы оно грозило гибелью всем — такова уж военная дисциплина.

Звездная ночь, наступившая после кратких сумерек, разосталась над разбросанными, без привычного порядка, бивуаками обоих отрядов, для охранения которых выставлялась, также против обыкновенного, сегодня, и то лишь к опушке, слабая цепь с секретом впереди ея, и к последним еще неоднократно во время ночи из глубокой глуши леса тащились с напряжением последних сил своих тяжелораненые и изрубленные из наших солдат, причем изредка обменивались выстрелами с неприятелем, подкравшимся по темному лесу в иных местах к секрету.

Ночь я провел, сидя на том же камне, где мне была сделана перевязка, сна не было, все мысли сосредоточены на только что пережитом и на предстоящем завтрашнем дне. Как раненый, я должен был следовать с отрядом, пришедшим из Андии по линии наших вагенбургов в темир-хан-шуринский госпиталь. Андийский отряд в составе 4-х рот при 2-х орудиях имел не более 400

пштыков, и как ему предстояло прикрывать во время следования большое количество вьючных лошадей, доставивших провиант и снаряды, то отряд этот поневоле должен был на пути растянуться, каковое обстоятельство ввиду массы этими днями стекавшихся в Дарго горцев невольно возбуждало разные опасения. Настроение это немало еще поддерживалось тем, что кругом меня, вблизи умирали тяжелораненые, им тут же выкапывали неглубокие ямы, куда опускали. Вообще стон и оханье и обещание раненых вслух, что буде Бог вынесет, то водки более во рту никогда не будет — все это, конечно, производило свою долю впечатления на потрясенную уже и без того душу.

После полуночи было отдано приказание, что с рассветом по сигналу 3-х пушечных выстрелов и 3-х ракет Андийский отряд, разместив раненых и больных на вьюках и носилках, трогается в обратный путь; когда же он перейдет через балку, откуда местность до Андийского вагенбурга, хотя гористая, но открытая уже, не представляет серьезных опасностей, тогда пришедшая из Дарго колонна, разобрав предварительно провиант и снаряды на вьюки и на себя, начнет обратное движение в Дарго. Таким образом, Даргинская колонна имела прикрывать первоначальное движение Андийской, и лишь за безопасным проходом последней через упомянутую балку начать свое возвращение в Дарго.

Наконец темь этой незабвенной ночи стала отделяться и рассвело, что дало возможность разглядеть окружающую к Андии местность.¹³ Эта местность за нашими бивуаками была перерезана не широкою, но довольно глубокою, с крутым по дороге спуском балкою, которая, делая вдруг крутой поворот и скрывая этим на некоторое расстояние дорогу, представляла затем глазам таковую же опять балку с крутым на противоположной стороне горы подъемом; по балке этой, куда предстоял путь Андийскому отряду, правее дороги находилась в версте или более конусообразная высокая гора, вершина которой вся была покрыта горцами с их значками. Гора эта, прилегая в то же время к пройденному вчера лесу, командовала, так сказать, всею местностью и давала горцам возможность, смотря по надобности, поспевать то в лес, по направлению к Дарго, то на путь Андийского отряда. С этой горы, когда рассвело, доносились к нам многотысячные молитвенные слова «ля аллах».

Утро было ясное, и первые лучи восходящего солнца уже стали опять согревать остывшую за ночь атмосферу. Андийская колонна стояла уже под ружьем, и все было готово к движению, ждали лишь условленный сигнал, но его пока почему-то не давали. Между тем передовая часть Даргинского отряда уже втяги-

валась в лес к Дарго, а за ними и прочие части этой же колонны направились к лесу, и один лишь ее арьергард стоял еще на месте бивуаков, тогда лишь дан был жданный всеми сигнал, по которому наша колонна начала свое движение. В это самое время горцы спустились замечательно быстро вниз по горе густою лентою через балку к лесу наперерез только что вошедшей туда Даргинской колонне, и за сим, немного спустя, в лесу началась перестрелка, которая, чем далее, все учащалась и под конец слилась в непрерывные залпы, прерываемые криками «ура».

Мы же, против всякого ожидания, прошли балку без выстрела, поднялись затем по дороге и продолжали свой путь к Андийскому вагенбургу, сколь возможно быстрее, беспрепятственно до заката солнца. Причем, однако, к нам доносились еще долго из леса перекаты залпов вперемежку с пушечными выстрелами, что доказывало, что бой не хуже вчерашнего возобновился и сегодня по дороге к Дарго.

В виду уже видневшегося перед нашими глазами вагенбурга, верстах в 2-х от него, нас догнали человек 200 конных горцев, затеяли перестрелку, сопровождая выстрелы диким криком и бранью, однако картечь, пущенная в них, удержала их на приличное от нас расстояние, а перед вагенбургом они совсем отстали, свернув в сторону, мы же расположились бивуаком под защиту вагенбурга, занимаемого полком под командованием полковника Бельгарда.¹⁴

Весь этот день я не слезал с вьючной лошади, рана стала болеть, и нога лишилась всякого движения; меня сняли с лошади, и я должен был опять неподвижно оставаться на одном и том же месте. Хотя мы были крайне утомлены, однако нам не было суждено провести эту ночь спокойно. Вагенбург лежал в котловине, окруженный со всех сторон на хороший ружейный выстрел горами. В полночь всех поднял на ноги залп из нескольких сот ружей кругом с гор, а затем в брани по-русски отчетливо различались слова: «Гаур, гаур, есть генерал, давай его сюда, шкура на барабан», и за повторением этих слов несколько раз следовали опять выстрелы, продолжавшиеся до ранней зари.

Наутро 12 июля мы продолжали путь через Андию, хороня ежедневно умиравших дорогою от ран. И дней через пять мы прибыли наконец в переполненный уже в Темир-хан-Шуре госпиталь.

Последний переход меня везли на воловьей подводе, нога сильно разболелась, шея стала опухать от контузии, кровь ударялась, будто столбом, в голову, я не мог глотать и был в сильном бреду. С подводы меня снесли на госпитальную койку, и я слышал, как кто-то говорил, указывая на меня: «Ведь он не прожи-

вет до утра»; за сим я помню только, что доктор с фельдшером приставили мне к шее большое количество пиявок и я под этим ожерельем заснул крепким сном.

Докончив этим свой рассказ о событиях 10 и 11 июля как очевидец, я посвящаю еще несколько строк незабвенной памяти моего, в эти дни погибшего, доброго и храброго командира Пасьета, перешедшего за год перед тем из гвардии в наш полк

Капитан Пасьет, смело, отважно несясь 10 июля впереди своей 1-й карабинерной роты на штурм всех по дороге завалов, ободрял своим примером солдат и тем много способствовал тому, что вообще завалы были взяты и очистился путь вперед. На самом узком месте дороги, перед последним завалом, быв ранен пулей в коленную чашку, капитан Пасьет свалился, но, подхваченный тут же 2-мя карабинерами, был доволочен до упомянутой выше площадки, откуда за взятием завала был вынесен, истекавший кровью, на руках к Андийскому отряду, где и была ему сделана первая перевязка. При этом, однако, оказалось, что вся коленная чашка раздроблена и без ампутации нет надежд на излечение, но сделать ее тут не было времени и необходимых удобств, а потому отложили операцию до госпиталя, куда капитан Пасьет должен был быть доставлен назавтра с прочими ранеными на носилках, для чего потребовалось 8 человек из его роты и одного за старшего. Трогательно было видеть, как каждый из солдат при этом желал оказать какую-нибудь услугу своему любимому начальнику, одни предлагали свои шинели для устройства мягкой на носилках постели и балдахина от солнечного зноя, другие с опасностью жизни доставали в лесу несколько капель воды для утоления жажды своего командира, и, наконец, со слезами на глазах прощались на рассвете 11 июля с ним навеки, сами идя навстречу весьма сомнительной будущности. Поистине в такие минуты проявляется красота души нашего солдата в полном своем величии. Капитан Пасьет, донесенный потом, но уже весьма слабый и с гангреною, в ночь в госпиталь, скончался там через несколько дней, будучи накануне смерти поздравлен посетившим госпиталь главнокомандующим¹⁵ с чином майора.

На темир-хан-шуринском кладбище под простым деревянным крестом покоятся бранные останки этого в те дни во славу нашего оружия погибшего воина. Не могу здесь обойти молчанием и того обстоятельства, что когда раненый капитан Пасьет изъявил желание, чтобы его за старшего сопровождал до госпиталя юнкер К. К. Юнгерсон, близко ему знакомый, то тот, подумав немного, отклонил это желание тем, что станут говорить,

будто он, желая избежать предстоящих опасностей, напросился в проводники к своему начальнику, и за сим предоставил обязанность другому юнкеру, который с заметною радостью ее принял. К чести К. К. Юнгерсона, ныне генерал-лейтенанта, будь сказано, что он долг прямой службы ставил выше всех других отношений — я его видел во многих серьезных делах и всегда впереди. Это был храбрый из храбрых, не потому, что не знал страха, а потому, что хотя и знал страх, но нравственная сила всегда преобладала над этим страхом.

За сим я возвращаюсь для полноты настоящего моего рассказа к постигшим 11 июля Даргинскую колонну событиям, насколько они мне стали впоследствии уже известны из бесед с пережившими это побоище товарищами.

Колонна, разобрав до рассвета второпях, насколько успела, снаряды и сухари, тронулась, как сказано выше, ранее условленного сигнала в лес, а неприятель, заметив это движение с горы и полагая, что обе колонны пойдут по одному пути, бросился со своей горы всею массою в лес, заняв там немедленно поправленные им за ночь знакомые нам завалы, и вслед за тем завязался самый ожесточенный бой, так как вновь приходилось брать штурмом завал за завалом. Неприятель, стащив за ночь тела наших, накануне убитых и брошенных, устлал ими места дороги так, что в некоторых местах приходилось идти по трупам; при этом из боковых завалов горцы громили беспощадно в следовавшую по дороге колонну, а когда она по местным препятствиям слишком растянулась, то неприятель, бросаясь в шашки, раза два даже прорывал ее, но напором в штыки на «ура» сзади следовавших войск каждый раз, хотя и большою потерю, связь была опять восстанавливаема. К сожалению, однако, надо сказать, что по дороге в Дарго колонна наша лишилась большей части следовавших с нею вьюков и 300 черкасских волов, предназначенных на порцию войскам, а в топи по дороге был брошен загрузший в ней мул с казною — с бочонком червонцев, а еще далее, в подобной же топи — орудие за перебитием всех лошадей и прислуги, и, наконец, у одного из завалов было брошено тело убитого генерала Пассека.¹⁶

В этот день легко наших еще более накануне, расвирепевшие страсти не знали пощады и удовольствовались лишь смертью.

В такой обстановке колонна под вечер дотянулась до поляны, где были 10-го числа усмотрены вырытыми тела наших похороненных там солдат. Здесь ее встретили войска, высланные из Дарго на помощь, которые затем уже прикрывали окончательное до лагеря отступление.¹⁷

Так окончились эти в летописях Кавказской войны два достопамятные дня, результатом которых оказалось, что в Дарго почти что вовсе не было доставлено сухарей и снарядов, причем наличное число последних многим уменьшилось, а из строя выбыло около 3-х т[ысяч] человек.¹⁸

¹ Автор записок находился в составе Куринского егерского полка, который действовал в авангарде и в числе первых занял Дарго 6 июля. Арьергард отряда прибыл в Дарго только 7 июля к 8 часам утра (Обзор военных действий на Кавказе в 1845 г. Тифлис. 1846. С. 44—45. Далее Обзор).

² Каждый завал имел длину от 3 до 40 аршин и более и ширину около 2 аршин (аршин равен 71,12 см). На приступах к Дарго горцы соорудили 22 завала, не считая засек и волчьих ям. (Эйзен фон Шварценберг. «О военных действиях на Кавказе в 1844 и 1845 гг.». В кн.: Южный сборник в пользу пострадавших от неурожая. Одесса. 1892. С. 102).

³ Отряд для взятия аула Дарго выступил из лагеря при с. Гогатль в 4 часа утра 6 июля, прошел около 20 верст по самой трудной гористой, поросшей лесом дороге; выдержав 8 часов упорного боя и преодолев невероятные препятствия, отряд опрокинул врагов на всех пунктах и взял Дарго (Обзор, с. 45).

⁴ Отряд Лабынцева потерял в этой экспедиции полковника Апшеронского пехотного полка Познанского и подполковника генерального штаба 5-го корпуса Левинсона, 28 солдат, не считая раненых (Обзор, с. 46—47).

⁵ По официальным данным, отряд, занявший Дарго, состоял из 10,5 батальонов. 4 рот саперов, 3 рот стрелков, 2 дивизий грузинской пешей милиции, 4 сотен казаков, 9 сотен конной милиции, 2 легких и 14 горных орудий (Обзор, с. 40).

⁶ Транспортная колонна состояла из 6 рот Куринского полка под командованием полковника Юлинга (Н. Горчаков. Экспедиция в Дарго (1845 г.). Из дневника офицера Куринского полка. Кавказский сборник. Т.2. Тифлис. 1877. С. 124).

Главным отрядом командовал генерал-лейтенант Клюге-фон-Клугенау Франц Карлович (1791—1851), участник более 200 кампаний. Авангард отряда состоял из 2 батальонов Куринского егерского полка, роты саперов, роты стрелков и части грузинской милиции при 2 орудиях горной батареи под командованием генерал-майора Д. В. Пассека.

В голове колонны за авангардом следовали казаки, 3-й батальон Люблинского полка, за ним вьюки, на которых расположили раненых, гроб с телом генерала Б. Б. Фока. Главные силы состояли из 3 батальонов Люблинского полка, роты саперов, казаков, милиции и различных команд из всех подразделений действующего отряда. В правой цепи шел сводный батальон из двух рот Литовского и двух рот Замосцкого егерских полков, в левой — три роты Куринского егерского полка (Обзор, с. 51—52).

⁷ Отряд с продовольствием прибыл из Андии утром 10 июля.

⁸ Юнгерсон Карл Карлович (19 или 20 мая 1820 — 14 декабря 1882) — в июле 1845 г. унтер-офицер Куринского егерского полка. В сентябре 1882 г.

произведен в генерал-лейтенанты (РГВИА, ф 400, оп 12, д 11997, лл 35—44 Послужной список 1882 г)

⁹ Фок Борис Борисович (ок 1796 — 6 июля 1845) — генерал-майор В 1843 г вышел в отставку 28 февраля 1845 г получил назначение к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом для особых поручений (РГВИА, ф 395, оп 151, д 540 Послужной список 1845 г)

¹⁰ Викторев Евграф Алексеевич (ок 1790 — 10 июля 1845) — генерал-майор Участник Отечественной войны 1812 г В 1841 г назначен на должность начальника 6-го округа корпуса жандармов (Кавказской обл Закавказской обл и Астраханской губ.) (РГВИА, ф 395, оп 32, д 844 Послужной список 1841 г)

¹¹ Клюге-фон-Клугенау

¹² « Бывший начальник настоящего Ичкерийского округа полковник Головачев, объезжая в 1864 г этот округ, увидел множество человеческих костей, белевших по сторонам узкой дороги в лесу, на вопрос его чьи это кости? — окружавшие его почетные чеченцы скромно отвечали, что они не знают Это были кости павших в двухдневном кровопролитном бою с горцами в 1845 г По распоряжению начальника округа они были собраны и перевезены на арбах в Ведено, зарыты на кладбище укрепления, где была [когда-то] резиденция Шамиля » (К Белевич Воспоминания о Слепцове и Пассеке «Нива», 1872, № 32, с 508)

¹³ Так в оригинале

¹⁴ Бельгард Карл Александрович (1807—1868) — генерал-лейтенант Участвовал в русско-турецкой войне в 1828 г С 1841 г в чине подполковника переведен в Эриванский карабинерный полк С 1842 г — участник многих сражений с горцами

¹⁵ Генерал-адъютант гр М С Воронцов

¹⁶ Пассек Диамид Васильевич (1808 — 11 июля 1845) — генерал-майор Опытный кавказский военачальник В 1840 г командирован на Кавказ, участник многих сражений После смерти генерала Пассека командование авангардом возглавил генерал Клюге-фон-Клугенау

¹⁷ Генерал Клугенау потерял в этой экспедиции всех своих адъютантов и сам чудом остался жив Ответственность, возложенная на него за потери в «сухарной экспедиции», положила конец военной карьере генерала, вынудив его уйти в отставку (Обзор, 1845 г Воспоминания В А Геймана КС Т 3 Тифлис 1879, Н Горчаков Экспедиция в Дарго (1845 г). КС Т 2 Тифлис 1877, гр К К Бенкендорф Записки о Кавказской летней экспедиции 1845 г Русская старина, кн 4, 1910)

¹⁸ По официальным данным, потеря русских войск 10 и 11 июля составила убитыми 2 генерала, 3 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 537 нижних чинов, ранеными 32 обер-офицера и 738 нижних чинов Всего же в Даргинской экспедиции погиб 3631 человек (Обзор, с 56)

Дневник офицера

Более 150 лет отделяет нас от событий, описываемых Николаем Васильевичем Симановским — участником экспедиции Отдельного Кавказского корпуса в 1837—1838 гг., — однако проблемы, которые пытались решить тогда Российское государство, так и остаются болезнями нашего общества. Всякое лечение, как известно, начинается с тщательного исследования истории болезни, одну из страниц ее мы и предлагаем читателю.

Дневник поручика, в будущем — генерал-лейтенанта Н. В. Симановского хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, в собрании П. Н. Тиханова, и до сего года значился как «Дневник офицера, прикомандированного к Навагинскому полку, действовавшему на Кавказе. Апрель 1837 — сентябрь 1838» (ф. 777 (П. Н. Тиханов), оп. 3, № 326 (1 — 4)). Дневник кавказского офицера из окружения М.Ю. Лермонтова никогда не публиковался. Однако, несмотря на это, он вошел в научный оборот: запись, сделанную Н. В. Симановским 14 декабря 1837 г. «В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург», — мы находим в «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», составленной В. А. Мануйловым.*

При подготовке публикации самой сложной проблемой стала атрибуция. Основанием для нее послужили следующие сведения, содержащиеся в дневнике: автор — гвардейский офицер, кавалерист, прикомандированный к Отдельному Кавказскому корпусу для участия в экспедиции против горцев; большинство людей, с которыми он переписывался и чьими судьбами интересовался, служили в лейб-гвардии Уланском полку, поэтому можно было предположить, что автор дневника был офицером того же полка. Кроме того, в дневнике упоминается императорский смотр его полка, проходивший 7 апреля 1837 г. Среди изданных указов по военному министерству сведений о смотре 7 апреля и о прикомандировании офицеров для участия в экспедиции 1837 г. не было. Поиски сдвинулись с мертвой точки, когда среди изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку из расформированной после 1917 г. библиотеки военного министер-

* В А. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова — Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 648

ства, были обнаружены подобранные по годам не публиковавшиеся приказы, и среди них — «Приказы по Отдельному Гвардейскому корпусу», содержащие список всех офицеров, командированных в 1837 г. к Отдельному Кавказскому корпусу. Согласно приказу Николая I, с 1835 по 1845 г. из «каждого гвардейского полка ежегодно командировалось по одному офицеру на Кавказ...»* В одном из приказов сообщается о том, что 7 апреля 1837 г. состоялся смотр л.-гв. Уланского полка,** от этого полка на Кавказ был послан поручик Симановский.*** Последние сомнения окончательно рассеялись, когда в том же собрании П. Н. Тиханова, в котором хранится дневник, был найден автограф Н. В. Симановского — «Записки о походе Гвардейского корпуса к Западной границе. 26 мая — 16 сентября 1849 г.»; сопоставление их с дневником показало, что они написаны одним и тем же почерком. Автор дневника был установлен.

Николай Васильевич Симановский (1811—1877) происходил из потомственных дворян Черниговской губернии. Окончив Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 8 ноября 1833 г., он был зачислен в л.-гв. Уланский полк.

В 1837 г. в чине поручика Н. В. Симановский был отправлен на Кавказ и за участие в экспедиции против горцев под командованием генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. По возвращении с Кавказа он продолжал службу в л.-гв. Уланском полку, а с 1840 по 1848 г. исполнял должность адъютанта штаба 1-й легкой кавалерийской дивизии, где получил чин штабс-ротмистра, а потом — ротмистра. В декабре 1849 г. Н. В. Симановский был произведен в полковники и назначен командиром 1-го дивизиона л.-гв. Уланского полка.

В 1868 г. Н. В. Симановский — уже генерал-лейтенант и в следующем году назначен председателем петербургского военно-окружного суда, а в 1872 г. — членом главного военного суда. Он удостоился нескольких наград, среди которых — ордена Св. Анны 3-х степеней, ордена Св. Владимира 2-х степеней и ордена Св. Станислава 1-й степени.

Скончался Н. В. Симановский 12 июля 1877 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.****

* К. Н. Манзей. История л.-гв. Гусарского Его Величества полка. 1775—1857 гг. Ч. 2. СПб., 1859, с. 198.

** Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. РПБ, 135/62 — 1837. № 59. СПб., 11 апреля 1837 г.

*** Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. РПБ, 135/62 — 1837. № 37. СПб., 6 марта 1837 г.

**** Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913, с. 75.

Дневник Симановского — яркое документальное свидетельство истории и культуры России конца 1830-х гг. Центральное место в нем занимает описание летней экспедиции 1837 г., окончившейся царским смотром в Геленджике. Но здесь рассказывается и о поездке Н. В. Симановского в Тифлис в декабре 1837 г. — январе 1838 г., и о его службе в Хоперском казачьем полку зимой 1838 г., а также о лечении в Ставрополе и Пятигорске. Последняя запись сообщает о том, что 9 сентября 1838 г. он выехал из Ставрополя в Петербург.

Здесь публикуются страницы, посвященные экспедиции и смотру войск в Геленджике. Согласно плану завоевания Северо-Западного Кавказа, предложенному графом И. Ф. Паскевичем, с 1833 г. два раза в год, зимой и летом, по территории горцев совершались рейды (экспедиции), во время которых изучалась местность, разорялись аулы и строились небольшие, почти не сообщавшиеся между собой крепости. Постройка таких крепостей на побережье Черного моря должна была воспрепятствовать торговле местного населения с Турцией. Эта тактика себя не оправдала, но экспедиции не прекращались.

Задачи летней экспедиции 1837 г. были серьезнее предыдущих: отряд должен был действовать к юго-востоку от Геленджика, там, куда еще не проникали русские войска; нужно было занять устья двух рек, Пшады и Вулана, и построить в них укрепления. Летняя экспедиция завершилась удачно, все задачи были выполнены, зимняя же экспедиция была отменена Николаем I, который во время своей поездки по Кавказу произвел много изменений в командном составе Отдельного Кавказского корпуса. Это было первое в истории посещение Кавказа русским царем.*

Н. В. Симановский — не единственный участник экспедиции, оставивший ее описание, и на фоне других документальных произведений** выявляются особенности освещения этих событий в дневнике: во-первых, записи в нем производились ежедневно, что позволяло избежать путаницы в фактах и датах; во-вторых, в дневнике с одинаковой подробностью описываются все этапы экспедиции (передвижения отряда, сражения, пост-

* Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 120—122, 140.

** Воспоминания о Кавказе 1837 г. — Библиотека для чтения. Т. 80—81. СПб., 1847. М. Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. — Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879, с. 1—250. Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885.

ройки крепостей, фуражировки), ежедневно отмечается количество убитых, раненых и контуженых; в-третьих, Н. В. Симановский вел дневник для себя и не готовил его к публикации, поэтому здесь упоминаются вещи, которые вряд ли были бы пропущены цензурой, например, задержки жалования и трудности с питанием в отряде.

На страницах дневника встречаются имена многих людей — от известных государственных и военных деятелей до простых граждан, имена поэтов и писателей, например, М. Ю. Лермонтова, с которым Н. В. Симановский был знаком лично. Он дает богатый материал для комментирования художественных текстов, посвященных кавказской теме, таких, как произведения М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Полежаева. Список книг, упоминаемых Н. В. Симановским, позволяет нам судить о литературных вкусах его поколения.

Как и в художественных произведениях того времени, например, в «Кавказском пленнике» А. С. Пушкина, в дневнике Н. В. Симановского отразилось существовавшее в русском обществе противоречивое отношение к кавказскому вопросу: с одной стороны, величественная природа Кавказа и дикие, вольнолюбивые нравы горцев вызывают у автора восхищение, что связано с традицией романтизма, а с другой стороны, согласно государственной идеологии, Кавказ воспринимается как владение Российской империи, а нежелание горцев сложить оружие — как бунт против ее законов.

Горцам Н. В. Симановский уделяет много внимания: его интересует их быт, занятия, национальные черты характера, традиции и обряды. Так, на страницах тетрадей встречаются рисунки обрядовых предметов: склепа, козиной головы на шесте, креста необычной формы. Все это говорит о том, что дневник Н. В. Симановского является любопытным памятником русской культуры 2-й четверти XIX в., знакомство с которым будет интересно как для историков и филологов, так и для самого широкого круга читателей.

За помощь в подготовке публикации благодарю сотрудников Российской национальной библиотеки, Центрального Государственного Исторического архива и Пушкинского Дома. Выражаю особую признательность Людмиле Игоревне Бучиной, заведующей рукописным отделом РНБ, за неизменную поддержку и помощь на всех стадиях подготовки, особенно при установлении личности автора. При подготовке дневника Н. В. Симановского к публикации орфография и пунктуация приближены к современным нормам, но некоторые особенности стиля сохранены.

Дневник поручика Н. В. Симановского 2 апреля — 3 октября 1837 г., Кавказ

2 апреля. Сегодня приехали сюда Штакельберг,¹ Яковлев,² Стандершельд³, Флеминг⁴ и Емельянов;⁵ Штакельберг остановился у нас в номере, но не в том, в котором мы стояли прежде, ибо переменили, и теперь у нас, по крайней мере, нет по утрам шуму и для людей особенная непроходная комната.

Я шатался по городу, искал вьюков или переметных сум, но ничего не мог найти; город очень грязный, и совсем нет порядочных строений.

Говорят, что на 3 офицера позволяют иметь только одну вьючную лошадь, это очень забавно. Я был у Федора Тимофеевича Мичерлика⁶ (управляющий Вельяминова)⁷, отдал ему письмо Поливанова,⁸ и он сказал мне, чтобы я прислал за палаткой, когда мне будет угодно. Завтра я должен буду получить отправление и прогоны. Корм здесь не дорог: по 60 гривен порция. Если бы мой Гаврило умел обращаться с верблюдом, то я купил бы скорей, чем лошадь, ибо, кроме того, что он может быть без корму долгое время и питья, на него можно пропасть навалить.

3 апреля. Сегодня я получил предписание командующего войсками генерал-лейтенанта Вельяминова отправиться в город Екатеринодар, где явиться к временно командующему 20-ю пехотною дивизиею генерал-майору Лингену,⁹ ибо я прикомандирован к Навагинскому пехотному полку; вместе с предписанием я получил и подорожную. Здесь на каждом шагу вы встречаете разжалованных в солдаты.

Сегодня ночью приехали сюда князь Долгорукий¹⁰ и Столыпин.¹¹

4 апреля. Сегодня я был у обедни: церковь небольшая, певчие порядочные; потом ходил в комиссариатское депо, но так как не было присутствия, то и не получил прогонных денег. Погода целый день была прекрасная. Ставрополь мне не нравится: в нем прескучно жить, и ничего почти нельзя достать, даже нет порядочных бань. Признаюсь, что хотелось бы очень побывать в Тифлисе, его очень хвалят, но прежде дай Бог окончить благополучно еще не начатую экспедицию.

5 апреля. От нечего делать я бродил по базару — этот базар точно такой, как и в Малороссии; потом ходил в комиссию, но прогонных денег не получил. Вечером я играл в вист и проиграл 22 рубля.

6 апреля. Я ходил в комиссариат и получил прогонные деньги до Екатеринодара — 40. Завтра думаю ехать и признаюсь, как ни скучно жить в Ставрополе, но лень выезжать.

Вечером я играл в вист и выиграл 15 рублей. Граф Штакельберг потчевал нас шампанским.

7 апреля. Выехал с Загоскиным¹² и Штакельбергом в 3 часа пополудни и на первой станции принужден был несколько раз идти пешком, ибо левая пристяжная била, пока, наконец, не приказал ее отпрячь и поехал на паре. В 8 часов пополудни приехали в Ново-Троицкую, где и ночевали.

8 апреля. Выехали в 8 часов. Местоположение здесь отличное, живописное: по ту сторону Кубани виднеются местами аулы мирных черкес, а по сую сторону — казачьи посты и пикеты; вдоль по дороге — цветущие кустарники терну, местами же — яблони и вишни. Дорога ровная, чудесная. Не доезжая Казанскую станицу, стоит огромный крест, и возле — маленький, огороженные забором; проехавши станицу, такое же кладбище, где похоронены 60 казаков с офицерами, убитые черкесами в 15 верстах за Кубанью 1827 года. Станицы выстроены здесь почти по одному образцу и обнесены двойным плетнем, образующим бастионы: внутренняя сторона низка так, что покрывает человека только по пояс; между плетнями набита земля, взятая из рва, которым обнесена вся станица; в наружном плетне поделаны бойницы для ружей, в некоторых станицах есть пушки. При въезде и выезде есть ворота, которые на ночь запираются, у каждого ворот есть будка для часового. Станицы эти изобильны садами, коих цветущие теперь деревья издают прекрасный запах. У каждого хозяина есть свой сад.

Здесь по дороге верст уже нет, а на каждой версте — по несколько туров* по обеим сторонам дороги для того, чтобы в зимние метели нельзя было заблудиться.

Вдоль по Кубани казаки содержат цепь, дабы черкесы не пробрались на сую сторону. Везде по дороге на середине между станциями находится казачий пост, то есть хата (одна или две), окруженная плетнем, преимущественнее на высоком месте у яров; на посту сем находится 40 человек казаков постоянно, обязанность их — делать беспрестанные разъезды, сменять пикеты и конвоировать проезжих. У каждого поста вблизи оногo стоит длинный шест, обернутый соломой, облитый смолой, иногда же кроме

* Земляной вал.

этого на верху шеста находится смоляной бочонок, дабы в ночное время можно было известить, зажегши оный, о переправе черкес. Между некоторыми станциями в местах, более способных для переправы черкес, находятся по два таковых поста. У каждого поста находится также вертикальный шест, на верху коего прибит дрюк*, параллельно земле по концам коего висят сплетенные из лозы кошель, дабы днем извещать о переправе черкес и давать знать о приближении начальника, а потому, если поднимается кошель, висящий к стороне Кубани, то это означает тревогу, если поднимается висящий ближе к нам, то тем извещают о приближении областного начальника или другого генерала, дабы на станциях приготавливали лошадей, и по этому сигналу казаки выезжают из станиц своих навстречу начальнику. Если поднимаются оба кошель разом, то это значит, что разъезд, посланный поутру, возвратился и нашел, что между станциями все благополучно. У каждого поста для часового есть будка, сделанная вроде гриба с соломенной крышей; если же пост находится не на кургане, а на ровном месте, то будки таковые устраиваются на длинных шестах, и часовой всходит в оную по лестнице. Между каждым постом и станицей есть по несколько пикетов, число коих зависит от местоположения. На каждом пикете стоит по два часовых, пикеты устраиваются около яров на возвышенных местах, для часового сделана будка, а для другого, который отдыхает, — плетеная мазанка; у каждого пикета пасутся заселанные лошади, дабы в случае тревоги скакать на сборное место. У каждого пикета устроены такие же сигналы, как и у постов. Я говорю про дневные пикеты; на ночь все пикеты снимаются и становятся секретные посты почти на каждой версте, состоящие из 6 казаков, в низких местах и более в таких, где можно переправиться вброд. Несмотря, однако ж, на все эти предосторожности, черкесы прорываются и угоняют иногда скот.

В Тифлисскую приехали мы в 10-м часу, где и остановились ночевать, полиция отвела нам порядочный дом.

9 апреля. Выехали в 8-м часу. В Черномории все разительно переменяется: язык совсем другой, очень похож на малороссийский, но еще грубее; земля до самого Екатеринодара по обеим сторонам ровная, лишь издали виднеется снежная вершина Эльборуса. Лошади бешеные, а люди не только что отстали от образования, но слишком близки к зверям.

Приехали в город Екатеринодар в 8-м часу вечера и остано-

* Шест, жердь.

вились на квартире, отведенной полицией. Скот десяцкий отвел нам такую тесную квартиру, что мы эту ночь принуждены были спать в одной комнате с хозяином.

10 апреля. Мы вытребовали у полиции другую квартиру, но и эта для троих очень тесна. Екатеринодар только по названию город, а, право, не стоит иной деревни, и что здесь за люди! За ваши деньги вы ничего почти не можете достать, обедать должны готовить дома, ибо трактиру нет, а есть только черная харчевка, где, кроме постного, мерзко изготовленного, ничего нельзя достать. Домов хороших совсем нет, церковей четыре и пятая армянская. Построен он на ровном месте по самой реке Кубани. Лучшее строение — это есть гостиный двор, он довольно хорош, но зато армяне дерут вдсятеро. Собак гораздо больше, чем людей; одним словом, в Черномории скотов гораздо больше, чем людей. При малейшем дождике страшно выйти из комнаты, чтоб не утонуть на улице в грязи. Я нигде не видывал такой грязи, еще хорошо тем, что скоро очень сохнет, а то нельзя бы было ходить, ибо верховой лошади местами по брюхо.

Сегодня я купил казачье седло и два кожаных выючных мешка за 65 рублей.

11 апреля. Целый день шел дождь, и потому никуда нельзя было выйти.

12 апреля. Являлся вместе с Штакельбергом к здешнему атаману Заводовскому.¹³ Он должен быть хороший человек, принял нас очень хорошо и жалел, что теперь Страстная неделя, что не может нас пригласить, а просил к себе на Святую. Потом являлись к командующему [20-й] пехотной дивизией генерал-майору Лингену. От Лингена зашли мы посмотреть пленных черкес, в числе коих была одна княжна, очень недурна собой и, что всего страннее, чрезвычайно бела. Им отведен особенный дом из двух комнат, довольно чистых, кругом дому стоят часовые. Пленных 37 человек, их взял в плен Заводовский за три дня до нашего приезда, напав на аул, находящийся за 50 верст за Кубанью, на рассвете; это сделал он так секретно, что никто в городе не знал.

Сегодня я купил выючную лошадь за 106 рублей. Черкесам у нас в плену гораздо лучше, чем после выкупа, ибо после выкупа они не попадают уже в свой аул, а обязаны всю свою жизнь работать и быть рабами тех, кто их выкупает. Как жаль, если княжна подвергнется той же участи! Загоскин уехал в свою батарею.

13 апреля. Я был у обедни в соборе и с сегодняшнего дня начинаю говеть. Собор деревянный и чрезвычайно большого размера, певчие довольно хорошие. Кругом собора построены до-

вольно хорошие гошпитали. Собор и гошпитали обнесены земляным валом, на котором выставлены пушки.

С каким удовольствием ездил я сегодня верхом на своей лошади, первый раз по выезде из Петербурга! Сегодня наняли мы квартиру за 12 рублей в неделю.

14 апреля. Сегодня у обедни я познакомился с разжалованным за 14 декабря капитаном лейб-гвардии Финляндского полка Цебриковым,¹⁴ который уже 10-й год служит унтер-офицером в Тифлисском пехотном полку. Он прекрасный человек и уже совсем сед, я у него сегодня обедал с Яковлевым.

15 апреля. Сегодня я исповедался и причащался Святых Тайн и потому готов теперь идти всюду. Умирают раз — двух смертей не бывает. Вечером я был на Страстях, ночь была темная, при возвращении из церкви надо было видеть, как всякий спешил домой и, вместе с тем, боялся потушить свечу, для того чтобы, придя, можно было сделать на потолке или дверях крест в память Страстей Господних тем самым огнем, который горел в церкви.

16 апреля. Я отправил еще одно письмо к брату,¹⁵ чтобы поторопился высылкою мне денег.

17 апреля. Сегодня закупил я у Сербина все нужное к походу, ибо говорят, что на третий день выступим.

18 апреля. Был у обедни и разговлялся у Лингена. Против дому атамана Заводовского сделаны три качели, музыка казачья, довольно сносная, ходит по домам и поздравляет, есть много гуляющих, но что делается теперь в Петербурге! Приятно вспомнить прошедшие минуты.

Жаль, что не был у заутрени, человек не разбудил меня, я же, слыша выстрелы, полагал, что идет дождь, и за то лишился чудесного зрелища: кругом церкви горели смоляные бочки и площадки, вал так был освещен площадками. Пальба из орудий была ужасная, так что я никак не мог уснуть. С атаманом христосовался у обедни и не пошел к нему потому, что мне не сказал ни слова, но, по здешнему обычаю, в этот день не приглашают.

19 апреля. Сегодня утром ушли уже в поход Штакельберг и Стандершельд. Я с Яковлевым являлся к полковнику Полтинину,¹⁶ нашему полковому командиру (Навагинского полка); он принял нас очень ласково, позволил остаться хоть до воскресения и назначил в (гренадерскую) 1-й батальон. Он добрый прямой человек, и с ним, кажется, можно будет сладить; он назначен теперь до прибытия Вельяминова командиром отряда, прикрывающего саперные работы и транспорты. Он славно декорирован:

имеет Анну с короной на шее, Георгия, Владимира, турецкую и персидскую медали. Сегодня большое гулянье под качелями, и некоторые черноморские барышни, в том числе была одна дочь подполковника, занимались сидя кусанием орешков и подсолнечника — это довольно забавная картина.

20 апреля. Отправлены к Сербину вещи для сбережения до возвращения из экспедиции. <...>

Сегодня вечером переехал я на квартиру к Яковлеву, Флемингу и Гюнтеру, и старая моя хозяйка уверяла меня, что я большой хозяин, ибо всегда запирает калитку.

21 апреля. Скоро надо отправиться в поход, войска еще третьего дня отправились в Ольгинское укрепление, и я так много наслышался, что при мысли о походе волосы дыбом становятся, тем более, что придется пунтировать пешочком; но что делать, вступивши раз в военную службу, надо на все быть готову, нет худа без добра. Сегодня я ездил верхом, осматривал Екатеринодар, но ничего в нем нет хорошего, и остаюсь еще здесь только потому, что в избе лучше спать, чем на биваках. Хозяйка, дьяконша, у которой теперь стою на квартире, — презлая женщина: не пройдет дня, чтобы не порола всех своих детей (а всех их у нее четверо), я не понимаю, как она не устает: не только что порет их розгами, но бьет чем попало.

22 апреля. Сегодня целый почти день я проиграл в вист, вечером заходил к князю Долгорукому, Столыпину, Унковскому¹⁷ и Ерину,¹⁸ и они при мне отправились в Ольгинское; без меня на квартиру приезжал квартальный с бумагой от Заводовского, дабы мы выехали из Екатеринодара по случаю скорого прибытия Вельяминова.

23 апреля. Не успели проснуться, как объявили нам, что ждет солдат с бумагой от полицмейстера, содержание коей: выехать с получением немедленно в Ольгинское укрепление, мы на обороте написали, что читали...

Флеминг был у атамана и получил для нас открытые листы, но мы намерены выехать не раньше воскресения.

24 апреля. С Яковлевым был у всеобщей, по окончании коей отслужили молебн. Завтра в путь. Боже, благослови!

25 апреля. Прощай, Екатеринодар, грязный городишко, прощай, мне тебя не жаль, не стал бы об тебе и думать, если б мог иметь такую комнату или хоть сарай такие, как здесь; но нет, сегодня я уже буду лишен этого удовольствия и должен буду, может быть, спать под открытым небом, голубым, испещренным звездами — как это поэтически, не правда ли? Со мной есть

палатка, подбитая сукном, но не знаю, можно ли будет ее с собой возить.

Сады здесь уже совсем отцвели, через неделю поспеет уже смородина, огурцы уже устарели, но здешние люди так нерадивы, что я не видел ни одного сада обработанного, они ни о чем не заботятся, коснеют в невежестве, природа, кажется, более самих об них заботится.

Примечание: Кордонную линию по Кубани содержат 3500 казаков, находящиеся на казенном жалованье.

Выехали из Екатеринодара в 10 часов утра, хозяйка накормила нас варениками и выпроводила в дорогу с хлебом, желая счастья. В Мышастовскую слободу приехали в 3 часа пополудни и остановились ночевать, дабы дать отдохнуть своим лошадям, которые бежали, привязанные сзади наших телег.

26 апреля. В 12[-м] часу утра выехали и во втором пополудни были уже на неприятельской стороне, на левом берегу реки Кубани, и остановились сначала по сю сторону Кубани у Сербина, а ночевали в палатке у Алехина¹⁹ и барона Шейблера.²⁰ Войска расположены лагерем у самой Кубани, кругом стоит цепь; заря вечерняя бедовая, не совсем бьют в такту, точно *la musique infernale*.*

На завтра назначен поход 1-му батальону для конвоя обоза в Абин. Я числюсь в 1-м батальоне, в 1[-й] мушкетерской роте у штабс-капитана Михаила Михайловича Равенского.

27 апреля. Сегодня в 6 часов утра мы выступили, моя рота была в авангарде; за Кунипсой мы расположились ночевать, кругом расположена цепь, черкесы показываются из-за кустов и на горах, но оставляют нас в покое. Навагинского песельники гренадерской роты славно поют, пляшут — они нас забавляют. Признаюсь, что я так же покоен, как на маневрах. Бог знает, что будет дальше. Люблю ужасно русских солдат: они никогда не унывают, несмотря на усталость и труды, они все веселятся!

Целую ночь я пробыл в карауле. К рассвету было ужасно холодно и большая роса — предвестница хорошей погоды.

28 апреля. Выступили в 4 часа утра, под Абином была маленькая перестрелка в арьергарде: по черкесам сделано 7 пушечных выстрелов картечью и ядром, с нашей стороны ранен один подпоручик Навагинского полка в копчик, а под другим убило лошадь. У Абинской крепости мы заняли позицию по обеим сторонам реки Абина (местоположение здесь удивительное: отсюда начинается цепь гор), где и ночевали.

* Адская музыка (фр.).

29 апреля. Выступили в 5 часов утра и под самым почти Абином имели перестрелку, один тенгинец ранен в живот, пулю ему вырезали в спине. Я подъезжал во время перестрелки близко, пули свистели мимо, но черкес совсем не было видно: они стреляли из-за деревьев и иногда только показывались их головы, когда старались высмотреть, в кого метить. Вот их образ войны: они всегда стараются убивать так, чтоб самих их не видели; здесь они стреляли из фалконета,* и против них действовали пушки картечью и мортиры гранатами. Пройдя Кунипс, мы сделали привал, где и обедали.

Я видел, как раненому вырезывали пулю, и это произвело на меня неприятное чувство; он, бедный, вскоре умер.

Прибывши в Ольгинское в 8 часов вечера, где палатка моя была уже разбита, и я благодарить должен Поливанова, что не сплю под открытым небом; палатка эта подбита черным сукном и тем выгодна, что днем не жарко, а ночью не холодно. Я стою вместе с Яковлевым и благодарю Бога, что теперь могу покойно уснуть, ибо походом мы выступали всегда очень рано.

30 апреля. Сегодня я приводил при рапорте аттестаты о денщиках и жалованье к полковнику Полтинину, также свидетельство о переправе через реку Кубань.

Каждый день здесь делают ученья, ибо ожидают приезда государя в Еленчик.** Признаюсь, что здесь такая смертельная скука, что если придется долго стоять, то можно с ума сойти.

Прошедшую ночь черкесы, человек около 10-ти, прорвались через Кубань и в двух станциях от Екатеринодара напали на партию рекрут, которые, не будучи вооружены, спаслись бегством в лес. Остались защищаться только два старых солдата, из коих одного, ранив, увели с собою, а другому нанесли несколько ударов шашкою в голову, одним словом, изрубив его совершенно и полагая, что он мертв, оставили его и препокойно переправились на левый берег реки Кубани. Пока черноморцы решились их преследовать, они были уже вне опасности — вот каково черноморцы содержат кордон. Люблю предприимчивость черкес и ненавижу оплошность черноморцев!

Этот бедный солдат — я его сегодня видел — привезен в здешний лазарет, лежит в палатке, это полуживой мертвец, я не имел твердости духу долго на него смотреть: он весь в перевязках, в особенности же голова и лицо; его колотит сильная лихо-

* Разновидность малой пушки, которая ставится на железную рогатину.

** Геленджик.

радка, и, кажется, сегодняшний вечер прекратит его мучения.

1 мая. Весь Петербург теперь в Екатерингофе, но и у нас не без веселий: в одном конце лагеря гремит тенгинская музыка из оперы «Фенеллы»,²¹ а в других поют песельники. Этот лагерь совершенно военный: палатки раскинуты в беспорядке, линеек здесь нет, у людей поделаны шалаши, кругом стоит цепь и караулы, лагерь примыкает к Кубани. На правом фланге тенгинцы, потом навагинцы, далее кабардинцы и казаки, лошади привязаны к кольям, музыка, песельники, и в разных концах пальба в цель.

2 мая. Посреди невероятных трудностей бывают иногда приятные минуты, самое воспоминание происшедшего доставляет нам уже некоторое удовольствие: я живу теперь в палатке и счастлив уже тем, что не мочит меня дождь, который эту ночь не переставал. Из палатки виднеются Кавказские горы, вершины коих касаются небес — прелестный вид, но как грустно, как скучно при мысли, что должен остаться здесь еще почти целый год. Бедный Стандершельд очень заболел: у него горячка, он отправился вчера в город Екатеринодар.

3 мая. Ученья здесь два раза в день, начинается шереножным, потом поротно, побатальонно, полковое и, наконец, дивизионное.

На ученье сегодня утром был странный случай: барабанщик Тенгинского полка, не доходя начальника на 20 шагов, вдруг упал и на месте умер, будучи перед этим совершенно здоров.

Баранковые кивера здешние называются *папахами*. <...>

5 мая. Сегодня приехал в лагерь генерал-лейтенант Вельяминов Алексей Александрович и остановился в крепости по сю сторону Кубани.

6 мая. Получил от Аршеневского²² письмо, он благодарит меня за присылку ему денег и больше ничего. Не понимаю, что бы значило, что от брата Петра не получаю до сих пор ни письма, ни денег.

7 мая. В воскресенье, говорят, мы выступим, но я нимало не пожалею, если останемся подолее, ибо хотя и скучновато, но в палатке покойно и между добрыми товарищами часто забываешь скуку: каждый вечер гренадеры поют, а иногда целая рота пляшет журавля, черноморский танец.

8 мая. В 10 часов утра Вельяминов объезжал лагерь, войска построены были поротно в батальонных колоннах (солдаты — в шинелях и фуражках, а офицеры — в сертуках, фуражках и шашках). Впереди Вельяминова ехали три линейца, потом он со

свитой и сзади конвой, состоящий из 50-ти линейских казаков. Костюм их мне очень нравится: они одеты и вооружены совершенно как черкесы, а ловкостью и искусством в бою много превосходят самих черкес, одежда их легка и удобна как для конных, так и для пеших, многие из них «на всем скаку лошади поднимают с земли целковый», они рослы и хорошо сложены.

С каким удовольствием выпросил я у майора прочесть «Военный инвалид»,²³ надеясь начитать произведенными кого-нибудь из моих товарищей, и что ж нашел: лейб-гвардии Драгунского полка штабс-капитан Горбачев²⁴ переводится лейб-гвардии в Уланский полк с переименованием в штабс-ротмистры (10 апреля 1837). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, бедный Майнов²⁵ засел первым, а пора бы ему в штабс-ротмистры; но производство на Святой неделе до наших гор еще не долетело, а любопытно бы было знать, как производство, так, может быть, получили награды наши закавказские герои.

Теперь ужасная суматоха в лагере: все думают, что завтра выступим, и потому все укладываются, но о выступлении никто еще наверное не знает. Вельяминов никогда не предупреждает о выступлении, ибо это такого рода война, что надобно все делать сюрпризом, дабы черкесы не знали о нашем походе.

9 мая. В 6-м часу утра выступили из Ольгинского следующим порядком: в авангарде и арьергарде — кабардинцы, в правой цепи — навагинцы и в левой — тенгинцы. Мы шли по неизвестной дороге, где еще русские никогда не были, по направлению к Великолагерному посту (на нашей стороне реки Кубани); нашим вожатаем был лазутчик-черкес. Прошедши 22 версты и 138 сажений, расположились на ночлег, мой батальон и 2-й шли в колонне, перестрелки походом никакой не было, и даже не видели черкес. В 9 часов вечера наш батальон, 4 орудия и еще 2 батальона, тенгинский и кабардинский, выступили для занятия позиции и поправки мосту, мы шли очень скоро и слышали черкесские выстрелы (их сигналы), доходя до речки Цембы, где и расположились; по приходе кабардинцы убили одного черкеса, подкрадывавшегося к нашей цепи, тело коего осталось у нас. Отряд наш был под командой полковника Ольшевского.²⁶

10 мая. На рассвете первый выстрел убил наповал унтер-офицера Тенгинского полка, находившегося в цепи, пуляхватила его прямо в лоб. Потом пошла небольшая перестрелка в цепи, все утро мы перестреливались и в 11-м часу слышали по пушечным и, наконец, ружейным выстрелам приближение нашего отряда, для которого уже выстроили мы мост через небольшую,

но очень топкую речку; нам подали сигнал, чтобы не стрелять. По соединении отряда дело завязалось посерьезнее: сапсуги* напирали на нас со всех сторон. Мы находились около аула на площадке, окруженной со всех сторон лесом — место для черкес очень выгодное. После сильной перестрелки, продолжавшейся около 5-ти часов, мы преодолели все трудности и наконец вышли из Цембейского лесу (у реки Цембы), потеряв несколько убитыми и ранеными. Ретирада была сделана чудесно под командою полковника Ольшевского после нескольких выстрелов из орудий, поставленных en chiqui,** так что когда одно орудие ретировалось, то другое встречало неприятеля, мы ретировались бегом, без всякого урона. Черкесы дрались сегодня отчаянно (в сборе их было до 1000 человек), они раз 5 кидались на шашки; потеря с нашей стороны состоит из 128 раненых и 9 убитых, в числе коих ранен командир Тенгинского полка полковник Кашутин²⁷ в бок к спинному хрящу <...>;*** но с их стороны потеря должна быть тоже немаловажна. <...> Им беспрестанно посылали в гостинцы ядра, что их более и удерживало, особенно при отступлении. Вышедши из лесу, сожгли аул, находившийся по опушке, и пошли по дороге к Абину, перестреливались очень мало, ибо черкесы разъезжали лишь около своих аулов, которых здесь, по опушке, очень много.

Дорогой по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, некоторые из них покрыты тесом, народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, и жито вышиною более двух аршин, пшеница тоже недурна; поля их засеянные, большею частью, огорожены плетнем, дабы скот не пасся.

В Абин прибыли мы очень поздно, так что совсем смеркалось, и расположились ночлегом по реке Абину.

11 мая. В 6 часов утра мы выступили и имели в цепи перестрелки до самой Николаевской крепости; местоположение здесь очаровательное: тут тянется цепь гор, между коими встречаешь прелестные долины, усеянные фруктовыми деревьями, и речки, текучая вода коих утоляет жажду усталых воинов. Николаевск построен совершенно в котле: он окружен со всех сторон горами. <...>

12 мая. Выступили в 6 часов утра, шли очень медленно по

* Шапсуги — одно из черкесских племен

** В шахматном порядке (фр.)

*** Далее сведения об убитых, раненых и контуженых опускаются

причине ломки обоза, у ущелья* имели большую перестрелку; 1-я мушкетерская рота занимала позицию под самыми выстрелами против ущелья, но Бог помиловал: раненых у нас совсем нет. <...> Тут под Масальским²⁸ ранили лошадь. <...>

Отретировавшись от этой ложины, мы прошли еще версты 3 и расположились на ночлег. Ломка аптеки Навагинского полка и прочего обоза, тянувшегося гусем, фура за фурой, заставила нас пробыть на одной поляне до 11 часов пополудни, так что мы пришли на место лишь в $1\frac{1}{2}$ 12 часа. Несмотря на темную ночь, эти полчаса я шел с большим удовольствием, это для меня было приятное гулянье: мы шли по прекрасным аллеям, освещенным разложенным огнем, отражение коего на деревьях производило чудесный эффект, стройные дубы обрисовывались в огне; пришедши на место, я поражен был новым привлекательным зрелищем: по всему лагерю огни и на самых вершинах гор, в цепных резервах, разложены огни полукружием, образующие группы прелестных звезд.

13 мая. Выступили в 6 часов и, пройдя, самое большое, версты 4, остановились на ночлег в 4-х верстах от хребта Нако; по прибытии на место мы заняли позицию на горе, обросшей лесом, около ложины; правее нас пошла порядочная перестрелка. Выстрелы из пушки ядром, поставленной около нас по направлению черкесской дороги (черкесы ездят на арбе — телега на двух колесах), раздаются величественно в горах, лес трещит, и эхо повторяет гул. С нашей позиции прелестнейший вид: внизу разбит лагерь, окруженный со всех сторон горами, усеянными лесом, облака гуляют ниже вершин оных, так что сливаются их с небом.

Мы остановились сегодня в 10-м часу утра потому, чтобы подчинить испортившийся обоз, наделать запасных осей и подчинить испортившиеся по дороге мосты, на что и отправлены саперы под прикрытием 2-х батальонов с 2 орудиями.

Какие живописные здесь места! Может быть, со временем они будут составлять лучшую российскую губернию, черкесы принуждены будут скоро с нами помириться, ибо, отрезав им сообщение от Черного моря, у них будет большой недостаток в порохе, который хотя и делают сами, но их порох без примеси другого очень слаб. Воины их также убывают значительно, убыль одного в семействе для них много значит, хлеб и аулы их очень истребляют, угоняют рогатый скот и овец, что составляет их большую промышленность, таким образом, многие семейства остаются без куска хлеба. Положение такого роду должно скоро на-

* Название пропущено.

скутить, несмотря на их воинственный дух. На вчерашнем переходе встретили мы на кладбище черкесский памятник, сделанный склепом, внутри пустой, это стоило им большой работы, ибо сделано довольно аккуратно из цельных камней; на нем нет никакой надписи, он выстроен под горой, лазутчики говорят, что здесь похоронены храбрейшие из черкес. <...>

14 мая. Выступили в 7 часов утра и в продолжение почти 2-х часов тянулись на хребет Нако, с вершины коего наконец увидели Черное море, на берегу коего мы расположились, и я тот же час отправился купаться. Как оно сегодня тихо, какая прелестная вода: светлая, местами иззелена-темная — горы в нем отражаются, какое-то удовольствие смотреть на него. Оно напомнило мне приятные прошедшие минуты, проведенные на берегу Балтийского моря, но как далеко я теперь, и когда возвращусь, и возвращусь ли даже!

Перевалившись через хребет, начинаются уже другие растения, другие деревья, здесь начинаются уже разные народы: сапсуги, натухайцы и абазинцы.

Проходя хребет Нако, нельзя не удивляться дороге, сделанной в прошедшем году: каменя взрывали порохом, можем представить об трудностях, понесенных рабочими; она простирается почти на 4 версты, шириною сажени $2\frac{1}{2}$, она обнесена со стороны оврага стеной из сложенных каменьеv. При спуске нашем с хребта черкесы пустили по нас несколько камней с гор, но они ни стрелкам, ни колонне не причинили никакого вреда. На ночлег расположились мы по берегу Черного моря, возле крепости Александрия, построенной в прошедшем году. <...>

15 мая. Какое прелестное, тихое утро: еще солнце не взошло, еще горы спят, еще море дремлет, лишь раздается частый говор храбрых воинов, неутомимых, готовых снова в бой.

Мы выступили в 7-м часу утра, пришли к Еленчику без выстрела и расположились на ночлег близ оногo. По словам лазутчиков, 6000 черкес находятся в сборе около Анапы. Еленчик (бухта) — порядочная крепостца на самом берегу Черного моря, против нее стоит несколько транспортных судов и пароход; море сильно волнуется по причине большого ветра. Завтра можно ожидать хорошей погоды, ибо чекалки покрикивают (зверьки вроде волка, но гораздо меньше).

16 мая. Места эти еще неизвестны, говорят, что большое народонаселение. Увидим, как встретят нас, незваных гостей, чем будут угощать.

<...> Цепь шла все время по горам, какая ужасная скука — лазать по горам, местами спускаться почти боком в ужасные

лощины, держидерево рвет платье, зато встречается виноград, персиковые деревья, волосские орехи, и вообразите роскошь: кипарисом мы разводим огни!

17 мая. Обоз под прикрытием всей легкой артиллерии и 3[-х] батальонов Тенгинского полка остается здесь, мы же идем на вьюках для рекогносцировки дороги, имея провианту на три дня. Выступили в 10 часов утра и шли в левой цепи, я под конец едва мог идти, ибо шли форсированным маршем и по ужасным горам и ярам почти без привалов. Мы сделали около 30 верст и остановились, потому что не было дороги и некуда было девать раненых, ибо с нами не было ни одной телеги и раненых несли на носилках. Перестрелка была не очень большая, ибо они нас не ожидали и торопились вытаскивать все из своих саклей. На самом месте нашего ночлега мы сожгли три аула.

Кроме того, что я сегодня очень устал, погода не совсем-то благоприятствовала, ибо целый день шел дождь и промочил меня до костей. По этим горам ходить — надобно иметь особенное искусство, и без помощи палки невозможно; <...> rporos,* мне очень понравилась острота горниста: кто не бывал в горах, тот не бывал и в горе, а кто бывал в горах, тот бывал и в горе. Надобно иметь крепкое здоровье, чтоб перенести здешние труды, старые офицеры говорят, что этакого году еще не бывало. <...>

18 мая. В 7-м часу поворотили весь отряд и цепь налево кругом и таким образом отправились обратно. Черкесы сами зажгли аул перед нашим выступлением, находившийся впереди авангарда, но обманулись, думая, что мы пойдем вперед; впрочем, они не замедлили поправить свою ошибку, и мы не успели отойти версты, как сильно начали напирать на арьергард (аррьергард отступал, имея стрелков в две линии, одна из них ложилась, а другая ретировалась бегом <...>) и преследовали его верст 6 или 7. В нашей цепи, которая при повороте сделалась правою, была также перестрелка, но важнее всех было, когда они, человек 200, иные из них в панцирях и шишаках, но большая часть оборванные и даже босые, пропустив авангард, напали на последнюю пару стрелков 1-й гренадерской роты Навагинского полка, примыкавших к арьергарду. Когда кинулись черкесы на цепь, убили одного стрелка и потащили с собою его тело, то товарищ его, выстрелив по ним и положив одного из 4-х, тащивших тело, на месте, кинулся на них, проткнул еще одного штыком и отнял у них тело своего товарища, будучи сам легко ранен шашкою в руку. За этот поступок получил от Вельяминова червонец.

* Кстати (фр.).

После нескольких выстрелов они кинулись в шашки, но малый резерв и вслед рота под командою поручика Егорова²⁹ кинулись на штыки — ура! вперед! — тут подоспел секурс: рота Кабардинского полка и казаки. Черкесы были совершенно опрокинуты и многие из них убиты, одно ихнее тело осталось у нас. 1-я мушкетерская, бывшая впереди, пришла на помощь немного позже по случаю крутого подъема на гору. <...>

Идя лесом, я заметил, что черкесы вырубливают из деревьев наши пули.

По прибытии к месту расположения обоза у реки Мейзипс мы спускались с каменного утеса гуськом по узенькой каменной тропинке, рискуя на каждом шагу слететь вниз. Спустившись и стянув цепь, мы остановились на ночлег в колонне. Тотчас по прибытии на место, черкесы приехали для выкупа тела, но генерал Вельяминов отдал им без всякого выкупа. <...>

19 мая. Сегодня меня насилу добудились — до такой степени я был уставши: меня всего разломало и я совершенно разбился на ноги, несмотря на это, я ходил еще на фуражировку в 10-м часу утра по реке Мейзипс к Черному морю. <...> По дороге сожгли мы аул из 7 саклей и 2 лодки, одну 6-, а другую 12-весельные, и накосили для фуражу жита. <...>

Все тяжести: фуры и артиллерия, кроме 6 легких и 6 горных орудий, — отправились под командою Штейбе³⁰ в Еленчик, откуда Черным морем привезут в бухту Пшаду, где полагается постройка крепости.

20 мая. Целый день сегодня я отдыхал; отряд возвратился из Еленчика вечером без выстрела, и с ним прибыл линейный батальон бывшего Наширванского полка, которому предполагается остаться в укреплении у бухты Пшады.

21 мая. <...> Выступили в 7-м часу утра и, отошедши верст 12, остановились на ночлег и заняли позицию по балке. Вероятно, черкесы где-нибудь делают сильную засаду, ибо мы прошли до этого места почти без выстрела.

22 мая. Выступили в 6-м часу утра. Черкесы сильно нападали на авангард, потом, когда наша цепь и рота взбирались с балки на гору, то черкесы из сделанного ими завалу (человек 250) сделали по нас залп из ружей и потом кинулись на цепь в шашки, но роты 1-я гренадерская и вслед 1-я мушкетерская поддержали стрелков, кинувшись на них на штыки — ура! ура! ура! — сбили их с выгодной для них позиции и заставили бежать без оглядки. Эта стычка была для нас неизмеримо счастлива, ибо у нас ни одного не ранили. После этого черкесы перебежали на правую сторону и завязали перестрелку в правой цепи. Мы прошли мимо

многих аулов, из коих некоторые, по-видимому, богатые, ибо покрыты тесом, но ни одного из них не тронули, ибо сегодня был приказ генерала Вельяминова по отряду, чтобы аулов не жечь и ничего в них не трогать по случаю бывшей в прошлом году чумы; также не трогать хлебов. Вечером остановились и заняли позицию, но остались без чаю, обеда и ужина, одним словом, целый день не ели ничего, кроме солдатских сухарей с водою, которые показались мне лакомым кушаньем. Причиною же тому то, что мы с генералом Штейбе двинулись вперед для разработки дороги и, отойдя с версту, совершенно отделились от главного отряда, окружили себя цепью и тем прекратили сообщение. Шейблер дал мне на ночь свою бурку, а то бы пришлось проводить целую ночь в одном сюртуке.

23 мая. Выступили в 6-м часу утра, версты 4 двигались очень медленно, ибо саперы разрабатывали дорогу, потом пошли пошибче, ибо дорога здесь лучше. Черкесы не оставляют нас в покое, они заседают во всех удобных местах и перестреливаются, одни лишь гранаты заставляют их разбегаться; под вечер они начали драться дружнее, и мы принуждены были каждую высоту занимать приступом. При всей моей усталости русское ура, ретирада и неудачные выстрелы черкес, барабанный бой (полковник Полтинин при каждом приступе приказывал бить в барабан) заставили меня забыть об усталости, я сделался как-то бодрее, не думая нисколько об опасности. Придя на место ночлега, наш батальон, по приказу полковника Полтинина, спустился с горы, дабы люди могли немного отдохнуть, однако ж это не избавило нас от передовой цепи и караулов. <...>

24 мая. Двинулись в 6[-м] часу утра, на каждом шагу имели небольшие перестрелки, но когда начали взбираться на одну высокую гору (первая по левую сторону р. Пшады), то черкесы (числом до 500) открыли по нас батальный огонь с вершины горы. На протяжении почти версты в левой цепи пошла сильная перепалка, они думали на этом месте не пропустить нас к Черному морю. Мы принуждены были лечь и ползком под градом пуль взбираться на вершину; изнуренные и обремененные сухарями и бельем, солдаты едва могли лезть, пот лил с них в три ручья. Казалось невозможным вскарабкаться по столь крутой горе на вершину. Черкесы засыпали нас пулями, но для русских нет невозможного: ободряемые примером своих начальников, они все ползком подавались вперед, наконец, когда мы были уже на полугоре, привезли пушку и ядрами через нас заставили на время умолкнуть дерзкого неприятеля, таким об-

разом, под несколькими пушечными выстрелами, мы ползком подавались все ближе к вершине. Пушка умолкла, и мы с барабанным боем открыли сильный батальный огонь — ура! — кинулись вперед и заняли одну высоту; черкесы удалились бегом на другую, которая командовала и которую мы тоже должны были занять. Здесь пушка уже не могла стрелять, и потому мы принуждены были сбить неприятеля с позиции батальным огнем и штыками, против которых ничто не может устоять. Вершина была нами занята в 5 минут. Барон Шейблер с стрелками занял ее первый. Таким образом, с малою потерей людей, находившихся под сильным (при занятии второй высоты — под перекрестным, ибо черкесы стреляли по нас из лесу с вершины и с балки) неприятельским огнем более получаса, мы заняли гору, по которой едва можно было ползти, не рискуя на каждом шагу свалиться. <...>

После этого штурму мы вышли на прекрасную поляну, где сделали привал: мы расположились завтракать под тенью благоуханного орехового дерева в нескольких шагах от аула, где оставленные куры, которых никто не смел трогать, ужасно кричали; кругом нас вьется по деревьям виноградная лоза, кустарники диких роз. Жито, овес, ячмень, конопля, лен, кукуруза и проч. — всего есть в этом месте в большом изобилии, поля их, большей частью, огорожены плетнями; я видел даже привитые фруктовые деревья, что, вероятно, работа русских беглых. Вся баранта угнана в горы, здесь пропасть аулов, что и было причиной их упорной защиты. Надо было видеть нашу общую радость, когда мы, занявши вершину горы, увидели невдалеке море, солдаты кричали от радости. По прибытии к Черному морю, где расположились лагерем по обеим сторонам реки Пшады, генерал Вельяминов благодарил 1-й батальон за взятие штурмом горы. Наш полк расположен на самом берегу реки Пшады в полуверсте от моря, и избавлены сегодня от цепи и караулов, дабы дать людям отдохнуть. Благодаря Богу, мы прибыли на место, где предполагается построение крепости.

25 мая. Как приятен отдых после стольких трудов! Люди отдыхают, моют и сами моются, но несносные черкесы не хотят оставить нас в покое, несмотря на то, что мы не жжем их аулов. Они с разных сторон палят из фалконетов, коих числом не более трех, и уже убили одного солдата Тенгинского полка наповал, стоявшего на пикете. Перед самой смертью он закурил трубку, и когда все легли и караульный офицер приказывал ему лечь, то он сказал: «Ваше благородие, эти лоскутники стреляют понап-

расну: пуля сюда не долетит», — вслед за его словами — выстрел из фалконета, и он упал мертвым.

26 мая. Полковник Полтинин собрал 1-й батальон и сам читал приказ генерала Вельяминова, отданный по отряду. Я помещаю здесь приказ по полку и по отряду:

1. *Приказ по полку:* Приказ, отданный по отряду за № 2 сего дня, в копии прилагаю, предписываю гг. батальонным командирам прочесть оный при собрании роты всем без изъятия нижним чинам в каждом батальоне, в 1-й же батальон я сам прочту; мне же остается сказать, что я, будучи уверен, вел сам 1-й батальон на назначенное место, с тем, что гора сия должна быть непременно занята, и, действительно, они это исполнили, оправдали мое ожидание, при каковом случае оказали непоколебимое мужество, храбрость, терпение к трудам и повиновение к исполнению воли начальства в виду командующего войск генерал-лейтенанта Вельяминова и целого отряда. В сем деле показали присутствие духа 3-й мушкетерской роты рядовой Добринин и 2-й мушкетерской — Олисинский, которые, будучи ранены, не оставили своих мест до прихода на место лагеря; доблестный поступок сих рядовых обязывает мне сделать известным по полку, и я остаюсь уверенным, что они на будущее время будут примером храбрости своих товарищей.

Приказ по отряду. № 2-й. Лагерь при речке Пшадге. Мая 24 дня 1837 года. С копии копия. В память славной атаки, сделанной сего дня 1-м батальоном Навагинского пехотного полка на первую гору, встреченную отрядом с левой стороны речки Пшады, отныне называть это место горою Навагинскою. Подлинный подписал генерал-лейтенант Вельяминов. С подлинным сверял гвардии-поручик Кусаков. <...>

27 мая. <...> Бывши на фуражировке, я срисовал крест и на шесте наткнутую козиную голову, но ни от кого не мог добиться настоящего значения оных. Иные говорят, что это приношение жертвы перед начатием посева, а иные уверяют, что они этому поклоняются.

28 мая. Был с командой для рубки леса по ту сторону реки Пшады у самого берега Черного моря, которое очень волновалось, так что нельзя было выгружать казенных вещей, прибывших из Еленчика. Я ходил по берегу и собирал разные раковинки и черепашки, коих здесь очень мало. Может быть, придется, и это скучно проведенное время вспомнишь иногда с удовольствием.

Черкесы сегодня уже не стреляют и нигде не показываются, они, верно, занимаются теперь устройством новых жилищ; им

очень неприятно, что мы заняли эту бухту, на берегу коей стоят до сих пор две сакельки, в коих производился торг с турками, кторые доставляли им соль, ибо и теперь еще на берегу находят соль. Вчера прибыл в отряд гродненский гусар поручик Рошковский³¹ морем из Тамани. После обеда в продолжение почти часу была сильная буря, и я все время стоял на берегу моря и любовался волнами, которые неслись, как горы, и разбивались о берег пеною. В эту минуту вид моря удивительный: оно из гладкой поверхности образуется в хрустальные горы, цвет его из зеленого переменяется в черный, и 9-й вал плещет выше сажени; транспортные суда, стоя на якорях, сильно качаются. Но я за удовольствие заплатил простудою: у меня болит горло и грудь. Сегодня я встретился неожиданно с Илиодором Осиповичем Миницким, с которым вместе воспитывался и которого не видал уже 12 лет.

29 мая. <...> Сегодня прибыли из Еленчика суда с палатками и нашими вещьми, но их нельзя выгрузить по причине сильного волнения моря.

30 мая. У нас в роте служили благодарственный молебен. Мне сегодня немного лучше: грудь уже не болит, а побаливает горло. Наш батальон передвигают с нашего места влево, а на нашем месте будут делать кирпич. Наконец погода немного утихла и начали выгружать наши палатки.

31 мая. <...> Сегодня прелестная ночь: чисто-голубое небо усеяно звездами, говорят, таких ночей в Петербурге не бывает, но я против этого — и в Петербурге есть прелестные ночи. Ночи теперь еще довольно холодны. Здесь много змей, одни из них, огромные, желтобрюхие, безвредны, а другие, называемые медянки, имеющие на солнце цвет, подобный меди, очень опасны они иногда кидаются на людей, но у нас есть предохранительное средство — это бурка, на которую не только она, но и никакое ядовитое животное не полезет, ибо она делается из бараньей шерсти, а бараны едят всех ядовитых животных; здесь также много черепах. Как я рад, что достал «*La Salamandre*»,³³ и хотя я ее прежде читал, но она доставляет мне большое удовольствие, ибо здесь ужасная скука.

1 июня. Сегодня я почти совершенно здоров и потому ходил в море купаться, оно очень тихо, зыби совсем нет. Выкупавшись в море, чувствуешь себя гораздо легче, вода горько-соленая. Место для крепости совсем расчищено, тысяча человек каждый день работают, лес вырублен, и теперь делают кирпич, полагая выделять в день по 20 тысяч. Место для крепости Вельяминов уже назначил колышками, поспеет кирпич, и тогда приступят к заложению крепости. Прелестная роща, бывшая на берегу Черного

моря, уже вся вырублена — как жаль мне ее! Этаких рощ мало можно встретить; среди этой рощи был аульчик, вероятно, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью деревьев, увитых виноградною лозою, или гуляли, наслаждаясь чистым, благовонным воздухом. Я не в силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно, теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благовонного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем выруют. Секира все истребила.

2 июня. В 6 часов утра ходили верст за 7 на фуражировку с Ольшевским, а возвратились в 5 пополудни; шли в колонне, при возвращении черкесы сильно нападали на левую цепь и арьергард. Они сегодня были чрезвычайно смелы, одно наше счастье, что выстрелы их, очень частые, были не совсем-то удачны. Некоторые из них подбегали к арьергарду на ровном месте ближе, чем на ружейный выстрел, не обращая внимания на орудия, из которых жарили по ним картечью, в особенности мне было досадно на одного джигита в белых штанах. Он преследовал арьергард бегом с места до самого лагеря, но выстрелы его были неудачны: ни один из наших в арьергарде, кроме одного артиллериста не был ранен. Их было в сборе до двухсот человек. <...> Ночью стреляли они из-за речки залпами из ружей, не делали никакого вреда. Я и не виню их, они должны же, наконец, остервениться и стараться как можно больше наносить нам вреда, ибо что им больше осталось? Жилища их заняты, хлеб истребляем на фуражировках. Артиллерия на сегодняшней фуражировке действовала довольно хорошо: одно орудие, поставленное на горке, посылало им прием через час по ложке, что и удерживало их от сильнейшего натиска.

3 июня. С сегодняшнего дня у нас начинается общий стол, артель наша: я, Яковлев, Шейблер и Рошковский. В Одессу отправился на судне офицер для закупок, и мы тоже дали денег на сахар, ром, вино и прочее, там все вдесятеро дешевле против здешнего, сахару здесь фунт — 2 рубля. Третьего дня я получил письмо от брата Петра от 19 марта и удивляюсь, что не высылет мне денег. Сегодня вечером пароход поймал купеческое турецкое судно, приблизившееся к берегу. Пассажиров на оном было 27 турок, они имели бумаги, и потому были генералом отпущены. Турецкое судно не имеет права приближаться к берегам Черного моря ближе 2,5 миль.

4 июня. Ходил смотреть столетний дуб, простреленный с моря ядрами в двух местах во время десанта русских войск 1834 года. Одно ядро пробило его насквозь, а другое осталось в нем; потом

был на горе, занимаемой 4-м батальоном Навагинского полка, откуда прелестный вид на море и на лагерь. Я очень жалею, что не продолжал учиться рисовать, а то бы имел теперь прелестные виды Кавказа. <...> Ночь была прелестная, тихая, одни лишь волны морские, разбиваясь о берега, прерывали тишину; я долго разгуливал по берегу морскому.

5 июня. Наконец и у нас разбита палатка, а то жили до сих пор в балаганах со своими ротными командирами, но вообразите роскошь: кровати наши сделаны из фруктовых деревьев и переплетены виноградными лозами, мелкие морские камни заменяют паркет и сверж палатки сделан намет из деревьев, предохраняющий от зноя. <...>

6 июня. Воскресение (Троицын день). Сегодня праздник Навагинского полка и заложение крепости, названной Константиновскою, и мне досадно, что я не могу быть в параде — мой мундир до сих еще пор не привезен из Еленчика. Заложение крепости было следующим порядком: после обедни служили молебен на месте, назначенном для постройки крепости, потом это место окропили святой водой, сделали 101 пушечный выстрел, войска прошли церемониальным маршем мимо Вельяминова, *ainsi, finita la comedia.**

7 июня. В 2 часа пополудни наш батальон и один горный единорожек** ходили для рекогносцировки дороги, идущей вдоль морского берега в Уланы*** (бухта); дорога здесь мерзкая: узенькая и частые овраги, так что горный единорожек спускали и вытаскивали почти на руках. С легкой артиллерией и со вьюком невозможно идти, мы ходили не далее двух верст, ибо тут дорога совершенно пропадает. По левой стороне дороги есть три небольших аула, по полям — прекрасный хлеб. На второй версте отрезали мы одного черкеса, стоявшего на пикете, он, заметивши нас, побежал в балку и с балки к морю. Когда он окружен был нашею цепью со всех сторон, то переводчик (по-ихнему, толмач) кричал ему, чтобы он сдался, что ему решительно ничего не сделают, но он, добежав до берега, бросает на берегу свою шапку и чевяки и кидается в море вплавь, отплывши шагов сто, кидает в сторону пистолет и шашку (ружье закинул еще в балке) и кричит, что он лучше утонет, чем сдастся. Пули градом на него посыпались, и он пошел ко дну, кровавое пятно лишь означало место, где он тонул, и линейный казак нырял несколько раз,

* Итак (фр.), комедия окончена (ит.).

** Длиннохвостая гаубица, стреляющая гранатами.

*** Вулан, река, бухта.

чтобы достать его тело, но оно было слишком глубоко, оружия его тоже не могли достать. Как нравится вам дух этого черкеса? Но не трусость ли это, не боязнь ли сделаться пленником? Нет, я думаю, что это не что иное, как азиатская твердость характера: он решился лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы! <...>

8 июня. Пришло от корпусного командира барона Розена³⁴ приказание, чтобы все гг. прикомандированные офицеры на царском смотре были бы непременно в полной парадной форме, почему я и написал в Москву к Александрову-1,³⁵ прося его выслать мне поскорее мою шапку. Нашего полка прапорщик Брикер отправляется сегодня в Тамань, дабы привезти сюда для смотра солдатские и офицерские вещи, ибо смотр, говорят, будет или здесь, или в Уланах. Постройка крепости уже началась. 1700 человек ежедневно работают и 1200 делают кирпич, не выжигая его, для устилки внутренней стороны крепостного вала и постройки казарм. Никто почти из прикомандированных гвардейцев не имеет с собою полной парадной формы, почему все теперь суетятся и торопятся выписать из Санкт-Петербурга. Войскам позволено находиться на смотре в фуражках. <...>

9 июня. С каким нетерпением пробегал я приказы по Гвардейскому корпусу,³⁶ думая найти производство в полку, но вместо производства нашел, что государь 7 апреля при смотре нашего полка остался недовольным, почему Карл Иванович Бистром³⁷ и делает выговор всем начальникам. Товарищи мои, верно, завидуют теперь мне, воображая, что я здесь веселюсь, что я покоен, но как ошибаются они! С каким бы удовольствием желал я делить с ними и радость, и печаль! Вы не знаете, что здесь можно от нечего делать проспать последний ум, и что теперь уже такие жары, что добровольно никто не выходит из палатки раньше вечера, и что здесь первое удовольствие доставляют морские ванны.

Вельяминову дано знать, что два турецкие судна выгрузились в 4-х верстах от Джубы,* почему и послан сегодня один батальон, 3-й Тенгинского полка, на пароходе и бриге «Меркурии» (на том самом, на котором Казарский³⁸ защищался против двух линейных турецких кораблей) под командой капитана 1-го ранга полковника Серебрякова,³⁹ дабы сжечь эти суда. Наш князь Долгорукий и его дальний родственник, свитский штабс-капитан, отправились охотниками (Долгорукий прикомандирован к 4-му батальону Тенгинского полка). Десант у реки Сапсут.**

* Джубга, река.

** Шапсухо.

10 июня. 10-е число нам другой раз уже не совсем-то благоприятствует. Я после обеда спал очень дурно, меня во сне все что-то беспокоило. Я скоро проснулся и чувствовал сильное бие-ние сердца, может быть, причиною тому — чрезмерные жары, которые с вчерашнего дня начались. Выхожу из палатки и узнаю от Шейблера человека, что князь Долгорукий убит. Я не верил, послал моего человека, но, не дождавшись его прибытия, побежал с Яковлевым в его палатку — и вижу бедного князя на постели, покрытого простынею. Слезы невольно у меня навернулись, все, находившиеся здесь, были в каком-то недоумении, печаль написана была на лицах, все посматривали изредка друг на друга, не говоря ни слова, даже никого не приветствовали; слезы облегчали немного их горе: ах! ужасно видеть товарища, который третьего дня был здоров и весел, мертвого, ужасно! Я отдернул слегка простыню, чтоб посмотреть его лицо и рану. Он совсем не переменялся, на лице осталась даже прежняя улыбка. Жаль его, очень жаль, он был прекрасный товарищ и умер так молод — ему не больше 20 лет. Но что ж делать, мы все живем под Богом, умирают не старые, а поспелые. Мы не могли найти стола, чтобы положить его, и потому, приказав его обмыть и одеть в мундир, вынесли на кровати в церковь.

Теперь опишу, каким образом сделан был десант. Десант на берег сделан был на рассвете, в 4 часа утра, в 4-х верстах за Джубою, и оставались там до 10 утра. Черкесские пикеты, заметив еще издали пароход, зажгли по всему берегу маяки (сигналы для сбора), и в четверть часа их было уже в сборе до 600 человек, однако ж они не мешали десанту, но по всей горе в каждой ложине поделали засады, так что стрелки наши, которые пошли занять высоты, должны были из каждой балки выбивать их штыками; 27 раз ходили наши на ура в штыки, на 3-м завале роковая пуля ранила Долгорукого с правой стороны в грудь, в самую верхнюю пуговицу, половина пуговицы с сукном взошли в тело, и князь пал мертвым с обнаженной шашкой в руках. Стрелки заняли все высоты, и наши зажгли сначала одно судно, а потом и другое, но последнее черкесы успели по отступлении утащить в речку и потушить. При отступлении они крепко наседали: они гикали со всех сторон и стреляли в 3-х шагах. Стрелки не смели поднимать голов, одни лишь флотские орудия удерживали немного их запальчивость, артиллерии нашей не было. Потеря была с нашей стороны немаловажная. <...> Многие из рядовых ранены стрелами. <...>

11 июня. В 8 часов утра, после обедни, хоронили Долгорукого,

мы несли его гроб на руках, все прикомандированные гвардейцы здесь были в мундирах, сам генерал Вельяминов, в мундире и ленте, сделал нам честь своим присутствием: он сам вынес с нами гроб из церкви и шел до самого кладбища. Это погребальное шествие было чрезвычайно трогательно: не только мы, но даже и посторонние не могли удержаться от слез. Похоронили его у подошвы горы под деревом, недалеко от морского берега, под пушечным выстрелом из крепости. Он думал приехать сюда на три года и остался навсегда, царствие ему небесное, вечный покой.

12 июня. Ходил с Ольшевским на фуражировку за Навагинскую гору. <...> Моя рота занимала большой аул, чтобы никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье⁴⁰ жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота. Она состоит из одной комнаты, как и все сакли вообще, чисто вымазанной глиною внутри, без потолка и пола, печи нет, а сделана внутри комнаты к стене между окном и дверьми труба, расширяющаяся книзу и не достигающая до земли на 1 аршин, они под нею разводят огонь и готовят кушанье. Места для постели сделаны немного повыше полу, одна дверь и одно окно, очень низкое, закрывающееся деревянными ставнями. Крыша покрыта соломой, под одной крышей сделана также чистенькая конюшня для лошадей. На дворе сделаны два амбара, в коих мы нашли шелковых червей, и два амбара для хлеба. Сад у этого князя прекрасно обработан, у него есть виноград и многие фруктовые деревья, в том числе множество абрикосовых и персика, которые унизаны фруктами. Это огромный аул, состоящий сакель из 50-ти, где живут его крестьяне. Как обвинять их теперь, что они, привыкши к свободе, не хотят с нами примириться и защищают свои прелестные места?

13 июня. Сегодня получено известие, что отряд, состоящий под командой корпусного командира барона Розена, сделал десант в Адлер. Потеря состоит в 60 раненых и убитых, в числе коих ранено 5 офицеров и изрублен шашками Бестужев,⁴¹ тело коего переходило несколько раз то к черкесам, то к нашим, и наконец осталось у черкес. Итак, в этом году мы лишились двух славнейших людей: Пушкина и Бестужева.

14 июня. Сегодня отъезжает в Петербург фельдъегерь, и я написал письмо к Соколовскому⁴² и Александрову. <...> С каким удовольствием читал я «Библиотеку для чтения»!⁴³ Книги здесь так же редки, как хорошенькое, свежее личико в Петербурге.

15 июня. <...> Сегодня я начал упражняться в немецком язы-

ке и перевозу «Praktischer Unterricht in der deutschen Sprache» von Wilhelm Oertel.⁴⁴ <...>

20 июня. <...> Одна сторона крепостного вала уже кончена, земляная работа идет очень скоро, кирпич почти уже весь готов. <...>

22 июня. Сегодня в 6 часов утра приехал корпусный командир барон Розен и осматривал лагерь и крепость, а в 6 вечера уехал. Ольшевский ходил сегодня на фуражировку в ущелье на правой руке, не доходя Навагинской горы. Пришедши на место, 2 роты Тенгинского 2[-го] батальона заняли позицию на одной горе у балки, черкес было не более 30-ти, но потеря наших была немаловажна. Черкесы действовали молодцами и стреляли почти в упор. Они, видя, что тенгинцы кинулись на них, отрубили руку цирюльнику и утащили у него бритвы и все, что было в сумке, потом, отойдя на ружейный выстрел, делили добычу в виду обеих рот. Впрочем, тенгинцев нельзя винить в этом случае, ибо они занимали весьма дурную позицию. <...>

24 июня. <...> Сегодня ровно месяц, как мы взяли штурмом Навагинскую гору, я часто люблюсь ею на фуражировках, и мне не верится, что мы ее заняли и выбили черкес: поставьте туда одну роту русских солдат, и она не пустит 5-тысячного отряда.

25 июня. Сегодня мы были у обедни в полной форме по случаю рождения государя императора. Вельяминов тоже был, по окончании литургии, когда провозглашали государю многия лета, из орудий сделали 101 пушечный выстрел.

<...> Вечер был теплый, прелестный, луна, выказываясь из-за гор, слабо освещала лагерь. Я пошел прогуляться — более из любопытству, чем для моциону — по лагерю и заметил, что все радуются празднику: во многих местах поют песельники и пляшут, местами слышно наяривание на скрипке, солдаты возле палаток играют в разные игры, и те, которые потрезвее, усоветывают ложиться спать, говоря, что завтра рано вставать на работу. Флот тоже не забыл праздника: бриг «Меркурий» был иллюминирован площадками и с него пустили несколько ракет. Если в походе мы празднуем рождение государя, что ж делается теперь в Петербурге! Сколько радостных лиц можно было видеть на разводе в Петергофе и сколько людей не спали покойно эту ночь в надежде производства или в надежде прицепить эксельбанты!

Все наши прикомандированные прошедшего года, кроме раненых и графа Бенкендорфа,⁴⁵ получили орден Святой Анны, а раненые и граф Бенкендорф — Святого Владимира.

26 июня. Ходил с Полтининым на фуражировку версты за две по берегу моря, черкесских выстрелов было не более 5, ибо они едва успели выбраться из аулов. Не более, как за 400 шагов, в виду нашем, они конвоировали своих черкешенок — это меня удивляет: они отсюда еще не удалились, зная, что мы не оставим их в покое. Аул их совсем разобрали для дров, а хлеб покосили для лошадей. Мне жаль было сегодня смотреть, какой овес и просо мы выкосили: сколько трудов стоило им вспахать, посеять и на сколько бы времени достало им хлеба! <...>

27 июня. Сегодня мне сделали сюрприз: я получил рационы на четыре лошади за два месяца с лишком — 96-40 к., я никак не ожидал получить более, как на три (на одну лошадь — 10-50).

Я выбрил сегодня голову и ношу ермолку, а парик берегу для казусных случаев. Вельяминов объявил, что 10 июля мы идем в Джубу. Можно ожидать славных дел, ибо это их последний ресурс, это их столица; в Уланы зайдем только для снятия местности на план. Какие предстоят еще трудности! Через сколько горок должны мы перебраться! Но чему быть, того не миновать. <...>

29 июня. Почти целый день шел дождь, ночью была сильная буря; я несколько раз просыпался и слышал, с каким ужасным шумом волны морские разбивались о берег. К утру ветер немного утих, но море все еще волновалось, и нашлось несколько охотников купаться, из числа коих один армейский улан чуть не заплатил жизнью: волны выкинули его на берег замертво, так что его откачивали на бурке — вот как дорого можно заплатить иногда за удовольствие.

Велено на ночь удвоить цепь, усилить секреты и чтобы 1-й батальон был всегда в готовности подкрепить караул, ибо лазутчики дали знать, что черкесы в большом сборе и хотят напасть на лагерь, их пикеты не далее от наших, как на 1 1/2 ружейного выстрела.

30 июня. <...> Как я рад, что достал «Рассказы и повести» Бестужева-Марлинского,⁴⁶ которые хотя несколько раз читал, но теперь с удовольствием перечитываю.

1 июля. Как живо рисуется в моем воображении петергофский праздник! На большой дороге в Стрельне теперь нет проходу, пыль столбом, я обыкновенно на этот день уезжал из лагеря в Стрельну. Петергоф, как магнит, притягивает теперь к себе со всех сторон. Пароход, баркасы, тихвинки и даже для смелых маленькие лодки не имеют недостатка в седоках, извозчикам раздолье, и, верно, вечером в Петербурге не найдешь ни одной кареты. Но и здесь мы тоже прогуливаемся по прелестным гор-

кам, но прелестным для глаз, а не для того, чтобы на них ползать. В 5-м часу утра с Ольшевским мы ходили на фуражировку, не доходя Навагинской горы, налево, лошадей с нами было очень мало, а фуражу пропасть, и потому мы кончили очень скоро. Черкес было человек до 500, они стреляли сегодня в первый раз из пушки (длинная, как на торговых судах), но их 4 выстрела не сделали нам ни малейшего вреда. <...> Счастье наше, что пушка их очень занимала, они возились с нею, как нянька с ребенком, и воображали, верно, что каждый их выстрел положит, верно, человек 20. У них теперь большой сбор (вчера давал знать Ольшевскому лазутчик), к здешним приехали абазехи и сапсуги с Шепса и Афипса.* <...> Вечером шел маленький дождик, если в Петергофе тоже, то иллюминация не очень завидная.

2 июля. Полтинин ходил сегодня на фуражировку по берегу моря. <...> Они сожгли два баркаса и принесли с собою невод саженой в 50, взятый из аула, который служит доказательством, что здесь много русских, ибо черкесы рыбы не едят. Пришел «Инвалид»,⁴⁷ и я начитал в нем, что поручик Савоини⁴⁸ 28 мая переведен ротмистром в Оренбургский уланский полк.

3 июля. Сегодня я не пошел на фуражировку со Штейбе, ибо немного побаливает грудь. <...> Какое удовольствие доставляют мне Бестужева повести! «Наезды», «Красное покрывало» и «Страшное гаданье» я сегодня читал и очень жалею, что так скоро кончил. Сегодня я получил от Тимофея Федоровича Мичерлика поливановскую шапку, она лучше моей, за которой я послал в Москву.

4 июля. Сегодня Вельяминов отправился на пароходе в Адлер, собственно, для того, чтобы осмотреть бухты Уланскую и Джубу. <...>

6 июля. 4 батальона под командой генерала Штейбе ходили за рубкой леса для крепости в ущелье налево. Рубка сия продолжалась чрезвычайно долго, ибо деревья рубили на высокой горе, откуда падали они в ужаснейший яр, где их обрубливали и вытаскивали, так что около одного дерева возилось до 80 человек; можно представить, как шло это медленно, ибо с 6 утра до 9 пополудни они нарубили всего 20 деревьев. В левой цепи во весь день, а особенно к вечеру, продолжалась перестрелка, и у нас убито и ранено 12 человек: убитых — 3, а раненых — 9, в том числе 1 убит и 2 ранено деревьями — вот как дорого стоили нам эти деревья. Я не был.

* Названия рек.

7 июля. Целый почти день провел в крепости, ибо был с рабочими. В крепости теперь ужасная суматоха: со всех сторон таскают в нее кирпич, укладывают кули с мукою, строят казармы и отделявают вал, но, несмотря на множество рабочих, крепость к 11-му числу не может быть кончена, почему и оставляют здесь 4[-й] батальон Навагинского полка, 9-й Казачий полк и линейный батальон, что составляет 2080 человек с саперами и артиллеристами. <...>

Сегодня вечером один черкес, преследуемый 4-мя другими, также пешими, переплыл в нашем виду речку, и предался совершенно русским, и просил, чтобы ему дали место в одном из мирных аулов, просил также, чтобы забрать его семейство, которое не может уйти само, ибо черкесы имеют за ним надзор, почему на завтрашний день и назначен для забрания семейства линейный батальон под командой Полтинина.

8 июля. Зритель, верно, удивился бы, куда и зачем так близко к цепи и даже за цепь бегут со всех сторон офицеры, какое любопытство влечет их. Я сам бежал, как сумасшедший. Линейный батальон возвращался, и мы бежали навстречу, дабы увидеть черкешенок, одним словом, увидеть женщину, это милое создание, которого мы уже более 2-х месяцев не видели. Мы и не обманулись: на телеге везли старика и старуху, отца и мать перебежавшего к нам черкеса, и молодую жену его с ребенком. У ней прелестные глаза, но она не брюнетка — у ней русые волосы, бела и бледна, может быть, от незнания своей будущей участи, но видно также, что она очень изнурена; она очень мила, и ей нельзя дать больше 18 лет. Мы провожали ее до самого штабу, забыв даже, что уже давно 12 часов (час обеденный); муж ее ехал верхом в свите Полтинина, а другие черкесы из нашего отряда джигитовали перед нею и стреляли в бумагу.

В воскресенье, 11-го числа, мы оставляем Пшаду и идем в Уланы, это почти уже решено, все же ненужные вещи отправляются в Еленчик, а больные и раненые — в Керчь и Тамань.

9 июля. Ужасная суматоха: везде ломают балаганы и строят новые на берегу моря для больных, которых по случаю сильной зыби еще нельзя переправлять. Часть артиллерии везется в Уланы на кораблях. Как приятно купаться в море во время зыби, но только не надо удаляться от берегу, чтобы не унесло в море. Вечера уже несколько дней прелестные: тихие и теплые, дни же чрезвычайно жаркие — каково-то будет нам ползать по горкам.

Сегодня из 2-й гренадерской роты Навагинского полка, прикрывавшей пасущийся скот, бежало три солдата, они из противоположной горы начали кричать и манить к себе других, но по

них пустили гранату, которая лопнула сзади их, и они ушли бегом. Странно, что здесь в военное время не позволено расстреливать беглых, оттого-то так много дезертиров.

10 июля. Сегодня работа продолжается только до обеда, после обеда дается людям роздых; все палатки уже сняты, и лагерь теперь совершенно военный: местами виднеются палатки, у офицеров поделаны балаганы из кож, войлоков, бурок и рогожек, солдаты поделали себе из шинелей. Впереди лагеря, на кургане, виднеется много черкес, они, верно, удивляются, что у нас сняты палатки и что мы остаемся на месте, завтра, может быть, они постараются с честью проводить столь долго у них гостивших гостей и избавивших их от труда жать хлеб и косить траву.

11 июля. Воскресение. <...> Выступили в 6 часов утра. До Навагинской горы не было ни одного выстрела, при повороте в ущелье, ведущее в Ауланы, имели перестрелку в боковых цепях и арьергарде. <...>

12 июля. В 4 часа утра выступили с полковником Бриммером⁴⁹ для разработки дороги через гору Суемчеатель,* поросшую густым, толстым лесом; через нее проходит извилистая, узенькая, неровная черкесская дорожка, которую мы и должны были разработать так, чтобы легкие орудия удобно могли пройти и зарядные ящики в три лошади. <...>

Подавались вперед очень медленно, ибо каждую возвышенность должны были брать штурмом и выбивать черкес из завалов штыками; местность черкесам очень благоприятствовала, но они дрались очень дурно; артиллерия наша почти не могла действовать, кроме обстреливая дорогу, 5 раз или более кидались мы на штыки и выбивали черкес из выгодной для них позиции. Трудно остановить русских солдат: когда они кидаются на штыки, для них нет препон. Множество крови служит верным доказательством, что черкесы имели большую потерю, при занятии одной высоты отбито несколько шашек, шапка вся в крови, пистолет и несколько патронов с порохом и пулями — это видно, что они еще не успели опомниться, как русские были уже на вершине. Здесь черкесы вместо обыкновенного гику, когда кидались на шашки, кричали: «Ура!» — между ними было много русских беглых. Часу во 2-м пополудни присоединился к нам отряд, и наш батальон послали в подкрепление в левую цепь, где мы и шли до самого ночлега. Итак, можно сказать, что очень счастливо перевалились через гору Суемчеатель — место, столь удобное

* Суемчеуатль

для черкес; жаль только генерала Штейбе, командовавшего правую цепью: он тяжело ранен в грудь навывлет, с левой стороны пониже сердца. Он шел вместе с стрелками, и когда против одного аула начали черкесы стрелять, то он, показав, как стрелкам должно проходить мимо аула, приостановился, дабы показать следующему ротному командиру, как должно ему следовать; тут цепной офицер и ротный командир просили его, чтобы он не стоял на тычке, а чтобы сошел в роту, ибо его могут ранить, а что они сами передадут и исполнят в точности его приказание, то он сказал: «Скажите, пожалуйста, чем жизнь моя лучше вашей?» — не прошло 5 минут — и он ранен. <...>

Сегодня ранен наш барон Штакельберг в арьергарде при отступлении из Суемчеательского лесу; черкесы были очень близко, и когда он, стоя за деревом, заметил одного из них, спрятавшегося за дерево близ арьергардной цепи, то, держа в правой руке чубук, высунул руку, чтобы показать ближайшей паре стрелков дерево, за которым находился черкес, как в то же мгновение трубка его — пополам, и два пальца правой руки были ранены.

13 июля. Выступили в 6-м часу утра, день был чрезвычайно жаркий, мы шли в колонне (1-й батальон) лишь по назначению, ибо беспрестанно занимали позиции и брали штурмом горы. Шли до самого Аулана по широкому ущелью, черкес было сегодня очень много, но стреляли они слишком далеко, так что пули не долетали до цепи. У них была пушка и 10 фалконетов — все они почти были с левой стороны, и самое большое сорище было на одной горе, весьма для них удобной, через которую левая цепь должна была проходить, и 2-му батальону Навагинского полка должно было взять ее штурмом. Черкесы спустились в аул под горою и засыпали пулями, Загоскин послан был с горным единорожком для обстреливания горы и аула, только что прибыл он на место, один артиллерист убит и два ранены, он остался только с двумя, и сам банил орудие. 52 выстрела выпустил он, и орудие до того раскалилось, что он рисковал, что ему оторвет руки. Тут второй батальон при громком ура кинулся занять гору. <...> Когда заняли гору, то, зашедши в аул, увидели ужасную потерю у черкес <...>.

Море увидели мы, не доходя до онога за $\frac{1}{2}$ версты, и я с Шейблером кричал от радости, люди заметно были довольны, что окончили столь трудный переход, я сам чрезвычайно устал и желал очень отдохнуть. Ущелье и самая бухта Уланская гораздо шире Пшадской, народонаселение очень большое, ибо все ущелье, которым мы проходили, и горы засеяны хлебом, но аулов по дороге видно было очень мало, а то в таких местах,

что, идя мимо самого аула, не подозреваешь, чтобы там были строения. Природа в Пшаде разнообразнее: здесь нет тенистых деревьев орешника, нет ни таких садов, ни рощ, здесь, большей частью, мелкий лес и кустарники, а держидерева столько, что пробраться трудно. <...>

14 июля. В 8 часов утра меня насилу добудились, и я отправился с батальоном на аванпост для занятия левой горы от моря. Черкесы сделали по нас несколько выстрелов, но мы заняли гору благополучно, расставили цепь и приказали для стрелков поделывать тотчас завалы. Вода в речке Аулан, впадающей под этой горою в море, соленая, и берут воду для питья с другой речки, Тешепс, впадающей в море под противоположной горою. Суда транспортные пришли раньше нас двумя днями, и черкесы стреляли по ним из фалконетов.

Вечер был удивительный, море очень тихо, по пробитии зари я любовался с горы видом лагеря. Если бы был здесь Брюллов,⁵⁰ то он, верно бы, не упустил случая срисовать этот вид. Нет, я думаю, лазури, которою бы можно было изобразить цвет здешнего неба, испещренного миллионами звезд. Все ущелье между горами и морем на расстоянии до 2-х верст усеяно разной величины звездочками, прелестными звездочками, которые земля, кажется, похитила с небес; на противоположной горе мелькают тоже несколько звездочек от огней, разведенных на аванпостах, за горою, в ущелье, — огненный столб от аула, зажженного черкесами, левее горы — несколько пылающих копен хлеба, вдали виднеется огонек от черкесского пикета, на расстоянии мили от берега — несколько судов, на которых также мелькают звездочки, — какой же нужно вам иллюминации. <...>

15 июля. Сменились с аванпостов в 4 часа утра, туман еще покрывал землю, и солнце чуть выказывалось из-за гор, мы переправились через речку в лодке, а люди, совершенно раздевшись, — вброд, держа над головами все платье и ружья. <...>

17 июля. Черкесы беспрестанно стреляют в тенгинцев, которые занимают противоположную гору, они даже установили противу них орудие и попаливают из-за балки то в них, то в лагерь, но два наши орудия, поставленные по протяжению оной балки, заставили черкес тот же час удалиться с занимаемой ими позиции.

В 5 часов пополудни Вельяминов осматривал позиции на обеих горах, и с горы, занимаемой тенгинцами, его спускали на руках.

18 июля. Ходил осматривать лагерь пешком, но не имел духу, чтобы обойти его кругом, ибо он чрезвычайно растянут, а проклятое держидерево не пропускает напрямик. Очистка лесу идет

довольно медленно, ибо ужасные кусты держидерева трудно рубить, его сваливают в кучи и каждый вечер жгут, так что если нет ветру, то весь лагерь в дыму.

19 июля. Наш походный штаб-офицер, князь Шаховской, уехал в Одессу для разных закупок, а на место его назначен граф Толстой. Наш барон Штакельберг и все больные и раненные уехали сегодня в Тамань.

Сегодня я принужден был встать в 4 часа утра, ибо наряжен был с рабочими для рубки леса; отвёвши рабочих и узнавши их распределение, я возвратился в палатку и снова лег, но сильная ружейная перестрелка и частая пальба из пушек не дали мне уснуть, и я принужден был встать. Пальба эта происходила на фуражировке, на которую отправился полковник Ольшевский с 3 батальонами в 5 часов утра и расположился фуражировать в виду самого лагеря, 1-й батальон Навагинского полка шел в правой цепи. Ольшевский, желая надуть черкес, пошел сначала по ущелью прямо, забирая даже вправо, но потом вдруг велел правой цепи зайти правым плечом вперед и поворотил колонну совсем налево, почему и пришлось 1-му батальону занять гору, по левую сторону ущелья находящуюся. Тут при прохождении 2-й роты мимо аула под горою черкесы начали стрелять из балки. Зазыбин, бывши только один офицер в роте, кинулся с стрелками на ура в штыки, наши с черкесами сошлись не более как на 10 шагов, один лишь каменный бугор разделял их, никакие приказания Ольшевского, чтобы Зазыбин остановился, не помогли: он до того разгорячился, что не помнил себя, он все кричал своим стрелкам: «Вперед!» — и, выбежавши за цепь, положен был на месте: в грудь с левой стороны чуть ниже шеи. Когда четыре стрелка кинулись за его телом, то в ту же минуту все четыре были ранены, и черкесы гикнули, переранили еще многих, взяли тело Зазыбина и сняли с него все догола; в это время подоспела 3-я рота и, кинувшись на ура, отбила тело. <...> Зазыбин — прекрасный молодой человек, его очень жаль, он командовал 2-ю мушкетерскою ротою и третьего только дня получил орден Святого Станислава за прошлогоднюю экспедицию и не успел еще ни разу надеть его. Вот наша жизнь!

20 июля. В 10 часов утра хоронили Зазыбина, почти все офицеры Навагинского полка провожали его. Вечером я был у именинника Ильи Емельянова.

Человек в военное время теряет все почти нежные чувства, делается равнодушным ко всему и, видевши на каждом шагу смерть перед глазами, делается равнодушным и к смерти: он

спокойно смотрит на убитых, иногда лишь только тяжелораненые возбуждают в нем минутную жалость.

21 июля. Был с батальоном для прикрытия рабочих. Этакой скуки я еще не видывал: сидеть в густом лесу целый день с 4-х часов утра до 9-ти вечера, где в двух шагах ничего не видно, и от скуки поверять стрелков; книг здесь решительно никаких нельзя достать. К вечеру лесу как не бывало: где едва можно было утром пробраться, теперь лишь стоят кучи хворосту, и мы возвращаемся по открытому месту, и лишь попадающиеся под ноги еще не вырытые пни показывают, что здесь был лес. <...>

22 июля. Ко всем здешним удовольствиям надобно прибавить еще и то, что скоро придется сидеть нам на пище Святого Антония, ибо ни говядины, ни баранины, ни даже бульону нет ни у одного маркитанта. Солдаты же едят солонину. Теперь, если я напишу к кому-нибудь из моих товарищей в Петербург, что у нас есть нечего, то они, верно, будут смеяться и скажут, что я выдумываю им это для большей важности, ибо стоять на берегу Черного моря, недалеко от Тамани, где лучший скот в России, и недалеко от Одессы, где можно все иметь чуть не даром, право, забавно.

Сегодня начали уже копать глину для делания кирпича для крепости. <...>

24 июля. Место для крепости уже обозначено кольями, она будет для 2-х рот, в полтора раза больше пшадской. Тут будет также и батальонный штаб. Земля здесь довольно каменистая, и пропасть пней нужно будет вырывать, зато вал не будет так высок, как в Пшаде, ибо, несмотря уже на гораздо большую отдаленность от гор, она строится на возвышенном месте, командующем окружную местностью.

25 июля. Сегодня в последний раз я выбрил голову. 4-й батальон Кабардинского полка поставили версты за 1¹/₂ вперед от нашего лагеря, дабы черкесы не могли вредить рабочим в крепости. Они поделали кругом завалы, так что составляют особенное укрепление, и ночью лагерь не имеет с ними никакого сообщения, зато людей из этого батальона никуда не берут, они даже не будут ходить на фуражировки. Кирпичу предполагается сделать всего 200 тысяч, лишь для обшивки внутренней стороны вала, а бойницы, как в Пшаде, не будут делать из кирпича, а будут делать вместо оных туры. Наш полк остается, кажется, на своем месте. <...>

27 июля. Черкесы приезжали для выкупа тела, давали двух лошадей и оружие, но Вельяминов объявил им, что если хотят

иметь тело, то чтоб привели 10 быков к вечеру, на что они не согласились и просили, чтобы отдали им тело и что и они будут за это отдавать наши тела, но Вельяминов сказал, что ему мертвых не нужно.

Приезжавший сегодня уздень для выкупа тела есть главный бунтовщик между шапсугами, он считается между ними самым храбрым и отважным, и точно, судя по нем, и должен быть таким: 12-ти вершков росту, лицом бел, быстрый взгляд, хорошо одет и отлично вооружен, он показывал патроны, выстреленные по нас.

Прибывший сегодня из Тамани доктор Земский говорит, что читал, что за Навагинскую гору произведены все ротные командиры в следующие чины, а майор Красник, командир батальона, — в подполковники. Дай Бог, чтоб это была правда!

28 июля. <...> Сегодня мы были на пище Святого Антония: наш обед и ужин состоял из арбузов, вчера привезенных; маркигантам запрещено было продавать до тех пор, пока будут иметь говядину, и они хотели уехать, сняли палатки и отправили уже вещи на море, следовательно, мы остались бы без ничего, ибо вольным маркигантам продажа была запрещена. К вечеру позволено им снова продавать, с тем, однако ж, чтоб они имели говядину, и они снова разбили палатки.

Морской штаб-офицер, приехавший из Адлера, рассказал нам новость, что на днях черкесы напали на цепь днем, после обеда, изрубили 54 человека, а 26 пропало без вести (вероятно, взяты живьем), и удалились без всякой потери.

29 июля. Сегодня был парад по случаю заложения крепости, названной Михайловскою, и привезли приказ от 25 июня, из коего удостоверились, что наши ротные командиры 1-го батальона и батальонный командир произведены в следующие чины за отличие в сражении противу горцев — это за дело, бывшее 24 мая при взятии штурмом Навагинской горы. Мы же ничего не получили, ибо не были помещены в реляции по милости полкового адъютанта. Полтинин перед нами извинялся, и мы после обеда у него пировали, я нарезался, как стелька, и всех решительно ругал, не сердясь, но в шутку, ибо это доставляло мне большое удовольствие.

30 июля. Сегодня артель наша уменьшилась, и я остался в палатке один, Яшка же уехал, по предписанию Вельяминова, в Анапу для обучения гарнизонной службе двух батальонов. <...>

Ночью сегодня был такой сильный ветер, что не давал спать, и я думал, что снесет совсем палатку.

31 июля. С Полтининим ходили для рубки лесу для крепости 3 батальона, наш батальон был в левой цепи и несколько раз выбивал черкес на ура, которых конных и пеших было против нас до 100 человек. При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на $\frac{1}{2}$ ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нimalo не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские или абазехи, которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть. Аул в роще, которая назначена была для рубки, заняли мы благополучно, ибо черкесы оставили его, боясь быть отрезанными. Я до того сегодня запыхался и устал, что вряд ли бы был в состоянии бежать еще дальше: видя перед собою неприятеля, позабываешь об усталости. Занявши аул, мы тотчас заняли выгодные для нас позиции, в авангарде пошла сильная перепалка, но пушки заставили черкес на время замолчать. Не прошло часу по занятии позиций, как черкесы, сделав несколько выстрелов с противной стороны, вдруг гикнули (человек 50) на последнюю пару авангардной цепи, изрубив ее, кинулись в интервал, оставленный между авангардной цепью и цепью с левой стороны для пушки, на резерв, и, перерубив шашками несколько человек и видя, что бежит на помощь рота, ушли и спустились в балку; они успели с двух изрубленных снять сапоги и у одного отрезать суму с патронами. Вырубив 29 деревьев, мы отретировались почти без потери, заплатив, однако ж, не слишком-то дешево. <...> Удары шашками чрезвычайно сильные и больше в голову, так что раненные шашками вряд ли останутся живы. <...>

1 августа. Сегодня разбудили меня в 5 часов утра, и я, не успев даже выпить чаю, отправился с батальоном для работы крепости, и очень счастлив, что достал вчера «Вудстока», сочинение сира Вальтер Скотта, перевод с французского де Шаплет,⁵¹ эта книга теперь мне очень кстати. Крепостную работу производят ровно 3 тысячи человек, каждой роте дан урок, окончивши который, она может идти домой, это для людей очень выгодно, ибо они стараются поскорей окончить свои уроки и идут потом отдыхать: от 11 утра до часу пополудни — шабаш. Грунт земли для работы чрезвычайно труден, ибо большею частью каменист, так что копают землю кирками, вал самый высокий — в 9 футов (в Пшаде был в 18). Крепость предполагается

кончить к 6 сентября, дай Бог, чтоб поскорее, а то у нас нет дня покойного: то на фуражировку, то для прикрытия рабочих в крепости и скота, то для прикрытия рубки леса, то на гору на аванпост или, наконец, на работу крепости, где офицеры должны непременно находиться целый день.

Сегодня за дело при взятии Навагинской горы получено в 1-й батальон 8 солдатских Георгиевских крестов для раздачи отличившимся. <...>

2 августа. Сегодня я чувствую себя не совсем-то здоровым, ибо болит горло и грудь, почему и отпрапортовался больным. <...>

3 августа. Приехавший сегодня лазутчик объявил, что сюда приехал Казбич⁵² с 500 или даже и более [шапсугами], что он намерен напасть на лагерь ночью, по каковому случаю и велено быть всегда одному батальону по очереди готову.

Сегодня приходили сюда два черкеса из Пшады, которые просили у Вельяминова позволения торговать с нами, то есть продавать рогатый скот, овец, масла, меду и прочее, на что генерал согласился и дал им 10 целковых. Вельяминов поехал на пароходе осматривать берега Джубы и, вероятно, заедет в Адлер.

Не понимаю, что бы значило, что не получаю ни от брата, ни из полка писем, это меня бесит, ибо письма, верно, заброшены в Екатеринодаре, а может быть, и потеряны. <...>

4 августа. Ходил вечером осматривать крепость, работа идет очень скоро: не прошло 5 дней, а половина вала уже почти готова, несмотря на то, что к стороне моря работа чрезвычайно трудная, огромные камни ломают кирками и ломом. Сегодня при рытье рва нашли саблю, большой гвоздь и кинжал, превратившиеся совершенно в заржавленные, также синий камень, обделанный в золото, фигурою похожий на фермуар, — это доказывает, что здесь жили когда-то люди гораздо образованнее черкес, но это когда-то простирается, может быть, за тысячу лет: греки имели здесь свои колонии. Крепость чрезвычайно длинна и к стороне моря очень узка; кажется, что к 1 сентября она будет готова, так что ее можно будет оставить. Я и забыл написать, что теперь лагерь одушевился немного музыкою и певчими Тенгинского полка, которые прибыли сюда 30 июля и каждый вечер у палатки Вельяминова играют и поют.

Сегодня приехал сюда из Анапы купец и выстроил деревянный балаган около штабу, у него можно все иметь и довольно по сходной цене, но что толку в нем, когда ни у меня, ни у артельных моих товарищей нет ни копейки: жалованья нам не дали под предлогом, будто мы поздно отдали наши аттестаты, а рационов, хоть на них не очень и раскутишься, тоже не получили.

Вельяминов представил, чтобы мы рациональные деньги получали серебром, это было бы очень недурно.

5 августа. Полтинин с 4[-мя] батальонами и с 8[-мью] орудиями ходил сегодня на фуражировку. Черкесы были в сборе, их было до 500, и они делились на несколько колонн, коими командовал один разъезжавший сзади их на белой лошади мулла или гаджи (как у того, так и у другого шапка оборочена белою шалью, но первый есть священник, а вторыми называются все те, которые были в Мекке). Когда второй батальон Навагинского полка пошел на гору для занятия позиции, то черкесы, сделав по 2-й гренадерской роте залп, кинулись на шашки. Я был в это время в палатке, ужасный крик заставил меня выйти, и я видел, как наши бегом занимали гору, ужасный гик заглушал ура; черкес было пропасть, но они неожиданно попались, воображая, что тут только одна рота, между тем как 2-я гренадерская кинулась на них на штыки, 4-я мушкетерская и 5-я мушкетерская приняли их с боков и душили перекрестными залпами. Потеря черкес была ужасная: они едва успевали подбирать тела, а у нас убито всего трое и ранено два. Когда все замолкло и позиции нашими были заняты, то еще просвистело три или четыре черкесских пуль, и одна из них попала прямо в сердце Меньщикова,⁵³ так что тот только успел вздохнуть. Полтинин, видя, что он порядочно отщелкал черкес, отправил свой 2-й батальон в лагерь и пошел с остальными тремя версты еще с две дальше, где совсем не видно уже было черкес и не было более пяти выстрелов при отступлении. Это послужит для них уроком, и они не будут сметь так близко подползать. Бедный Меньщиков был жертвою сегодняшней фуражировки, его очень жаль: он прекрасный малый и еще так молод, третьего дня он получил из Ставрополя от сестры золотой крестик и по получении, будто предчувствуя свою близкую смерть, просил поручика Рыкова, чтобы он потрудился отправить крестик обратно к сестре в случае, если его убьют. <...>

6 августа. Сегодня большой праздник, и потому людям дан роздых и работы никакой не производится; в Петербурге теперь парад у Спас-Преображения по случаю праздника Преображенского полка. Этот день напоминает мне мое детство: я помню, с каким нетерпением дожидал я этого дня, чтоб поесть яблок и меду, ибо в этот день у нас в Малороссии святятся в церкви спелые яблоки, груши и мед.

В 6 часов вечера я отдал последний христианский долг Меньщикову, мы несли его гроб, все Гвардейского корпуса офицеры одеты были в мундирах, тут были почти все офицеры Навагинского полка и некоторые — других. Как жаль его, бедного, как

горестно хоронить своего товарища, хотя совершенно чуждого, но каково будет услышать родителям его и родственникам! Эта минута ужасна и иногда может быть для них смертельна.

7 августа. Полковник Бриммер с 4[-мя] батальонами ходил на фуражировку, <...> егеря, кинувшись на ура, захватили одно черкесское тело и притащили его в лагерь, за что один из первых получил от Вельяминова червонец. <...> Казбич после фуражировки, бывшей перед этою, когда его отпотчевали отсюда, совсем уехал. <...>

8 августа. Трое черкес приезжали сегодня за телом и получили его без всякого выкупа. Время сделалось теперь довольно холодное, так что невозможно купаться, вчера в первый раз еще была здесь ввечеру после зари сильная гроза, и дождь шел почти целую ночь. Надобно заметить, что мы утром пьем чай, когда кто встанет, обедаем в 12, вечером пьем чай, когда солнце сядет за горой, и ужинаем тотчас после заревой пушки, и если кого из нас в это время нет, то мы не дожидаем. <...>

10 августа. Вчерашнюю ночь к рассвету была сильная гроза, несколько громовых ударов было столь сильных и отрывистых, что казалось, что они раздробляли горы, никто почти в это время не мог спать, дождь шел почти целую ночь, к рассвету все утихло, но тучи не проходили, и в 2 часа пополудни сделалась сильная буря: ветер беспрестанно переменялся, облака бежали навстречу и разражались сильными ударами грома, проливной дождь шел целый час, и к концу в продолжение 5[-ти] минут падал большой град с голубиное яйцо, но неправильной фигуры, с колючками. Многие палатки, как офицерские, так и солдатские, совсем снесло водою, в лагере вдруг явилось несколько быстрых речек, ибо когда дождь перестал и я пошел полюбоваться морем, то во многих местах принужден был переходить воду по колено; несколько кулей муки и несколько печеных хлебов унесла вода. Берег морской весь усыпан был любопытными зрителями, море волновалось, и казалось, хочет поглотить корабли, стоящие на якорях. Одну мачту сломало. Мою палатку дождь не пробил, и я любовался бурей, которой еще никогда не видел в такой силе. Работа крепостная сегодня ничуть не подвинулась, ибо работали только утром, после же бури работать не было возможности, ибо рвы наполнены были водою. <...>

12 августа. Ночью был ужасный морской ветер с дождем, так что я не мог спать, особенно же к рассвету. Сегодня я написал письма домой. В крепости выливали только воду из рвов, земляная же работа не производилась. <...>

14 августа. Погода установилась, море чрезвычайно тихо, и работы начались. Весь почти кирпич, сделанный до сего дня, испортило бывшим дождем, и его переделывают сызнава. Сколько придала эта погода работы людям! Вид лагеря сделался чрезвычайно жалок: везде разрушенные бурей балаганы, местами вода, а местами непроходимая почти грязь, обе горы, занимаемые аванпостами, оголились и пожелтели.

15 августа. Сегодня с отъезжающим судном в Еленчик отправил я свои письма. Из Пшады пришло известие, что капитан Зуев, командующий 4-м батальоном, умер. Работа сегодня не производилась по случаю праздника Рождества Богородицы.

16 августа. Полковник Бриммер с тремя батальонами ходил на фуражировку в ущелье на левой руке, черкес было много, и они много стреляли, но никого из наших не ранили. Я смотрел, как наши ретировались, и это имело вид маленькой баталии: густой дым в ущелье от зажженного аула, в роще дым и гром от пушек, ружейные выстрелы и отступление бегом стрелков с горы в две линии — все это могло бы составить удивительную картину.

17 августа. Сегодня наши произведенные праздновали взятие Навагинской горы, но я не мог быть, ибо рапортуюсь больным. От нечего делать я целый почти день бродил по лагерю, вечером был на горе, занимаемой тенгинцами, откуда весь лагерь как на ладони, и горы видны верст в окружности на двадцать; подъем на гору чрезвычайно трудный и крутой, облегченный, впрочем, земляной лестницей. Крепостной вал совершенно сегодня кончен начерно, завтра начнется очистка. Дай Бог, чтобы поскорее мы выступили, а то смертельная скука. Если бы можно было в этой прелестной стороне гулять где хочешь, то тогда бы не было так скучно и можно бы было сколько-нибудь себя развлечь. Сколько прелестных роц вблизи, не более 300 шагов за цепью, прелестные долины, но цепь граничит нас, и мы между гор, морем и цепью сидим, как в клетке, и ходим лишь за цепь на фуражировки, где некогда наслаждаться прелестями природы.

18 августа. <...> В крепости началась уже обшивка внутренностей, но не кирпичом, как в Пшаде, а камнем, ибо кирпич еще не готов.

19 августа. Сегодня я рапортовался здоровым и разрешил себе купаться в море, ибо погода опять установилась прекрасная. Сегодня я получил высочайше пожалованное мне полугодовое жалованье на подъем, за вычетом инвалидам 45 рублей и 3 рубля на почту — 402 рубля ассигнациями. <...>

21 августа. <...> Целый день провел я сегодня с рабочими в крепости — вот удовольствие, сопряженное с пользой: здесь невольно изучаешься фортификации, ходя взад и вперед около своих рабочих по крепостному валу. Вот уже третий день, как я начал купаться в море, вода отличная, но только по утрам и вечерам воздух довольно холоден.

Сегодня я получил три письма от Петра Ивановича от 1-го, 4-го и 25-го июня.

22 августа. Сегодня по случаю коронации государя и государыни — церковный парад с 101 пушечным выстрелом, флот тоже стрелял и развесил свои красивые флаги. Работа в крепости по случаю праздника не производится.

23 августа. <...> Фуражировки теперь всякий раз будут нам дорого стоить, ибо поблизости фуражу нет, а надобно ходить верст за 10, где слишком большое народонаселение.

24 августа. Сегодня прибыла сюда сотня запорожских казаков из Еленчика на 4[-х] лодках, на каждой лодке есть пушка; они будут крейсировать и держать сообщение между крепостями, из них есть некоторые, которые перевозили государя через Дунай. Оружие их состоит из короткого ружья со штыком через плечо, сабли и пистолета при левом боку, а одежда: синие шаровары и малиновая куртка с синими рукавами, шапка, как у донских казаков, с малиновым верхом. Это прежние некрасовцы,⁵⁴ передавшиеся на нашу сторону.

25 августа. Дни сделались снова чрезвычайно жаркие, и погода пока стоит хорошая. <...>

28 августа. Сегодня я получил от Николая Ивановича Александра письмо из Тулы, он пишет, что шапку из Москвы приказал мне выслать. Шейблер заболел желчною горячкою.

29 августа. Сегодня я получил от Яковлева письмо из Анапы, и при оном — повестка на имя мое на 3300 рублей. Не понимаю, откуда бы могли быть эти деньги, тогда как брат Петр Иванович писал ко мне, что не может выслать, неужели А[ршеневский] вспомнил обо мне, а может быть, эти деньги присланы от кого-нибудь для покупок. После зари от 3-й роты 100 человек старых солдат под командой майора Борейки и сотня запорожцев — все под командой полковника Серебрякова отправились, куда и зачем — неизвестно, на пароходе и на бриге. Иные говорят, что для сожжения за Джубой турецких кораблей, а другие, что заслуживает более вероятия, — для развлечения черкес, чтобы они нас не так преследовали. Рошковский поехал охотником.

30 августа. Сегодня по случаю праздника Александра Невского работа в крепости не производится. <...> Палатки все снимаются и нагружаются на корабли для препровождения в Еленчик.

31 августа. Лагерь теперь в жалком виде: все солдаты на биваках, у офицеров есть палатки, которые возьмутся на вьюках, или балаганы; все балаганы разобраны. Работа в крепости производится. Дни почти уже с неделю чрезвычайно жаркие, от мух нигде нельзя спрятаться, вечера теплые, чудесные, и при лунном свете после зари чудесно купаться, ибо вода теплее, чем днем, и ветру нет.

1 сентября. Целый день и целую ночь производится нагрузка на корабли. Черкесы с нетерпением ожидают нашего выступления, они разгуливают по горкам против лагеря. День сегодня такой жаркий, каких еще не бывало в продолжение целого лета. Все перетаскивают в крепость, завтра намерены выступить. Дай Бог счастливо добраться до Еленчика! Вот уже 4 месяца, как мы за Кубанью и не знаем другого крова, как палатка, но много предстоит еще впереди, и, верно, черкесы не будут столь неучтивы, чтоб не проводили с честью своих дорогих гостей. Я полагаю, что в Пшаде и здесь истребили мы столько фуражу, что, верно бы, 1000 семействам черкесским достаточно было для прокормления себя целый год.

Третья рота с десанту возвратилась, но майор Борейко уже не существует: он убит, и поручик Рошковский ранен в левую ногу ниже колена — легко. Я был у него сейчас на пароходе и поздравлял его: он едет в Еленчик и кончил счастливо экспедицию, а нам — нам предстоит еще много! Я был на пароходе в такой чистой комнате, какой уже 6 месяцев не видел, я сидел на диване и пил чай из прекрасных чашек, признаюсь, что здесь это роскошь.

100 человек 3[-й] роты и сотня запорожских казаков, отправившись 29 августа вечером, ночевали не очень далеко от Вулана, 30-го числа в 3 часа утра по дороге к Адлеру заметили они турецкое судно на реке Гамитухадж, и так как видно было много черкес, то десанту не сделали, а разбили судно в прах ядрами (500 ядер было выпущено), и в это время собралось до 1000 черкес. Разбивши судно, они отплыли немного подальше от берегу и остановились на якоре, ночью снялись с якоря и пустились далее, и 31-го на рассвете у реки Чухух, недалеко от Субашей, заметили турецкое судно и сделали десант, в одну минуту оно было зажжено, запорожцы дрались молодцами, тут убит Борейко и ранен Рошковский. <...> Судно это ожидало только попутного ветра для отплытия, ибо оно было нагружено медом,

кукурузой и проч. Черкес под конец собралось очень много, но наши живо отступили под картечными выстрелами из парохода и брига. Тут взяли еще маленький баркасик. У черкес потеря была большая. Барон Шейблер отправился на пароходе в Еленчик, Рошковский тоже. Завтра в путь, Боже, благослови!

2 сентября. Выступили с Вулана до восхода солнца, версты три шли спокойно, потом началась сильная перестрелка в правой цепи; на перевале через гору Суемчеуатель черкесы сильно наседали на арьергард, и кабардинцы, бывшие в арьергарде, захватили одного черкеса живого, коему тотчас связали руки и отдали в авангард под караул. Дорогой мы все истребляли, попадавшиеся копны сена и хлеба или брали с собою, или жгли, все аулы предавали пламени, так что все ущелье сзади было в дыму. Мы сделали 21 версту почти без привалу и остановились на ночлег, не доходя до Навагинской горы версты три. По прибытии на ночлег нас тотчас отправили на гору на аванпост для занятия аула: мы прикрывали водопой. По закате солнца вид был удивительный: луна выказывалась из-за гор и слабо светила, по всему ущелью горели аулы версты на три. <...> Для окончания Михайловской крепости оставили 2 саперные роты, один казачий полк, 2 роты линейных и одну сотню запорожских казаков.

3 сентября. С восходом солнца мы тронулись. <...> До самой Навагинской горы была перестрелка, особенно же в правой цепи, но уже не столько сильная, как вчера. Мы пришли в Пшаду в 1-м часу пополудни и расположились около самой крепости. Итак, благодаря Бога, мы совершили трехдневный переход в полтора дня, и можно даже сказать, довольно счастливо. <...> Черкесы приезжали сегодня за выкупом пленного, но им не отдали, ибо не сошлись в условиях.

4 сентября. <...> Здешняя крепость совершенно кончена, кроме казарм, которые еще не совсем кончены, в ней более 300 человек лежит теперь раненых и больных.

В 4-м батальоне Навагинского полка, который здесь оставался, много очень переболело, и теперь в лазарете до 200 человек. Сегодня один черкес-старик перешел совсем к нам и уверяет, что им решительно нечего есть.

5 сентября. Целую почти ночь я не мог сомкнуть глаз от сильного ветра, срывавшего несколько раз палатку. Дождь лил почти целую ночь, и на море был ужаснейший шторм, какого моряки не запомнят; два купеческих славянских судна двухмачтовых сорвало с якоря и выкинуло на берег, оба они не годятся к употреблению; один матрос утонул, остальные же все спаслись.

Целую ночь и потом целый день заняты были выгрузкою этих судов, их совершенно разобрали; этот шторм был причиною того, что мы сегодня не выступили, ибо судов этих нельзя было бросить. На рассвете ветер немного утих, но дождь не переставал, еще утром море сильно волновалось, пароход, лавируя взад и вперед, нырял, как утка, к вечеру море успокоилось. Сегодня утром 7 черкес, в том числе Эндароглу и Мегмет-али, первый бунтовщик, приезжали за выкупом пленного и согласились дать за него двух унтер-офицеров. После обеда я был с рабочими в крепости. В этот же шторм в Еленчике выкинуло три судна и в Анапе — 7.

6 сентября. По восхождении солнца мы выступили, и так как в продолжение почти целого дня шел дождь, то перестрелки большой не было. Часу в 6-м вечера мы остановились на ночлег. <...>

7 сентября. Выступили в 7-м часу утра. <...> Люди чрезвычайно устали не столько от походу, как от дурной погоды, ибо всю прошедшую ночь шел дождь и люди, не могли спать, грелись у огня. Не доходя до ночлегу, я видел несколько яблонь в цвете, что, говорят старики, есть признак сильной зимы.

8 сентября. Выступили в 7-м часу утра. <...> Это переход не трудный: не более 10 верст, и то по мирному окладу, горы остаются в стороне, и цепи идут почти по ровному месту. Аулов по сю сторону гор нет, черкесы любят нас с высоты гор и не тревожат нас. <...> В 2 часа пополудни мы прибыли в Еленчик. <...>

10 сентября. Целый день я был с рабочими, которые рубят кустарники для очистки места для лагеря и плацу.

11 сентября. Целую ночь шел дождь, на рассвете немного разгулялось. В лагере теперь ужасная суматоха: пригоняют и белят амуницию, учат рекрут и расчищают место для лагеря — все делается вдруг.

12 сентября. Сегодня черкесы выкупили пленного черкеса, отдав за него двух наших пленных унтер-офицеров. Пленник наш очень благодарил, что с ним хорошо обходились и хорошо кормили. В Еленчик прибыло теперь множество штаб- и обер-офицеров к царскому смотру, в том числе и Кашутин, он совсем здоров и вступил в командование полка. Дождь шел в продолжение почти целого дня, и вечером сверкала молния. <...>

15 сентября. Производится очистка места впереди лагеря, дабы можно было маршировать. Лагерь наш расположен в одной линии: на правом фланге — Тенгинский, потом — Навагинский и Кабардинский полки, казаки — сзади.

16 сентября. Сегодня прибыл в отряд барон Штакельберг, он совершенно здоров, но пальцами свободно не может действовать.

17 сентября. Сегодня делал всей дивизии смотр генерал Линген.

18 сентября. Сегодня делал смотр генерал Вельяминов, все прикомандированные кавалеристы находились на правом фланге всего отряда.

19 сентября. Ночью поднялся столь сильный ветер с гор, что посрывал все палатки, моя устояла до рассвета, но на рассвете я велел ее повалить, дабы ее не порвало в куски. Все солдатские палатки лежали на земле, едва можно устоять на ногах против столь сильного ветру. Начали строить кухню для государя, но палатки ветер не давал ставить. Вельяминов хотел ехать в Анапу навстречу государю, но прибывший на пароходе адъютант Меншикова⁵⁵ Васильев объявил, что государь будет или сегодня вечером, или завтра утром, почему Вельяминов и остался. 4[-й] батальон Навагинского полка и один казачий полк отправлены для занятия самого хребта гор до тех пор, пока государь находится будет в лагере.

20 сентября. В 8 часов утра увидели мы пароход, но не знали еще, кто едет, между тем пароход приблизился и, выкинув желтый флаг с орлом, разрешил загадку. Весь лагерь кричал: «Ура!» — с крепости, со всех корабельных орудий и из лагеря салютовали. Солдаты были в восхищении о приезде государя, они и одеваясь не переставали кричать, они никогда еще не видели русского владыки и потому с нетерпением ожидали, чтобы он высадился. Ветер не переставал, нельзя было и думать, чтобы государь съехал на берег, но всегда отважный и желающий поскорее видеть своих храбрых воинов, он в 11 часов утра съехал на берег и прибыл в лагерь. Солдаты построены были в боевом порядке на линейках в мундирах, ранцах и фуражках, офицеры — в сертуках и фуражках, при шарфах; прикомандированные кавалеристы — на правых флангах полков, к коим прикомандированы, а пешие — во фрунте. С трудом можно было стоять: фронт волновался и знамя едва могли держать. Государь обходил войска пешком, с ним — наследник, граф Орлов,⁵⁶ Меншиков, Адлерберг,⁵⁷ Кавелин⁵⁸ и какой-то прусский штаб-офицер. Радостное «ура» сливалось от правого к левому флангу. Обошедши войска, государь пошел в палатку к генералу Вельяминову. В это время в Еленчике сделался пожар: загорелось сено и мука и сгорело всего тысяч на 200, почему и отправили тотчас в крепость один батальон. Вышедши из палатки, государь очень ласково разговаривал со многими офицерами и солдатами, благодарил послед-

них за их храбрость, дал несколько Георгиевских крестов собственноручно солдатам, оказавшим мужество, и которые были помещены в реляциях, кроме того, дал в каждую роту по два Георгиевских креста с тем, чтобы солдаты сами между собою назначили их храбрейшим и достойнейшим, и велел выбрать с каждого батальона по 8 человек в Гвардию. После сего государь отправился в Еленчик, где присутствовал при пожаре до тех пор, пока он начал стихать. Обходя лазарет, государь навесил сам на некоторых раненых Георгиевские кресты и осчастливил своим посещением генерала Штейбе, коему позволил ехать пользоваться за границу и дал на подъем 1000 червонцев (12 тысяч рублей). Государь остался ночевать в крепости.

21 сентября. Ужаснейший ветер продолжается, не стихая ни на минуту, нет ни одной палатки, которая бы устояла, сегодня и Вельяминова палатку опрокинуло. Мы поделали себе балаганы низенькие, напялив их палатками, и сидим в них, как лисы в норах. Ольшевский получил от государя 3000 ежегодно столовых, а Сердаковский⁵⁹ — 1500, Линген одновременно — 10 тысяч рублей.

22 сентября. Ночью ветер еще усилился, но к вечеру сделался немного сноснее, и в 5 часов пополудни государь сел на пароход, где и остался ночевать.

23 сентября. В 4 часа пополудни государь снялся с якоря, не поднимая своего флага, солдаты в лагере кричали: «Ура!». Сегодня все укладываются и приготавливаются к походу. Все солдатские вещи перевозят в Еленчик. Причины геленчицкого пожара настояще не известны, но говорят, что подожгли нарочно, почему государь остался очень недоволен и велел произвести строгое следствие, для коего и оставлен в крепости полковник Бринк.⁶⁰

24 сентября. <...> Сегодня больше сотни черкес перебралось на сю сторону гор и ранили одного казака в цепи у прикрытия скотины.

25 сентября. <...> Выступили из Еленчика в 6 часов утра, маленький дождик, помочивший нас несколько минут, послужил предзнаменованием хорошего, удачного похода. <...>

26 сентября. <...> Погода во весь день была самая осенняя, холодная, и притом изредка моросил дождик, туман не проходил ни на минуту. Мы остановились на ночь часу в 5-м пополудни, ибо за туманом далее нельзя было идти.

27 сентября. Выступили в 6 часов утра и пришли в Абин в 4 часа пополудни, где и расположились на ночлег. <...> Здесь горы начали постепенно исчезать, и глазам нашим представилась впереди обширная равнина. Пробывши в горах 5 месяцев, теперь

очень странно видеть равнину. День был чрезвычайно серый и холодный. Завтра идем вперед с Алексеем Александровичем [Вельяминовым]. Мне не верится, что завтра увидим Кубань, по крайней мере, так многие надеются, но до Кубани еще 36 верст, черкесы здесь лихие, стреляют метко, и одна роковая пуля может прекратить все надежды.

28 сентября. Ночью, часу около первого, черкесы с двух сторон сделали несколько залпов из ружей, пули просвистели над нашими палатками, но никому не причинили вреда; пикеты черкесские виднелись кругом нашего лагеря. Выступили с Алексеем Александровичем <...> в 6-м часу на легких, составя свой авангард, арьергард и боковые цепи, отряд двинулся вслед за нами. <...> Мы шли очень скоро, так что далеко за собой оставили отряд. Привал сделали на Кунипсе, и, дождавшись отряда, который на нашем месте остался ночевать, двинулись вперед, и в 5 часов пополудни были уже в Ольгинском тет-де-поне* и расположились на левом берегу Кубани. Я тотчас переехал в Европу, и самый воздух показался мне несравненно лучшим, одним словом, мне легче было дышать, и Ольгинское, прежде столь скучное, показалось нам веселым: здесь были три лавки и мы могли почти все иметь. <...> Теперь остается благодарить Бога за счастливое окончание экспедиции столь трудной.

29 сентября. В час пополудни отряд прибыл благополучно, и солдаты в восхищении, что их отпускают по квартирам, ибо второго периода не будет.

В 4 часа пополудни в Навагинском полку был молебен за благополучное окончание экспедиции и потом — панихида за убиенных на брани. Да, у нас в полку убито 7 офицеров, в числе коих — 5 ротных командиров.

30 сентября. В 2 часа пополудни отряд при барабанном бое и песнях переправился на родимую сторону Кубани, и тут пошли все роты врознь по своим зимовым квартирам. В 3 часа пополудни я с бароном Шейблером отправился в Екатеринодар на телеге, а люди наши — сзади нас верхами. <...>

1 октября. Люди партикулярные лишены многих удовольствий против военных. Как приятно было уснуть в теплой комнате и пить чай со сливками! Да, это удовольствие может понять только военный. Пять месяцев мы не знали другого крова, кроме палатки и бивака, а о сливках нечего и говорить, был бы только сухарь, труды же переносили такие, какие редко встречаются, а может быть, и никогда! В европейской кампании! В европейской

* Мостовое укрепление (фр.).

кампании больше удовольствий, больше жизни, я вижу своего врага, здесь же не видишь, откуда летят пули, лоскутник избирает такое место, откуда его и видеть, и выбить трудно, жизнь каждую минуту в опасности, тогда как в европейской кампании — только при виде неприятеля. В европейской кампании я сражаюсь по роду моей службы, здесь я, кавалерист, ползаю с пехотой по горам; там встречаете деревни, видите людей, здесь — ни того, ни другого. <...> Екатеринодар очень переменялся в свою хорошую сторону: дома и решетки подкрашены, везде заметна чистота, улицы высыпаны песком. Кто был прежде в Екатеринодаре и видит его теперь, тому немудрено догадаться, что ожидают приезда какого-нибудь важного человека.

3 октября. Сегодня я был в соборе и отслужил благодарственный молебен за благополучное окончание экспедиции.

¹ Штакельберг Фердинанд Владимирович, барон, — прапорщик л.-гв. Конной артиллерии.

² Яковлев Павел Андреевич — поручик л.-гв. Литовского полка, впоследствии генерал-майор.

³ Стандершельд Карл Карлович — поручик л.-гв. 2-й артиллерийской бригады.

⁴ Флеминг Адриан Егорович, барон, — подпоручик л.-гв. Павловского полка, в 1848 г. переведен в Мингрельский егерский полк подполковником.

⁵ Емельянов Илья Васильевич — поручик л.-гв. Волынского полка.

⁶ Здесь и далее не комментируются лица, о которых не удалось обнаружить дополнительных сведений, кроме тех, которые содержатся в дневнике.

⁷ Вельяминов Алексей Александрович (1785—1838) — генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., друг и помощник А. П. Ермолова, с 1831 г. — начальник Кавказской области и командующий войсками Кавказской линии и Черноморья.

⁸ Поливанов Николай Иванович (1814—1874) — выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, приятель М. Ю. Лермонтова. В 1837 г. — корнет л.-гв. Уланского полка, впоследствии его командир.

⁹ Линген — генерал-майор, командующий 1-й бригадой 20-й пехотной дивизии.

¹⁰ Долгорукий Николай Николаевич, князь (ум. в 1837 г.) — корнет л.-гв. Конного полка.

¹¹ Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858) — выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, корнет л.-гв. Гусарского полка, родственник и друг М. Ю. Лермонтова.

¹² Загоскин Яков Николаевич — подпоручик 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады.

¹³ Заводовский Николай Степанович (1783—1853) — генерал от кавалерии, наказной атаман Черноморского казачьего войска с 1830 г.

¹⁴ Цебриков Николай Романович (1800—1862) — прапорщик Тифлисского пехотного полка, в 1826 г. разжалован из поручиков л.-гв. Финляндского полка в солдаты.

¹⁵ Симановский Петр Иванович — двоюродный брат автора дневника.

¹⁶ Полтинин Михаил Петрович — полковник, командир Навагинского полка с 1837 г., в 1847 г. произведен в генерал-лейтенанты.

¹⁷ Унковский-2 Николай Иванович — корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка.

¹⁸ Ерин Владимир Петрович — поручик Одесского уланского полка, куда был переведен в 1836 г. из прапорщиков л.-гв. Финляндского полка.

¹⁹ Алехин Модест Петрович — подпоручик л.-гв. Егерского полка.

²⁰ Шейблер Евгений Карлович, барон — корнет л.-гв. Уланского Его Высочества полка.

²¹ «Фенелла» — опера Ф. Обера. Премьера состоялась в Париже в 1828 г.

²² Аршеневский Дмитрий Никандрович, поручик л.-гв. Конного полка.

²³ Русский инвалид, или Военные ведомости. № 90. СПб., 10 апреля 1837 г.

²⁴ Горбачев Василий Павлович, в феврале 1837 г. переведен из Сибирского уланского полка в л.-гв. Драгунский полк, а в апреле — в л.-гв. Уланский. В 1848 г. назначен командиром Кирасирского, принца Петра Ольденбургского, полка.

²⁵ Майнов Василий Никифорович — в 1833 г. поручиком переведен из л.-гв. Финляндского полка в л.-гв. Уланский, из которого уволен в отставку в 1840 г. в чине ротмистра.

²⁶ Ольшевский Марцелин Матвеевич (1796 — 1866) — полковник, состоявший при Вельяминове для особых поручений. Впоследствии генерал-лейтенант.

²⁷ Кашутин Василий Алексеевич (1793 — 1840) — полковник, командир Тенгинского полка с 1834 г. В 1838 г. произведен в генерал-майоры.

²⁸ Масальский Николай Федорович, князь (1812 — 1879) — поручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Впоследствии генерал от артиллерии.

²⁹ Егоров, поручик Навагинского полка — командир 1-й гренадерской роты.

³⁰ Фон Штейбе Николай Александрович (ум. в 1837 г.) — генерал-майор артиллерии, состоял при Отдельном Кавказском корпусе с 1834 г.

³¹ Рошковский Октавий Серафимович — поручик л.-гв. Гродненского гусарского полка.

³² Миницкий Илиодор Осипович — штабс-ротмистр л.-гв. Уланского полка, адъютант барона Розена.

³³ Eugène Sue (1804 — 1857). «La Salamandre». Paris, 1832.

³⁴ Розен Григорий Владимирович, барон (1782 — 1841) — генерал от инфантерии, командующий Отдельным Кавказским корпусом с 1831 по 1837 г.

³⁵ Александров-1 Николай Иванович — поручик л.-гв. Уланского полка, в 1846 г. уволен в отставку в чине полковника.

³⁶ Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу. № 59. СПб., 11 апреля 1837 г.

³⁷ Бистром Карл Иванович (1770 — 1838) — генерал от инфантерии, помощник командира Отдельного Гвардейского корпуса, великого князя Михаила Павловича.

³⁸ Казарский Александр Иванович (1797 — 1833) — капитан 1-го ранга, флигель-адъютант. В 1829 г. в Константиновском проливе 18-пушечный бриг «Меркурий», находившийся под его командой, был атакован двумя турецкими кораблями (110-пушечным и 74-пушечным) и принял бой.

³⁹ Серебряков Лазарь Маркович — капитан 1-го ранга. Позднее адмирал и член Адмиралтейств-Совета с 1856 г.

⁴⁰ Люлье Леонтий Яковлевич (1805 — 1862) — этнограф, автор ряда книг, посвященных Кавказу. Около 40 лет служил на восточном берегу Черного моря, с 1834 г. находился при Вельяминове в качестве дипломатического чиновника.

⁴¹ Бестужев Александр Александрович (псевдоним — Марлинский) (1797—1837) — русский писатель, декабрист. Служил рядовым на Кавказе, за храбрость был произведен в прапорщики. В 1837 г. состоял при бароне Розене, участвовал в экспедиции в Цебельду, 7 июня был смертельно ранен и захвачен горцами, могила его неизвестна.

⁴² Соколовский Николай Павлович — корнет л.-гв. Уланского полка.

⁴³ «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и музыки. Выходил в С.-Петербурге с 1834 по 1865 г.

⁴⁴ Oertel Wilhelm. Practischer Unterricht in der deutschen Sprache. St.- Pbg, 1830.

⁴⁵ Бенкендорф Константин Константинович, граф (1817 —1858) — поручик л.-гв. Конного полка.

⁴⁶ А. Марлинский. Русские повести и рассказы. Ч. 2. СПб., 1835.

⁴⁷ Русский инвалид, или Военные ведомости. № 139. СПб., 5 июня 1837г.

⁴⁸ Савоини Александр Еремеевич — поручик л.-гв. Уланского полка.

⁴⁹ Бриммер Эдуард Владимирович (1797 — 1874) — полковник, с 1832 по 1837 г. командовал 29-й артиллерийской бригадой при Отдельном Кавказском корпусе.

⁵⁰ Брюллов Карл Павлович (1799 — 1852) — знаменитый русский художник академической школы, автор картины «Последний день Помпеи».

⁵¹ Вальтер Скотт. Вудсток, или Всадник. История Кромвельских времен. 1651 г. Пер. с фр. С. де Шаплет. СПб., 1829.

⁵² Казилбеч Шеретлуков (или Казбич) — знаменитый вождь шапсугов, до 1863 г. сопротивлявшийся русским войскам.

⁵³ Меньшиков — прапорщик Гренадерского, короля Прусского, полка.

⁵⁴ Некрасовцы — казаки, предки которых после Булавинского бунта под предводительством Игната Некрасы ушли на Кубань, а в середине XVIII в. переместились в Турцию, на Дунай; принимали участие в войнах с Россией.

⁵⁵ Меншиков Александр Сергеевич (1787 — 1869) — адмирал, генерал-адъютант, начальник Главного морского штаба с 1829 г.

⁵⁶ Орлов Алексей Федорович, граф (1786 — 1861) — генерал-адъютант, военный деятель и дипломат, с 1836 г. — член Государственного совета.

⁵⁷ Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884)— директор канцелярии начальника Главного штаба, генерал-адъютант в свите Николая I.

⁵⁸ Кавелин Александр Александрович (1793 — 1850) — генерал от инфантерии, с 1834 по 1841 г. состоял при наследнике цесаревиче. С 1842 г. — член Государственного совета.

⁵⁹ Сердаковский — капитан, состоявший при Вельяминове для особых поручений.

⁶⁰ Фон Бринк Егор Егорович (ум. 1841)— полковник Тенгинского полка, комендант Анапы.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

ХVIII в.

Богданов А. Жизнь Артемия (Богданова) Араратского... СПб., 1813 // 4.1, ч.2. Набеги дагестанцев и иранцев в Армении, войны в Грузии и на Каспии.

Гудович Иван Вас. Записка о службе генерал-фельдмарш. графа И. В. Гудовича, им самим составленная.

РВ. 1841, т. I, № 3, с.607—681. Командование войсками на Кавказе 1791—1796, 1806—1808 — Персидская война.

Мосолов С. И. Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // РА. 1905, кн.1, вып.1, с.124—173 (поправки вып.2, с.375). Служба на Кавказе 1785—1789.

Пищевич А. С. Жизнь Пищевича, им самим описанная. 1764—1805. Отдельн. отт. М., 1885.

ЧОИДР, 1885, кн.1, отд.1, с.I—V, 1—112 (паг.2); кн.2, отд.1, с.113—273 (паг.2). Война на Кавказе 1784—1792.

Путешественники об Азербайджане. Т.1. Баку. 1961. 1466—1796. Экономическое, политическое и военное состояние кавк. княжеств и царств.

Текели С. [Автобиография. Пересказ и извлеч.] // РА, 1878, кн.3, вып.12, с.483—506 (в ст. Н. А. Попова «Савва Текели в России (1787—1788)»). Пер. по изд.: «Летопис Матице сриске», 1877, кн. 119. ... Пребывание на... Сев. Кавказе у дяди П. А. Текели, генерала русской армии, ...военный быт...

Штрандман Г. Э. фон. Записки // РС. 1882, т.34, № 5, с.289—318; 1884, т.43, № 7, с.55—86; № 8, с.271—288. Публ. не закончена. Перевод с немецкой рукописи.

1800-е гг.

Броневский С. Б. Отрывки из записок. (Кавказ — 1803—1808) // ИВ. 1889, т.38, № 12, с.500—512.

Жемчужников В. М. Записки. (Кавказ 1809. Борьба с чеченцами) // ВЕ. 1899, т.1, № 2, с.634—664.

Берже А. Присоединение Грузии к России. 1799—1831. РС. 1870. т.ХХVIII.

Тучков С. А. Записки. (Кавказ 1801—1805, Цицианов). СПб. 1908. 287 с. Есть др. изд.

1810-е гг.

Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове // Нива, 1870, № 31, с.489—491. В конце текста: Т. Р. 1818—1819.

Ермолов А. П. Записки // ЧОИДР, 1864, № 3, отд. 2, с.1—113; № 4, с.1 15—282; 1866, № 2, отд. 2, с.1—120; № 3, с.121—192. Документы и письма: Там же, 1865, № 3, отд. 2, с.1—184; № 4, с.185—386; 1867, № 3, отд. 2, с.1—247; № 4, с.249—358; 1868, № 1, отд. 2, с.359—434. То же (с сокр.). Отд. отд. М., 1865—1868. Есть др. публ. (в отрыв.). 1816—1827.

Мертваго Д. Б. Записки. М., 1867 (Прил. к РА за 1867 г. (вып.8—9)). Есть др. публ. (отрывки) // ...Краткие сведения об участии в сенаторской ревизии... Кавказской губ. (1818). Встреча с А. П. Ермоловым.

Муравьев-Карский Н. Н. Записки // РА, 1877, кн.1, № 3, с.315—351 (под загл.: Первое взятие русскими войсками г. Карса, июнь 1828 г.); 1885, кн.3, № 9, с.5—84; № 10, с.225—262; № 11, с.337—408; № 12, с.451—497; 1886, кн.1, № 1, с.5—54; № 2, с.69—146; № 4, с.445—524; кн.2, № 5, с.5—32; кн.3, № 11, с.289—340; № 12, с.430—496; 1887, кн.3, № 9, с.5—42; № 10, с.145—176; № 11, с.393—416; 1888, кн.1, № 1, с.71—92; № 2, с.235—258; № 3, с.393—432; кн.2, № 5, с.97—0122; № 7, с.313—0352; кн.3, № 9, с.5—48; № 10, с.193—224, 247—248; № 11, с.385—433; 1889, кн.1, № 2, с.177—208; № 4, с.571—604; кн.2, № 8, с.536—561; кн.3, № 9, с.60—97; № 11, с.273—316; 1891, кн.3, № 9, с.5—82; № 10, с.177—228; 18.93,

кн.3, № 11, с.317—364; № 12, с.401—478; 1894, кн.1, № 1, с.5—54; № 3, с.378—416; № 4, с.501—527; кн.2, № 7, с.349—413; № 8, с.449—536; кн.3, № 9, с.31—50; № 10, с.145—206; № 11, с.343—432; № 12, с.465—538; 1895, кн. 1, № 1, с.23—36; № 2, с.177—212; № 3, с.313—356; № 4, с.417—37.

Есть др. публ. (в отрывках). 1810—1830-е, 1848, 1855 (?) гг.

Рошешуар Л.-В.-Л. де. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Империя и Реставрация). Пер. с фр. М., 1914 (Ист. б-ка «Сфинкса». Т.13. Вып.2) // Пер. по изд.: Rochemouart L. V. L. de. Souvenirs sur la Revolution, L'Empire et la Restauration. Paris, 1889. <О России: нач. XIX в. — 1814> нач. 1810-х гг. [1812 г.?] ...Походы в Черкесию. ... Гл. III: ... Занятие Акоспы. Поход в Черкесию (1806—07 гг.).

Сбитнев Н. М. Воспоминание о Черногории // «Укр. журн.», 1825, ч.б, № 11/12, с.310—340. 1818—1820. ...Приводится текст письма автора о стычке русского отряда с горцами.

Цебриков Н. Р. Ермолов. — В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т.1. М., 1931, с.263—265. 1812—1827. Рассказы о А. П. Ермолове со слов очевидцев.

Цылов Н. И. Дневник // Шукинский сб. Вып. 5. М., 1906, с. 367—442; вып.6. М., 1907, с.40—202 (здесь и далее под загл.: Описание жизни); вып.1. М., 1907, с.1—76. Др. публ. (с сокрац.) ...служба в Георгиевске (1817—1820). ...Поход в Дагестан во главе с А. П. Ермоловым. Амулат-Бек. ...

1820-е гг.

Андреев В. Воспоминания из кавказской старины. 1826—1834. КСб. 1876, т.1, с.1—121.

Бартенев П. И. Из старых записей издателя «Русского архива». О Кюхельбекере // РА, 1910, кн.2, № 5, с.46—48. ...Его военная служба на Кавказе у Ермолова...

Бестужев П. А. Памятные записки. 1828 и 1829 годы. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, с.343—383. Есть др. публ. ...Декабристы на Кавказе... А. С. Грибоедов.

Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера. (Кавказ — 1820—40-е гг.). Отд. изд. — «Записки генерала от артиллерии Эдуарда Владимировича Бриммера». Вып. 1—6. Тифлис. 1894—1898 // КСб. 1894, т.15, с.52—260; 1895, т.16, с.1—234; 1896, т.17, с.1—174; 1897, т.18, с.1—131. Прил. - докум., письма — 1898, т.19, с.371—463/ 1899, т.20, с.464—539. Частично на фр. яз.

Граф Дибич на Кавказе в 1827 г. // ДНР. 180, т.18, № 9, с.174—180.

Давыдов Д. В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова (Примеч. авт.). // Давыдов Д. В. Сочинения. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. М., 1987. с.70—79. Примеч. сост.: с.629—630. Есть др. изд. Служба на Кавказе в 1826—1827 гг.

Дневник Ф. Ф. Бартоломея. РС, 1904, май.

Дубецкий И. П. Записки. РС. 1895, т.83, № 4, с.1 13—144; № 5, с.87—110; № 6, с.107—141. 1820—1828. Экспедиция в Абхазию (1821 и 1824). Подавление восстаний в Имеретии (1820) и Чечне (1825).

Знакомство с князем Мадатовым. (Из воспоминания армейского офицера) // ЖЧВВУЗ, 1839, т.17, № 66, с.182—185. 1828 г.

Измаил Алиев, князь мангатовских нагайцев. (Отрывок письма из Прочно-Окопской крепости) // МТ, 1829, ч.27, № 12, с.431—448. 1827—1829. ...Гибель в стычке с горцами...

История бедствий одной семьи. Из воспоминаний старого кавказца // НВ, 1903, т.94, № 12, с.865—884. В конце текста: Авф. 20-е гг. ...Поездка на Кавказ... Беседа с А. П. Ермоловым.

Красовский А. И. Дневник генерала Красовского 1826—1828 гг. (Из рукописей Воен. учен. ком. Гл. штаба). // КСб, 1901, т.22, с.1—68 (паг. 2-я). Прил.: (Официальные документы и письма), с.37—68. 1826—1827. Служба на Кавказе... В основном — русско-иранская война.

Лачинов Е. Е. Записки декабриста Е. Лачинова об Армении. — В кн.: Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений. Кн.1. Ереван, 1956, с.312—396. 1827—1828. Дневниковые записи. Служба на Кавказе. ...

Мадатова С. А. Князь Мадатов, генерал-лейтенант // РС, 1873, т.7, № 1, с.85—94. 1826—1829. Отчасти по рассказам сослуживцев.

Муравьев-Карский Н. Н. — см. 1810-е гг.

Новицкий Г. В. Воспоминания воспитанника 1-го выпуска из Адмиралтейского училища // ВС, 1871, т.77, № 2, с.287—308. 20-е гг. ...Отд. эпизоды Кавк. в-н. Сбор сведений о горцах.

Пуцин М. И. Записки // РА, 1908, кн.3, № 11, с.410—464; № 12, с.507—576. Есть др. публ. 1827—1831. ... Солдатская служба на Кавказе...

Симонич И. О. Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича. (Пер. с фр.). // КСб, 1901, т.22, с.1—44 (паг. 3-я). ...Генерал А. П. Ермолов и его политика на Кавказе. ...

Славской. Воспоминания и рассказы старого кавказского воина. (Ермоловский период) // ЖЧВВУЗ. 1849, т.77, № 305, с.5—40; № 306, с.111—142; № 307, с.225—260.

1830-е гг.

Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на К. ген.-лейт. барона Григория Христофоровича Засса. (Сырой материал для истории покорения Кавказа) // ВС. 1870, т.74, № 8, с.309—333.

Бакланов Я. П. Моя боевая жизнь. (Записки Войска Донского ген.-лейт. Я. П. Бакланова [1809-1873], написанные его собственной рукою) // РС, 1871, т.3, № 1, с.1—14; т.4, № 8, с.154—161. Примеч.: с.14—15. Есть др. публ. ...Служба на Северном Кавказе (1837—1845). ...

Бельгард В. А. Автобиографические воспоминания. СПб., 1899. 50 с. Есть др. публ. 1835—1845—служба на Кавказе.

Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 года // РС, 1880, т.29, № 9, с.1—42; № 12, с.823—850; 1881, т.30, № 1, с.1—26; № 3, с.487—518; № 4, с.799—838; т.31, № 7, с.327—370; т.32, № 9, с.1—46; № 10, с.251—286; № 12, с.551—568; 1886, т.49, № 2, с.377—398; т.52, № 11, с.285—310. То же [С

сокр.]. СПб., 1882. 1839 [1840]—1846. ...Кавказские экспедиции 1840-х гг.

Берже А. П. Н. П. Колюбакин // РС, 1876, т.17, № 10, с.317—320. ...Военная служба на Кавказе (1830-е — 1840-е гг.).

Воспоминания о К. 1837 года // БЧ. 1847, т.80, с.51—74; т.81, с.1—22, везде: паг.3. Есть др. публ.

Воспоминания о службе на К. Отрывок из записок офицера, служившего под началом Ермолова. (1820—30 гг.). «Москвитянин». 1851, ч.1, кн.4, № 4, с.494—507.

Гангеблов А. С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888. Доп.: РА, 1906, кн.3, № 12, с.596—599 (под загл.: Неизданное место из записок А. С. Гангеблова). Есть др. публ. (в отрывках). 1820-е — 1830-е гг. ...Участие в Кавказских экспедициях.

Головин Е. А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 года по конец 1842 года. Рига. 1847 («Жизнь Е. А. Головина». Деятельность в качестве командующего Кавказским корпусом). Есть др. публикации.

Граббе П. Х. Записная книжка. М., 1888. (Текст на р. и фр. яз.). Есть др. публ. ...Командование войсками на Кавказе (1837—39).

Дзюбенко В. А. Воспоминания. Полувековая служба за Кавказом. 1829—1876 гг. // ГС. 1879, т.25, № 8, с.637—670; т.26, № 9, с.43—58.

Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 годах // ЖМВД, 1838, ч.29, № 7, с.1—64.

Ильин П. Еще восп. о Н. П. Слепцове. (1820—40 гг.). ЖЧВВУЗ. 1853, т.100, № 399, с.334—337. ...Отдельные эпизоды из истории Кавказских войн.

Исарлов Л. С. Из воспоминаний бывшего грузинского губернатора князя Н. О. Палавандова // КВ, 1900, № 4, с.1—14 (паг. 2-я). 30-е — 40-е гг. ...М. С. Воронцов.

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания. — В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. I. М., 1931, с. 287—428. Примеч.: с. 399—428. Есть др. публ. ...служба Н. И. Лорера рядовым на Кавказе...

Колюбакина А. А. Воспоминания. (О Н. П. Колюбакине) // НВ, 1894, т. 58, № 11, с. 379—407; № 12, с. 694—721.

Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // РА, 1887, кн. 1, № 1, с. 99—117; № 2, с. 229—242; № 3, с. 321—349; кн. 2, № 5, с. 73—81; № 6, с. 217—242. Есть др. публ. ...Служба на Кавказе. 1833—1842

Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на К. 1837 г. СПб., 1851. 122с. Или: «Современник», 1850, т. 23, № 10; т. 24. № 11—12. Есть др. публ.

Лачинов Е. Е. Отрывок из «Исповеди». (1828—1832). КСб. 1876, т. 1, с. 123—196; 1877, т. 2, с. 75—115. ... Служба в Отдельном Кавказском корпусе. Экспедиция генералов Г. В. Розена и А. А. Вельяминова против горцев Дагестана (1832).

Лорер И. И. Записки декабриста. М., 1931. (Есть уже новое издание: Иркутск, 1984). Сеть др. публ. 1837—1842. ...Участие в кавказских экспедициях.

Львова Е. Н. Рассказы, заметки, анекдоты из записок // РС, 1880, т. 27, № 3, с. 635—650; т. 28, № 6, с. 337—356; № 8, с. 794—801; № 9, с. 200—206. Есть др. публ. (в отрывках). ...Посещение Николаем I Кавказа (1837)...

Мамауев К. Х. Новые материалы об участии М. Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 году. (По воспоминаниям К. Х. Мамауева) // Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской, 1957, т. 2, с. 239—249. Есть др. публ. (в отрывках). ...Описание боя при Валерике.

Мартынов Н. С. Экспедиция действующего Кавказского отряда за Кубанью в 1837 году под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова // ИТамб УАК. 1904. Вып. 47, т. 1. С. 153—157 (прил. 7).

Мельников А. Нападение горцев на ст. Темнолесскую Куб. обл. в 1835 г. (Из рассказов очевидца) // ТСтУАК, 1911, вып. 1, с. 1—5 (паг. отд.).

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. I. Кн. 1—3. Томск, Воен. акад., 1919. ...Годичная командировка на Кавказ [1839]...

Мирославский И. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 году. (Рассказ одного из бывших в плену участников дела) // КСБ, 1879, т. 4, с. 1—17.

Огарев Н. П. Кавказские воды. (Отрывок из моей исповеди). — В кн.: Избр. произведения. В 2-х т. Т. 2. М., 1956, с. 375—391. Примеч.: с. 521—523. Указ. имен: с. 529—536. Есть др. публ. 1838. Поездка на Кавказ... А. И. Одоевский.

Орбелиани И. Д. Восемь месяцев из моей жизни: Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г., с 22 марта: Показания прапорщика князя Орбелиани, находящегося в 1842 г. в плену у Шамиля / Публ. Г. Гавашели // ЛГ. 1969. № 9/10. с. 173—183. — В ст.: Шарадзе Г. Неизвестные записи Ильи Орбелиани о Шамиле. 1832—1842 гг.

Пауль Н. Кавказские картины. (1833). «Телескоп», 1833, ч. 16, № 15, с. 321—354; № 16, с. 511—528. Военные действия против горцев. Экспедиция в Нахчимах. Быт и нравы горцев.

Последние минуты Марлинского. Сообщ. Л. К-ъ // Иллюстрация, 1848, т. 6, № 24, с. 376—378. (Автор служил вместе с А. А. Бестужевым на Кавказе). 1837. Описание боя за Адлер.

Прозор Э. Воспоминание о кавказских водах. — В кн.: Опыты в русской словесности воспитанников гимназии Белорусского учебного округа. Вильна, 1839, с. 436—447. 1835—1838. ...Набеги черкесов.

Раджицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 год // ВЖ, 1857, кн. 1, с. 1—93; кн. 2, с. 94—164; кн. 3, с. 75—160; кн. 4, с. 154—204; кн. 5, с. 153—203; кн. 6, с. 136—175. Есть др. публ. (в отрывках). ...Служба на Кавказе... Национально-освободительное движение...

Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907. (Есть уже новое издание: Иркутск, 1984). Есть др. публ. 1837—39.

Розен А. Е. Князь А. И. Одоевский. Краткий биограф. очерк. — В кн.: Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 447—448. Есть др. публ.

Рукевич А. Ф. Из воспоминаний старого эриванца. (1832—39) // ИВ. 1914, т.137, № 8, с.414—428; № 9, с.789—810; т.138, № 10, с.39—52; № 11, с.400—415; № 12, с.766—791. ...Война с горцами... Бои на Черноморском побережье Кавказа.

Рябов С. Рассказ бывшего унтер-офицера Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на К. // КСб. 1897, т.18, с.352—381 (1833—1840-е). ...В т.ч. пребывание в плену у горцев.

Самсонов Г. П. Из частных записок старослуживого. М., 1895. 32 с. Продолж. ИВ. 1901, т.86, № 12, с.923—938. (Под загл.: Воспоминания). Есть др. публ. ...Служба на Кавказе... Экспедиция против горцев...

Сатин Н. М. Из воспоминаний. — В кн.: Почин. М., 1895, с.232—250. Есть др. публ. 1837—38. ...Декабристы на Кавказе.

Семевский М. И. Барон Андрей Евгеньевич Розен. 1799[1800]—1884. [Некролог.] // РС, 1884, т.42, № 4, с.657—658.

Соболев М. Письма о войне с закубанцами. (1830). «Моск. телеграф», 1831, ч.37, № 3, с.400—410; № 4, с.549—564.

Страмилов Д. Из записок убитого офицера. 1831—38. ВС. 1860, т.12, № 4, с.463—482. (1838). ...В т.ч. А. А. Бестужев на Кавказе...

Толстой В. С. Воспоминания. — В кн.: Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с.5—136. 1830-е гг. [1829—1843?] ...Декабристы на Кавказе.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835—1838. М., 1865. Ч.1, 2. (Ч.1 — 116 с.; Ч.2 — 173 с.). Рец.: Воен. сб. 1865. № 11. (Сын Отеч. 1865. № 81).

Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. (1831—1832) // РВ. 1869, т.79, № 1, с.5—36; № 2, с.401—443; т.80, № 3, с.102—155; № 4, с.658—707. Рец.: Воен. сб., 1870. № 1.

Торнау Ф. Ф. Гергебиль. (1843) // РА. 1881, кн.2, № 3/4, с.425—470.

Торнау Ф. Ф. Из воспоминаний бывшего кавказца. (1844). «Нева», 1910, № 17. Есть др. публ. Экспедиция генерала Р. К. Фрейтага против горцев.

Федоров М. Ф. Походные записки на К. С 1835 по 1842 г. // КСб. 1879, т.3, с.1—250; прил. с.220—250.

Филипсон Г. И. Воспоминания. (Кавказ 1837—1844). РА. 1883, кн.3, № 5, с.73—200; № 6, с.241—356; 1884, кн.1, № 1, с.199—222; № 2, с.331—390; кн.2, № 3, с.99—120. ...Участие в экспедициях против горцев.

Ховен И. Р. фон-дер. Мое знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в кавказских войсках в 1835—36 годах. (Рассказ очевидца). // ДНР, 1877, т.1, № 2, С.221—224. (Есть отклик на этот текст Д. И. Завалишина — см. № 1178 у Зайончк.)

Шумков А. О. Корнилович — издатель исторического сборника «Русская старина» в 1824 и 1825 г. // РС, 1878, т.23, № 10, с.319—320. Его служба в Шуванском пехотном полку (1832—1834).

1840-е гг.

Атаров М. Ш. Рассказ моздокского гражданина 3-й гильдии купца Миная, Шаева сына Атарова о поездке своей в Даргы-Веденно, местопребывание Шамиля // Вердеровский Е. А. Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля. 2-е изд., испр. М., 1857, с.443—455. То же // Вердеровский Е. А. Плен у Шамиля. СПб., 1856. с.42—49 (паг. 4-я). Май 1848 г.

Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний (1849—1851). СПб., 1905. Доп.: Совр М, 1908, № 4, с.138—181; № 5, с.195—208. Есть др. публ. (в отрывках). ...Борьба с горцами. Переход к русским Хаджи-Мурата (по рассказам Н. П. Слепцова). Гибель генерала П. П. Слепцова и его похороны.

Бабанов. Описание блокады Низового укрепления в 1843 году // ЖЧВВУЗ, 1847, т.68, № 270, с.175—191.

Баумгартен А. К. Записки. ВСб. 1910, № 4,5.

Беклемишев Н. П. Записки о Кавказе, писанные Н. Беклемишевым в Оренбурге в 1849 году // Шукинский сб. Вып. 2. М., 1903. с. 20—90. Прил. 67—90. (1845—1849). ...М. С. Воронцов. ...Боевые столкновения с горцами...

Бенкендорф К. К. Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. СПб., 1911, 123 с. Есть др. публ.

Бороздин К. А. Из рассказов старика-черкеса. Сборник «Нивы» 1892, № 4, с. 106—118. (1840-е гг.). ...Набеги дагестанцев на казачьи поселения за Кубанью.

Воронцов М. С. Выписки из дневника светлейшего князя М. С. Воронцова с 1845 по 1854 г. СПб., 1902. 45 с.

Вранкен А. К. Дело при Гилли, 3-го июля 1844 г. (Пассек) // ЖЧВВУЗ, 1846, т. 59, № 235, с. 271—280.

Повтор: Гагарин П. Д. Воспоминания о фельдмаршале князе А. И. Барятинском. Со слов кн. Гагарина. Записано А. П. Мальшанским // РВ, 1888, т. 197, № 7, с. 126—142. 1847—1860.

Гейман В. А. 1845 год. Воспоминания В. А. Геймана // КСб, 1879, т. 3, с. 251—375. ...Даргинская экспедиция.

Горчаков Н. Экспедиция в Дарго (1845 г.). (Из дневника офицера Куринского полка) // КСб, 1877, т. 2, с. 117—141.

Горчаков Н. Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. Из записок офицера Куринского полка // КСб. 1879, т. 4, с. 19—37.

Дагестан 1841 года // Сборник газеты «Кавказ». Т. [1]. Тифлис, 1847, с. 72—81.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 1—4. М., 1912—1913. Есть др. публ. ...Управление Кавказом (40-50-е гг.). [Т. 1—2.] Т. 1 — 1813—1842. Т. 2 — 1842—1858.

Дельвиг Н. И. Воспоминание об экспедиции в Дарго // ВС, 1864, т. 38, № 7, отд. II, с. 189—230. 1845 г.

Доливо-Добровольский-Евдокимов В. Я. Из кавказской жизни. 1848 год в Дагестане // РВ. 1862, т. 40, № 7, с. 35—66. Есть др. публ.

Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания // СтН, 1902, № 5, с.1 19—234; 1903, № 6, с.41—215. Прил.: Приказы по отдельному Кавказскому и 5-му пех. корпусам, с.208—215; 1904, № 7, с.1—16. Есть др. публ. (отд. оттиски — 5). ...Военная служба на Кавказе (1840-е — 1850-е гг.).

Европеус Н. Н. Николай Николаевич Муравьев // РС, 1874, т.11, № 9, с.181—184. 40-е гг.

Записки о князе М. С. Воронцове. — В кн.: Архив князя Воронцова. Кн.40. М., 1895, с.511—528. (Предполагаемый автор — врач князя Э. С. Андреевский). 1782—1856. Биографические сведения... (Воспоминания не закончены).

Зимняя экспедиция 1849 года в Малой Чечне и в Галашках // ИнЖ, 1870, № 7, с.793—819.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842—1867). СПб., 1879. 4.1. 1842—1851.; 4.2. 1851—1856. (ч.1 — 424 с.; ч.2 — 443 с.) // Продолж. РА. 1884, кн.3, № 6, с.413—434, 1885, кн.1, № 1, с.67—102; № 2, с.273—298; кн.4, с.600—628; № 5, с.127—148.

Зиссерман А. Л. Десять лет на Кавказе // «Современник», 1854, т.47, № 9, с.1—42; № 10, с.1 17—154; т.48, № 11, с.1—40 (везде паг. 5-я). Есть др. публ. 1842—1851. ...Борьба с горцами. ...

Зиссерман А. Л. Из кавказских воспоминаний // РА, 1896, кн.1, № 2, с.311—313. 40—50-е гг. (О М. С. Воронцове).

Зиссерман А. Л. Из моих записок. 6-го июня 1845 года. — В кн.: Сборник газеты «Кавказ». Т.[I]. Тифлис, 1847, с.306—311.

Зиссерман А. Л. По поводу полемики о князе Воронцове и Н. Н. Муравьеве как наместниках кавказских // РВ, 1874, т.114, № 11, с.77—101. 1845, 1854—1856.

Иеремия. Записки преосвященного Иереми (Соловьева), архиепископа Нижегородского (1799—1884), за время бытности его епископом Кавказским и Черноморским в г.Ставрополе в 1846, 1847 и 1848 годах // Публ. предисл. и послесл. К. Евтропова // Томек Е. В. 1901. № 11, отд. неофиц. с.6—17; № 12, отд. неофиц. с.6—18.

Исаков Н. В. Из записок // РС, 1914, т.157, N 1, с.52—71 (под загл.: 1849. Назначение в состав чрезвычайного посольства ген.-адъютанта П. Х. Граббе в Константинополь); 1917, т.169, № 2, с.161—193 (здесь и далее под загл.: Кавказские воспоминания. (Период войны с горцами 1846 и 1848 годов)); № 3, с.321—336; т.170, № 4/6, с.46—62; т.171, № 7/9, с.1—22; т.172, № 10/12, с.13—32 // 1845—1849. ...сведения об итогах экспедиции в Дарго (1845)... и др.

Каченовский В. М. Изгнание Шамиля из Даргинского общества в 1846 году // ЖЧВВУЗ, 1852, т.100, № 397, с.35—52.

Каченовский В. М. Любительский спектакль на аванпостах. (Из воспоминаний старого кавказца) // «Библиотека для чтения», 1892, № 6, с.881—900. Ежемес. беспл. прил. к журн. «Царь-колокол». 1846 г.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС, 1899, т.98, № 5, с.371—395; № 6, с.511—542; т.99, № 7, с.3—30; № 8, с.271—295; № 9, с.480—515; т.100, № 10, с.25—58; № 11, с.267—299; № 12, с.481—521; 1900, т.101, № 1, с.25—56; № 2, с.317—354; № 3, с.545—588; т.102, № 4, с.27—50; № 5, с.261—292; № 6, с.505—527; т.103, № 7, с.33—55; 1904, т.117, № 1, с.59—98 (здесь и далее под загл.: Из дневника); № 2, с.275—302; т.118, № 6, с.545—568 // Реформа управления Кавказом и высшая администрация. П. В. Ган, М. П. Позен, Е. А. Головин, М. С. Воронцов. ...

Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // КСб, 1885, т.9, с.367—475; 1886, т.10, с.405—496; 1887, т.11, с.303—463. В конце текста: К. 1847—1848.

Николай А. П. Из воспоминаний о моей жизни // РА, 1890, кн.2, вып.6, с.249—278 (под загл.: Даргинский поход. 1845 г.); 1891, вып.6, с.133—153 (под загл.: Салтинский поход 1847 года).

Николай Л. П. Кавказская старина. Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Леонтия Павловича Николаи. Тифлис, 1872—1874, т.1—2. Есть др. публ. (в отрывках). 1848—1857.

Новоселов С. К. Рассказ об осаде укрепления Ахты // ЖЧВВУЗ, 1851, т.92, № 368, с.408—432. Сент. 1848 г.

Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. Записки // РС, 1893, т.78, № 6, с.573—611; т.79, № 7, с.89—124; № 8, с.287—319; № 9, с.563—589; 1894, т.81, № 2, с.51—79; № 6, с.63—94; т.82, № 7, с.44—108; № 9, с.22—43; № 11, с.215—240; № 12, с.155—197; 1895, т.83, № 3, с.167—184; № 4, с.179—189; № 6, с.171—184; № 9, с.105—117; № 10, с.129—166. То же. Отд. отт. СПб., 1894. Есть др. публ. (в отрывках).

Орбелиани И. Д. Восемь месяцев из моей жизни... см. 1830-е гг.

Орбелиани И. Д. Отрывок из рассказа покойного генерал-майора князя И. Орбелиани о своем плене у Шамиля в 1842 году // Вердеровский Е. А. Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля. 2-е изд., испр., М., 1857. с.412—443. То же // Вердеровский Е. А. Плен у Шамиля. СПб., 1856. с.22—42 (паг. 4-я).

Полторацкий В. А. Воспоминания [Предисловия ред.]. — ИВ, 1893, т.51, № 1, с.39—86; № 2, с.367—410; № 3, с.723—757; т.52, № 4, с.72—89; № 5, с.355—372; № 6, с.667—689; т.53, № 7, с.31—55; № 8, с.301—322; № 9, с.583—602; т.54, № 10, с.29—45; 1895, т.59, № 1, с.109—133; № 2, с.412—441; № 3, с.773—791; т.60, № 4, с.85—109; № 5, с.414—444; № 6, с.759—782; т.61, № 7, с.66—80 // 1846—1856, 1868—1874 гг.

Соллогуб В. А. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1931. Есть др. публ. ...М. С. Воронцов на Кавказе. [1840-е — 50-е?]

Толстой В. С. Князь Михаил Семенович Воронцов // РА, 1877, кн.3, № 11, с.293—310. 40—50-е гг.

Фелькнер А. И. Дело флигель-адъютанта Копьева. Рассказ из времени управления Кавказом кн. М. С. Воронцова. 1845—1850 // РС, 1873, т.7, № 4, с.533—546. Доп.: РА, 1873, кн.2, № 9.

Харитонов А. А. Из воспоминаний // РС, 1894, т.81, № 1, с.101—132; 1862, с.96—130; № 3, с.63—93; № 4, с.124—156; № 5, с.170—201. То же. Отд. отт. СПб., 1894. Есть др. публ. (в отрывках). 1816—1854. 40-е — 50-е гг.

Шварценберг Э. фон. О военных действиях на Кавказе в 1844 и 1845 г. (Из воспоминаний офицера). — В кн.: Южный сборник в пользу пострадавших от неурожая, изданный Одесским обществом вспомоществования литераторам и ученым. Одесса, 1892, с.101—110 (паг. 2-я).

Шиманский. Дело на Гоцатлянских высотах 21 сентября 1843 года. (Из походных записок) // ВС, 1869, т.68, № 7, с.5—9.

Шомпулев В. А. Из воспоминаний старого кавказца // «Разведчик», 1900, № 517, с.820—822; № 518, с.843—845; № 519, с.868—870. Конец 1840-х — начало 1850-х гг. Крепость Воздвиженская. Сведения о набегах и экспедициях против горцев. Генерал Н. П. Слепцов.

Щербинин М. П. Воспоминания. Изд. 2-е. СПб., 1877. Есть др. публ. ...Назначение М. С. Воронцова наместником Кавказа (1844) и отдельные эпизоды покорения края. Наместник Кавказа Н. Н. Муравьев (1854). ...

Щербинин М. П. Князь М. С. Воронцов и Н. Н. Муравьев. Из служебных воспоминаний // РС, 1874, т.11, № 9, с.99—114. То же. Отд. отт. СПб., 1874. 40 — 50-е гг.

1850-е гг.

Алексей Петрович Кульчаев. (В письмах, рассказах и воспоминаниях). ...Состав войск на Кавказе к октябрю 1853 г. ...А. И. Барятинский... КС. Т. 30, 1910, с. 1—88

Аноев А. А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // ВС, 1877, т.114, № 4, с.398—412; т.115, № 5, с.188—204; № 6, с.393—414 (везде pag. 1-я). Есть др. публ. (в отрывках). Авг. 1858 — сент. 1859.

Бакланов Я. П. Блокада и штурм Карса в 1855 г. (По неизд. запискам Я. П. Бакланова и рассказам прочих участников события) // РС, 1870, т.2, № 12, с.567—610. Есть др. публ. // Состав русских войск на Кавказе к началу года. [1855]

Баратов Н. Н. Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 г. // КСБ, 1876, т.1, с.237—267.

Берже А. П. Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе. 1854—1856 // РС, 1873, т.8, № 10, с.599—618.

Бороздин К. А. Воспоминания о Н. Н. Муравьеве // ИВ, 1890, т.39, № 1, с.86—101; № 2, с.307—323. 1853—1856.

Ботьянов М. И. Воспоминания севастопольца и кавказца и некоторые мысли по военным вопросам. Витебск, 1901. (Перед загл.: М.Б.). Др. публ.: СПб., 1899; СПб., 1913. 1852—1878. ...Служба на Кавказе в 1854—1878 гг.

Бугайский П. Я. Гуниб. (Воспоминания о покорении Восточного Кавказа и утверждении русского владычества в горах) // «Кругозор», 1877, № 24, с.374—376. 1859.

Взятие в плен Шамиля // ЖЧВВУЗ, 1860, т.142, № 566, с.177—187. 1859.

Воспоминание о былом // ВС, 1872, т.83, № 2, с.313—358. В конце текста: В-ский А. 1852—1853. Военная экспедиция от Ставрополя до крепости Грозной. Поход против горцев из Грозной...

Воспоминания о закавказском походе // ВС, 1860, т.11, № 1, с.135—272; <...> Есть др. публ. // ...Обстановка на Кавказе к началу 1854 г. ...

Воспоминания о зимней экспедиции Майкопского отряда // ВС, 1868, т.64, № 12, с.247—283. В конце текста: В. 1857—58.

Воспоминания офицера Закавказской армии. Соч. И. О. СПб., 1857. (Автор — офицер Белевского пехотного полка). Обстановка на Кавказе в окт. 1853 г. ...

Гольдман А. фон. Под Гунибом. (Воспоминания очевидца) // ВС, 1864, т.35, № 1, с.129—153. Авг. 1859.

Григорьев Д. П. Воспоминания о деле близ укрепления Архой // ВС, 1893, т.209, № 2, с.347—349. 1858 г.

Дзержинский В. С. Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Мосельдельгерского укрепления Шамилем в 1853-м году // ВС, 1903, № 9, с.50—68; № 10, с.27—61.

Дондуков-Корсаков А. М. Воспоминание о кампании 1855 года в Азиатской Турции // КСБ, 1876, т.1, с.289—368. Есть др. публ. // Расположение войск на Кавказе летом 1855 г. ...

Дроздов И. И. Записки кавказца // РА, 1896, кн.3, № 10, с.213—274. Назначение на Кавказ в резервную легкую батарею в ноябре 1854 г. ...Н. Н. Муравьев.

Дюма А. Кавказ: Путешествие Александра Дюма / Пер. с фр. П. Роборовского. Тифлис, 1961. Вып.1—2. 712 с. Нояб.1858 — февр.1859.

Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца) // КСБ, 1889, т.13, с.425—616. В конце текста: К.

Из боевых воспоминаний. Рассказ куринаца // КСБ, 1879, т.4, с.51—67. В конце текста: Н. П. 1859.

Из дневника дагестанца // КСБ, 1897, т.18, с.204—287. В конце текста: П. К. Июль — авг. 1859.

Из походных записок. Кавказ // ВС, 1866, т.50, № 7, с.127—144. 1852—1853.

Инсарский В. А. (директор Канцелярии Кавказского наместника). Записки // РС, 1894, т.81, № 1, с.3—61; № 2, с.3—45; № 3, с.3—38; № 4, с.36—59; № 5, с.3—28; № 6, с.33—62; т.82, № 11, с.27-57; № 12, с.29—52. (То же. Отд. отт. СПб., 1894); 1895, т.83, № 1, с.92—124; № 2, с.53—91; № 3, с.29—74; № 4, с.3—42; № 6, с.3—38; т.84, № 7, с.3—56; № 8, с.3—39; № 9, с.3—40; 1897, т.91, № 9, с.561—591; т.92, № 10, с.159—187; № 11, с.425—445; № 12, с.631—648; 1898, т.93, № 1, с.193—214; № 2, с.371—400; № 3, с.607—634; 1904, т.119, № 8, с.241—266; № 9, с.481—504; т.120, № 10, с.5—29; № 11, с.249—299; № 12, с.489—524; 1905, т.121, № 1, с.5—23; 1906, т.125, № 1, с.5—61; № 2, с.233—271; № 3, с.473—508; т.126, № 4, с.79—108; № 5, с.341—377; 1907, т.129, № 1, с.29—83; № 3, с.487—527; т.130, № 6, с.509—551. Есть др. публ. (в отрывках) // ...А. И. Бярятинский и покорение Кавказа (с 1856)... Вел. кн. Михаил Николаевич как наместник Кавказа. [1860-е гг.]

Исарлов Л. С. Воспоминание о генерале Н. Н. Муравьеве, бывшем наместнике Кавказском // КВ, 1901, № 12, с.74—111. 1854—1856.

Кишмишев А. Тифлис. Личные воспоминания (за время управления Кавказом кн. Воронцова). Тифлис, 1909. <1844—1854> ...Убийство Хаджи-Мурата. [1852] ...

Корганов И. И. Воспоминания И. И. Корганова: (Письмо к Л. Н. Толстому) / Сообщ., предисл. и коммент. Л. Семенова // ЛН.

1939, т.37/38, вып.2. с.637—641. — В ст.: Материалы к истории создания повести «Хаджи-Мурат», 1852 г.

Корганова А. А. Воспоминания А. А. Коргановой / Сообщ., предисл и коммент. Л. Семенова // ЛН. 1939. т.37/38, вып.2 с.642-645. — В ст.: Материалы к истории создания повести «Хаджи-Мурат». 1852 г.

Корсаков А. С. Воспоминание о Карее // РВ, 1861, т.34, № 8, с.339—430. Есть др. публ. Сент. — ноябрь 1855. Подневные записи военных событий на Кавказе. Состояние войск к сентябрю. ...

Лихутин М.Д. Русские войска в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863. Окт. 1853 — ноябрь 1855. ...Состав русских войск на Кавказе. ... [1854]

Муравьев А. Н. Николай Николаевич Муравьев. 1854—1856 // РС, 1874, т.10, № 5, с.139—151. (В конце текста: Любитель Кавказа и Закавказья).

Муравьев Н. Н. Из записок о войне 1855 г. в Малой Азии // РВ, 1862, т.37, № 1, с.310—341; т.43, № 1, с.397—402. Планы автора по ведению военных действий на Кавказе в 1855 г.

Никифоров Д. И. Воспоминания из времен императора Николая I. М., 1903. 63 с. ...Начало Крымской войны и поход полка на Кавказ. ...

Николаев П. С. Воспоминания об А. И. Барятинском // ИВ. 1885, т.22, № 12. с.618—644. 1856—1877.

Ностиц И. Г. [Портрет Шамиля] // Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского его императорского величества государя наследника цесаревича полка. СПб., 1895, т.7, с.24—26. Сент. 1859.

[Орлов-Давыдов А.] Частное письмо о взятии Шамиля. // РА, 1869, т.6. с.1046—1064.

Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе. Пер. с фр. // КСб, 1877, т.2, с.143—214. ...Обстановка на Кавказе в 1855 г. ...

Переход войск Дагестанского отряда через главный хребет

Кавказских гор Гутур-Дах в 1853 г. (Из воспоминаний кавказца) // ВС, 1862, т.26, № 7, с.157—184.

Покорение Дагестана в 1859 году. (Из дневника кавказца) // ВС, 1863, т.34, № 11, с.51—78. В конце текста: С. К.

Попко И. Д. Из дневника // РА, 1909, кн.2, № 6, с.285—290; кн.3, № 11, с.321—339; № 12, с.439—454; 1910, кн.1, № 1, с.78—92. Июль 1854 — июль 1855. Подневная запись военных событий на Кавказе. ...

Прозрителев Г. Н. Из прошлого Северного Кавказа. Воспоминания старого кавказца отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. Ставрополь, 1914. 26 с. Есть др. публ. 50-е — 60-е гг.

Радецкий Ф. Ф. Согрытлахская переправа. (Заметки по поводу статей о Согрытлахской переправе, помещенных в газете «Кавказ») // ВИС, 1914, № 1, с.149—160. Июль 1859 г.

Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках. — См. раздел «О Шамиле». [Пленение Шамиля под Гунибом (1859)].

Радзевич К. Р. Автобиография. Тифлис, 1908. 55 с. ...Служба на Кавказе (с 1851 г.).

Роткирх В. А. Капитан Платов. — В кн.: Роткирх В. А. Воспоминания. Ч.3. Вильна, 1890, с.88—101. Есть др. публ. Нач. 50-х гг. О самозванце Платове, выдававшем себя за кавказского героя.

Рудаков П. Д. Дневник о войне в Малой Азии в 1854—1855 годах // РС, 1905, т.122, № 5, с.274—304; № 6, с.481—508. Есть др. публ. (в отрывках). Военные действия на Кавказе осенью 1853 г. ...Силы русских войск на Кавказе к 1854 г. ...Взаимоотношения командного состава. ...Н. Н. Муравьев. М. С. Воронцов. ...

Салов И. А. Умчавшиеся годы. (Из моих воспоминаний) // Русская мысль, 1897, кн.7, с.1—27; кн.8, с.1—25; кн.9, с.56—81 // То же. [В отрывках] // РМ, 1894, кн.11 (под загл.: Француз и помещик Баклажанов). ...Пленение Шамиля... (1859). Др.

Свидание с Шамилем: Письмо пруссака, служащего в р. войсках на Кавказе // Вердеровский Е. А. Плен у Шамиля. СПб., 1856. с.9—22 (паг. 4-я). Конец февр. — 10 марта 1855.

Святополк-Мирский Д. И. Воспоминания. — В кн.: Сборник рукописей, представленных... о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I. СПб., 1872, с.385—404. Есть др. публ. // Служба на Кавказе в марте 1854 — феврале 1855 г.

Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС, 1872, т.87, № 9, с.149—169; № 10, с.325—360; 1874, т.97, № 5, с.157—176; № 6, с.376—395; т.98, № 8, с.393—416; т.99, № 9, с.164—186; 1875, т.105, № 10, с.414—438; т.106, № 11, с.245—261; № 12, с.503—518; 1876, т.110, № 7, с.205—222. 1859—1863.

Согрытлахская переправа. (Из дневника очевидца) // ВС, 1866, т.48, № 4, с.343—355. Июль 1859 г.

Солтан В. На Гунибе в 1859 и 1871 гг. // РС, 1892, т.74, № 5, с.391—418. Авг. 1859, сент. 1871.

Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // ВС, 1905, <...> № 12, с.45—54. То же. СПб., 1905. ...Перевод автора на Кавказ в начале 1856 г.

Стрелок Н. Н. Из дневника старого кавказца // ВС, 1870, т.76, № 11, с.189—242. Июль — авг. 1859 г. Подробные подневные записи об участии в Аварской экспедиции, штурм Гуниба и взятие в плен Шамиля.

Фадеев А. М. Воспоминания 1790—1867. В 2-х ч. Одесса, 1897. Есть др. публ. ...Крымская война и военные действия на Кавказе. А. И. Барятинский и окончательное покорение Кавказа. ...

Филиппов Н. Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. // МС, 1857, т.29, № 6, с.207—260; т.30, № 7, с.1—52; № 8, с.217—244; т.31, № 10, с.169—205 (везде — паг. 2-я). То же. Отд. отд. СПб., 1857. ...Набеги черкесов. ...

Чертков А. А. Александр Алексеевич Баженов. (Из кавказских воспоминаний) // РА, 1881, кн.2, вып.3/4, с.191—227. 1852—1878.

Шабанов Н. Воспоминания о зимней экспедиции 1859 года в Чечне // ВС, 1866, т.51, № 10, с.297—333.

Штанге Э. К. Действия 2-го батальона Ширванского полка под Гунибом. По поводу статьи: Покорение Дагестана в 1859 году // ВС, 1864, т.39, № 9, с.149—155.

Экспедиция в Дагестане летом 1851 г. // ИнЖ, 1870, № 2, с.183—207. В конце текста: Ал. Фр.

1860-е гг.

Венюков М. И. Из воспоминаний. (Кн.1—3). Кн.1. 1832—1867. Амстердам, 1895. Др. публ. (в отрывках) // ...Колонизация Кавказа в 1861—63 гг. ...Военные действия... и т.д.

Вишневецкий Н. И. Сотник Горбатко и его сподвижники, 1862 г.: (Ст. войскового старшины [Кубанского казачьего войска] Н. И. Вишневецкого) / С послесл. И. И. Палимпсестова // РА. 1889. Кн.3, вып.11. с.353—375.

Гейнс К. Пшехский отряд. С окт. 1862 по ноябрь 1864 г. СПб., 1866. 251 с. Др. публ.: ВС, 1866, № 1—5. 1861—1864.

Гончаренко С. К. Из кавказского прошлого: (По воспоминаниям о трехгодичном плене казачки Соломонида Капитоновны Гончаренко, по отцу Ярошенко, по плену Чухахан-Муляхан-Перми / С. К. Гончаренко (Ярошенко); В записи Е. И. Аничкова-Платонова // РС. 1911. т.148, № 11, с.427—447. То же [отд. отт.] СПб., 1911. 20 с. 1860-е гг.

Гунаропуло С. А. Встреча с абреками // НВ, 1902, т.89, № 8, с.445—452. 1862 г.

Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861 по 1864 год. Походные записки // КСб, 1880, т.5, с.345—470.

Хагондоков. Из записок черкеса // ВС, 1867, т.54, № 3, отд.2, с.95—104. 1862 г.

Хитрово Н. П. Воспоминания об одном из петрашевцев (Н. А. Мамбелли) // РМ, 1909, № 7, с.88—108. Есть др. публ. (в отрывках). 60-е — 70-е гг.

Шиманский. Дело 2-го марта 1862 года на реке Белой // ВС, 1869, т.70, № 11, с.5—18.

Яковлев И. Нападение горцев на ст. Темнолесскую. По воспоминаниям О. П. Павловой. Ставрополь, 1914. 6 с. // Др. публ.: ТСтУАК (Труды Ставроп. ученой арх. комиссии) 1914, вып. 6. 60-е гг.

Свидетельства пленных

Беляев С. И. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // БЧ. 1848, т.88, с.71—102; т.89, с.21—48. (Везде: паг. 3-я).

Дрансе А. Пленницы Шамиля. Тифлис. 1859. (Есть др. изд. 2-е — 193 с.).

Екельн Л. Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // ОЗ. 1841, т.19, № 12, с.91—96 (паг. 7-я).

Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев. 1842. КСб. 1898, т.19, с.221—247.

Зубов П. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. М., 1834. ...Пребывание воинского начальника укрепления Урух и его конвоя в плену у горцев (в пересказе). ...

Клинггер И. А. Два с половиною года в плену у чеченцев. 1847—1850 // РА. 1869, № 6, с.964—1006. Есть газета, вар. 1856 г. (1239-Г).

Кофанов М. [Х. Кафанов.] В плену у горцев в 1831 и 1832 гг. ТСтУАК (Труды Ставроп. ученой арх. комиссии) 1914, вып.6, с.3—11 (паг. 3-я).

Румянцев И. Н. В плену у Шамиля. Записки русского. Т.1. СПб., 1877. 188 с. Др. изд. // Или: Новые проповедники мюридизма на Кавказе. (Из записок пленного). СПб., 1878.

Шипов Н. Н. История моей жизни и моих странствий. Рассказ бывшего крепостного крестьянина Николая Шипова. 1802—1862 гг. — В кн.: Карпов В. Н. Воспоминания. — Шипов Н. Н. История моей жизни. [М.—Л.], 1933, с.366—523 // Др. публ.: РС, 1881, т.31, № 5—8; т.32, № 9. То же. Отд. отт. СПб., 1881. ...Взятие в плен чеченцами. ...

О Шамиле

Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е, доп. Казань, 1850 (Березин И. Н. Путешествие по Востоку. I). Ч.1—3. Есть др. публ. 1842 г.

...Характеристика Шамиля и изложение рассказов о нем. ...

Захарьин И. Н. Генерал Шамиль — и его рассказы об отце. — В кн.: Захарьин И. Н. Встречи и воспоминания. Из лит. и воен. мира. СПб., 1903, с.231—266. На тит. л. авт.: И. Н. Захарьин (Якунин) // Др. публ.: РС, 1901, т.107, кн.8. 1832—1899.

Захарьин И. Н. Поездка к Шамилю в Калугу в 1860 году. (Из записок и воспоминаний). — В кн.: Захарьин И. Н. Встречи и воспоминания. Из лит. и воен. мира. СПб., 1903, с.37—91. На тит. л. авт.: И. Н. Захарьин (Якунин). Есть др. публ. 1859—1861.

Пржецлавский П. Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского. 1862—1865 // РС, 1877, т.20, № 10, с.253—276; № 11, с.471—506; 1878, № 1, с.41—64; № 2, с.265—280.

Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках. Сообщ. С. Шульгин. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.32. Тифлис, 1903, с.10—24 (паг. 3-я) // Со слов Сеида Абдуррахима Джемалэддина Хусейна. ...

Руновский А. И. Записки о Шамиле пристава при военнопленном. СПб., 1860. 204 с. Есть др. публ. 1859—1860.

Хаджи-Мурат Г., Хаджи-Мурат К. Предания о Хаджи-Мурате: Пер. с авар. / Записал Г. Ясулов // Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. т.3. с.7—49.

Погодин М. П. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863. Есть др. публ. 1777—1861.

Похвиснев М. Н. Алексей Петрович Ермолов. (По поводу помещенных в «Русской старине» материалов под загл.: «Ермолов, Дибич и Паскевич»). См. Зайончковского. // РС, 1872, т.6, № 11, с.475—492. Нач. XIX в. — 60-е гг.

Из воспоминаний кавказца // Почтальон, 1903, № 3, с.14—22. В конце текста: Ветеран. Описание нескольких эпизодов войны с горцами.

Бороздин А. К. Мое знакомство с декабристом бароном Черкасовым // Нива, 1887, № 11, с.282—286; № 12, с.306—307 // 20-е — 50-е гг. Рассказ А. Н. Черкасова о своей жизни. ... <в 1837—42 гг. — рядовой на Кавказе. >

Газеты

Алибегов, горец. Из воспоминаний дагестанского горца (Время Шамиля) // Кавказ. 1874. №№ 65, 96, 103—106.

Бакрадзе Д. Сцены из грузинской жизни (набег лезгин в Грузию) // Кавказ. 1850. №№ 91—93.

Барилко П. Плен и смерть генерала Я. Г. Кухоценко. // Кавказ. 1862. № 90.

Боевые будни кавказского офицера. (Из дневника 1858—1860 годов участника покорения Кавказа). // Кубанск. обл. ведомости. 1900. №№ 180—185, 188, 191, 192, 194, 195, 197, 200, 203 и 204. Выдержки в «Терских ведомостях». №№ 109, 110, 114, 115. <Извлечение из дневника б. офицера Кабардинского полка Дмитрия Николаевича Шпр-ра. В т.ч. взятие Ведено и Гуниба>

Бывший Нижегородец. Воспоминание драгунского офицера о деле 8 апреля. // Кавказ. 1860. № 33.

Вейль К. Крепость Воздвиженская (описание крепости; жизнь в гарнизоне; тревоги; оказии) // Кавказ. 1852. № 34.

Военный листок. Случай из кавказской боевой жизни. // Кавказ. 1853. № 93; 1854. №№ 3, 23, 75 и 76.

Волконский Н. Кавказский солдат. (Качества, выработанные условиями Кавказской войны). // Кавказ. 1858. № 52.

Волконский. О куначестве рот в Кавказской армии. // Кавказ. 1861. № 68.

Волконский Н. Укрепления Шатоевское и Евдокимовское зимою 1858 года // Кавказ. 1859. №№ 69 и 71.

Воспоминание драгунского офицера о деле 8 апреля 1851 г., в день Св. Пасхи // Русск. инвал. 1860. № 3 (См.: Воен. сб. 1860. № 1).

Воспоминания кавказца. О поражении Магомет-Амина, 13 января 1859 г. // Рус. вестн. 1861. № 272.

Выдержки из записок Абдеррахмана, сына Джамаляддина, о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем // Кавказ. 1862. №№ 72—76. Отд. изд. — Тифлис. 1862.

Выдержки из походных записок (форт Раевского, описание его и жизни в нем) // Кавказ. 1848. № 4.

Гливенко Г. Воспоминание о нападении черкес, 31 декабря 1857 г., на Павловский пост и 7 января 1858 г. на станицу Пашковскую // Кубан. обл. ведом. 1884 №№ 3-5.

Губарев К. Из путевых заметок о Кавказе. // Русское слово, 1865. № 5.

Г. Ш. Воспоминание об аварской экспедиции 1837 г. // Кавказ. 1872. №№ 50, 53 и 56.

Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. // Ставроп. губ. вед. 1856 года. №№ 3—13, 15, 17—19, 23—27.

Дьяченко. Воспоминания о чеченской экспедиции 1852 года // Русс. инвал. 1855. №№ 94 и 95; С.-Петербург. ведом. 1855. №№ 107 и 108; особое прибавление к газете «Кавказ». 1855. № 26.

Записки о 22 конном полку Кубанского поиска // Кубанск. войск. ведом. 1870. № 32.

Зиссерман А. Курьезное дело (о происшествии в 1812 году со временно-командовавшим Кавказскою линиею генералом Портнягиным). // Кавказ. 1878. № 294.

Зиссерман А. Лагерь близ аула Тандо. Дневник. <с 15 по 27 июля> // Кавказ. 1859. № 64.

Зиссерман А. Лагерь у озера Япи-ам (описание лагеря и приезда кн. Барятинского) // Кавказ, 1859. № 59; перепечатано в «Ставроп. губ. ведом.» 1859. № 32.

Зиссерман А. О последних событиях в Дагестане. Описание событий... с 30 июля по 27 авг... // Кавказ. 1859. №№ 72 и 73.

Зиссерман А. Отрывок из кавказских воспоминаний // Кавказ. 1857. № 87.

Зиссерман Ар. Письмо с Кавказской линии. Воспоминание о путешествии главнокомандующего князя А. И. Барятинского по левому крылу Кавказской линии // С.-Петербург. ведом. 1857. № 113.

З...ский. Воспоминания о действиях Моссельдельгерской колонны лезгинского отряда близ креп. Закаталы в 1853 году // Кавказ. 1865. №№ 51 и 52.

Ив. Б-в. Первый набег. Рассказ. (Экспедиция на правом фланге Кавказской линии в 1851 году) // Кавказ. 1861. № 14.

Из воспоминаний об экспедиции 1859 г. в Дагестане. Сагрытлосская переправа // Кавказ. 1864. №№ 3 и 6. Возражение на эту ст. Девеля в № 27. Ответ автору возражения на ст. «Сагрытлосская переправа» Н. Иванова в № 56. Ответ на ст. г. Иванова Ф. Девеля — № 70. Заметка по поводу статей о Сагрытлосской переправе, помещенных в газете «Кавказ», Ф. Радецкого — № 73.

Ильин П. Еще воспоминание о Н. П. Слепцове (начало славы Слепцова — дело 17 декабря 1843 г. против горцев при кр. Зыряне) // Кавказ. 1852. № 31.

Кавказский ветеран. Поход графа Воронцова в Дарго и сухарная экспедиция 1845 года // Кавказ. 1892. №№ 92 и 93; Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказ. 1893. № 58.

Кази-Мулла (Гази-Магомед, 1824—1833). Из записок капитана Пружановского // Кавказ. 1847. №№ 30 и 31. Сб. газ. «Кавказ». 1848. т. 2.

Каченовский Вл. Начало конца. Эпизод из кавказской войны 1846 г. (Из воспоминаний старого кавказца) // Московск. ведом. 1892. №№ 36 и 37.

Клинггер И. Рассказ офицера, бывшего в плену у чеченцев с 24 июля 1847 г. по 1 января 1850 г. // Кавказ. 1856. №№ 86, 88, 90, 91, 92, 97 и 101.

К. М. Из воспоминаний об Адагуме. Переход Крымского полка на вновь назначенную штаб-квартиру // Кавказ. 1860. № 40.

Козловский А. Очерк из Дагестанской войны (бой с горцами с 29 на 30 июля 1857 г. около укрепления Оглы) // Кавказ. 1857. № 72.

Костемеровский. Дневник. Салатавский зимний поход 1858 г. 29 ноября // Кавказ. 1859. №№ 60 и 62.

Костемеровский. Окончательное занятие Салатавии войсками Прикаспийского края (1857 г.) и сооружение в центре ее штаб-квартиры Дагестанского полка // Кавказ. 1858. № 1.

Костемеровский. Постройка штаб-квартиры Дагестанского полка на развалинах старого Бутуная // Кавказ. 1858. №№ 83 и 84.

Ливенцов А. Из воспоминаний о походе в Дагестане в 1843 году // Кавказ. 1850. №№ 70, 71, 73, 74, 80, 82, 83 и 94.

Маняти К. Два истинных происшествия из эпохи минувшей войны (1853—1856 гг.) // Кавказ. 1857. №№ 91 и 92. <два рассказа за пленных >

Нападения: 16 марта 1846 г. на двух казаков... и 15 мая 1846 г. на казака... Два рассказа // Кавказ. 1846. № 33.

Наши пленные в Турции. Рассказы (из «Нового времени») // Кавказ. 1878. № 214.

Некоторые биографические подробности о Шамиле. Д. Б. // Калужск. губ. вед. 1859, № 44 (по поводу статьи Савинова, помещенной в «Сыне Отечества»).

Николаи, барон. Материалы для истории Кавказской войны. (Выписки из дневника генерал-лейтенанта барона Леонтия Павловича Николаи) // Кавказ. 1874. №№ 107, 109, 123, 129, 141 и 150. <1855—1857>

Ницик П. Вторжение Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года (Из кавказских воспоминаний) // Терские ведом. 1886. №№ 54, 56, 58 и 60.

Новоселов Сем. Рассказ об осаде укрепления Ахты в 1848 г. // Кавказ. 1851. №№ 66—68. То же в «Сев. пчеле». 1851. №№ 68 и 69.

О. К. Сцены из боевой жизни (взятие Андийских высот под начальством князя Барятинского) // Кавказ. 1846. № 1.

Отрывок из походных записок. Об осаде Чоха в 1849 году // Рус. инвалид. 1851. № 257.

Пиотровский, доктор. Поездка в горы // Кавказ. 1858. №№ 70 и 71. <приглашен к сыну Шамиля, Джемаль-Эддину>

Плетнев А. Из воспоминаний об экспедиции в Дидайское общ-во в 1857 году // Кавказ. 1864. №№ 24, 37 и 55.

Подробное описание размена пленных семейств флигель-адъютанта полковника князя Чавчавадзе и генерал-майора князя Орбелиани // Русск. инв. 1855. № 77; С.-Петербур. ведом., № 85; Северная пчела, № 86; Русск. вестн. №№ 40 и 47; Моск. ведом. № 48; Ведом. Моск. гор. полиции. № 87.

Последние 15 дней салатавской экспедиции. Воспоминания и впечатления участника экспедиции. Л. // Кавказ. 1858. № 16—19; Рус. инв. 1858. №№ 56, 64 и 65.

Происшествия в Кайтаге с 1820 до 1826 г. По запискам капитана Пружановского // Кавказ. 1846. № 14.

Прокофьев Г. Из воспоминаний. Разорение аула Танды, по дороге в Джумсой, в 1860 г. // Кавказ. 1862. №№ 80 и 81.

Рассказ моздокского гражданина 3-й гильдии купца Миная Жаева сына Атарова (посещение Дарго, Ведено, личность Шамиля) // Кавказ. 1853. № 85.

Рассказ солдата об осаде Балаханов в 1843 году // Кавказ. 1853. № 74.

Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году // Кавказ. 1849, №№ 1-5.

Самарин. Набеги беглого казака Алратова на линию (1844—1854 гг.) и биографические о нем сведения. См. «Дорожные заметки» // Сев. пчела. 1862. №№ 132, 133, 134 и 160.

Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья (набеги лезгин в Кахетию) // Кавказ. 1848. №№ 40 и 41.

С-ов. 1) Набег (эпизод из походн. жизни). Экспедиция в начале мая 1861 г. в землю шапсугов // Кавказ. 1861. № 96. 2) Дневка

на Кубани (эскизы походной жизни. Продолж. ст. «Набег») // Кавказ. 1862. №№ 4 и 5.

Сулейман-ефенди. Окончат. покорение Малой Чечни // Кавказ. 1846. № 51.

Султан Адиль-Гирей. Рассказ аварца. Из походного дневника, веденного на осаде Салтов // Кавказ. 1847. №№ 48 и 40.

Сцена из покорения Джаро-Белокан // Кавказ. 1846. № 4.

Торнау бар. Ф. Ф. Записки р. офицера, бывшего в плену у горцев // Кавказ. 1852. №№ 1 и 2. <5 и 9 янв.>

Финогеев. Письмо из крепости Грозной. Впечатления очевидца о действиях в октябре 1857 г. на реках Гойте и Шавдоне // Кавказ. 1858. № 5.

Ф...ъ Д...ъ. Клочок из походной жизни <в 1847 г.> // Кавказ. 1849. №№ 4 и 5.

Хан-Гирей. Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий // Кавказ. 1847. №№ 42—47.

Циммерман. Несколько слов о покойном генерале Слепцове // Рус. инв. 1852. № 36; Кавказ. 1852. № 16.

Цискаров И. 1) Дикло и Шанако (нападения в 1838 г. лезгин на эти деревни) // Кавказ. 1846. № 27. 2) Картины Тушетии (набеги лезгин) // Кавказ. 1846. № 50.

Школа военных кантонистов при Кавказском саперном батальоне // Кавказ. 1846. № 22.

Штейнбок, гр. Воспоминания кавказского офицера // Кавказ. 1854. №№ 17, 18 и 20.

Щербаков. Воспоминания о генер. от инф. кн. Вас. Осип. Бетуове // Кавказ. 1883. № 269.

Эристов Р. Рассказы наших милиционеров // Кавказ. 1854. №№ 91—95.

Эристов Р. Шете Глухайдзе. Тушинский беладзи (наездник) и его подвиги // Кавказ. 1856. № 14.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЧ — Библиотека для чтения
ВЖ — Военный журнал
ВЕ — Вестник Европы
ВС — Военный сборник
ГМ — Голос минувшего
ДНР — Древняя и новая Россия
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖЧВВУЗ — Журнал для чтения воспитанников военных учебных заведений
ИВ — Исторический вестник
ИнЖ — Инженерный журнал
ИТамБУАК — Известия Тамбовской ученой археологической комиссии
КВ — Кавказский вестник
КСб — Кавказский сборник
МС — Морской сборник
МТ — Московский телеграф
ОЗ — Отечественные записки
РА — Русский архив
РВ — Русский вестник
РМ — Русская мысль
РС — Русская старина
СтН — Старина и новизна
ТСтУАК — Труды Ставропольской ученой археологической комиссии
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас-Мирза — 110
Аббас, шах — 260
Абдул Меджит Хан — 230
Абдул Рахман Бек — 232
Абдурахман Карахский — 193, 194, 232
Абубекр — 280
Авалов З. — 45
Август, император — 124, 144
Ага-бек — 292
Агалар Бек — 232, 233
Адашев А.Ф. — 17
Адлерберг В. Ф. — 424
Александр I — 10, 11, 44, 46, 49, 50, 51, 52, 71, 72, 74, 106, 109, 112, 120, 143, 247, 248
Александр II — 314
Александр Гессенский — 355
Александр Ираклиевич, царевич — 51
Александр Македонский — 55, 325
Александров-1 Н. И. — 402, 404, 420
Алексей Михайлович — 260
Алехин М. П. — 387
Али-Магомет-Хан — 46, 265
Анна Иоанновна — 59
Анреп-Эльмгт И. Р. — 173, 174, 219, 243, 246, 280
Анучин Д. Г. — 348
Аргутинский-Долгоруков М. З. — 232, 233
Арсеньев Н. Д. — 60
Аршеневский Д. Н. — 389, 420
Аслан-хан — 131, 133
Ахверды-Магомет — 231
- Баба-хан — 74
Багратион П. И. — 250
Байрон — 112
Бакланов Я. П. — 320
Бальмен де А. П. — 328
Бальмен де Я. П. — 328, 338
Барятинский А. П. — 22, 238, 314, 321, 354, 359
Баскаков А. — 42
Бебутов В. О. — 354
Безобразов С. Д. — 222, 224, 225, 226
Беккендорф К. К. — 350, 355, 358, 359, 376, 405
Беклемишев Н. П. — 355
Беклешев А. А. — 50
Бскович-Черкасский Е. А. — 308
Бекович-Черкасский Ф. А. — 307, 308, 318
Бельгард К. А. — 372
Бердяев Н. А. — 343, 344
Берже А. П. — 136, 137, 323, 330
Брзак — 225
- Бестужев (Марлинский) А. А. — 338, 380, 404, 406
Бехли Томас — 260
Биль — 248
Бирюков — 226, 227
Бистром К. И. — 402
Блиев М. М. — 33, 348
Борейко — 420, 421
Бриммер Э. В. — 139, 141, 176, 409, 417, 419
Брискорн М. М. — 149
Брюллов К. П. — 411
Булгаков А. Я. — 10
Бурнашев — 45
Бурцов И. Г. — 21
Бутурлин И. М — 41
Бучина Л. И. — 380
Бучкиев М. Б. — 189
- Валез де — 144
Ван-Гален Хуан — 113, 115, 130
Васильчиков С. И — 354
Васчунд — 171, 225, 227
Вахтанг, царевич — 43
Вачагаев М. — 349
Вельяминов А. А. — 112, 138, 157, 158, 160, 162, 163, 164, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 196, 197, 205, 206, 217, 241, 275, 308, 309, 378, 381, 385, 389, 390, 394, 395, 397, 398, 399, 402, 403, 405, 406, 407, 411, 413, 414, 416, 418, 424, 425
Вешоков М. — 321, 322, 341
Веригип — 246
Викторов Е. А. — 351, 365, 376
Вильде — 224, 225
Висковатов П. А. — 304
Витгенштейн Э. — 355
Волкопский П. М. — 107, 125
Вольховский В. Д. — 167
Вольнский А. П. — 42
Вороицов А. Р. — 71
Вороицов М. С. — 10, 34, 40, 41, 56, 57, 84, 86, 97, 99, 100, 107, 110, 120, 236, 256, 319, 374, 348, 350, 353, 354, 355, 364, 376
Вревский И. А. — 163, 223
Вредс — 130, 131
Вяземский П. А. — 325, 332

- Гагарин А. И. — 354
 Галафеев А. В. — 301, 302, 304, 305
 Гамзат-бек — 135, 149, 200, 234, 235, 280
 Ган — 48
 Гассан-ага — 130
 Геиден Ф. Л. — 354
 Гейман В. А. — 352, 356, 376
 Георгий XII — 46, 47, 48, 49, 50, 58, 265
 Гоголь Н. В. — 329, 334, 342
 Годунов Борис — 41, 260
 Головачев — 376
 Головин, воевода — 260
 Головин Е. А. — 136, 137, 206, 217, 219, 221, 248, 252
 Горбачев В. П. — 390
 Горчаков Н. — 376
 Граббе П. X. — 206, 218, 221, 301, 302, 304, 305, 307, 308
 Греков Н. В. — 177
 Грибоедов А. С. — 27, 121, 338
 Грин Д. — 341
 Грозова И. — 377
 Грубер — 106, 107
 Гудович А. В. — 62
 Гудович И. В. — 4, 33, 46, 57, 58, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 75, 83, 84, 86, 87, 88, 91, 93, 94, 97, 112, 118
 Гуляков В. С. — 75, 80, 84
 Гурко В. И. — 219, 222, 225, 226, 352
 Гюнтер — 386
 Давид, царевич — 48
 Давыдов Д. В. — 123
 Дадиани — 137
 Данилевский Н. Я. — 3, 4, 6, 11, 12, 38, 39
 Дегоев В. В. — 33, 348
 Дельвиг И. И. — 349
 Дельвиг Н. И. — 355, 356
 Дельпоццо И. П. — 57, 80
 Джафар-Кули-хан — 86, 119, 120
 Дзюба И. М. — 324, 326, 327, 328, 330, 331, 333, 334, 336, 339, 341, 342, 343, 344
 Дибич И. И. — 103
 Добролюбов Н. А. — 30, 31
 Долгорукий Н. Н. — 381, 386, 402, 403
 Дондуков-Корсаков А. М. — 314, 315, 354, 358, 359
 Доу Д. — 28
 Дубровин Н. Ф. — 3, 68, 69, 89
 Евдокимов Н. И. — 202, 228, 315, 319, 322, 323
 Егоров — 394
 Екатерина II — 4, 11, 33, 44, 46, 61, 62, 64, 67, 79, 83, 261, 263, 266, 299, 329, 343
 Емсельянов И. — 412
 Емсельянов И. В. — 381
 Ериш В. П. — 386
 Ермолов А. П. — 8, 9, 12, 13, 23, 28, 56, 57, 58, 60, 62, 64, 69, 75, 78, 80, 86, 88, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 133, 135, 141, 143, 146, 166, 175, 197, 217, 233, 234, 245, 250, 278, 280, 291, 308, 314, 338, 347, 348, 355
 Есенов — 318
 Железняк М. — 343
 Заводовский Н. С. — 384
 Загоскин Я. Н. — 382
 Зазыбин — 412
 Закревский А. А. — 56, 95, 98, 99, 100, 104, 105, 108, 115, 117, 118, 119, 123, 131, 133
 Заруцкий И. М. — 260, 261
 Засс Г. X. — 171, 183, 184, 185, 206
 Захаров-Чеченец П. З. — 132
 Земский — 414
 Зиссерман А. Л. — 3
 Золотарев — 231
 Зубов В. А. — 60, 62, 63, 137
 Зубов П. — 11, 31, 58
 Зубов П. А. — 23, 49, 62
 Зуев — 419
 Ибрагим-паша — 230
 Ибрагим-хан — 71, 75
 Иван IV Васильевич — 259, 335, 344
 Измаил-хан — 93, 115, 118, 121
 Иловайский Д. И. — 330
 Ираклий II — 45, 46, 50, 264, 265
 Кабузан В. М. — 308
 Кавелин А. А. — 424
 Казарский А. И. — 402
 Казбич — 416, 418
 Кази-мулла — 135, 148, 200, 244, 279, 322, 355
 Каплан Гирей Айтек — 225
 Карл XII — 59
 Касим — 70
 Кашутин В. А. — 391, 423
 Квинитадзе — 326
 Кибит-Магома — 193, 194, 203, 228, 232
 Кикин П. А. — 122
 Киселев П. Д. — 102, 107
 Клаусен — 260
 Клейнмихель П. А. — 149, 150
 Клюки-фон-Клугенау Ф. К. — 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 205, 229, 234, 235, 351, 352, 375, 376
 Ключевский — 6
 Кнорринг К. Ф. — 296
 Ковалев С. А. — 333
 Коваленский — 296
 Козловский В. М. — 313, 314, 315, 316, 318, 319, 323
 Колобакин Б. М. — 347, 349, 351, 358, 359
 Константин Павлович — 102, 105, 106, 120
 Кортез — 23
 Котляревский П. С. — 23, 55, 92
 Кочубей В. П. — 49, 340

- Красник — 414
 Краснощекоев И. М. — 43, 262
 Кромвель — 8, 341
 Кусаков — 398
- Лабынцев И. М. — 350, 375
 Лазарев И. П. — 23, 52, 53, 296
 Лебедь А. И. — 252
 Левинсон — 375
 Лермонтов М. Ю. — 38, 241, 302, 331, 333, 334, 335, 336, 337, 344, 377, 380
 Лидерс А. Н. — 352
 Линген — 381, 384, 385, 423, 425
 Лисаневич Д. Т. — 177
 Лисицына Г. Г. — 347
 Лопухин А. А. — 302
 Лукин М. С. — 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 31, 32, 44
 Любе А. Я. — 404
- Магомед Кадий — 232
 Магомед-Мирза-хан — 93
 Магомед-Омар-оглы — 193
 Мадатов В. Г. — 28, 112, 133, 250
 Майнов В. Н. — 390
 Манзей К. Н. — 378
 Мансур — 24, 29
 Мануйлов В. А. — 377
 Мария Темрюковна — 259
 Мария, царица Грузии — 52
 Масальский Н. Ф. — 391
 Матюшкин М. А. — 24, 43, 262
 Махмуд, султан — 179
 Мегмет-Али-паша — 179
 Медич — 263
 Меллер-Закомельский П. И. — 122, 124, 129
 Меншиков А. С. — 158, 159, 175, 241, 242, 245, 246, 248, 424
 Меньшиков — 417
 Мерин Турк Оглы — 229
 Мерклин фон В. — 359, 360
 Местр де Жозеф — 144, 145, 146
 Метхи-Кули-хан — 86
 Миницкий И. О. — 399
 Михаил Николаевич, великий князь — 355
 Михаил Федорович, царь — 260
 Мичерлик — 381
 Мнишек Марина — 260, 261
 Монгескье — 197
 Мордвинов Н. С. — 28
 Мударова, княжна — 308
 Муравьев Н. Н. — 118, 277, 314, 318, 354
 Мурза-Аслан-Ермол — 108
 Мустафа-хан — 70
- Надир, шах — 262
 Наполсон — 19, 59, 91, 103, 104, 105, 106, 112, 198
 Наумов — 57
 Нойдгарт А. И. — 217, 219, 221, 222, 226, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 348
- Нессельроде К. Р. — 230
 Несчаев В. Н. — 358, 359
 Николаи А. П. — 356
 Николай I — 16, 21, 34, 136, 137, 143, 146, 150, 151, 154, 160, 162, 166, 169, 176, 187, 188, 190, 195, 202, 206, 217, 222, 227, 230, 233, 235, 247, 248, 256, 347, 348
 Новосильцев Н. Н. — 49
- Оболенский Е. П. — 338
 Ольшевский М. М. — 308, 309, 390, 404, 405, 406, 412, 425
 Ольшевский М. Я. — 307, 312, 313
 Омар — 45, 280
 Орбелиани — 53, 234
 Орбелиани Г. Д. — 194
 Орлов А. Ф. — 424
 Орлов М. Ф. — 102, 103, 107, 112
 Осман — 280
- Павел I — 46, 48, 49, 51, 64, 106, 263, 266
 Паскаль — 325
 Паскевич И. Ф. — 23, 103, 140, 146, 147, 156, 217, 379
 Пассек Д. В. — 351, 352, 357, 375, 376
 Пастернак Б. Л. — 136
 Пастырь — 373
 Пауллуччи Ф. О. — 88, 91, 97, 111
 Перовский В. А. — 326
 Пестель П. И. — 6, 7, 8, 9, 10, 14, 25, 31
 Петр I — 8, 20, 22, 24, 41, 42, 48, 136, 137, 144, 259, 260, 261, 299, 326, 329, 332
 Петр III — 62
 Петров — 183, 192
 Петрушевский И. П. — 85
 Писарро (Пизарро) — 23
 Платов М. И. — 63
 Плещеев — 41
 Погодин М. П. — 103
 Познанский — 375
 Покровский М. Н. — 3, 4, 5
 Полежаев А. И. — 380
 Поливанов Н. И. — 381, 388
 Полтинин М. П. — 385, 388, 396, 397, 405, 407, 408, 414, 416
 Посыпкин — 191
 Потемкин Г. А. — 12, 46, 264
 Потемкин П. А. — 265
 Потто В. А. — 3
 Пугачев — 343
 Пулло — 301, 302, 313, 314, 315, 316
 Пушкин А. С. — 27, 28, 29, 38, 55, 92, 102, 112, 122, 167, 242, 243, 245, 250, 331, 332, 334, 335, 336, 344, 404
- Равенский М. М. — 387
 Раевский Н. Н. (младший) — 20, 23, 162, 250, 251, 252, 300
 Ранжевский — 352
 Розен А. Е. — 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 84, 167, 185

- Розен Г. В. — 23, 136, 137, 139, 149, 196, 199,
 206, 280, 402, 404, 405
 Ростовчин Ф. В. — 48, 51
 Рошковский О. Ф. — 398, 400, 421
 Ртищев Н. Ф. — 86, 88, 91, 92, 93, 95, 96, 97,
 100, 106, 114, 119, 120, 275, 276
 Румянцев — 12
 Рыков — 417
 Рябов С. — 139, 141, 142

 Савоини А. Е. — 407
 Сербин — 385, 386, 387,
 Сердаковский — 425
 Серебряков Л. М. — 32, 156, 158, 159, 162, 239,
 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 249,
 250, 252, 253, 255, 256, 257, 262, 300, 402
 Сильвестр — 17
 Симановский Н. В. — 377, 378, 379, 380
 Симборский — 177, 178, 179, 180
 Слепцов Н. П. — 321, 376
 Соколовский Н. П. — 404
 Соловьев С. М. — 46
 Сталин — 250
 Стандерпельда К. К. — 381, 385, 389
 Столыпин А. А. — 381, 386
 Строганов — 49
 Суворов А. В. — 12, 20, 59, 60, 61, 103, 359
 Султан-Ахмед-хан — 125
 Сурхай-хан — 70, 71, 131
 Сурхай-кадий — 200

 Талейран — 105, 106
 Тамерлан — 55
 Ташов-Хаджи — 193, 194, 203
 Тевкелев — 249
 Тиханов П. Н. — 377, 378
 Толстой — 412
 Толстой В. С. — 175, 176, 184, 185
 Толстой Л. Н. — 38, 324, 327, 331, 336, 337,
 339, 344
 Тормасов А. П. — 88, 91, 97
 Тотлебен Готлиб-Генрих — 263
 Траскин А. С. — 307
 Трубенкой С. П. — 338
 Тучков С. А. — 52, 54, 59, 60, 72

 Унковский Н. И. — 386

 Фадеев Р. А. — 22, 26, 32, 33, 34, 36, 37, 39
 Федор Иоанович, царь — 40, 259, 260
 Федоров М. Ф. — 189, 190, 379
 Фези — 139, 141, 142, 192, 193, 194, 195, 196, 197
 Фетх-Али-хан — 70
 Фиалпсон Г. И. — 138, 147, 148, 171, 173,
 174, 176, 206, 246, 248, 308, 379
 Флсминг А. Е. — 381, 386
 Фок Б. Б. — 349, 365, 375, 376
 Фолар — 59
 Фонвизин М. А. — 102
 Фрейтаг Р. К. — 304, 307, 308, 348, 354
 Фридрих II — 59

 Хаджи-Гасан-Чечен-Оглу — 243
 Хаджи-Мурат — 10, 38, 148, 200, 228, 234,
 235, 236, 336, 337, 339
 Хан-Гирей — 150, 151, 154, 156, 157, 159, 160,
 161, 163, 164, 166, 168, 169, 170, 173, 174,
 176, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 189,
 190, 191, 192, 196, 205, 206, 207, 216
 Хворостинин А. — 40, 260
 Хмельницкий Б. — 329

 Цебриков Н. Р. — 385
 Цезарь — 55
 Цицианов П. Д. — 12, 23, 47, 50, 51, 52, 53, 56,
 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 68, 69, 70, 71,
 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 82, 83, 84, 85,
 86, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 96, 97, 98, 101,
 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 121,
 123, 124, 135, 177, 197, 233, 245, 250, 331

 Чаадаев П. Я. — 10; 16
 Чавчавадзе — 194
 Чарторийский — 49, 89
 Чернецов Н. Г. — 18
 Чернышев А. И. — 149, 151, 156, 160, 162,
 163, 165, 168, 169, 175, 180, 182, 184,
 186, 187, 188, 190, 192, 196, 207, 218,
 221, 233, 348
 Чингисхан — 55, 108, 325

 Шамиль — 21, 22, 30, 34, 40, 129, 135, 137,
 142, 149, 160, 174, 186, 192, 193, 194, 195,
 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 205,
 218, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 236, 237,
 242, 244, 245, 255, 256, 273, 275, 279, 280,
 281, 302, 304, 305, 311, 313, 314, 318, 322,
 336, 338, 339, 347, 349, 354, 355, 356, 357
 Шамиров Шафир — 283
 Шаховской — 412
 Шварц — 229
 Шварценберг фон Э. — 355, 358, 375
 Швецов — 283
 Шевченко Т. Г. — 324, 327, 328, 329, 338,
 341, 342, 343
 Шейблер Е. К. — 387, 400, 403, 420, 421, 426
 Ших-Али-хан — 65, 70, 71
 Штапельберг Ф. В. — 381, 382, 384, 385, 410,
 412, 423
 Штейбе фон Н. А. — 395, 396, 397, 407, 409, 425

 Энгельгардт Л. Н. — 59, 60
 Эристов — 82

 Юлинг — 351, 352, 359, 360, 375
 Юнгерсон К. К. — 364, 365, 373, 374, 375
 Юров А. — 300, 301

 Языков — 60
 Яковлев П. А. — 381, 385, 386, 388, 400, 403,
 420
 Якубович А. И. — 306, 338
 Якушкин Е. И. — 338

Содержание

Что увлекло Россию на Кавказ?	3
Пролог Кавказской войны	40
Цицианов	56
Ермолов	97
Кавказ и царь	136
Год 1843 — цена сомнений	217
От «стада нищих дикарей» к «гарнизону осажденной крепости»	239
«Мысли о делах наших на Кавказе»	258
Кавказ: земля и кровь	300
Эхо Кавказской войны, или Смыкающиеся крайности	324

Приложение

<i>Г. Лисицына. Поход гр. М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год)</i>	<i>347</i>
<i>Воспоминания генерал-майора Августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 года</i>	<i>360</i>
<i>И. Грозова. Дневник офицера</i>	<i>377</i>
<i>Дневник поручика Н. В. Симановского 2 апреля — 3 октября 1837 г., Кавказ</i>	<i>381</i>
<i>Воспоминания участников и свидетелей Кавказской войны. Библиография</i>	<i>430</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>459</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>460</i>

Яков Аркадьевич Гордин

Кавказ: земля и кровь

Россия в Кавказской войне XIX века

Художник Владимир Гусаков

Корректор Нина Виноградова

Компьютерная верстка Ильи Байдакова

ЛР № 062572 от 15 июня 1998 г.

Подписано в печать 19.07.2000. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 31,8.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1268.

АОЗТ Журнал «Звезда». 191186, Санкт-Петербург, Моховая, д. 20.

Отдел реализации (812) 273-76-92.

Макет изготовлен ООО «Евро-Дом».

Отпечатано с фотоформ в ГПП «Печатный Двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.